

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ФБГОУ ВО «БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»

Д.М. АБДРАХМАНОВ, А.М. БУРАНЧИН, И.В. ДЕМИЧЕВ

**АРХАИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА**

УФА-2016

ББК 60.02
УДК 1:316
А13

*Исследование проведено в рамках гранта РГНФ №15-13-02001 а(р)
«Архаизация российских регионов как социальная проблема
(на примере Республики Башкортостан)»*

Рецензенты:

Академик РАН и АН РБ, доктор философских наук,
профессор Ф.С. Файзуллин
Член-корреспондент АН РБ, доктор социологических наук,
профессор М.Д. Киекбаев

Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016. – 404 с.

В монографии рассматриваются актуальные проблемы архаизации российских регионов в контексте модернизации современного общества. Исследованы теоретические подходы сложившихся концепций архаизации. Освещены вопросы сохранения и устойчивого развития регионов в условиях политических, социально-экономических и культурных трансформаций.

Книга предназначена для социологов, политологов, культурологов, философов и всех интересующихся проблемами современного состояния российского общества.

ISBN 978-5-9613-0439-8

© Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В., 2016

ВВЕДЕНИЕ

Распад в конце XX века советской системы и всего блока социалистических стран не только изменил геополитическую картину мира, но и, как казалось многим в тот момент, окончательно, наглядно, доказал верность линейной теории модернизации в ее европоцентристском и прогрессистском варианте. До последнего момента подавляющая часть, как мирового, так и российского научного сообщества считала неизбежной и закономерной обусловленность исторического перехода от традиционного общества к обществу современному, законченной формой и образцом которого является западноевропейская цивилизация.

Однако постепенно данная концепция стала вновь подвергаться критическому анализу, в том числе и в западной социологии. На рубеже XX-XXI вв. представления о множественности модерна и неевропейском модерне стран традиционного типа получили широкое распространение в научной мысли и составили реальную конкуренцию идее догоняющей модернизации. Этому немало способствовали экономические достижения стран незападного мира, прежде всего «японское экономическое чудо», а затем и очевидные успехи Сингапура, Китая, Южной Кореи и др., которые заставили исследователей перестать отождествлять современность с модерном западного образца и его атрибутами, прежде всего демократией и либерализмом.

В российской общественной и социологической мысли 2000-х гг. стало постепенно утверждаться представление о необходимости новой методологии и категориального аппарата для осмысления специфики исторического развития и институционального порядка в нашей стране. Цивилизационный подход как научный дискурс, альтернативный линейной догоняющей модернизации, постепенно стал привлекать внимание исследователей. Данная парадигма стала рассматриваться как методология, позволяющая не просто выявить особенности институционального и

социокультурного развития России в исторической ретроспективе, но и раскрыть причины проблем и противоречий постсоветских трансформаций, а также возможный вектор будущего.

Для России такая переоценка совпала с коренными изменениями в области внешней и внутренней политики в рамках консервативных реформ инициированных властью с приходом В.В. Путина. Во многом заданная сверху научная и общественная рефлексия в данном направлении, последовавшая маргинализация радикально-западнического либерального дискурса, а также трагические события на Украине, привели к мощной актуализации, как практик связанных с традиционализмом, так и поиска новых форм национальной идентичности.

Сегодня это уже демонстрируют и установки массового сознания. Если в начале постсоветского транзита представления о благотворности заимствования западных институтов и ценностей пользовались сочувствием среди россиян, а самобытность России воспринималась как «историческое проклятие», то постепенно ситуация качественно изменилась. Социологические опросы свидетельствуют, что большинство россиян не ощущают себя европейцами и не считают западный путь развития подходящим для нашей страны. По данным Института социологии РАН, в 2011 г. 2/3 опрошенных считали, что «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни».

Произошедшая в нашей стране реанимация архетипического массового сознания, проявляющаяся в ценностях укрепления державы, антизападничества, русского мира, идеи сильного государства с опорой на традиционные ценности, стали новой реальностью путинской России. Российское традиционное общество, в широком понимании этого слова, проявило не только свою потенциальную силу, но и в значительной мере стало устойчивой базой сложившейся государственности.

Носит ли этот трансформационный сдвиг временный или даже имитационный характер? Заданы ли они действующей властью или

являются отражением глубинных социокультурных процессов? Что это: восстановление традиции или взрыв архаики? Вот вопросы, которые стоят сегодня на повестке дня, и крайне важно вести исследования в этой области не с идеологических или ангажированных позиций (либеральных или консервативных), а в строгих рамках академической науки.

В этих условиях особую актуальность сегодня приобретает изучение процессов архаизации в социально-экономической, политической и культурной сферах жизни российских регионов.

В теоретическом плане феномен архаизации представляет собой следствие исчерпания или упадка социокультурных практик Модерна и конкретно – индустриального общества (в частности, национального государства, наукоцентричной культуры, больших «технических» структур администрирования, нормативного порядка и т.п.). Отход от принципов Модерна приводит к общему откату массовой социальной практики к институциональным формам предыдущей общественной организации – Премодерну, что, в свою очередь, не только повышает степень конфликтности, вызванной рассогласованием стереотипов поведения различных общностей, но и размывает социокультурную базу поддержания и воспроизводства техносферы общества.

Архаизация общества является индикатором кризисности социальной трансформации. При этом данный индикатор не должен расцениваться как однозначно негативный, катастрофический. С точки зрения макроисторических, эволюционных процессов, архаизация как отступление к архаической культурной программе выживания людей выступает своеобразным социальным механизмом самозащиты общества в условиях социальной неопределенности, анархии, аномии. И, несмотря на усложнение трансформационных процессов, которое придает им сама архаизация, последняя не является непреодолимым процессом. Однако, вопрос о способах ее преодоления во многом пока остается открытым, так же как и не решены полностью для гуманитарного научного знания вопросы о

перспективах успешной модернизации традиционных обществ, в том числе России. Очевидно лишь, что модернизационные реформы, социальные трансформации не могут и не должны отрицать культурной специфики обществ, они должны учитывать ее и опираться на нее. Гибкость и последовательность социального реформирования обусловят не болезненную реакцию, «восстание» архаики, а ее присутствие в общественном менталитете, картине мира и затем – к постепенному отходу, «преодоленности»¹.

Согласно А.С. Ахиезеру, «архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности»².

Подобными локальными мирами сегодня выступают общности, формирующие собственные аксиологические системы и модели поведения. Посредством этого они разрушают общую социокультурную систему и насаждают примитивные потребности и интересы. Происходит возврат сознания к привычному набору смыслов и идентификаторов. Такого рода сознание на базе архетипов конструирует комфортный мир, в котором нет экзистенциальных проблем и преобладает мифологическое мировоззрение, обеспечивающее подлинное бытие.

Однако было бы серьезной методологической ошибкой считать, что архаика относится исключительно к доцивилизационному этапу исторического развития и существует в настоящее время лишь в качестве некоего пережитка, не оказывающего сколько-нибудь заметного воздействия на постиндустриальный социум, на инновационное и глобализирующееся общество. Эта позиция, приобретшая для многих гуманитариев статус «само

---

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) // Автореф. дис. ... док. филос. наук. М., 2011.

² Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89.

собой разумеющейся» научной истины, базируется на однолинейной, однозначно-прогрессивистской модели историко-культурного процесса и концептуализируется в настоящее время в различных теориях модернизации – «догоняющей», «органической», «разнофазной» и т.д. Однако разворачивающаяся на наших глазах глобализация явно фиксирует возникновение целой сети устойчивых демодернизационных эффектов, и прежде всего в сфере культуры. Так, сетевая структура постиндустриального социума, о которой убедительно писал М. Кастельс, порождает и «свое другое», целые системные области доцивилизационного мышления и действия (здесь достаточно привести пример мирового терроризма, обладающего гибкой и глобальной сетевой структурой, широко использующего Интернет и, одновременно, воспроизводящего самые архаические формы исламского фундаментализма).

Глобализация во многих странах осуществляется через модернизацию, причем не органическую, а «догоняющую», и на этом пути возникают феномены, явно противостоящие современности. Речь идет о процессах архаизации, возникающих в кризисном, переходном обществе, когда, если следовать диалектической традиции, старое качество разрушается, но еще не исчезло, а новое возникает, но еще не возникло. Разрушение господствовавших в обществе культурных норм, правил и способов поведения ведет к обнажению старых, архаических пластов культурной жизни.

Важным признаком архаизации российского государства является и слабый инновационный потенциал развития. К примеру, в 2014 г. в Глобальном индексе инноваций (ГИИ) Россия занимала 49-е место из 143. По показателям доли инновационной продукции, ее внедрения на российских предприятиях и доли принципиально новых для рынка товаров Россия в разы отстает и от экономически развитых стран, и от Китая. Сами россияне прекрасно отдают себе отчет в отставании страны: так, в 2010 г. более половины респондентов были согласны с тем, что наша страна слабее

развитых стран мира в области внедрения инноваций в промышленности, и еще больше – почти 2/3 – высказались подобным образом об уровне внедрения технических новинок в повседневную жизнь. При этом анализ индикаторов ГИИ свидетельствует о том, что в 2014 г. одной из сильных сторон России были качество человеческого капитала (30-е место) и развитие знаний и технологий (34-е место), в то время как мешали развитию несовершенные институты (88-е место), низкие показатели творческой деятельности (72-е место) и развития внутреннего рынка (111-е место)¹.

Это говорит о том, что для динамичного развития страны, а также преодоления растущих архаических тенденций, еще существует определённый запас прочности в виде человеческого капитала, однако данный ресурс явно не используется государством в полной мере.

Вместо этого в обществе укрепляются патерналистские настроения, которые с одной стороны стабилизируют ситуацию, с другой – блокируют запуск механизмов внутреннего развития. Как показывают социологические исследования, «в политических ориентациях россиян в последнее время активно прослеживается запрос на «сильное государство» и «твёрдую руку в управлении»².

Более того, политические предпочтения россиян уже не соответствуют шаблонам, сложившимся в течение двух предыдущих десятилетий, а также отличаются внутренней противоречивостью. С одной стороны, все более четко оформляется запрос на улучшение качества жизни и управления, на борьбу с коррупцией и другими негативными явлениями. С другой – налицо неверие в собственную способность что-либо изменить. Отсюда появляется и все более четко артикулируется запрос на жесткую руку на фоне латентного недовольства существующим положением вещей. При этом парадоксальным образом авторитарный запрос больше характерен для

---

¹ Глобальный индекс инноваций 2014 года / Центр гуманитарных технологий // <http://gtmarket.ru/news/2014/07/18/6841>

² Салин П.Б. Трансформация политических предпочтений россиян: социально-политический анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. М., № 3 (23), 2016. С. 27.

жителей Москвы и Санкт-Петербурга, а не провинции, что ломает сложившиеся стереотипы в этом вопросе¹.

Мировоззренческая же проблема современной России состоит в том, что происходит все более широкое распространение мифологического мировоззрения в ущерб более высоким формам мирозерцания. Рациональное (философское) мировоззрение присуще все более уменьшающемуся числу индивидов, религиозная форма, как представляется, так и не обрела оформленные черты и все чаще выступает видом мимикрии мирозерцания мифологического. Соответственно в массовом сознании россиян фрагментированно сочетаются мировоззрения религиозное, рациональное и мифологическое (в наибольшем объеме). Разумеется, отдельные личности могут иметь целостную форму, однако таких людей становится все меньше.

Таким образом, в России постепенно происходит процесс изменения ткани социального и политического бытия. Все сильнее проявляются негативные тенденции, означающие реанимацию архаических общественных практик и генерирование «малых» социальных связей, сопротивление инновациям, эскапизм и уход от различных форм социальной активности. Научно-технический прогресс приспособливается под архаическое сознание, образованность становится уделом избранных. Это может грозить, уже в ближайшей перспективе, разложением общего социального пространства и масштабной деградацией социума.

В настоящей монографии исследователи постарались выявить и описать современные социально-экономические, политические и социокультурные процессы, связанные с архаизацией регионов Российской Федерации.

Проблема архаизации российского общества является сегодня одной из наиболее актуальных, но малоизученных тем современной гуманитарной науки. В условиях глубинных социальных трансформаций, попыток со

---

¹ Салин П.Б. Указ. соч.

стороны государства поднять работу общественных, экономических политических институтов на качественно иной уровень развития, осуществить полноценную модернизацию, проблема архаики, то есть контмодернизационного полюса в социальной динамике должна стать объектом более пристального научного внимания.

Одним их явных противоречий социально-экономического, политического и социокультурного развития страны, проявившихся с началом реформ В.В. Путина, можно считать опасную тенденцию возрастания элементов архаики, прежде всего, в социальном пространстве регионов Российской Федерации. Возвращение к привычной модели «консервативной модернизации» сделало проблему архаизации актуальной главным образом на региональном и локальном уровне, поскольку исторически роль городов, «городской культуры», как центров модернизации, продолжает оставаться там на втором плане.

Несмотря на то, что данная проблематика получила определенное развитие в современной российской социологии благодаря А.С. Ахиезеру, В.Г. Федотовой, К. Костюку, Б.С. Ерасову, Ч.К. Ламажаа, А.Л. Янову, В.П. Булдакову, Н.Н. Зарубиной и др., в них достаточно мало уделено внимания региональным аспектам указанной темы.

Таким образом, работ по исследованию архаики в социальном пространстве регионов России за редким исключением (например, тувинского общества) практически нет, как нет и четкого понимания решения этой сложной социальной проблемы.

В настоящей монографии, помимо общих аспектов архаизации, рассмотрена проблема архаизации регионов, в том числе на примере Республики Башкортостан, как национально-территориального образования РФ со своим социокультурным ландшафтом, где, начиная с постсоветского периода, архаика стала влиятельным фоном общественно-политического и культурного развития.

Первый раздел, написанный кандидатом философских наук Д.М. Абдрахмановым, посвящен обзору теоретических исследований феномена архаизации. Автор анализирует сложившиеся подходы, которые существуют в настоящий момент в российской гуманитарной науке при изучении данного явления, в том числе вопросы архаизации в постсоветских республиках и риски, связанные с инокультурной миграцией. Во втором разделе кандидатом философских наук И.В. Демичевым рассмотрены проблемы архаизации в контексте кризиса модернизационного перехода, дана типология архаических идентичностей в постиндустриальном обществе.

Наконец, в третьем разделе кандидатом исторических наук А.М. Буранчиным исследуется проблема влияния архаики на политические, экономические и социокультурные процессы, притекающие сегодня в Республике Башкортостан, включая аспекты связанные с развитием современного башкирского общества.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХАИЗАЦИИ*

1.1. Постановка научной проблемы архаизации в современном обществе

Данный раздел посвящен обзору теоретических исследований феномена архаизации. В последнее время наметился рост интереса к данной проблеме, в то же время она, по нашему мнению, до сих пор не является предметом широкой научной дискуссии. Как нам представляется, важно разобраться в предмете имеющихся разрозненных исследований процессов архаизации – архаизации регионов, массового сознания, общества и т.п.

Не вдаваясь в подробное описание сути и особенностей глубокого социального и культурного кризиса, который переживает как Россия, так и значительная часть человечества, отметим, что вопрос сущности кризиса человека и человечества на протяжении всего XX века находится в центре внимания представителей всех направлений гуманитарного знания, разнятся подходы и аспекты, в которых осмысливается этот кризис, и лишь его тотальность никем не ставится под сомнение.

В современной социологии предложено немало концепций относительно зависимости социальных процессов (трансформаций, изменений) от прошлого¹. Одни авторы акцентируют внимание на инертности социальных институтов, другие подчеркивают стабилизирующую функцию национальной культуры и менталитета. О. Куценко и А. Горбачек пишут о наличии «ценностно-поведенческой матрицы как долгосрочной структуры, которая определяет господствующие

---

* Автор раздела – кандидат философских наук, доцент Д.М. Абдрахманов.

¹ Ядов В.А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47-50.

в обществе ценностные ориентации на социальный порядок, способы его легитимации, идентичность и социальную активность»¹.

В современном научном лексиконе утвердилось предложенное К. Поланьи разделение институтов на базовые и периферийные: если базовые поддерживают традицию, то периферийные обеспечивают адаптацию к меняющимся условиям жизнедеятельности данного социума. Развивая идею К. Поланьи, С. Кирдина пишет о базовых и периферийных институциональных матрицах².

Важно также заметить, что люди в своем восприятии жизненного мира руководствуются социальными представлениями. Как отмечает С. Московичи, «Индивид не столько мыслит сам, сколько актуализирует в себе опыт прошлых поколений, цитирует их социальный опыт мышления. Он как бы мыслит заново уже помысленное до него»³. Поэтому можно сказать, что наши социальные представления так или иначе связаны с особенностями менталитета.

При анализе проблемы архаизации необходимо сравнивать параллельные процессы модернизации и архаизации. Проблема модернизации – это не чисто академическая проблема. Исследования модернизации включены в более широкий идеологический и ценностный контекст. В начале XX века появились теории, которые предрекали скорую гибель Запада и созданной им модернистской технотронной цивилизации (О. Шпенглер), наступление эпохи «восстания масс», «нового варварства» (Х. Ортега-И-Гассет). В среде западных интеллектуалов появились даже сторонники возврата к средневековью, восстановления традиционной цивилизации Запада (Р. Генон, Ю. Эвола). Они отвергали идею прогресса, указывали на оборотные темные стороны западной модернизации.

---

¹ Куценко О.Д., Горбачек А.П. Постимперские регионы: ассоциированная зависимость в развитии Восточной Европы // Мир России. 2014. № 1. С. 79.

² Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭИ ОПП СО РАН, 2001.

³ Московичи С. Век толп. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1996. С. 98.

Как отмечают башкирские исследователи, традиция зачастую стремится противостоять и препятствовать архаике. Другими словами, в противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении с ней традиция более рациональна, более очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры ее вытесняет архаика. При развитии культуры, наоборот, традиция вытесняет архаику. Однако победа архаики всегда означает поражение Модерна. Главная черта архаики – неспособность к саморазвитию, к конструктивным изменениям. Парадоксальным же является то, что при этом «архаика сама может быть источником модернизации и разрушения традиции»¹.

Следует отметить наличие диссертационных исследований по исследуемой проблематике, это докторская работа Ч.К. Ламажаа «Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена)»², первое крупное социально-философское исследование такого рода, и докторская диссертация Ю.Ю. Першина «Архаическое сознание: сущность и принципы»³, в работе последнего дан хороший обзор зарубежных теорий и основных методологических подходов. Дабы не повторять работу коллег, мы позволим себе остановиться на нерассмотренных работах и аспектах проблем архаизации.

Среди рассмотренных нами работ ни в одной архаизация не воспринимается как исключительно положительное явление, как правило, присутствуют два основных подхода – архаизация как явное зло, как демодернизация и негативный откат назад и архаизация как способ / инструмент защиты от агрессивного меняющегося настоящего.

---

¹ Буранчин А.М., Вахитов Р.Р., Демичев И.В. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан. Уфа: Дизайн-Пресс, 2014. С. 120.

² Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) / Автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 2011. 43 с.

³ Першин Ю.Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы / Автореф. дис... д-ра филос. наук. Омск, 2014. 40 с.

А.А. Сошников отмечает, что «субъект пребывает под властью опыта, который исторически сложился в слоях культуры в более простых условиях и, соответственно, опирается на решения, не соответствующие новой ситуации. Словом, архаизация – это форма регресса, в которой программы жизнедеятельности имеют специфический характер господства тех локальных миров, которым неизвестна модернизация как культурная ценность»¹. В то же время Ю.Ю. Першин отмечает: «... представляется, что в поисках себя самого целостного и гармоничного, человек может либо далее продолжать попытки построения концепций, которые зачастую демонстрируют свою несостоятельность, неадекватность и ведут к разрушению человека, либо попытаться обратиться к своим истокам. Думается, что именно второй путь наиболее плодотворен, так как здесь человек сможет заново рассмотреть и понять себя изначального, найти тот момент, когда потерял себя, свою глубинную связь со Вселенной, исказил смысл своего существования. Но при этом ему следует не просто очередной раз выдвинуть лозунг «назад к ...», а обратиться к архаике как своему сущностному состоянию, моменту своего рождения, основанию целостного мировосприятия и мировоззрения, этапу, с которого можно попытаться задать и собрать себя заново».

Важно отметить и существенное внешнее влияние на модернизационные изменения российского социума, которое часто носит резко отрицательный характер, проявляющийся в стремлении некоторых реформаторов к насаждению в России чужеродных институтов и ценностей.

Таким образом, проблемы неустойчивого состояния современного российского общества не ограничиваются эмпирически фиксируемыми проявлениями, они затрагивают основополагающие, фундаментальные пласты социальной жизни, а именно: субстанциональные проблемы взаимоотношений меняющегося социума и личности, самоидентификационные процессы адаптирующегося индивидуального сознания, проблемы социализации

---

¹ Сошников А.А. Феномен контрмодернизма: архаизация культуры в постмодерном обществе (украинская версия) // Теория и практика общественного развития, № 8, 2013. С. 22-23.

личности в условиях разрушающегося этоса, формы и методы преодоления индивидом аномического отчуждения. Эти проблемы общества носят комплексный, макросоциальный характер, обусловлены особым, специфическим типом взаимоотношений личности и общества в этих условиях.

1.2. Историография изучения проблем архаизации

По словам В.Г. Федотовой об архаизации российского общества, о прорыве архаики сегодня во всех сферах общественной жизни говорят достаточно много, это одна из актуальнейших тем отечественного обществознания. Однако вот уже более двадцати лет тема архаизации, захлестнувшей наше общество, не находила достойного места в научном дискурсе. Очевидно, что определенную роль сыграл тот факт, что архаика и архаизация недостаточно изучены социальными науками Запада, будучи сформированными в XIX в. – веке индустриализации и формирования современного общества. Науки обратились к изучению этих инноваций, не предполагая значимости и возможности архаизации в будущем¹.

Современное российское общество, находящееся в условиях глубинных социальных и политических трансформаций сталкивается с множеством деструктивных факторов, противодействие которым становится важной задачей и условием выживания всей социальной системы. В ряду негативных явлений захлестнувших Россию можно выделить возрастание активности экстремистских социальных и религиозных течений, снижение уровня этнической толерантности, рост употребления психоактивных веществ, суицидов, сложнопрогнозируемое влияние внешней миграции, аномию, архаизацию социальных структур и пр. Что делает крайне актуальным проблему разработки механизмов противодействия негативным формам, возникающим в ходе модернизационного развития, поскольку рост

---

¹ Федотова В.Г. Кризис модернизации и архаизация общества // Знание. Понимание. Умение. 2013, № 1. С. 309-313.

социальной энтропии нуждается в определении масштабов и разработке действенных технологий упорядочения нелинейных, порой хаотических процессов.

В отечественном социальном знании к проблематике архаизации как реакции на модернизацию общества сверху, неадекватную потребностям и возможностям масс, обращались А.С. Ахиезер, Б.С. Ерасов, А.С. Панарин и др.¹ Осмыслением проблемы связанной с актуализацией архаики в нашей стране занимались такие исследователи, как А.П. Давыдов, К. Касьянова. Если у А. Ахиезера и А.П. Давыдова к архаике относится расколотость, полярность российской культуры, затрудненность медиации или нахождения срединной культуры, то, по мнению К. Касьяновой, архаика носит эмоционально окрашенный характер и базируются, прежде всего, на идеях, «которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций («сентименты»)». Проблематика – революций, прогресса и регресса, столкновения традиций и объяснения инноваций, – которой так увлечены специалисты по Новой и Новейшей истории, давно стала прозой для археологов и антропологов, постоянно генерирующих все новые и новые теории на сей счет. В социологии данная проблема давно и детально изучена в работе П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика». Парадоксальность, кентавричность современного общества рассматривается в работах Ж.Т. Тощенко².

По мнению А. Ахиезера архаика возникает в тот момент, когда общество на «усложнение проблем соответствующего субъекта не рождает адекватного творческого потенциала», а вместо трудного поиска ответов на вызовы времени резко, инверсионно возвращаются к прежним ценностям³.

---

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997; Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002; Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.

² Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

³ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 23.

Обычно архаика связывается с древними, примитивными формами культуры и социальной жизни. Но это не значит, что с развитием и усложнением обществ она исчезает. В реальности она лишь отступает, становясь редуцированным элементом традиции. Примитивные социальные формы, зафиксированные в традициях, соответствуют примитивным уровням психики. Усложнение социальных форм и традиций требует более глубокой культурной проработки психики. Но простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, застраиваются более высокими слоями.

В конечном итоге основным фактором, погребаящим архаические слои сознания, по мнению специалистов, является традиция. Как пишет К.Н. Костюк, традиция – это, прежде всего, «защита против хаоса в индивидуальном сознании. Она противостоит как деструктивному давлению хаоса подсознания, так и давлению модернизации, направленному на конструктивную перестройку устоявшихся слоев культурного сознания»¹.

Другими словами в противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении с ней традиция более рациональна, более очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры ее вытесняет архаика².

Влияние архаики особенно ярко проявляется сегодня в коррозии новых социальных институтов и очевидно деградирующем характере социального развития.

Как показал в свое время А.С. Ахиезер, архаизация – это результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых

---

¹ Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре // <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.

² Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск 3 (19). 2014. С. 94-101.

условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Современной причиной архаизации признаются те человеческие усилия, которые осуществляют модернизацию, расходящуюся с существующей в данном обществе культурой. Сегодня мы наблюдаем еще один поворот к архетипу Революции в российском сознании, с верой (неверием) в правителя, от которого, по мнению населения, все и зависит. Это ведет к архаике группирования, отнесения себя к кланам и группам в большей мере, чем к пониманию и трезвой оценке ситуации. Даже большинство политических телевизионных программ построено в большей мере на борьбе групп, чем на конфронтации идей.

Можно сказать, что классический модернизационный путь к единству человечества, к праву всемирного гражданства пока как не сложился вследствие глобализации, так и оборвался на пути модернизации, вытесняясь культурно особенными путями развития и не всегда существующей возможностью договориться, понять друг друга, чтобы избежать войны¹. В схожем ключе о сворачивании проекта Модерна писали А.С. Панарин, С.Г. Кара-Мурза, С.С. Сулакшин и др.

Серьезный интерес представляют исследования Ч.К. Ламажаа по архаизации общества в период социальных трансформаций, в частности социально-философский анализ тувинского феномена. В частности ею отмечается, что «история показывает, что возрождение архаики само по себе не является деструктивным процессом. Наоборот, это ресурсосберегающий и обеспечивающий выживание социальный механизм, который за счет максимального упрощения упорядочивает социокультурную жизнь, позволяет обществу, группам, индивидам сохранять свою идентичность и социальный порядок в кризисных условиях» и «гибкость и последовательность социального реформирования обусловят не болезненную реакцию, «восстание» архаики, а ее присутствие в

---

¹ Федотова В.Г. Кризис модернизации и архаизация общества // Знание. Понимание. Умение. 2013, № 1. С. 309-313.

общественном менталитете, картине мира и затем – постепенный отход, «преодоленность»¹.

Важнейшее, если не главное, проявление архаизации, заключается в том, что культура, культурные программы архаичного типа, имманентные догосударственным локальным мирам, оказываются значимыми, даже господствующими в культуре государства, большого общества. Налицо историческая слабость городской культуры, городского образа жизни, городских ценностей, очагов интеллектуализации, т.е. именно того, что могло бы в перспективе стать соразмерной силой, противостоящей архаизации.

А.С. Ахиезер² писал, что «столкновение архаизации и прогресса происходит, прежде всего, между культурными ценностями, формами образа жизни, отличающимися друг от друга ориентацией на статику и динамику. Единственное кардинальное средство против негативных явлений подобного рода – развитие диалогизации как системы определенных отношений, так и (суб)культуры. Добиваться этого можно и путем формирования соответствующих институтов, и развивая в расколотых элементах общества способности к принятию общих решений».

К. Костюк исходит из того, что архаика обычно идентифицируется с очень древними и примитивными формами культуры и социальной жизни. Но это не значит, что с развитием и усложнением обществ она исчезает. Она отступает, становясь редуцированным элементом традиции. Примитивные социальные формы, зафиксированные в традициях, соответствуют примитивным уровням психики³.

Кризис модерна С. Кургинян связывает с наступлением антропотехнического барьера, который заключается в том, что развитие технической среды, в которой обитает антропос, идёт вверх, а сам антропос

---

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) / Автореф. дис. докт. филос. наук. – М., 2011. – 43 с.

² Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 97.

³ Костюк К. Архаика и модерн в российской культуре // *Социологический журнал*, 1999, № 3-4 // <http://www.spasi.ru>

остаётся на месте (или идет вниз). Нарастают антропотехнические «ножницы». Человек не меняется, а среда стремительно развивается. И решением этого конфликта может стать либо опрокидывание прогресса и погружение в контрмодерн, либо такое развитие человека, которое сделает возможным прорыв на новый уровень сложности, называемый автором сверхмодерном¹.

Таким образом, контрмодерн не просто отказывается от научно-технического и социального прогресса, права человека на индивидуальный выбор, личное счастье и так далее. Он, в отличие от премодерна, стремится не допустить возникновения самих предпосылок к возвращению на путь развития. И, несмотря на то, что контрмодернистская философия еще не стала по-настоящему весомым явлением, многообразие и повсеместность тенденций архаизации свидетельствуют о том, что контрмодерн в качестве глобального исторического проекта и реальной (и предельно негативной) перспективы для всего человечества вполне возможен в обозримом будущем. Всестороннее исследование, как отдельных проявлений архаизации, так и контрмодерна в качестве глобального явления вследствие этого актуализируется как для выработки адекватной методологии анализа современности, так и для выработки механизмов недопущения подобного сценария.

Как пишет А.Г. Вишневецкий², архаика социальной пирамиды отзывается архаикой политической жизни. Европейский средний класс утверждал свою силу и власть, свою систему ценностей в ходе длительной политической борьбы против силы, власти и ценностей средневекового, сельского, дворянско-крестьянского мира. Она консолидировала средние слои, научила их отстаивать свои интересы, создала свойственную им политическую культуру и политическую традицию. В современной России потенциальный средний класс – значительная часть городских слоев, по

---

¹ Кургиян С.Е. Русское ноу-хау, или Чем занимались коммунисты [Электронный ресурс]. URL: <https://eot.su/RedSenses/section/kontrmodern>

² Вишневецкий А.Г. Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 17-25.

ряду характеристик (многие черты образа жизни, воспитания, психологии, ценностных ориентаций, уровень образования, профессиональный состав и пр.) более или менее адекватных западному среднему классу, не соответствует ему по своему положению в социальной пирамиде. Он все еще сконцентрирован в ее массивной нижней части, не находит своего места на рынке ни в качестве продавца, ни в качестве покупателя, не вовлечен в модернизационные реформы и поэтому мало в них заинтересован.

Рождается всякая новая культура со своим уникальным набором признаков случайным и непредсказуемым образом. Гибнет закономерно. В этом смысле традиция как основной транслятор внегенетической информации, возникающая в момент рождения того или иного «порогового смысла», является ничем иным, как «запрограммированным самоубийством культуры». Традиция как инструмент адаптации культуры, появившись в определенных условиях ситуативных конкретно-исторических вызовов, с каждым новым шагом во времени утрачивает свою пластичность и адекватность изменяющейся внешней и внутренней среде, становясь во всякой культуре основным инструментом репрессивности, табуирования, неспособности пластично приспосабливаться¹.

В научном журнале «Социологические исследования» за 2015 г. опубликован цикл статей «Социальноэкономическая и социокультурная модернизация регионов России», который опирается и подытоживает результаты нескольких исследований. Прежде всего это Всероссийский мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня», инициированный Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, Программа «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (с 2005 г.), ядром которой стало создание «Социокультурных портретов регионов Российской Федерации», в ней участвуют коллективы кафедр ведущих университетов и сотрудники НИИ почти 30 регионов. С 2011 г. стал использоваться инструментарий Центра исследования

---

¹ Ткачук М. Грядущее прошлое или настоящее будущее? Левая реформация против либеральной архаики // Status rerum. 2015. № 2 (1650). С.14.

модернизации Академии наук Китая (ЦИМ АНК, руководитель – проф. Чуаньци Хэ), который с 2001 г. применяется для измерения стадий и фаз модернизации в 130 странах, включая Россию. Опираясь на него, ЦИСИ сконцентрировал внимание на исследовании процессов модернизации в контексте социокультурной эволюции России и ее регионов. Эта работа ведется также с использованием методологии и результатов Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (2012-2014 гг.) «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (координатор – академик В.М. Котляков). В рамках этой программы осуществляется подготовка первого «Атласа модернизации России (социоэкономическая и социокультурная компоненты)». В своей статье Н.И. Лапин отмечает, что «реальность состоит в том, что модернизация есть переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами»¹. Модернизация – несбалансированный процесс цивилизационных изменений. Не только в России, но и в каждой стране она совершается неравномерно. Даже когда все показатели первичной модернизации для страны достигают 100% от стандартных, это не означает, что такого результата следует одновременно ожидать в каждом её регионе. Модернизация каждого региона зависит от выбора ее способов населением, органами управления, – его нельзя навязать, но ему можно способствовать или препятствовать.

Ранее в другой своей работе Н.И. Лапиным указывалось, что «социокультурная компонента есть совокупность культурных и социальных изменений жизнедеятельности человека. Это формирование и утверждение таких базовых ценностей, в центре которых находится развитие человека как личности, его прав и свобод. Их утверждение в повседневной жизни обеспечивается достижением достойных содержания и условий труда, уровня и качества жизни людей, формированием новой социальной

---

¹ Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 6.

стратификации и таких социальных институтов как наука, образование, медицинское обслуживание. Это непосредственно человеческая компонента модернизации, исторически развивающаяся предпосылка и составляющая обеих ее стадий – индустриальной и информационной. Эта компонента тесно связана с институционно-регулятивной, которая нередко рассматривается как часть широко понимаемой социокультурной модернизации. Их опережающее и взаимосвязанное развитие дает старт осуществлению других компонент. Сначала изменяются институционно-регулятивные условия жизнедеятельности людей, благодаря которым люди и осуществляют модернизацию»¹.

Не может быть модернизации страны без модернизации ее регионов. Поэтому необходимо уяснить состояния их модернизированности. Анализ данных Росстата, систематизированных согласно инструментарию ЦИМ АН Китая, который был адаптирован к российской статистике, позволил выделить шесть основных состояний (типов) модернизированности российских регионов. Каждое такое состояние (тип) является комплексным: включает соответствующие уровни осуществления каждой стадии модернизации (индустриальной и информационной) и фазы их эволюции.

И.Г. Яковенко говорит о фатальном расколе российского социума и даже о появлении в России двух народов с качественно отличными ментальными характеристиками. И.Г. Яковенко считает этот раскол производным от раскола цивилизационного – локальная русская цивилизация разрывается между западноевропейским влиянием и византийско-евразийской матрицей культуры². Автор считает стремление к социальной и культурной архаизации общим для всех стран, вступающих на путь поступательного развития. Позиция И.Г. Яковенко близка к пониманию И.В. Ихлова³: в рамках архаизации русскую цивилизацию ждет прозябание и

---

¹ Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. №7. С. 8-19.

² Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: Новые знания (при поддержке фонда Ельцина), 2014. 320 с.

³ Ихлов Е.В. Лесник в интеллигентском лесу // Власть. 2015. № 3. С. 188-191.

гибель. Модернизация, причем не консервативная, не «декоративная», но либеральная, имеющая целью снятие цивилизационного разрыва между Россией и Европой, интеграция в цивилизованный мир – это единственный путь к спасению, в том числе физическому. Потому что цивилизация живет в людях, и снятие (в гегелевском смысле слова) неадекватной культуры происходит вместе с ее носителями. Одним из факторов необходимости модернизации, по И.Г. Яковенко, становится и глубокий, уже на уровне кодов, межпоколенческий культурный разрыв – до почти полного непонимания.

Д.В. Сергеевым были выявлены три основные культурно-семантические стратегии: архаизация современности, осовременивание архаики, изобретенная архаика. Данные стратегии – реакция общества на особые исторические условия, чаще всего кризис (культурный, социальный, политический и пр. или их совпадение)¹.

Архаизация современности – процесс возрождения культурных явлений, при котором происходит апелляция к традициям культуры, их возрождение в новых условиях. Она предполагает обращение к культурным смыслам, которые уже устарели, находятся не в актуальной памяти этноса и его культуры, а на периферии. Требуются интеллектуальные усилия по их возрождению, но в этом случае они останутся понятыми только для части общества, которая, скорее, будет представлена элитой. Но возрождение смысла невозможно, а точнее бесполезно, поскольку на тот момент он уже отработанный материал истории культуры. При этом воскрешаемый элемент очищается и соединяется «с творением современной мысли, которое таким образом привносится в прошлое и освещается его авторитетами».

Осовременивание архаики, которое тоже может быть определено как возрожденческий процесс явлений культуры, но он носит принципиально иной характер. Процесс осовременивания архаики является объективно положительным, поскольку способствует вписыванию старых форм

---

¹ Сергеев Д.В. Соотношение смысла и ценности в контексте исследований «Возрожденческих» процессов в истории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. № 14. 2010. С. 261-265.

бытования смысла в новый современный контекст, что может помочь культуре выйти на качественно новый виток развития. Это позволяет сохранить преемственность, поддерживает идентичность коллектива на разных ее уровнях (культурном, этническом, национальном, групповом, региональном и пр.), с одной стороны, но при этом позволяет вести эффективный внутри- и межкультурный диалог смыслов – с другой. Объяснение заключается в том, что процесс осовременивания архаики направлен в отличие от архаизации современности на другую сторону смысла, на план его выражения. Возрождается оболочка, форма без его культурного смысла, который все равно остался бы непонятным современникам или тянул бы их в архаичное прошлое, мешая изменяться и приспосабливаться к новым трансформировавшимся условиям. В свою очередь, возрожденная оболочка наполняется новым живым культурным смыслом.

Принципиально отличным от этих возрожденческих процессов является изобретенная архаика, которая выступает процессом архаического ренессанса на основе конструирования или фальсификации своего культурно-исторического прошлого. Это стратегия реагирования на кризис, использующая технологию «удревнения культурных корней и культурных достижений своего народа»¹.

Французский ученый Р. Генон считал, что в таких случаях даже прибегают к фальсификации: «Не найдя никакой подлинной традиции, на которую можно было бы опереться, доходят до того, что придумывают псевдотрадиции, которые никогда не существовали...»². Механизм порождения псевдоистории, который мы обозначаем как изобретенная архаика, заключается в утверждении «своего мира путем подключения интенциональных каналов», что актуализирует мнимую память³. Данный

---

¹ Строгонова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х гг. XX в. Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001. С. 84.

² Guénon R. La crise du monde moderne. – Paris: Gallimard, 1964. P. 33.

³ Руднев В.П. Как был сделан «Винни Пух» // Милн А.А. Дом в медвежьем углу. Режим доступа: http://www.winnieosho.narod.ru/rudnev_sem.html.

процесс носит негативный характер, поскольку используется как препятствие для каких-либо изменений. Таким образом, смысл автономен по отношению к ценностям. Но как только происходит крушение ценностной системы (что равноценно гибели культуры или переходу на качественно новую стадию ее развития), смысл высвобождается и происходит его всепоглощающая творческая активизация, граничащая с абсурдом. По этой причине кризисные времена, смуты, исторический хаос ассоциируются с обесмысливанием и абсурдизацией жизни, карнавализацией и переворачиванием ценностных систем; все меняется местами, и то, что вчера считалось добром, оборачивается злом.

В контексте этих рассуждений становится понятным, почему люди начинают цепляться за уходящее прошлое, понятное и удобное для них. Стараясь вырваться из хаоса, они обращаются к традициям, истории, архаики как средству преодоления фрустрации, способу выхода из кризиса. Но, как нами было показано, это обращение может быть разным. Возрождение культурного смысла как указания на старые ценности, а следовательно, и восстановление последних, подобно восстановлению старого механизма, не способного справиться с новой социокультурной ситуацией.

Наиболее проработанными по проблемам архаики, архаизации являются исследования философов, филологов, искусствоведов, а также психологов, антропологов. По постсоветской социальной архаизации в России написано много работ, но определения сути архаизации встречаются редко¹.

Известно классическое манхеймовское понимание традиционализма как неотрефлексированной массовой реакции низов на изменения социума². Кроме того, традиционализм может быть определен и как своеобразная

---

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 88-93.

² Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Консервативная мысль, 1994 С. 593.

«народная идеология»¹. В.А. Ачкасов утверждает, что традиционализм является целостным естественным мировоззрением, в котором все историческое наследие общества выступает как значимая позитивная ценность².

А.Б. Гофман пишет, что в одном из подходов к теории традиционализма традиции трактуются как некие социокультурные гены (биологические «инстинкты» или эйдосы). Нередко в подобных интерпретациях понятие традиции сближается с понятием архетипа³. В этом случае традиционализм рассматривается как неосознанное обращение к прошлому. Другой же подход к традиционализму трактует традиции как процесс и результат конструирования, производства, изобретения, т. е. обосновывает сознательность субъектов (конкретных людей, социальных групп).

Польский исследователь Е. Шацкий противопоставляет традиционализм примитивный традиционализму идеологическому. С позиций идеологического традиционализма, пишет исследователь, «можно заниматься историей, примитивный же традиционализм, естественно, довольствуется мифологией»⁴.

Как пишет Л.Д. Гудков, неотрадиционализм «включает в себя: 1) идею «возрождения» России (тоска по империи, старческие сожаления и сетования о прежней роли супердержавы в мире); 2) антизападничество и изоляционизм, а соответственно – ревитализацию образа врага как функциональную составляющую собственных позитивных значений «русского»; 3) упрощение и консервацию сниженных представлений о

---

¹ Рюде Дж. Народные низы в истории, 1730-1848 / пер. с англ. Е.И. Бухаровой, А.О. Зелениной. М.: Прогресс, 1984.

² Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма. Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. статей. Вып. 1 /под ред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173-191; Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 160 с.

³ Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008. С. 17.

⁴ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 392.

человеке и социальной действительности»¹. Э.А. Паин считает, что идеология неотрадиционализма представляет собой отказ части интеллигенции от своих прежних идей, реконструирование элитой советских имперских стереотипов, которые затем получили массовое распространение и приобрели значимость в качестве электорального фактора².

Движение, идеология и практика неотрадиционалистов, теория неотрадиционализма направлены на возрождение традиций: и для адаптации общества в современных условиях, и для его эффективного развития, т.е. практически для его модернизации на основе логики собственной культуры. Именно в этом ключе понимают неотрадиционализм исследователи конкретных региональных обществ, культур, например А.И. Пика³, С.А. Мадюкова⁴. Последняя входит в исследовательский коллектив Института философии и права СО РАН (Новосибирск) под руководством Ю.В. Попкова, который занимается разработкой проблем социокультурного неотрадиционализма. Для новосибирских ученых неотрадиционализм выступает как диалектическое единство традиции и новации.

Категориальный аппарат «традиционализма» в его российском варианте рассмотрен в работе К.М. Товбина «Традиционалистская философия: версия Дугина», где в частности отмечается принципиальная особенность этой идеологии: «В традиционализме такая «Традиция» противоположна «традиции» как сложившейся национальной инерции. Это в корне разные понятия, так как «Традиция» (Священная, или Полная Традиция) есть излучение Священного, а «традиция» порождена историей как практикой удаления от Сакрального и попыток заменить Его антропоцентрическим и социоцентрическим содержанием. Это два разных

---

¹ Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Институт философии РАН, 2002. С. 129.

² Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / 2-е изд., доп. М.: Новое издательство, 2004. С. 71-72.

³ Пика А.И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. №11. С. 47-53.

⁴ Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.

понятия, и погружение в суть традиционалистской философии должно начинаться с уяснения этого факта»¹.

Стоит упомянуть о т.н. «неотрадиционализме», его мировоззренческая позиция не принимает инновационного подхода к развитию. Неотрадиционалисты говорят, что традиция – это первооснова человеческого бытия и деятельности, что благодаря традиции осуществляется духовное и культурное возрождение, преемственность поколений.

Попытки некоторых социальных групп апеллировать к традициям и акцентировать на них внимание вносят в общество противоречия. Такие попытки ведут общество назад, к прошлому и могут рассматриваться как демодернизационные процессы².

В современной философии культуры присутствует постоянное обращение к проблематике традиции и современности, традиции и эволюции, традиции и новации, традиции и развития, традиции и теории, традиции и дискурса, традиции как основе или, напротив, как препятствии прогрессу. Категория традиции широко используется в трудах философов, культурологов, социологов, этнологов, историков, лингвистов и литературоведов. И при этом следует констатировать, что в современном гуманитарном знании не существует единого понятия традиции и ее универсальной теории. Такая ситуация не только вполне объяснима, но и совершенно естественна³. В. Хёсле на основании определенных теоретико-методологических характеристик философского знания создает концепцию рефлексивной истории философской традиции. Его концепция должна быть признана образцом рефлексивной традиции в истории философии, поскольку существует опираясь на авторскую позицию исследователя,

---

¹ Товбин К.М. Традиционалистская философия: версия Дугина // Аналитика культурологии. 2014. № 3(30). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/> (дата обращения: 01.02.2015).

² Гладков О.Б. Традиционализм как проявление архаизации общественного сознания современного российского социума // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 80-84.

³ Шамов В.А. Проблема теории традиции в современной европейской и американской философии культуры: В. Хёсле, Д. Зильберман, С. Лэш / Автореф. дис. канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2006.

который насколько внешний наблюдатель, настолько и «персонаж» традиции, имеющий, по его мнению, право изменять, совершенствовать и развивать традицию во всех ее временных модусах. Традиция в данном теоретическом подходе является не только некоторой структурой объектного знания о прошлом, но постоянно изменяющимся в настоящем под воздействием автора-исследователя делом: будущего.

Д. Зильберман разрабатывал новый метод философствования, который он назвал «модальным методологизированием», или модальной методологией или «философологией» и основанные на нем концепции философии и теории традиции в философии культуры.

Д. Зильберман¹ предлагает новую модель рефлексивного философского знания как совокупности традиций – метод философского конструирования, активного отношения философии к миру и к себе самой. Основанием любой культурной традиции, анализируемой в контексте феноменологического подхода будет «традиция семантического пространства-времени человеческой экзистенции». На ее основании выстраивается типология культурной традиции, или типология модальностей традиции в рамках культуры, или типология «модальной реальности»: 1) «метафизика традиции»; 2) «феноменация традиции»; 3) «внутрикультурный абсурд» как неспособность помыслить традицию.

С. Лэш² создает «метафизическую» теорию традиции. Предметом его интереса является существование культурных традиций в информационном обществе. Он полагает, что теория ментальных традиций информационного общества становится «теорией непредвиденных последствий». С. Лэш оценивает традиции формирующегося информационного общества и его отличия от общества «модернити» и предшествующих ему форм культурно-социальной организации в категориях «нормы» и «ценности». Лэш полагает,

---

¹ Зильберман Д. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность / Д. Зильберман // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 71-104.

² Lash S. Sociology of Post-Modernism/ S. Lash. London: Routledge, 1995. 287 P.; Lash S. Another Modernity: A Different Rationality, Oxford, Maiden (Ma.): Black well Publishers, 1999. XV, 201 p.

что культура, как основание существования ментальных традиций может быть рассмотрена, как способная наблюдать саму себя самореферентная система не только в экзистенции человеческого бытия, но и в совокупности своих проявлений. Традиция представляет собой своеобразный поле-континуум, уникальными атрибутами которого являются неоднородность пространственности и изохронность временности «Стягивание», уплотнение в поле традиции приводит к возникновению рефлексивных сообществ традиции. Сообщества есть фрагменты целого, законченного, совершенного, «звенья» традиции, обладающие высоким уровнем идентичности, способностью к самореференции с твердо установленным пределом поля семантической вероятности, необходимости онтологического различения четырех типов традиций: «простые или доментальные традиции» «сложные, или квази-ментальные традиции», «сверхсложные, или культурные, или ментальные традиции». Предлагаемая классификация традиций не только системна сама, но находится в общем контексте синергетического осмысления онтологической теории и открывает для него широкие возможности.

Постметафизическое мышление не может понять само себя, если наряду с метафизикой оно не включает в собственную генеалогию религиозные традиции. При этом условии было бы неразумным откладывать в сторону упомянутые «сильные» традиции как до известной степени архаические пережитки, вместо того чтобы прояснять внутреннюю связь, которая сочетает их с современными формами мысли. Религиозные традиции по сей день обеспечивают артикуляцию осознания того, чего недостает. Они сохраняют чувствительность к тому, что дает сбои. Они предохраняют от забвения те измерения нашего общественного и личного сосуществования, в которых прогресс культурной и общественной рационализации вызвал безмерные разрушения. Так почему же религиозные традиции не могут содержать всё еще закодированные семантические

потенциалы, которые, преобразуясь в обосновывающую речь и раскрывая содержание своей профанной истины, способны обнаруживать вдохновляющую силу?¹ В индустриальном обществе удельный вес традиций достигал максимума именно в религии.

Ф. Артог напрямую датирует появление этой новой реальности периодом, последовавшим за падением Берлинской стены, угасанием коммунистической идеи и одновременной вспышкой фундаменталистских течений. Именно с этого момента, как полагает ученый, наступает «смещение архаики и современности», когда «на фундаменталистские движения накладывается отпечаток современного ощущения «закрытости будущего», в то время как традиции, к которым они обращаются для ответа на вызовы сегодняшнего дня, отнюдь не прочерчивают реальной перспективы из прошлого в будущее, но в значительной степени являются «изобретенными» здесь и сейчас». Эта системная перемена, по мысли Артога, была объективно предрешена торжеством общества всеобщего потребления, «область которого расширялась вместе с распространением категории настоящего времени, сделавшейся целью этого общества и его оправданием»².

Условия активизации архаических пластов – особая проблема, решение которой во многом определяется импульсом теории синергетики, с ее повышенным интересом и переоценкой значимости кризисных, бифуркационных периодов в мировой истории, осознанием конструктивной роли хаоса в социальной и культурной эволюции как фактора, создающего «веер» альтернативных путей эволюции. В современных культурологических концепциях нарастание хаоса в кризисные и переходные эпохи все чаще рассматривается как двойственный процесс, несущий и разрушение, и созидание³.

---

¹ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи; пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 12.

² Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59).

³ Чирина А.А. Архаизация массового сознания в условиях трансформирующегося социума // Вестник Мордовского университета, 2007. № 2. С. 37-41.

Понятие трансформации также включает в себя изменения различной направленности. Оно означает комплексное, эволюционное изменение культуры как системы.

Трансформационный процесс охватывает все ее элементы, однако они обладают различной динамикой и скоростью протекания. Трансформация может состоять из целого комплекса процессов, включающего в себя как модернизацию, так и архаизацию культуры. Трансформация социума, переход от старого к новому в культуре, процессы модернизации неизбежно сопровождаются кризисом традиционной нормативности и хаотизацией массового сознания.

«Одна из особенностей поведения людей в атмосфере страха состоит в коренном изменении характера их логики»¹. Ю.М. Лотман описывает «феномен истерического страха», который охватил Западную Европу в эпоху Ренессанса (с конца XV до середины XVII в.)². Страх был вызван потерей жизненной ориентации, но те, кто его испытывал, не понимали этого. Они искали конкретных виновников, хотели найти того, кто испортил жизнь. В качестве воплощения страха Лотман усматривал страх перед ученым (который, по мнению обывателей, заключил союз с дьяволом), страх перед колдовством (и последовавшая за ним охота на ведьм), страх перед инаковостью.

Именно поэтому архаичные индивиды эпохи Ренессанса источником опасности считали религиозные и национальные меньшинства. «Церковь всегда преследовала еретиков, но в это время ненависть к ним делается чертой массовой психологии. В условиях расшатывания быта тот, кто говорит, одевается, думает или молится иначе, чем все, вызывает страх. В Западной Европе вспыхивают расовые преследования».

Говоря о том, что процессы актуализации предшествующего культурного опыта в момент деструкции надстроенных слоев носят универсальный характер. Пелипенко и Яковенко указывают на принцип

¹ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры искусства. СПб., 2002. С. 255.

² Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 248.

обратимости историко-культурной эволюции. Его действие состоит в том, что в психике культурного субъекта хранятся основные модели поведения, стадияльно предшествующие актуальной для него исторической ситуации. В ситуациях деструкции эти принципы, модели и интенции актуализуются в тех или иных формах. Полная обратимость никогда, разумеется, не достигается, но актуализация самых разнообразных пластов социокультурного опыта, представлений, навыков и технологий создает причудливую амальгаму с феноменами стадияльно последующими¹.

Аналогичной смыслогенетической концепции А. Пелипенко и И. Яковенко является концепция архаизации массового сознания, разработанная И.В. Следзевским и Т.В. Евгеньевой. Ее суть состоит в том, что в острых ситуациях, особенно в ситуации социокультурного кризиса, актуализируются механизмы коллективного бессознательного, в качестве первостепенного по важности фактора архаизации массового сознания. Согласно данной концепции социокультурный кризис затрагивает, прежде всего «образ мира» (структуры восприятия времени и пространства), социокультурной идентичности и идеологической ориентации. Этот кризис воспринимается массовым сознанием как распад привычной системы ценностей, социальных ролей и моделей поведения. Сознание человека не находит опоры для рационального объяснения происходящего и прибегает к архаическим (точнее, архетипическим) моделям мировосприятия, благодаря которым оживает мифологическая структура сознания и присущая ей мифологическая логика. В результате актуализации архетипов создаются новые мифы, религиозные и политические догмы и т.п. Таким образом, в кризисной ситуации сам способ познания становится во многом мифологическим².

И.Ю. Николаева, исследуя природу историко-психологического кризиса опричного времени, называет этот исторический период «срывом»,

---

¹ Пелипенко А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. М., 1998. С. 296.

² Новиков О.Г. Формирование идеологии африкано-американского движения «Власть черным» в 50-60-е годы XX в. / О.Г. Новиков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.velesova-sloboda.org/right/blackracism.html>.

«обернувшись не просто социальным хаосом, но реактуализацией архаических установок сознания и поведения людей во всех сферах бытования общества, повлекшей за собой деформацию всего накопленного опыта духовной и политической культуры общества»¹. Последовавшие за правлением Ивана Грозного смута, экономический спад, свертывание политико-правовых норм явятся следствием того, что достигнутые Россией к XVI в. результаты цивилизационного роста окажутся скомканными установившимся режимом деспотии и социальной апатией общества².

Содержание уходящей эпохи – всеобъемлющая и безальтернативная монопроектность, согласно которой в мире есть только Модерн и ничего больше. В соответствии с проектом «Модерн», весь мир идет к прогрессу, гуманизму. Все мы рано или поздно разовьемся. Мы можем развиваться с низкого уровня производительных сил до высокого. Или с высокого – до самого высокого. Но рано или поздно мы все будем там, наверху, все будем гуманизированы, прогрессивны и сольемся в единое человечество. Вот что такое эпоха Модерна.

Длилась она около пятисот лет. И если она теперь завершается, если налицо и ее внутренняя усталость, и стремление ее противников сократить донельзя отведенный ей еще исторический срок, то можно говорить о демонтаже Модерна. Демонтаж, который осуществляется сознательно – с оглядкой на объективные факторы, порождающие усталость Модерна, его готовность рухнуть под грузом накопившихся внутренних противоречий.

Заговорил ли кто-то всерьез о необходимости подвести черту под эпохой Модерна? Да, безусловно. Об этом всерьез заговорили со времен первых докладов «Римскому клубу», обосновывая невозможность далее жить по правилам Модерна фундаментальными глобальными ограничениями (нагрузкой на экологию планеты, исчерпанием невозобновляемых ресурсов и так далее).

---

¹ Николаева Н.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005. С. 145.

² Николаева Н.Ю. Указ. соч. С. 214.

В рамках Модерна, принятого на вооружение сейчас новыми великими странами, такими, как Индия и Китай, речь идет о неотъемлемом праве всех развившихся национальных государств обеспечить своим гражданам – в качестве приза за ускоренное развитие – высокий жизненный уровень¹.

В хорошем обзоре В.К. Кантора вводятся новые термины, рассмотрены феномен современного варварства. Отмечено, что изначально, на рубеже XVIII-XIX вв. в Европе понятие варварства являлось антитезой высокому уровню культуры и использовалось, начиная с А. Фергюссона, и затем Л.Г. Морганом, Ф. Энгельсом, в периодизации истории человечества по эпохам (дикость – варварство – цивилизация)².

В отечественной философской мысли XIX в. у сторонников западничества оно несло близкие по смыслу контексты, а именно: присутствия архаичных пластов в традиционной русской культуре (в рассуждениях о дилеммах прогресса подчёркивалась «недоразвитость» их носителей), подразумевались элементы консерватизма и сопротивления социальным новациям³.

С начала 1990-х гг. тема архаизации и варварства возродилась в отечественной историографии, в первую очередь, как проблема цикличности прогресса – регресса в российской истории, предопределяющая, по мнению её разработчиков, цивилизационную специфику общества и государства. Внимание учёных было сосредоточено на процессах маргинализации, на таких крайних формах поведения, как национализм, социальный паразитизм в различных его проявлениях, оккультизм, смена религиозной ориентации и других.

Архаизация как общая форма регресса подвергалась детализации с помощью многочисленных смыслов понятия варварства. Так, по версии

---

¹ Кургинян С. К событиям на севере Африки и Ближнем Востоке. М., 2011.

² Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. М.: РОССПЭН, 1997. 478 с.; Хачатурян В.М. Феномен архаизации в культурной динамике: Автореф. ... дис. д-ра культурологии / ФГБОУ ВПО «Государственной академии славянской культуры». М., 2011. 50 с.; Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 68-78.

³ Морозов Н.М. Эпистемологические возможности понятия «варварство» в изучении российской цивилизации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 3, 2013. С. 33-35.

А.А. Кара-Мурзы, варварством является процесс или явление, ведущие к социальной деградации в любом её проявлении на основе дистрибутивных отношений, понимаемых как «...бесконтрольное растранивание «жизненной силы», антиправовое покушение не только на чужую собственность, имущество, но и на власть, порядок, авторитет»¹.

В версии варварства И.Г. Яковенко оно существует только при столкновении с цивилизацией, представляя собой архаический пласт культуры с особым характером воспроизводства внутреннего ресурса в рамках той или иной формы социального общества.

С рамках ноосферной концепции истории Н.В. Мотрошилова сформулировала свою версию варварства как оппозиционной стороны цивилизации. Под варварством предлагалось именовать бесконечные процессы становления человечества, в ходе которых природно-биологические предпосылки, механизмы, стимулы, следствия жизнедеятельности являются доминирующими². С переходом к надбиологическим (понимается в значении социальных) программам формируется иной способ жизнедеятельности, который и означает цивилизацию. Его совершенствование в пределе должно подвести индивидов к следующему состоянию в обществе: к равной мере свободы и ответственности, социальному контролю, порядку, безопасности во всех сферах деятельности и повседневного бытия; к действенным законам, сознательности, конструктивности, эффективности деятельности индивидов, к их ориентации и на индивидуальный интерес, и на общие цели; к высокому качеству форм, средств коммуникации – дорог, транспорта, связи; к достойной повседневной жизни согласно критериям комфорта, чистоты, благоустроенности, красоты; к заботе о детях, старых и слабых и многому

---

¹ Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 4. С. 49-55.

² Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4 (36). С. 50-51.

другому¹. Все эти особенности, взятые с отрицательным знаком, составляют, по мнению автора, формулу варварства как оборотной стороны цивилизации². Не вызывает сомнений пацифистская и нравственная направленность вышеизложенной версии, в которой цивилизация отождествляется с понятием высокой культуры.

Нетрудно увидеть, что в основание аналитики феномена варварства были положены ценностные императивы. Цивилизация рассматривалась в стадийном выражении, отождествляемая с высокой культурой жизнедеятельности. Апеллирование к полюсам дуальной оппозиции регресс – прогресс изначально было ориентировано на шкалу ценностей либерализма, выступавшего в перечисленных версиях в образе желаемого состояния, панацеи от варварства. Но от него, как утверждалось, не спасают ни достижение более высокого качества жизни, ни торжество либеральных свобод. Варварство способно к самовозрождению: и в кризисные, и в относительно благополучные годы.

Э. Гидденс утверждал, что «мнение о том, что традиции не подвластны переменам – это просто миф. Традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Если можно так выразиться, они все время изобретаются заново. Конечно, некоторые традиции, например те, что связаны с великими религиями мира, существуют уже много столетий»³.

Характеризуя современную эпоху, Р. Генон писал, что «специфически современное мировоззрение действительно полностью тождественно мировоззрению антитрадиционному»⁴. Российский мыслитель А.Г. Дугин также апеллирует к традициям, он утверждает, что «именно холистский

---

¹ Терин Д.Ф. «Цивилизация» против «Варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 27-34.

² Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., ИФ РАН, 2007. С. 26.

³ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. С. 57.

⁴ Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. С. 17.

подход является осью традиционного мира, основой сакрального переживания бытия»¹.

В.Н. Финогентов отмечает, что «архаическое мировоззрение – это мировоззрение, которое было свойственно архаическому (древнему) обществу, просуществовавшему, по крайней мере, десятки тысяч лет»².

Простое воспроизводство любых моделей модернизации не эффективно, так как развитие и экономической и политической системы осуществляется только в контексте определенной культурной матрицы и соответствует не только мировым трендам развития, но и тенденциям развития национальных государств³.

Понятие «модернизация» стало активно применяться в отечественной науке и философии не так давно – статья, посвященная концепциям модернизации включена в «Новейший философский словарь» 1998 г. Однако в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г. данное понятие и все, сопряженные с ним, отсутствуют как отчасти заменяемые понятием «научно-техническая революция».

В советском обществе задачи модернизации были, в основном, решены, но решены они были не за пятьсот лет, как на Западе, а за несколько десятилетий, в течение которых невозможно было создать тот мощный фундамент рационализма и перейти к доминированию типа личности, признающего свободу высшей ценностью и основанного на индивидуализме, который формировался в Европе, начиная с эпохи Возрождения.

В регионах же с ориентацией в производстве на сельское хозяйство сохранялись и те отношения, которые характеризуют традиционные общества. Это сохранение тесных родовых связей, осознанное воспроизводство традиций как обладающих особой ценностью, особое

---

¹ Дугин А.Г. Философия традиции. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 57.

² Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 44.

³ Костина А.В. Культура как фактор модернизации России: некоторые итоги исследования // Научные труды Московского гуманитарного университета №10. 2014. С. 72-81.

доверие к прецедентным формам во всех областях — от политики и идеологии до форм жизнедеятельности, ориентация на общину при решении сложных вопросов, коллективность жизнеустройства и малая персональная проявленность индивида.

Для модернизации необходимо укрепление нации, соотносящейся, прежде всего, не с генетическим, природным или традиционным фактором, а с политическим. Политический фактор означает гражданство, объединяющее людей общностью правового поля, вне их зависимости от этнического происхождения. Национальная солидарность в противовес групповой, этнической или клановой солидарности является условием развития эффективной экономики и политических институтов гражданского общества.

А.М. Поморцевой на основе совокупности принципов и категорий методологии синергетики, а также возможностей философии психоанализа, объясняется взаимообусловленность и взаимосвязь процесса актуализации элементов архаизации сознания человека и начальной фазы цивилизационного разлома¹. Появление в последние десятилетия языческих, неоязыческих, фольклорных общин, организаций толкиенистов и всевозможные объединения людей, сознание которых «принадлежит» определенной исторической эпохе (в своей деятельности эти люди пытаются воссоздать и прожить минувшие события), усиления интереса к образу жизни и повседневному интерьеру прошлых столетий, свидетельствует о прочной укорененности генотеистических представлений в сознании и менталитете народа, оживление которых происходит в кризисные, переходные ситуации.

Затронем и проблему мифологического сознания. Архе, согласно позиции К. Хюбнера, является единственным в своем роде событием, которое постоянно и неизменно повторяется. Законы же природы и правила – нечто общее. Архе является единым явлением. Оно содержит

---

¹ Поморцева А.М. Цивилизационный разлом (вызов) и архаизация сознания человека (ответ) // Вестник Ставропольского государственного университета. № 61, 2009. С. 44-50.

историю некоего существа, последовательность действий и событий с началом и окончанием, причем замена этого существа переменной невозможна, поскольку это существо не связано с другими законами, отделяющими его от них. Когда нет возможности, то хаотическое состояние, которое приносит время кризиса, начало цивилизационного разлома, в обществе наблюдается возвращение к архаическим способам освоения действительности, основанное на мифологическом сознании. На ранних этапах истории миф и архетип осуществляли функцию, которую в поздней истории выполняют идеология и культура. В архаических обществах миф и архетип были способом достижения порядка. Активизируясь в ситуации перехода, они эту функцию продолжают осуществлять.

Происходит оживление эсхатологических представлений. Поскольку время от времени в истории переходные ситуации повторяются, архетипические формулы с сюжетами катастрофы постоянно возвращаются в сознание.

Когда старые институты разрушены, ценности подорваны, а новое еще не укоренилось, все эти процессы воспринимаются многими как нечто временное, обостряется недоверие массового сознания к научным знаниям и актуализируются религиозно-мифотворческие пласты, фиксируется максимальная проявленность в человеке игровой стихии, интуитивного потенциала.

Архаические элементы сознания выполняют свою миссию как минимум в следующих функциях: сохранение психофизического здоровья и поддержание природного и социального гомеостаза.

Человек вовсе не теряется в современном мире, наоборот, его роль и влияние на некогда, казалось бы, незыблемые объективные процессы только усиливаются. В наше время уже не оспаривается значимость именно человека в происходящих фундаментальных изменениях мирового сообщества, и это обстоятельство, в свою очередь, требует рассмотрения различных граней социального бытия.

Архаизация и мифологизация сознания, повышение игрового потенциала и возможностей интуиции – все это сознания человека в начале фазы цивилизационного разлома. Увеличение доли чувственно-интуитивного знания в формировании культуры нового типа, культуры информационного общества, современного цивилизационного разлома, и уменьшение, «блокировка» рационального, является следствием процессов, происходящих в развитии и сосуществовании таких сложных систем, как культура, человек и цивилизация. Синергетические процессы начальной фазы цивилизационного разлома, низшей точки волны разлома – вызов, требующий от систем «человек» и «культура» соответствующего ответа, дабы предотвратить исчезновение самих систем.

Феномен самомифологизации и архаизации массового сознания на примере романа Ф.М. Достоевского «Бесы» рассмотрен Е.Г. Постниковой¹, в настоящее время крайне любопытными представляются романы В. Сорокина.

Периоды общественных кризисов сопровождаются всплеском архаического сознания, активизируются процессы, происходящие в коллективном бессознательном. В такие периоды активным становится влияние на политическую жизнь ряда устойчивых мифов. Политический миф – это архетипическая конструкция, спроецированная в сферу самоорганизации общества и народа. Сила мифа в том, что он воздействует на внеличные структуры сознания. Миф подключает человека к коллективному опыту. Личность исчезает, растворяется в мифе. Ее место занимает «человек толпы». Поступки, образ мыслей, переживания «человека толпы» подчинены коллективному бессознательному. Поэтому он легко управляем и целиком зависит от внешних сил, которые направляют его. «Человек толпы» не несет ответственности за свои поступки, так как решения принимаются за него.

---

¹ Постникова Е.Г. Феномен самомифологизации и архаизации массового сознания в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Филология. Спб., 2012. №3. Том 1. С. 24-31.

В 70-е годы XIX века Достоевский первым из русских мыслителей обратил внимание на феномен архаизации массового сознания в эпоху общественных кризисов. Время, в которое происходят события, описанные в «Бесах», хроникер определил как «смутное время». В «Бесах» Достоевский показал современный исторический процесс как столкновение мифополитических систем: разрушение старого национального мифа о государстве и борьбу конкурирующих либерального мифа и мифа революционной демократии. Русский человек, зараженный современным мифом, хочет он того или нет, помимо своей воли становится человеком «толпы», управляемым и закодированным, живущим в особой мифологизированной реальности.

В культуре большинства европейских стран, Америки и России достаточно ярко намечается тенденция к некоторой архаизации универсалий культуры. Феномен архаизации культуры начинается примерно в 70-х гг. XX в., в это же время некоторые эксперты начинают использовать сам термин «архаизация»¹.

В отечественной научной традиции изучения архаики культуры необходимо упомянуть петербургское общество «Новая архаика» (1989). А. Дугин определяет самобытность процессов в культуре современной России как «археомодерн»².

Тенденции архаизации в современной культуре проявляются в увлечении магическим: засилье магического в масс-медиа («Битва экстрасенсов», «Битва Черной и Белой магии»), повсеместная «вампиризация» массового искусства («Убежище», «Интервью с вампиром», «Блэйд», «Сумерки»), обилие языческих праздников и т.п.

Сформировавшуюся тенденцию вплетения в современную культуру экстрасенсорных явлений, колдовства, осовремененной демонологии, превращающуюся в некий рационализированный фетиш.

---

¹ Недугова И.А. Тенденции культурного развития на основе герменевтического круга // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (90). С. 69-74.

² Дугин А. Археомодерн в поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как парадигмы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arcto.ru/article/1472>; Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011. 142 с.

Естественно, что человек превращает, по высказыванию А.Ф. Лосева, не только себя и свое бытие в миф, но и мифологизирует в той или иной степени окружающую действительность, конструируя тот мир, который оптимальным образом соответствует его представлениям, и ту картину мира, которая наиболее целостна с гносеологической точки зрения¹.

Черты архаики в культуре можно найти в различные эпохи: VII-XIV вв. в Европе, начало XX в. в России (культура Серебряного века).

Новое искусство обнаруживает многие из тех черт, которые различные теоретики описывали как «второй модерн» (К.Ш. Манкопф)² или «рефлексивный модернизм» (У. Бек)³. Мы можем наблюдать тенденцию изменения культуры от постмодерна к постпостмодерну и даже к формированию новой архаики.

«Культурничество» есть изнанка творчества, его фикция, видимость, построенная на искаженной предметной идентичности. Ж. Бодрийяр так определяет этот процесс: «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным»⁴.

Авторитаризм представляет собой реакцию традиционализма на модернизацию, при которой задача модернизации подчиняется, а иной раз приносится в жертву задаче сохранения стабильности обществ. Он, как правило, укрепляет почву политической традиции ради ускорения экономической модернизации. Благодаря этому не происходит ни столь

---

¹ Лосев А.Ф. Миф – развернутое магическое имя. М., 1999. С. 22.

² Mahnkopf C.-S. Adornos musikalische Moderne [Электронный ресурс]. URL: http://wn.com/adornos_musikalische_moderne.

³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелник и Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

⁴ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. С. 106.

глубокого разрушения традиций, ни столь радикальной модернизации, как это было возможным в Советском Союзе¹.

Можно гадать, был бы переход к модерну в таких странах, как Испания или Португалия, без авторитарных режимов быстрее и эффективнее, во всяком случае, он обошелся без таких потрясений, как в России, Германии, Китае, на Кубе и т.д. Хорошее сравнение эффективности архаической модернизации и модернизационной архаики предоставляет пример Южной и Северной Кореи².

Обращение к архаике, что присуще, как правило, странам и обществам Латинской Америки, Африки, Азии, переживающим процессы политической транзиции, связано с целенаправленной политикой властных элит, которые видят свой интерес в консервации существующих общественных порядков в целях укрепления своих позиций в политической жизни. Проявление архаики – это также в значительной мере отражение неготовности подобных обществ к дальнейшим изменениям, связанным с демократическим транзитом, с новыми рисками, которые заменяются стремлением найти опору не только в привычных формах общественного бытия, но и в тех, что скрыты в глубинах архетипов массового сознания.

Л. Пай разграничил политические процессы западного и незападного типа и сформулировал ряд пунктов, по которым различаются политические процессы в западных и незападных обществах³. В свою очередь, С. Хантингтон еще в конце 1960-х гг. выдвинул гипотезу, что если социальная активизация опережает развитие стабильных политических институтов, активное общество будет испытывать фрустрацию, следовательно, никакой безоглядный алармизм в деле модернизации недопустим, а нужна крепкая политическая власть, которая сначала будет

---

¹ Исаков А.Л. Незападный тип политических процессов в контексте проявления моделей архаизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3. С. 145-151.

² Костюк К. Архаика и модерн в российской культуре // Социологический журнал. 1999. № 3-4 // <http://www.spasi.ru/>

³ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2. С. 66-86.

выстраивать полноценную систему политических институтов, а потом эта система будет способствовать эффективной работе социальных активистов¹.

Для архаического общества характерна как раз стабильность мировоззрения – устойчивая картина мира, каноничный порядок вещей, фиксированная символическая функция, возвращающая предметы и явления из профанного мира в сакральное состояние.

Определяются три вызова, которым должен быть дан философский ответ в контексте нового проекта Просвещения: архаике, анархизму и большевизму. В рамках установки на переосмысление Просвещения, обсуждаются наиболее явные формы деградации просветительских импульсов: архаизация, национально-культурная изоляция, персонализация, забвение истоков бытия².

Говоря об этой реальности, мы исходим из ее неоднородности, которая может быть представлена триадой: архаика – анархия – большевизм. Архаика осуществляется не только и не столько в качестве простого воспроизводства образов, характерных для ранних этапов развития общества, но, скорее, как парадоксальный и односторонний отказ европейского человека и человечества от создавшей его истории и культуры, признание «преступности» своего исторического пути и попытка воспроизвести жизненный мир «счастливого дикаря». Одновременно, происходит культивирование некоторой «доисторической подлинности», под которой в различных версиях мыслится либо Средневековье, либо еще более ранние (и, как правило, предельно мифологизированные) формы общественного устройства.

Анархия, в огромной своей части, есть продолжение архаического мировоззрения в область политики и культуры.

Для нас наиболее важным следствием этой картины, является последовательный отказ от построения какого бы то ни было образа будущего, осмысления пройденного Россией пути, выявления проблем и

---

¹ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

² Бермус А.Г. Что есть Просвещение для XXI века? // Политическая концептология № 2, 2014. С. 40-61.

противоречий современности, т.е. всего того, что традиционно воспринимается как философский аппарат Просвещения.

Показательно, что официальное провозглашение всех перечисленных ценностей происходит менее, чем через четверть века после того, как в ходе политико-экономических реформ конца 80-х и 90-х годов, столь же приоритетным считалось возвращение России на мировой путь развития, связанный, прежде всего, с европейской цивилизацией, усвоение политических практик и моделей, свойственных либеральному обществу западного типа, открытие новых перспектив в области международного сотрудничества.

Достижение нового, более высокого уровня техники и продуктивности оплачивается забвением прошлого.

Известной (примерно с конца XVIII и начала XIX века) альтернативой этому подходу считается философская антропология контрпросвещения (М. Штирнер, Ф. Ницше и др.), базирующаяся на представлении о частичной детерминированности человеческой природы, и, соответственно, способности, и, в конечном счете, необходимости человеческого творчества,

Самоопределение и самоидентификация – именно эти ценности оказываются крайне востребованными в современном мире.

Общий контекст, который определяет значительную часть современных дискуссий о судьбах мира, можно определить, как проблему «архаизации», в разных формах присутствующую в большинстве западных стран. Эта угроза связывается с неконтролируемой иммиграцией из стран Азии и Африки, что, в сочетании с принципами европейской социальной политики, приводит к социальной катастрофе и последующему «самоупразднению» Европы.

Альтернативой этому гибельному пути может стать лишь путь Просвещения – и на индивидуальном, и на глобальном уровне, связанный с поиском-преодолением тупиков современной цивилизации. Сложность его соотносительно с предыдущими проектами Просвещения заключается в

необходимости преодоления зависимости как от глобализации, стирающей грани между человеческими сообществами, в той же мере, как и от опасности архаизации, разрушающих человеческую и историческую перспективы. В уже процитированной статье, М. Эпштейн называет новую мировоззренческую доктрину – протеизмом (по имени античного морского божества – Протея, принимавшего различные формы), сосредоточенностью не на прошлом, но на будущем; становлении, а не форме на фоне особого сочетания эмбриологии и археологии, утопии и апокалипсиса, прогресса и эсхатологии. Едва ли терминологическая дискуссия занимает столь уж значительное место в этом движении, но следует отметить, что проблема – не сводится к редукции вновь возникающих форм бытия – к некоторому «-изму», но связана, с заданием пространства, внутри которого может осуществляться рефлексия и коммуникация по поводу актуальных проблем человека, общества, истории, культуры и др. По этой же причине, мы вновь обращаемся к вопросу, вынесенному в заголовок статьи: он явлен нам, как вызов, ответ на который, в немалой степени, предопределяет саму возможность выживания человека и человечества в новом тысячелетии.

Отказываясь от активной общественной позиции, индивиды – объекты общественных отношений «составляют ту массу, которая образует социальную основу консервации культурно-исторических архаических традиций, массу торможения процесса социальной эволюции, которая нуждается в социальном утешении»¹. Спрос рождает идеологов – тех, кто понимает, что «массовое сознание – основное хранилище доцивилизационного опыта». То есть мифы рождаются не сами собой – в массовом сознании существует лишь ожидание мифов, некие мифологемы, которые грамотно интерпретируются идеологами-интеллектуалами и воплощаются в готовых мифах. Таким образом, реактуализация архаики может происходить не только стихийно. Это могут быть «целенаправленные попытки взаимодействия с архаикой, осуществляемые интеллектуальной

---

¹ Кожурин Ю.Ф. Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003. С. 30.

элитой, которая способна создать на этой основе целостные концепции и ввести преобразованный архаический компонент в доминирующую культуру, сделав его, таким образом, в большей степени цивилизационно значимым»¹.

По выражению С. Кургиняна, Россия сейчас находится в состоянии кризиса – «кризиса демодернизации». В России происходит своеобразный симбиоз активных глобалистических, постмодернистских тенденций с традиционалистскими, архаичными напластованиями. Происходит «соединение контрмодерна с постмодерном»². Таким образом, архаизация в России является составным элементом истории страны, значимость которого весьма высока, особенно в кризисные моменты истории»³.

Так, сетевая структура постиндустриального социума, о которой столь убедительно писал М. Кастельс, порождает и «свое другое», целые системные области доцивилизационного мышления и действия (здесь достаточно привести пример мирового терроризма, обладающего гибкой и глобальной сетевой структурой, широко использующего Интернет и, одновременно, воспроизводящего самые архаические формы исламского фундаментализма)⁴.

Глобализация во многих странах осуществляется через модернизацию, причем не органическую, а «догоняющую», и на этом пути возникают феномены, явно противостоящие современности.

По Й. Хейзинге, процесс «варваризации» означает, что более примитивные, архаические начала культуры выдвигаются на первый план и замещают культурный вакуум, возникший в ходе разрушения старых основ общественной жизни»⁵.

---

¹ Хачатурян В.М. Диалог с архаикой // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. М., 1992. С. 211.

² Кургинян С. Логика политического кризиса в России / С. Кургинян. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polit.ru/lectures/2005/03/02/kurginjan.html>.

³ Ахиезер А.С. Труды / А.С.Ахиезер. М., 2006. С. 106.

⁴ Штомпель О.М., Штомпель Л.А. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. № 4. 2010. С. 35-43.

⁵ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. С. 25.

Современная культура перестала быть охранительницей устоев, традиций и стабильности и переориентировалась на ценности инновационного развития. «Инновационный транс», в который погружается мир, свидетельствует о наступлении «эры кризисов», связанных с ускорением социокультурного развития, всеусложняющейся дифференциацией, непрерывной инновизацией различных сфер жизни общества, – в результате утрачивается тождество человека с самим собой и единство социума. В современном обществе одной из базисных ценностей является обновление, новаторство. В результате социальные и культурные подсистемы подвергаются постоянному изменению, а следовательно, находятся в состоянии непрерывного кризиса.

В социуме, где действие культурных и социальных запретительных норм ослабевает, где разрушаются общие ценности и идеалы, составляющие ядро культуры, открываются шлюзы, позволяющие архаике (таившейся на границах социокультурного пространства, в подсознательной сфере человеческой психики) всплыть на поверхность современного общества.

«Современная архаика» несет на себе печать длительного исторического пути, пройденного обществом, и «использует» самые современные достижения технического прогресса, что, впрочем, не меняет ее социокультурной и социопсихической сущности.

Архаизация культуры связана с прорывом из сферы бессознательного того, что К.Г. Юнг назвал архетипами, которые представляют собой систему установок, когнитивных образцов, сформировавшихся на основе повторения бесконечного количества ситуаций, когда человеку приходилось действовать спонтанно-бессознательным образом в различного рода критических и стрессовых ситуациях.

«Эффект толпы» исследовали еще Лебон, Тард и Сигеле, которые показали примитивный и даже патологический уровень психики всякой толпы и массы. Эта имитационная реакция, как показал Б.Ф. Поршнев, присуща прежде всего стадным животным и является атавизмом у человека.

В автобиографии «Дальняя дорога» П. Сорокин свидетельствует, что революционные события в России вели к резкой примитивизации сознания людей, культурной картины мира, где центральным элементом становится первобытное противопоставление «мы» и «они». Уже в первые дни Февральской революции П. Сорокин отмечает: «В человеке просыпается не только зверь, но и дурак, готовый взять верх над всем и вся»¹. В настоящее время это прекрасно видно на примере т.н. «Майдана», оранжевых революций и пр. В самых развитых странах мира возникает явление, которое можно назвать «молекулярной гражданской войной». Общества распадаются на территории, где царит благополучие, осуществляется жесткий государственный контроль, основанный на культурном согласии граждан, и территории, где господствует «кулачное право».

В. Булдаков, анализируя эпоху революции 1917 г., отмечал, что архаика тем или иным образом определяла ход социально-политического и культурного развития России. Огромные массы населения, которые были вовлечены в этот процесс, в активные модернизаторские действия со стороны власти (индустриализация) «отвечали» на это активизацией архаических пластов своего сознания. В связи с этим возникали соответствующие речевые дискурсы, в которых возрождались архаичнейшие образцы власти – подчинения².

По мнению А.С. Ахиезера, при столкновении архаизации и прогресса единственным кардинальным средством против социальной дезорганизации является развитие диалогизации как системы определенных отношений и субкультуры. Достичь этого можно путем формирования соответствующих институтов, а также развивая в расколотых элементах общества способность к принятию общих решений. «Недостаточная развитость диалога создает условия для господства архаичной культуры, сокрушающей при своей активизации иные формы культуры, прежде всего несущие ориентацию на прогресс.

---

¹ Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М.: Терра, 1992. С. 80.

² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Власть языковой архаики непосредственным образом отражается в системе языковых дискурсов логосферы культуры, в результате чего соответствующим образом смещаются ценности и смыслы¹. Было бы любопытно ознакомиться с исследованиями по анализу современных плакатов, лозунгов, жаргона.

Если говорить об архаизации процесса производства – это отказ от модернизации, контроля выбросов, инвестиций, человеческого капитала.

Ярким проявлением процессов архаизации в сфере религиозных традиций является их фундаментализация². Специфической чертой консервации выступают ее попытки удержать наличные формы именно этнической культуры. Архаизация, особенно в форме фундаментализма, противопоставляет им, чаще всего, архаичные, изжитые, забытые этнокультурные формы, в редких случаях – некие знаковые для конфессии, но этнически чуждые культурные формы. Примером может служить ориентация среди исламских фундаменталистов на культуру Саудовской Аравии или Пакистана – стран, из духовных учебных заведений которых выходят активные фундаменталисты-ваххабиты, – в том числе в ее бытовых моментах. В этом смысле архаизация противостоит консервации как реформистская программа, поскольку ратует не за сохранение сложившихся устоев, а за их изменение.

Одной из черт архаизации является восприятие социальной действительности в жесткой дуальной схеме, в которой свои, добро, истина, вера, противостоят чужим (врагам), злу, лжи, неверию. При этом в стане «чужих» может оказаться кто угодно, но прежде всего те, кто разделяет ценности либерализма.

Близким этой черте является трайболистское сознание, когда включенность в одно сообщество воспринимается почти как кровное

---

¹ Тюрина М.Н. Архаизация языковых дискурсов в эпоху социокультурного кризиса // Гуманитарные и социальные науки 2014. № 4. С. 275-284.

² Астапов С.Н. Религиозные традиции в условиях глобализации: модернизация, консервация, архаизация // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Отв. ред. Т.В. Коваленко. Краснодар, 2015. С. 67-76.

родство в племени и, в то же время, как необходимость противостоять другим сообществам.

Л. Клейн обнаружил типологическое сходство между структурами, которые формируются в таких аномальных и экстремальных условиях, как лагерь и тюремное заключение, со структурами архаического, наиболее древнего этапа в развитии социальности. «Жесткие обряды инициации – в тюрьме они называются «прописка»... Табуированность многих слов и действий (в уголовной среде – «понятие»). Татуировка, которая имела такое же символическое значение и была столь же функциональна, как в первобытном обществе, обозначая статус и состояние человека. ...Трехкастовая структура общества («воры», «мужики» и «чушки»); выделение вождей с их боевыми дружинами; сбор дани; вера в магию и приметы; примитивность речи; демонстративный культ матери». Клейн находит достаточно длинный список подобных точных соответствий и дает объяснение их природе. Он считает, что все эти особенности являются ничем иным, как подлинной сущностью нашего биологического вида, кроманьонца – *Homo sapiens sapiens*. Сущностью, которая проявляется с неизбежностью там и тогда, когда исчезают компенсаторные механизмы культуры. В условиях дефицита этих механизмов проявляется драматический разрыв между биосоциальной и социокультурной природой человека¹.

1.3. Положительные и отрицательные аспекты архаизации

Начнем с так называемых конкурсов «беременной красоты». Здесь мы, конечно, видим скорее не архаизацию, а деинтимизация и проявление потребительства, ведь беременность некоторое время назад еще была табуирована в силу сакральности материнства и интимности процесса рождения детей. М.А. Беляева отмечает, что конкурсы «беременной

---

¹ Клейн Л.С. Культура, первобытный примитивизм и концлагерь // Россия: Культурные традиции и процессы модернизации: «круглый стол». СПб., 2005. С. 111-114.

красоты» представляют собой очередной симулякр, имитирующий высокие ценности, а на деле обедняющий их содержание, и потому не достигающий заявленных позитивных целей социальной рекламы. С точки зрения культуролога, это скорее архаизация культуры, возвращение ее к идеалам гипертрофированной телесности в духе первобытной «Венеры Виллендорфской», а не способ повышения культурного уровня населения¹.

Н.Н. Зарубина в своей статье рассматривает социокультурные и институциональные проблемы инновационного развития современной российской экономики. Однако автор мало внимания обращает на негативные аспекты архаизации, вернее не рассматривает их деструктивную роль. Автор приходит к выводу, что важнейшим тормозом для инновационного развития во всех сферах социальной, экономической, культурной жизни России является не отсутствие социальных инноваций, а их слишком высокий темп². Реакцией на отчуждение от социальных инноваций стала архаизация социальных практик. Она представляет собой более или менее осознанный отказ от инноваций в различных областях жизнедеятельности из-за их недоступности, недостаточности институциональных условий их освоения. В качестве ориентированных на инновации рассматривают культуры, в которых развиты такие ценности, как самостоятельность, открытость изменениям, ориентация на риск, а также универалистские нравственные и социальные ориентации. Инновативность как качество сознания и мышления, менталитета и культуры, а также готовность к внедрению инноваций как качество культуры, проявляются при возникновении «осевого времени», то есть, по выражению К. Ясперса, с осознанием человеком «самого себя и своих границ, ужаса мира и собственной беспомощности»³. Таким образом, мы имеем дело с очередным парадоксом русской истории, состоящим в невозможности перейти на путь

---

¹ Беляева М.А. Конкурсы «беременной красоты»: инновация или архаизация культуры // Человек в мире культуры. № 1. 2013. С. 24-30.

² Зарубина Н.Н. Социокультурные и институциональные противоречия: вызовы для инновационного развития России // Социологическая наука и социальная практика. № 2(6), 2014. С. 5-22.

³ Ясперс К. Истоки истории и её цель. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1991. С. 30.

инновационного развития экономики в условиях постоянных социальных инноваций, трансформирующих самые глубокие основы жизни общества.

Известно, что бурное генерирование и заимствование инноваций не всегда сопровождается их продуктивным усвоением. А.С. Ахиезер ввёл понятие «шага новизны», которое, к сожалению, не получило разработки в современных научных исследованиях. Оно означает величину допустимых новшеств, значимо не нарушающую комфортное состояние субъектов инновационного развития¹. Нарушение «шага новизны» приводит к тому, что инновации не усваиваются и вызывают противоречия и конфликты, необходимость разрешения которых обуславливает не только отказ от инноваций, но и откат к более простым и архаичным институтам и формам культуры. Можно предположить, что нарушение «шага новизны» приводит к торможению инновационного развития, то есть обновлениям в сфере экономики препятствует не отсутствие инноваций, а слишком быстрые и неорганичные обновления ценностей и норм, институтов и социальных структур.

Серьёзнейшей проблемой для современной России, в первую очередь для инновационного развития экономики, стала декавалификация рабочей силы, деградация человеческого капитала, произошедшая после рыночных преобразований начала 1990-х гг. Реформирование экономики тогда вышло за рамки допустимого «шага новизны» и вызвало не усложнение, а упрощение и архаизацию хозяйства и человеческого капитала: закрытие и перепрофилирование высокосложных и наукоёмких современных производств, переход высококвалифицированных специалистов в примитивный «челночный бизнес», активизацию бартерных обменов, натуральные формы вознаграждения за труд, самообеспечение за счёт активизации натурального хозяйства, и т. д.

Всплеск насилия в «лихие 90-е», затронувший, в первую очередь, представителей бизнеса и «новых богатых», является ярчайшим примером

---

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. С. 443.

активизации архаичных, до-цивилизированных социальных отношений, аскриптивных общностей и практик, которым российское общество того времени ничего не могло реально противопоставить¹.

Архаизация не связана непосредственно с ростом преступности и отклоняющегося поведения, с дегуманизацией общественных отношений, хотя иногда и сопутствует им. Она представляет собой не асоциальное, а упрощённое поведение как сознательный отказ от освоения инновационных, более сложных социальных практик.

Зачастую создается ощущение стабильности и безопасности в условиях растущих рисков.

Инновационному развитию современной России препятствует пассивность, уход в быт, в потребительство, а также отсутствие «больших проектов», которые могли бы мобилизовать творческую инициативу.

Одним из проявлений упрощения и архаизации повседневных практик, негативно влияющих на инновационное развитие современной России, являются трансформации досуга. Именно в цивилизованных формах досуга раскрывается самоценность культурного творчества, наращиваются интеллектуальный потенциал и навыки, которые благодаря своему неутилитарному характеру способствуют развитию инновативности. Но для того, чтобы досуг выполнял функцию развития человеческого потенциала, он должен быть содержательным, а не сводиться к архаичным формам отдыха как простого «ничегонеделания», и не расходоваться на выполнение рутинной домашней работы.

В настоящее время в России социологи констатируют стабильное массовое воспроизводство пассивных форм домашнего досуга как «просто отдыха» (49% по данным 2012 г.), а также работы по дому (47% в 2012 г.)².

Свободное время как ресурс развития человеческого капитала, повышения творческого и инновационного потенциала общества, в

---

¹ Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. С. 474.

² О чём мечтают россияне. Идеал и реальность. М.: Весь мир, 2013. С. 222.

настоящее время не только не использован в полной мере, но и происходит его архаизация, контрпродуктивная для инновационного развития.

Российский исследователь сложного социума С.А. Кравченко относит к его признакам возрастание значения самоорганизации и рефлексивности социальных акторов и структур, открытость с ее амбивалентными последствиями в виде возникновения качественно новых рисков, возрастание скорости, нелинейности и альтернативности социальных изменений, трансформации социального времени и пространства, виртуализацию социальной реальности, плюрализацию рациональности и др. В качестве проявлений усложнения социума он называет: возникновение «парадоксальных разрывов и синтезов», проявляющихся в отсутствии единой системы ценностей и норм и в сосуществовании в едином культурном пространстве ранее антагонистических ценностей; временной диссинхронизации как сосуществование различных по темпам развития структур, нередко относящихся к различным темпомирам; отсутствие единой логики и единой скорости развития различных сфер социальной деятельности и разных социальных групп. Усложнение социума порождает новые риски, которые, в свою очередь, приобретают иные параметры сложности и динамичности¹.

Сложное общество требует от социальных акторов способности к самотворению и самоорганизации, умения постоянно отслеживать ситуации и принимать оперативные решения с учетом непреднамеренных последствий функционирования социальных институтов, готовности отказаться от привычных практик в условиях ценностно-нормативного плюрализма. Вследствие усложнения возникают новые вызовы как для системы управления, политической организации, хозяйственной деятельности, так и для повседневной жизни людей².

---

¹ Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.

² Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории № 2. 2013. С. 29-45.

Принципиально важным является замечание Урри о том, что сложные системы не имеют общего и единого вектора развития. Потому для современной социологии неприемлема эвристическая ориентация ни на общий прогресс, ни на рациональное целедостижение и полностью нормативно организованные и контролируемые процессы. Анализ сложных систем всегда должен предполагать непреднамеренные последствия социальных действий, попятные тенденции и регресс систем как следствие принципиальной невозможности полного контроля над ними¹.

Одним из наиболее массовых способов адаптации становится упрощение социальных практик, сопутствующее росту сложности общества как его диалектическая противоположность. Стоит отметить, что упрощение как форма противостояния усложнению социума проявлялась на протяжении всей истории в качестве если не массовой тенденции, то локальной, нередко элитарной практики. Она проявлялась в развитии аскетических религиозных практик, предполагающих целенаправленное опрощение бытового поведения ради духовного совершенствования, или в идеологии целенаправленного отказа от благ цивилизации, возврата к архаичному образу жизни как более «нравственному» и адекватному человеческой природе (толстовство, гандизм и т.д.). В современном обществе постоянно возникают субкультуры, ориентированные на повседневную аскетизацию, опрощение и в качестве реакции на агрессивную идеологию потребления, и в форме оздоровления, «возврата к природе»: движение хиппи, экопоселения, получающий все большее распространение в экономически развитых странах дауншифтинг и т. д.

Однако все перечисленные тенденции получают ограниченное распространение и при всей их показательности не могут характеризовать массовые процессы в сложном обществе.

На уровне массовой повседневности упрощение проявляется в стандартизации и архаизации. Амбивалентное значение упрощенных

---

¹ Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.

социальных практик состоит в том, что они сводят все многообразие проявлений сложности общества к простейшим шаблонным действиям, к линейной причинности, но не позволяют индивидам проявлять гибкость и не развивают самоорганизацию. Таким образом, упрощенные социальные практики становятся источником новых рисков, поскольку предполагают отказ от необходимой для сложного общества готовности действовать в постоянно изменяющихся условиях.

Особенности становления сложного общества и соответствующих ему тенденций упрощения массовых социальных практик в современной России состоят в неорганичном характере постсоветской модернизации, которая сама по себе активизировала деструктивные процессы, архаизацию и деградацию в различных областях повседневной жизни.

Процесс модернизации общества требует адаптации больших масс людей, не всегда подготовленных к действиям в условиях усложнения социальных практик. Повышение среднего уровня образования, профессиональной квалификации, усложнение предметного окружения в повседневной жизни в масштабах общества порождает в качестве способа адаптации нарастающую стандартизацию. В условиях массового общества стандартизация позволяет обеспечить должный уровень качества и безопасности продуктов и услуг, рациональности использования ресурсов, совместимости технических устройств и кодирования информации, сопоставимости результатов различных видов деятельности и т.д. Однако при этом стандартизация неминуемо сопровождается упрощением сложных процессов путем сведения их к системе шаблонных рациональных действий, позволяющих эффективно достигать поставленных целей в сферах производства, потребления, повседневной жизни без учета конкретных условий и соответствующей им качественной специфики.

Дегуманизация стандартизированных социальных практик, из которых выхолащивается их социальное, культурное, эмоциональное содержание. Происходит уменьшение «творчески-критического восприятия

информации» и как следствие уменьшаются интеллектуальная созидательность и гуманистическая составляющая жизнедеятельности. В сфере образования и науки это пресловутые ЕГЭ и индексы цитирования. В сфере потребления это не столько на потребление благ, сколько на потребление символов. Массовая культура тиражирует упрощенные стандартизированные схемы социальных ролей, структурирующие возможные сложные ситуации, предлагает массовой аудитории шаблоны, по которым можно действовать и эффективно достигать целей, предлагаемых обществом в качестве легитимных.

Еще раз отметим, что архаизацию как стихийное воспроизведение практик, характерных для прошлого, не следует путать с традиционализмом и неотрадиционализмом, являющимися сознательным поиском в культурном наследии элементов, интерпретируемых как плодотворные источники витальности общества и его будущего развития, а также с фундаментализмом, целенаправленно отрицающим инновации. В то же время в данном исследовании я не рассматриваю архаизацию как деградацию общества и воздерживаюсь от использования понятий, коррелирующих с прогрессом или регрессом.

На уровне индивидуального поведения архаизацию можно сравнить с фрейдовской регрессией – механизмом самозащиты человеческого «я» в условиях невозможности адекватного ответа на психокультурные травмы, обусловленные растущей сложностью внешнего мира¹.

Причем если логика вторичной модернизации предполагает постепенное преодоление маргинализации и ликвидацию отсталости, то глобализация и логика постмодерна подобного универсального прогресса не предполагают, нарастает т.н. эксклюзия – исключение их социального поля.

Так, модернизация железнодорожного сообщения между Москвой и другими крупными центрами (Санкт-Петербургом, Нижним Новгородом и др.), как это ни парадоксально, выступает фактором еще большей изоляции

---

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекция 22. СПб.: Азбука-Классика. 2003.

глубинки: поезда наращивают скорость за счет сокращения количества остановок на промежуточных мелких станциях, сокращается количество пригородных поездов. В результате жители глубинки остаются без самого доступного транспорта и регулярной связи с центрами современного развития.

Становится привычным довольствоваться низким уровнем квалификации и не заботиться о его повышении.

Ответной реакцией на усложнение у наименее подготовленной части населения, в том числе у молодежи, становится уход от участия в решении социальных проблем, отказ от самоорганизации в пользу принятия стратегии пассивной адаптации и выживания.

Пассивность и архаичные адаптивные стратегии проявляются не только в профессиональных и общественно-политических, но и в досуговых практиках части россиян. Еще К. Маркс в «Экономических рукописях 1857-1859 гг.» указывал на свободное время как важнейшую форму общественного богатства: именно оно становится ресурсом для развития творческого потенциала человека. Но для того, чтобы досуг выполнял функцию развития человеческого потенциала, он должен быть содержательным, а не сводиться к архаичным формам отдыха как простого «ничегонеделания» и не расходоваться на выполнение рутинной домашней работы.

Сохранением архаичных межличностных связей и патернализма можно объяснить и воспроизводство в картине мира значительной части людей архаичных аскриптивных ориентаций в этнических, конфессиональных, мировоззренческих и субкультурных контекстах.

В качестве реакции на усложнение реальности распространяются массовые увлечения магией, колдовством и оккультными знаниями, языческими обрядами, а давно отжившие суеверия получают статус «народной мудрости».

Можно согласиться с исследователями, утверждающими, что «по контрастности и драматизму противоборства сил разума и невежества XXI век в чем-то очень напоминает XV-XVI века европейской истории»¹.

Дистанция между обывателем и ученым настолько велика, что деятельность последнего представляется мгновенным достижением целей, а длительный путь исследований, выдвижения и проверки гипотез, экспериментов, апробации результатов опускается.

Статья М.А. Антипова и Б.А. Дорошина² посвящена анализу постсовременности как особой стадии общественного развития, для которой характерна реанимация архаичных элементов социальной жизни. Основным проявлением архаизации в постсовременном обществе авторы считают его деинституализацию, т.е. размывание привычного социального порядка. (Заметим, что в рассматриваемых нами работах О.В. Нечипоренко используется термин «реинституционализация традиционных структур»). Говорится об эпохе «Нового средневековья».

Общепринятой в современном социогуманитарном знании, в частности в социологии, является точка зрения, согласно которой исторический процесс развития общества отождествляется с упорядочением совместной жизни индивидов, развитием общественных институтов, ритуалов и традиций. Постсовременность – стадия общественного развития, сменившая индустриальную эпоху модерна и соотносящаяся с постиндустриализмом, информатизацией и глобализацией, характеризуется деинституализацией, нарушением сложившейся на протяжении длительного времени упорядоченности социального мира и, в той или иной мере, деструкцией устоявшихся форм совместной жизнедеятельности людей. Под деинституализацией в данном случае мы понимаем не ситуацию полного разрушения институтов, не ликвидацию институальности как таковой, а текущий, пребывающий в нон-финальном становлении процесс.

---

¹ Красин Ю.А. Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки. М.: Ин-т социологии РАН. 2013.

² Антипов М.А., Дорошин Б.А. Деинституализация как проявление архаизации постсовременного общества // Научный вестник Омской академии МВД России № 3 (50), 2013. С. 29-33.

Он выражается во временном ослаблении, размывании, дисфункции, деформации и инверсии тех или иных составляющих институциональной сферы и представляется как отрицательная компонента ее трансформации при диалектическом осмыслении последней. Примерами деинституализации могут служить часто упоминаемые в современной научной литературе тенденции в практике социальной работы, связанные с вытеснением стационарных форм помощи сиротам, инвалидам, пожилым и другим социально незащищенным категориям населения в детских домах, социальных приютах, домах престарелых, домах-интернатах и других учреждениях стационарного типа надомными и полустационарными формами обслуживания.

Так, государственное право как важнейший общественный институт, обеспечивающий стабильность функционирования общества, в России 90-х гг. вынуждено было сосуществовать и во многих случаях конкурировать с «тюремным» или «криминальным» правом, т.е. системой нормповедения, составляющей неписаный кодекс для представителей криминальной контркультуры.

В рамках либерального дискурса экономическое неравенство часто оценивается как нормальное и даже полезное, как стимул развития, а «уравнительная справедливость» социализма критикуется как проявление архаизации¹.

Существенно, что в архаическом прошлом человека принцип выживания сильнейшего был наиболее выражен на его самых ранних этапах, когда в рамках первобытного стада происходили борьба биологического и социального и обуздание «зоологического индивидуализма» общественной солидарностью².

Таким образом, распространение индивидуализма и конкуренции взамен архаических коллективизма и кооперации, с которыми либеральная

---

¹ Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, №1. С.92.

² Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966. С. 3.16-17.

мысль связывает модернизацию и прогресс, можно диалектически рассматривать и как тенденцию архаизации, гораздо более глубокую по своему истоку. По отношению к последнему выявляется более прогрессивный характер коллективизма и кооперации, способствовавших развитию общественного производства¹.

Угрозе миру уже не со стороны коммунизма, а со стороны новейшего капитализма, или посткапитализма. Его стихийные силы выносят на глобальный уровень ожившие формы социального дарвинизма и эгоизма, обуславливающие расширение бедности, углубление разрыва между бедными и богатыми, возникновение новых форм угнетения и выступающие как откровенный вызов гуманизированной социальности правового государства.

В условиях аномии и духовного кризиса российский социум в последнее десятилетие XX в. во многом стал напоминать первобытное общество, с его дикостью и варварством. Начало XXI в. в российском социуме ознаменовалось усилением регламентации общественных отношений. Наиболее дикие проявления неоархаики стали уступать место порядку, некоторые аспекты которого позволяют характеризовать его как квазифеодальный, а социальная реальность в большей степени может определяться как «Новое средневековье». К образу последнего обращались многие отечественные и зарубежные мыслители, усматривая его актуальность в связи с рядом явлений Новейшего времени.

Н.А. Бердяев называл «Новым средневековьем» «ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа»².

Для 2012 г., в связи с распространением в информационном пространстве апокалиптических трактовок календаря индейцев майя, крайне значимой явилась реанимация в XXI в. Такой черты массового сознания, как

---

¹ Киселев Г.С. Статья человеком (сознание Постмодерна). М., 2004. С. 17-18.

² Бердяев Н. Новое средневековье// [Электронный ресурс]. URL:<http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn010.htm>

алармизм (повышенная тревожность, вызванная ожиданием глобальной катастрофы, апокалипсиса, конца света). Подобные иррациональные проявления сознания масс в средние века были вызваны преобладанием религиозного мировоззрения. Для Новейшего времени их истоки, по нашему мнению, стоит искать в общем духовном кризисе и аномии, когда сознание людей колеблется в широкой амплитуде между нигилистическим безверием и попытками страстно уверовать в любую доктрину, привнесенную в сферу внимания средствами масс-медиа информационными потоками.

Экранные средства формируют виртуальную социальную реальность, по форме упорядоченную и стабильную, но не отражающую реалий современного общества. Тем самым техника компенсирует процессы деинституализации тем, что продуцирует искусственную социальную реальность, создающую у членов общества чувство упорядоченности и стабильности, которое раньше обеспечивалось за счет традиционных социальных институтов.

В.А. Шупер с болью пишет об архаизации в науке, в том числе в географии. «С расстояния более двух столетий развитие «объективирующих наук» видится квинтэссенцией Просвещения, поставившего Разум выше Веры и не терпевшего никаких ограничений сферы рациональной критики»¹. Отмечается общий кризис рационализма на Западе, отказ от великих идей Просвещения. Говорит об архаизации представлений об окружающей природной среде.

В статье В.А. Кузьменкова² рассматривается специфика архаизации современного российского общества. Констатируются факты падения общего интеллектуального уровня населения страны, а также распространения мифологического мировоззрения в ущерб рациональному. Делается вывод о кризисе социальных отношений и не модернизируемости

---

¹ Шупер В.А. Рационалистическое мировоззрение в условиях кризиса рационализма: взгляд географа // Вестник АРГО, 2014 (3). С. 12-29.

² Кузьменков В.А. Архаизация мировоззрения и системы ценностей в современной России // Система ценностей современного общества. 2014. № 33.

общества. «Как ни парадоксально, но распространение социальных сетей и вообще интернетизация жизни современного человека – метод насаждения необразованности и узкого социального опыта».

Согласно А.С. Ахиезеру, «архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности»¹. Подобными локальными мирами сегодня выступают сословия, формирующие собственные аксиологические системы и модели поведения. Посредством этого они разрушают общую социокультурную систему и насаждают примитивные потребности и интересы. Происходит возврат сознания к традиционным ценностям, как к привычному набору смыслов и идентификаторов. Такого рода сознание на базе архетипов конструирует комфортный мир, в котором нет экзистенциальных проблем и преобладает мифологическое мировоззрение, обеспечивающее подлинное бытие².

Архаизация (и это одна из важнейших её черт) формирует идентификации «малого радиуса» – семья, трудовой коллектив, город, религиозная общность. Идентификации со страной в целом, или определёнными институтами (партии, общественные движения) довольно слабы и выступают скорее как констатации своей статистической принадлежности, чем как проявление органического сознания, однако они придают смысл жизнедеятельности индивидов.

Порядок институционализации архаики подробно описывает российский философ Ч.К. Ламажаа: «Структура архаизации общества включает в себя три основных этапа: 1) распространение в обществе кризисного социального самочувствия, которое выражается в ощущениях потери, растерянности,

---

¹ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 89.

² Финогентов В.Н. О свободе совести и о мировоззренческом детерминизме // *Трагический гуманизм: очерки онтологические, антропологические и аксиологические*. – Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2012. С. 214.

неуверенности; 2) оценка обеспеченности людьми своих базовых потребностей (физиологических, экзистенциальных) и ориентация на их скорейшее удовлетворение в наиболее простых формах, что связано с актуализацией архаических культурных смыслов и архаической субъективной организации социального окружения по зонам «свой – чужой – чуждый»; 3) влияние этих архаических культурных смыслов и субъективной организации окружения на социальные связи, социальные отношения, на функционирование социальных институтов в обществе»¹.

Десимволизация культурной жизни приводит к утрате культурой своего языка, так как сигнальный аппарат может рассматриваться только как частный случай естественного языка, нормальное функционирование которого зависит от символов². В связи с этим проблема сохранения в культуре спонтанности мышления приобретает большое значение. Поэтому культуре необходима антикультурная тенденция: архаизация³. Осуществление процедуры архаизации, по мнению М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, является прямой задачей философии. Именно философское умозрение таким образом восполняет потерю культурой связи с первичными условиями символизации сознания⁴. Философия реконструирует и сохраняет как определенные условия сознания, так и некоторые отношения вторичной символики к сознанию.

Таким образом, формализация производит «знание» и препятствует «пониманию», и наоборот, архаизация способствует «пониманию» и мешает производству «знания». Поэтому М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский считают, что для поддержания жизни культуры должна действовать какая-то пропорциональность между двумя указанными тенденциями, которая одновременно обеспечивала бы ее онтологичность и генезис.

---

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) / Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. – М., 2011. С. 9-10.

² Ключкина Л.А. К вопросу об онтологических основаниях культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 1 (25). 2009.

³ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М., 1999. С. 188-192.

⁴ Там же. С. 188.

Генеральным процессом являются как раз ускоряющаяся стандартизация и униформизация объектов культурного потребления, что само по себе является симптоматикой кризиса. Нужно ли особо доказывать, что этот процесс закономерно сопровождается профанацией всех тех пороговых смыслов – религий, научных теорий, ценностей, – которые были порождены эпохой «осевого времени» и всех последующих столетий проектно-ориентированного развития. Траектория от сакрального к профанному, от великого к смешному завершается очередным, но уже глобальным тупиком понимания.

И мы видим пока единственную и совершенно предсказуемую реакцию на этот исторический вызов. Эта реакция обнаруживает себя в облике консервативных поисков былого величия, попытках отгородиться, изолироваться, спрятаться от реальности, найти убежище в рукотворной реконструкции всего того, чего никогда не было – радикального ислама, православного фундаментализма, общеевропейской ментальности, вечного конфликта Запада и Востока, Юга и Севера.

Налицо желание «вынести» источник негативных переживаний за пределы своего «я» и освоенного этим «я» пространства. По существу, происходит описанная ещё Н. Бердяевым¹ подмена понятий, когда вместо того, чтобы взять на себя ответственность, индивид получает психологические дивиденды путём отнесения себя к некой сверх-персональной реальности «общего» – рода, народа и т.п. Механизм отталкивания от чужой культурной матрицы срабатывает в этом случае как метод преодоления собственных неурядиц путём определения области их происхождения как «чуждой», «чужой» собственному «я», растворённому в «коллективном бессознательном» кровно, лингвистически, ценностно, территориально и т. д. родственной общности.

Архаизация носит более комплексный и при этом однозначно синкретичный характер, опираясь не только на собственно религию и/или её

---

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Царство Духа и Царство Кесаря / сост. и послесл. П.В. Алексеева. М.: Республика, 1995. С. 97-99.

идеолого-социальные проекции, но является скорее целостным образом жизни, воплощённым в чётко и прагматично центрированную и строго регламентированную систему ценностей повседневной жизни, бытового и производственного поведения, эстетических предпочтений, распределения времени и т.д.¹

Поощрение сосуществования в рамках одного общества множества форм жизнеустройства, не имеющих единой основы, которые прежде было принято относить к разным ступеням социального развития, а теперь объявленных всего лишь проявлением разнообразия, создало благоприятные условия для активации архаичных культурных программ. Используя социальные и технологические ресурсы «обществ толерантности», преодолев исторические ограничения и оторвавшись от своей исторической основы, архаичные формы обрели новых носителей в лице квазиполитических субъектов, демонстрирующих враждебность к современной цивилизации и жаждущих ее уничтожения².

Наступивший в 2014 г. кризис в отношениях Российской Федерации с лидерами «глобального общества» должен напомнить российским интеллектуалам о том, что их роль не сводится к пересаживанию заграничных идей на отечественную почву, но предполагает производство собственных новаторских культурных программ, поиск незаимствованных ответов на вызовы современности, выработку адекватных инструментов для осмысления быстро меняющегося мира. Речь в данном случае идет о современном интеллектуальном производстве, которое нельзя заменить возрождением архаики, обращением к западничеству и славянофильству, которое во многом представляет собой проявление архаизации сознания, связанной со сломом советской культурной системы.

Западничество и славянофильство слишком прочно укоренены в реальности XIX в., когда Россия находилась на доиндустриальной стадии

---

¹ Силантьева М.В. Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 2. С. 78.

² Алексеева И.Ю. Гуманитарные технологии в контексте информационной войны // Информационное общество. 2015. № 6.

развития и значительная часть населения была неграмотна. Неудивительно, что слабость русской общественной мысли побуждала искать опоры то в культурно-политических формах «просвещенной Европы», то в традициях допетровской Руси, то в идеализированных образах славянского характера. В ходе этих поисков было сделано немало ценных находок, высказано много интересных мыслей, сохраняющих значение и сегодня. Но все же современное самосознание страны не может игнорировать изменений, происшедших в XX столетии.

Речь идет, прежде всего, о создании в СССР мощного индустриального и научного комплекса, о формировании образовательной системы, достоинства которой признают даже яростные противники советского строя. Речь идет также о событиях накануне и во время Второй мировой войны, обнаруживших неожиданную хрупкость европейской культуры, о выдвижении США на роль мирового лидера, о распаде Советского Союза и деиндустриализации постсоветского пространства, о великом переселении народов на евразийском и других континентах.

Современное национальное самосознание должно учитывать и вызовы нового века. Славянофильство с его постулатом о духовном единстве этнически близких народов – слабый помощник тем, кто хотел бы достичь такого единения в эпоху, когда сознание значительных групп населения форматируется и переформируется посредством информационно-психологических технологий, широко использующих манипулятивные приемы. В этом контексте реанимация архаических представлений становится результатом и средством манипуляций. Так происходит, например, когда главам государств приписываются сверхъестественные свойства (положительные или отрицательные), а знатные персоны «медийной деревни» – независимо от рода занятий и образования – выступают экспертами то в области кулинарии, то международного права.

Не лишены оснований утверждения тех, кто говорит, что современное человечество оказалось в ситуации «посткультуры», возникшей в результате кризиса ценностно-нормативных оснований культурных систем. Когда-то считалось, что находиться вне сферы действия подобных норм могут только люди «мало обработанного ума», чье сознание в силу условий жизни осталось «неокультуренным». Однако сознание современного человека нельзя признать необработанным – напротив, оно подвергается излишне интенсивной обработке со стороны множества конкурирующих сил, результатом чего становится не недостаток культуры, а состояние «посткультуры»¹.

В эпоху электронной культуры архаизация сознания проявляется, кроме прочего, в соскальзывании с уровня системного мышления, достигнутого человечеством к середине XX в., на уровень мышления ассоциативно-картиночного, освобождающегося от стремления к пониманию сути явлений, объективности и логической непротиворечивости. На этом уровне создаются благоприятные условия для того, чтобы неизбежно имеющиеся в обществе различия во взглядах на его настоящее, прошлое и будущее перерастали в информационную войну между носителями этих взглядов. На этом фоне особое значение приобретает проблема интеллектуального суверенитета личности и общества, которой долгое время не уделялось надлежащего внимания. Между тем именно интеллектуальный суверенитет является важнейшим условием сохранения социальной субъектности в информационную эпоху.

Важно понимать, что во взрослую жизнь уже входит молодежь, социализация и социальное развитие которой произошли в условиях глубокого кризиса духовной культуры. Соответственно, теперь уже они, как полноправные члены взрослого общества, будут воспитывать, социализировать подрастающее поколение, передавать ему социальный и культурный опыт.

---

¹ Алексеев А.П. Культура аргументации в посткультурном контексте // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2.

Архаизация находит свое выражение в самых разнообразных эффектах, большая часть из которых носит в целом отрицательный, чем положительный для общества. Несмотря на то, что феномен архаизации позиционируется учеными как определенный механизм «защиты» социума от ускоренной модернизации и быстрых перемен, все же стоит обратить внимание на зримые опасности архаизации, особенно применительно к социально-правовой системе российского общества начала XXI в. Речь идет об определенном возвращении к основам функционирования древних обществ (феодалного, раннего капиталистического), где особенный социальный вес имели коварство, вероломность, жестокость, агрессивность, физическая сила, излишняя эмоциональность и т.п. В современных условиях в ходе социализации и социального развития подрастающему поколению общество стремится в минимальной степени прививать данные качества. В случае если подобные личностные черты все же «приживаются» в человеке, зачастую мы имеем дело с девиантной, криминализированной личностью, которая априори попадает в группу «криминального риска». Не стоит забывать, что архаические формы общества, продуцируя черты «архаического человека» будут с неизбежностью детерминировать социальные потребности в особом праве, свойственном древним временам¹.

В отличие от регрессивных и традиционалистских движений прошлых эпох, нынешние «луддиты» действуют в условиях постмодернистской реальности, предполагающей плюралистическую вседозволенность, беспрецедентное развитие технологий манипуляции сообществами и индивидами, а также политической и идеологической неопределенности. Впервые в истории человечества подобные силы выступают не в роли маргиналов, обреченных на неуспех самим фактом отрицания прогресса и сопротивления ему, а в качественно ином виде. На карте мира с каждым днем увеличивается число территорий, так или иначе вовлеченных в процесс

---

¹ Карнаушенко Л.В. Правовая культура в контексте процессов архаизации современного российского общества // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29. С. 143.

сопротивления модернизации. Данное утверждение можно проиллюстрировать целым рядом факторов.

Наиболее ярким из них становится тот факт, что еще недавно успешно развивавшиеся арабские государства одно за другим погружаются в социально-политический хаос, из которого возникают новые квазигосударственные образования. На контролируемых исламистами территориях устанавливаются порядки, характерные для обществ премодерна: жесткая теократия, попрание прав человека, тотальное уничтожение инакомыслящих¹.

Но мифологизация и связанная с нею иррационализация этоса, – это признаки архаизации. Архаизация как таковая и представляет собой возвращение к древнейшим формам освоения действительности, основанным на мифологическом сознании. Ярким проявлением процессов архаизации в сфере религиозных традиций является их фундаментализация². Как и консервация, архаизация является антиподом модернизации, но между консервацией и архаизацией как способами адаптации традиции имеется коренное различие. Консервация представляет антитезу модернизации как культурное сопротивление новому тому, что сложилось, что модернистское сознание считает устаревшим, требующим изменения или оставления в прошлом. Архаизация требует возвращения в традиционное прошлое, поскольку модернизированное или модернизирующееся настоящее уже произвело такие культурные феномены, которые воспринимаются некоторой частью общества как угроза сохранению конфессиональной, национальной, гендерной и прочим идентичностям. Таким образом, консервация стремится сохранить то, что есть, а архаизация стремится возродить то, что было.

Специфической чертой консервации выступают ее попытки удержать наличные формы именно этнической культуры. Архаизация, особенно в

---

¹ Сергодеева Е.А., Маслаков С.В. Контрмодерн как проектное воплощение архаизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 164.

² Астапов С.Н. Религиозные традиции в условиях глобализации: модернизация, консервация, архаизация // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. Краснодар, 2015. С. 73.

форме фундаментализма, противопоставляет им, чаще всего, архаичные, изжитые, забытые этнокультурные формы, в редких случаях – некие знаковые для конфессии, но этнически чуждые культурные формы. Примером может служить ориентация среди исламских фундаменталистов на культуру Саудовской Аравии или Пакистана – стран, из духовных учебных заведений которых выходят активные фундаменталисты-ваххабиты, – в том числе в ее бытовых моментах. В этом смысле архаизация противостоит консервации как реформистская программа, поскольку ратует не за сохранение сложившихся устоев, а за их изменение. Консервация же не предполагает никаких реформ: ни по осовремениванию, ни по движению вспять, она усматривает во всяком движении почву для смятений и расколов, а в стойком хранении религиозно-этнической традиции – залог крепости устоев и порядка.

Фундаментализм воинственен в своем отстаивании «традиции». Воинствующий характер фундаментализма обусловлен нонконформизмом и антиформализмом, радикальным неприятием современности. Именно в этом коренится его связь с религиозно-политическим экстремизмом¹. Но он отстаивает не реальную и даже не историческую традицию, а мифологизированную или, по крайней мере, идеализированную, то есть, по сути дела, даже не охраняет, а конструирует ее в качестве социального идеала. Реальная традиция допустила модернизацию, а значит, с точки зрения фундаменталистов, она не может быть не только сакрализована, но и принята как «наименьшее из зол» по сравнению с современной глобализирующейся культурой. Поскольку фундаментализм профанирует традицию, старейшие представители общества (носители традиционной культуры) не могут восприниматься фундаменталистами в качестве авторитетов. Сакрализуется «традиция до традиции»: апостольская община у фундаменталистов-протестантов,

---

¹ Абдрахманов Д.М. Общественная безопасность и приоритеты профилактики экстремизма // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени. Материалы межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2016. С. 41-53.

институт Церкви до «Авиньонского пленения» у католиков, «византизм» у православных, умма Пророка у мусульман и т.п. Поэтому можно сказать, что фундаментализм, ориентируясь на традицию, идеалы, усматривает в более архаичной эпохе.

Одной из черт архаизации является восприятие социальной действительности в жесткой дуальной схеме, в которой свои, добро, истина, вера противостоят чужим (врагам), злу, лжи, неверию. При этом в стане «чужих» может оказаться кто угодно, но прежде всего те, кто разделяет ценности либерализма.

Близким этой черте является трайбалистское сознание, когда включенность в одно сообщество воспринимается почти как кровное родство в племени и, в то же время, как необходимость противостоять другим сообществам. В сфере религиозных отношений это проявляется наиболее отчетливо, поскольку религия выполняет интеграционно-сегрегационную функцию в обществе, объединяя единоверцев и разъединяя представителей разных конфессий.

Процессы глобализации сами служат одним из факторов архаизации сознания, религиозного в особенности, поскольку оно синкретично, и в этом синкретизме есть место и мифу, и мистицизму, и магии. Тиражирование в массовой культуре упрощенных сюжетов и схем межличностных отношений, нивелирование культурного разнообразия в «универсальных» продуктах, которые с равным успехом находят своего потребителя в разных странах, а вместе с тем свобода, простота и многообразие дистантных форм коммуникации, дарованные Интернетом и мобильной связью, порождают ситуацию невостребованности сложных форм социальной медиации, культурных кодов и возрождают архаичную инверсию – логику метания между полюсами дуальной оппозиции¹.

---

¹ Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования. [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: электронная научная библиотека. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf>.

Так, доминирование модернизации приводит к существенным трансформациям догматического сознания и разрушает конфессиональную традицию. Архаизация зовёт к далекому парадигмальному *illudtempus* (М. Элиаде), воскрешает отдельные элементы архаичной культуры, но к доминированию в религиозной традиции не имеет силы, поскольку существующие религиозные традиции в своё время уже изжили архаичные религии и имеют по отношению к ним отрицательный заряд. Доминирование консервации привело бы традицию к стагнации, нарушению адаптационных процессов, затем к реформированию по типу архаизации. В результате этого произошёл бы выход из рамок конфессиональной традиции в виде ереси, секты или самочиния (если использовать христианскую терминологию). Глобализирующаяся культура, с одной стороны, делает комбинацию этих трех механизмов адаптации религиозных традиций весьма динамичной, что служит свидетельством адаптационного ресурса традиции, но, с другой стороны, вызывает радикализацию некоторых религиозных групп.

1.4. Процессы архаизации в России и ее регионах

Очевидно, что происходящие социальные трансформации, сопровождающиеся антимодернизационными тенденциями и откатом к архаике захватили как постсоветское пространство, так и все регионы России. Обратимся к рассмотрению динамики проявления архаизации в субъектах Российской Федерации. Безусловно, полную картину по заявленному вопросу можно увидеть лишь по результатам широкомасштабных лонгитюдных исследований, мы же постараемся провести обзор научных публикаций, касающихся архаизации в российском социокультурном процессе и соотнести их с имеющимися научными работами. Основным интересом, в силу специфики предмета исследования, для нас представляют национальные регионы.

В 90-е годы прошлого века федеральный центр перестал должным образом контролировать национальные регионы, многие из которых в большей степени стали ориентироваться в культурном плане на родственные им по языку и религии государства. Священнослужители активно пытаются проникнуть в средние и высшие учебные заведения и в известной степени это им это удается. Идут сложные процессы сближения богословия с наукой. Министерство образования России обсуждает признание богословских ученых степеней и званий. Е.А. Ревуцкой подчеркивается проявление тенденций архаизации во всех областях жизни российского общества, делается вывод о значимости фактора архаизации для жизни современной России и утверждается необходимость учета особенностей регионов России при осуществлении управленческого воздействия с целью модернизации экономической, социальной и политической сфер общества¹. Очевидно, что разные слои общества существуют в разных временных измерениях, для них характерны свойственные именно своему времени атрибуты и характеристики. Налицо наличие информационного неравенства, гипертрофия теневого сектора экономики. В последние годы проявления архаизации можно отметить и в сфере литературы. Особенно популярным стал жанр антиутопии, что отразилось, например, в книгах В.Г. Сорокина «День опричника», «Сахарный кремль», «Теллурия» и др. Наглядно нашла отражение эта тенденция в «Манифесте» Н.С. Михалкова, в котором он ностальгирует по «старым добрым временам» и предлагает свой проект будущей России.

Прежняя советская идентичность, гражданская в своей основе, сменилась разными по происхождению и более архаичными идентичностями: этнической, конфессиональной или региональной. Представляется, что на уровне общества произошла более четкая артикуляция именно этих, более архаичных идентичностей. Место

---

¹ Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 150-153.

«большого нарратива» заняли множество мелких, «местечковых нарративов», которые разделяют страну на территории с разным по происхождению и культуре населением. В такой ситуации количество желающих заниматься внедрением инноваций, в целом модернизационными проектами вряд ли может быть хоть сколько-нибудь существенным. До сих пор не виден субъект, который в существующих экономических и социально-политических условиях будет проводником этих изменений.

Среди субъектов Приволжского федерального округа Татарстан и Башкортостан традиционно демонстрируют яркие примеры проявления как модернизационных, так и архаических тенденций. Г.Н. Нурышев, предлагая рассматривать социокультурные проекты с позиций внутренней геополитики, анализирует ситуацию в Республике Татарстан. Отмечается, что власти Татарстана использовали национализм и радикальный ислам и в качестве инструмента для шантажа федерального центра; все нынешние этнополитические процессы в Татарстане неизбежно ведут к моноэтнизации региона, что на практике приводит к исходу русских¹. Одной из самых громких, но официально не обсуждаемых проблем в Татарстане является проблема распространения радикального ислама в Поволжье.

В трудах исследователей из Башкортостана рассмотрены различные аспекты процессов архаизации². А.М. Буранчин, анализируя современное башкирское общество, приходит к выводу, что оно переживает сегодня крайне болезненную социальную трансформацию, вызванную переходом от аграрного, традиционного образа жизни к обществу городской культуры.

---

¹ Нурышев Г.Н. Внутренняя геополитика России: современные этнополитические вызовы // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент», 2013. – №2. [Электронный ресурс]: <http://www.economics.ihbt.ifmo.ru>.

² Буранчин А.М. Архаизация регионов как новый тип угроз общественной безопасности // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени. Материалы межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2016. С. 65-72; Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск 3 (19). 2014. С. 94-101; Абдрахманов Д.М. Процессы архаизации в России и ее регионах // Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / ГБНУ ИГИ РБ. – Уфа: Мир печати, 2015. С. 18-30; Демичев И.В. Кризис индустриального образования: институциональные ловушки и архаизация // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Российское образование в контексте взаимодействия со странами ШОС и БРИКС» / ГБНУ ИГИ РБ. – Уфа: Мир печати, 2014. С. 91-103.

Учитывая, что модернистская прослойка в башкирском обществе до сих пор крайне незначительна, и, в виду своей малочисленности, не может, как показывает практика, ни смягчить давление архаики, ни модернизировать его культуру, это может привести к активизации самых крайних форм башкирского традиционализма¹. В работе А.Б. Юнусовой² рассмотрен т.н. мобилизованный архаизм – новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман.

Подробно, хотя и не без некоторых противоречий, рассматривает вопросы отношения к традиционализму башкирский философ А.Р. Абдуллин³. Им подвергается критике работа З.Я. Рахматуллиной «Башкирская традиция (социально-философский анализ)»⁴. Отмечено, что упование на архаичные рудименты культуры выходит за рамки философской рефлексии и является «криком души», ответом человека оказавшегося в экзистенциальной ситуации выбора, смысл которого состоит в решительном отказе социальным переменам и возврате к жизни в коммуне, что «традиционно» для первобытного сознания. В итоге исследователь приходит к выводу, что «первобытное сознание» пытается прикрыть философией традиционализма свою историческую несостоятельность. В то же время А.Р. Абдуллиным утверждается, что не приверженность традиции, а открытость Судьбе задает историческое развитие, что в некоторой мере плохо соотносится с его критикой оппонентов в понимании феномена традиции.

Современное башкирское общество переживает сегодня крайне болезненную социальную трансформацию, вызванную переходом от аграрного, традиционного образа жизни к обществу городской культуры. Учитывая, что модернистская прослойка в башкирском обществе до сих пор

---

¹ Буранчин А.М., Вахитов Р.Р., Демичев И.В. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан. Уфа: Дизайн-Пресс, 2014. С. 180.

² Юнусова А.Б. Мобилизованный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН, 2015. №3.

³ Абдуллин А.Р. Традиционный ответ на вызов истории. Вызов (Часть I) // Аналитика культурологии. 2015. № 31. С. 157-171; Абдуллин А.Р. Традиционный ответ на вызов истории. Ответ (Часть II) // Аналитика культурологии. 2015. № 31. С. 172-184; Абдуллин А.Р. Время первобытного современника // Приоритеты социальной идентичности: история и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2009. С. 6-7.

⁴ Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа, 2000. 304 с.

крайне незначительна, и, в виду своей малочисленности, не может, как показывает практика, ни смягчить давление архаики, ни модернизировать его культуру, это может привести к активизации самых крайних форм башкирского традиционализма¹. Следует отметить, что в рамках рассмотренного выше исследования, Республика Башкортостан² относится к типу № 2 – «Регионы, продолжающие индустриальную модернизацию; первичная модернизация: уровни средний и ниже среднего, фазы роста и зрелости; вторичная модернизация: уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна (33 региона)». Примечательно, что было выявлено основное противоречие: регионы, успешно развивающиеся в социоэкономическом и социокультурном отношениях, не являются таковыми в пространстве модернизационных изменений³. Подробно процессы архаизации башкирского общества описаны в третьем разделе настоящей монографии А.М. Буранчиным.

Далее обратимся к имеющимся работам по Кавказскому региону России. Авторитетный этносоциолог В.А. Авксентьев отмечает продолжающуюся дерусификацию этого региона, отмечает происходящую дальнейшую актуализацию северокавказской региональной идентичности, вступающей в противоречие с общероссийской идентичностью. Также выделяется отличительная черта политических процессов на Северном Кавказе – межэтническая напряженность. В целом делается вывод, что северокавказский мир – это мир, претерпевший процесс ретрадиционализации⁴.

В отсутствие материалов по Чеченской республике и Ингушетии обратимся к исследованиям по архаизации социальной сферы Дагестана. А.-Н.З. Дибировым предпринята попытка выявления ключевых проблем

---

¹ Буранчин А.М., Вахитов Р.Р., Демичев И.В. Указ. соч. С. 180.

² Тарасов В.Т., Бойко И.И., Харитонов В.Г. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 11-19.

³ Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа // Социологические исследования. № 1. 2015. С. 19-26.

⁴ Авксентьев В.А., Васильченко В.А. Ставрополье многонациональное: напряжения, конфликты, пути стабилизации // Теория и практика общественного развития. № 16. 2014. С. 198-201.

современного дагестанского общества с позиций кризиса традиционного общества. Особое значение автор придает изменениям в социальной сфере дагестанского общества, которые существенно поменяли профессиональную, гендерную, демографическую, этническую, территориальную структуру общества¹. Также А.-Н.З. Дибиров связывает архаизацию и с внешним давлением глобализма, им утверждается, что Запад целенаправленно убирает с мировой арены вполне светские режимы, заменяя их на архаические. Архаичные страны не претендуют на долю в глобальном ресурсном пироге, политика архаичных стран обращена вовнутрь, а не вовне. Автором вводится термин «охранительный авторитаризм» который понимается не как синоним архаизации, но ее положительная сторона. Главная проблема, которая возникает при утверждении охранительного режима, заключается в том, что такой режим, опирающийся на прошлый опыт, сформировавшийся в более простых исторических условиях, не может обеспечить эффективное и адекватное управление на длительную перспективу. Охранительный авторитаризм выступает, в конечном счете, средством обуздания кризиса традиционного общества. С одной стороны, он обеспечивает целостность государства, оберегая его от разноса по этническим или конфессиональным признакам, с другой стороны, охранительный авторитаризм является серьезным препятствием на пути модернизации общества, на пути его движения к современности. При этом следует иметь в виду, что и в том и в другом качестве он не может быть долговечным, срок существования такого режима в полной мере зависит от степени кризиса традиционного общества. Под крылом охранительного авторитаризма как реакция на кризис традиционного общества и вызревают процессы архаизации.

Интересной является позиция А.-Н.З. Дибирова, согласно которой следует различать архаизацию как реакцию на кризисное состояние общества и архаизацию как реакцию на модернизационные процессы,

---

¹ Дибиров А.-Н.З. Дагестан сегодня: архаизация, или затянувшийся кризис традиционного общества // Исламоведение. 2014. № 1. С. 91-98.

инициированные сверху и слабо согласованные с традициями общества. На практике же мы имеем дело с социальными процессами, возникающими на стыке кризиса традиционного общества, модернизации и встречного процесса архаизации. Автором справедливо отмечается, что архаику следует отличать от традиции. Обращение к традиции это всегда осознанный процесс, обращение к традиции играет на современность, к архаике – против современности. Кризис традиционного общества сопровождается охранительным авторитаризмом и архаизацией обычно в тех условиях, когда обществу не предложена целостная идеология модернизации, воспринятая большинством населения страны и легитимирующая тем самым временные ограничения демократии в целях сохранения национальной государственности.

Исследуя архаизацию в экономике следует отметить моменты, связанные с закрытием промышленных предприятий, резким ростом сферы торговли и услуг, ликвидацией крупных аграрных хозяйств, повсеместном утверждении в сельской местности натурального хозяйства, отсутствии спроса на современную производительную технику, ликвидации исторически сложившегося баланса между равниной и горами, привнесением на равнину культуры хозяйствования, сложившейся в высокогорной местности (в Кизлярском и Тарумовском районах вырубаются сады, виноградники, освобождают площади для выпаса скота) и т.д.

Обращаясь к вопросам религизации и отношения к инновациям как сопутствующих анализу архаических проявлений А.-Н.З. Дибировым отмечается, что, русский этнический национализм и радикальный исламский фундаментализм – это проявления неадекватной реакции на инновации в традиционном обществе, а в плане архаики они выступают как отголоски древнейшей формы племенной розни. Это то, что в свое время американский футуролог Э. Тоффлер назвал футурошоком, шоком будущего. Технические инновации в России совпали с инновациями социально-экономическими («шоковая терапия» в экономике) и политическими (демократия западного

образца, нахлобученная на голову уставшего от тоталитаризма народа). Эти инновации привели к идеологическому, а затем и к духовному кризису всего общества. Шок будущего возникает тогда, когда наступает предел новизны, который может усвоить человек за короткий период времени. Шок будущего – это следствие страхов перед стремительными переменами, следствие состояния неопределенности, особенно в молодежной среде. Субъективная этническая самоидентификация, лишенная объективных оснований, находится в поиске более прочных оснований идентичности. И религия дает их, создавая иллюзию причастности к традициям, обычаям и укладу жизни этноса. Оппозиция начинает консолидироваться за пределами системы, принимая формы политического и религиозно-политического экстремизма. Экстремизм подменяет общую идею государственности той, которая отвечает его представлениям о власти и обществе. В этих условиях терроризм в отношении инакомыслия возводится в ранг справедливости. Происходит актуализация догосударственных политических практик, вплоть до обращения к архаичным формам управления: джамааты, съезды народов Дагестана, создание всякого рода землячеств, изменение в политической культуре, проникновение в повседневную практику функционирования государственных структур догосударственных форм и структур. Архаизация политических практик проявляется и в том, что происходит, по существу, легализация в политике криминала, а коррупционная сеть становится всеобъемлющей. В итоге А.-Н.З. Дибировым делается вывод, что салафизм стал знаменем в большей степени маргинализованной части дагестанского общества, лишенной во многом доступа к реальной власти и распределению общественного богатства, а традиционный ислам используется старыми социальными структурами для сохранения собственных позиций.

Рассуждая о тенденциях течения модернизационных процессов и их эффектах, И.С. Бакланов и И.Е. Зырянов утверждают, что надо четко осознавать, что проблема модернизации напрямую связана с проблемой национальной безопасности России, так как риски социального развития

делают насущно необходимой переструктуризацию российского общества в соответствии вызовами современности¹. Авторами отмечается, что в первые постсоветские годы Россия встала на путь так называемой «догоняющей» модернизации и, как выяснилось позднее, этот путь оказался «дорогой в никуда»: нельзя было слепо и бездумно копировать столь привлекательные в ельцинскую эпоху для новой элиты западные образцы экономического и политического развития, так как они были совершенно не адекватны социокультурным реалиям нашего общества. Именно этот факт создавал предпосылку для возрождения и усиления не только коммунистического, но и экзотического для нынешнего противоречивого техногенного постиндустриального мира архаично-мифологического «соборно-софийного» мировоззрения, породило монархические экспектации и целый спектр антидемократических настроений. И если раньше, в начале XX века, интеллигенция искала ответы на терзавшие ее вопросы у К. Маркса, то в конце XX века многим представителям российской интеллигенции привлекательными стали казаться образы далекого прошлого, подпитываемые идеями славянофилов, В.С. Соловьева, религиозных философов «серебряного века» и евразийцев. Понимая, что результатом «догоняющей» модернизации зачастую становится утрата традиционной культуры без обретения новой, многие увидели социальный идеал в идеях философов аграрно-крепостной России XIX века (учения которых, безусловно, заслуживают внимания именно с точки зрения их значимости для истории философии), вместо того, чтобы созидать в гармоничном единстве отечественных духовных традиций и техногенных новаций новую культуру российского общества и создавать адекватную вызовам и угрозам современности идеологическую базу развития Родины. Однако политические и экономические реалии рубежа тысячелетий отрезвили

---

¹ Бакланов И.С., Зырянов И.Е. Социально-философский аспект проблем модернизации российского социума // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 1 (30). С. 94-98.

многих отечественных интеллектуалов, повернув их от умиления лубочным прошлым к решению насущных проблем настоящего.

Инновационная интенция, в которую погружается человечество, ведет к тому, что неизмеримо возрастает активная роль культуры как особого механизма легитимизации новаций. Культура выступает активной формообразующей силой современного социума, его демиургом, действуя через возникшие и стремительно развившиеся в XX веке механизмы индустрии моды, имиджмейкерства, средств массовой коммуникации и т.д.

Демодернизация получила ряд других наименований с учетом региональной специфики: «ретрадиционализация», «архаизация», «патриархализация» и др. Эти процессы существенно затрудняют реализацию российского модернизационного проекта, приводят к формированию нескольких конкурирующих цивилизационных пластов внутри страны, препятствует укреплению общероссийской идентичности. Влияние конфессионального фактора на эти процессы является вторичным, хотя нередко именно этот фактор эксплицируется как основная линия внутрицивилизационного раскола в России. Одним из таких «расколотых» регионов является Юг России, включающий в себя северокавказский регион. Демодернизация на Юге по своим социально-политическим и политико-конфликтным следствиям имела наиболее глубокий и вместе с тем довольно противоречивый характер. Главное следствие наблюдаемой экономической демодернизации – архаизация социальных связей, возрождение и явное доминирование этноклановых отношений в республиках региона, нарастающий раскол южного макрорегиона на активно модернизирующийся Азово-Черноморский субрегион (в который в связи с подготовкой к олимпиаде в Сочи текут финансовые реки) и все более и более погружающееся в архаику все еще конфликтное Восточное Предкавказье (СКФО – в административно-территориальном делении России).

Названными авторами отмечается, что ориентация на правовую государственность – это ориентация на обретение и закрепление новой, весьма отличной от «соборно-этатистского» партикуляризма культурно-цивилизационной идентичности с референцией на глоболизирующиеся европейские государства и ведущие страны-локомотивы глобализации (но не вестернизации!) с декларированием и соблюдением равенства всех акторов глобализации между собою. Таким образом, в условиях трансформаций социальных институтов, ценностей и норм, наблюдаемых в современном мире, прежде всего в его наиболее динамичных частях как на Западе, так и на Востоке, актуализируется проблема эффективности «догоняющих» моделей и инновационных, флексибильных (гибких) стратегий модернизации. Экономическая и технологическая модернизация – самый динамичный и поверхностный тип модернизации, а поэтому самый неустойчивый.

Заметим, что важно помнить, процессы глобализации во многом выступают в роли внешнего субъекта российской модернизации, вызывая адаптационную реакцию российской социокультурной системы в целом и отдельных ее составляющих.

Исследуя гендерные диспозиции в современной северокавказской семье, Л.В. Клименко по результатам своих исследований приходит к выводу, что сфера гендерных отношений Северо-Кавказского региона характеризуется преимущественно традиционалистским содержанием в Ингушетии и Адыгее, что говорит об антимодернистском потенциале социокультурных практик их населения¹.

В эпоху стремительного развития устройств связи и также информационной насыщенности происходит культурная деградация. Она объясняется тем, что центральная нервная система человека как итог очень долгой эволюции не может адаптироваться к такому временному сжатию, которое наблюдается сейчас. Парадоксально, но прогресс информации

---

¹ Клименко Л.В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 20-31.

приводит к снижению информированности – снижается ее качество, увеличивается количество мусора. Общественное сознание в период нестабильности обратилось к своим традиционным, этническим формам сосуществования. Именно в такие моменты и происходит идеализация национального, мифологизация и героизация прошлого. В условиях дезинтеграции стала проявляться регенерация комплекса архаических явлений, представлений и норм поведения.

Грандиозность выдвинутой и претворенной в жизнь программы возрождения и подъема культуры малых этносов в Советском Союзе поражает своими достижениями и не имеет аналогов в мире. Кардинальные социалистические преобразования не уничтожили культурные традиции народов, а способствовали их сохранению.

Э.Н. Тужба и С.К. Пчегатлук, анализируя положение адыгского этноса, отмечают, что представитель адыгской культуры не мыслит себя вне собственной социокультурной группы – фамилии, родственников. Оценка деятельности человека по общепринятым западным стандартам компетентности и профессионализма в экономическом, политическом процессах здесь не совсем корректна¹. Таким образом, архаические напластования в культуре все больше институционализируются препятствуя во многом инновационному развитию этноса.

Далее рассматривая малые этносы Сибири, имеющие статус коренных малочисленных народов можно выделить следующие исследования. В работах О.В. Нечипоренко анализируются стратегии адаптации и интеграции малого этноса в индустриальное общество, автором утверждается, что одно из следствий интеграции этнолокальных сообществ – это реинституционализация традиционных социальных структур, а также традиционных установок и стереотипов, сопровождаемая ростом самосознания и активности национальных элит. Основными

---

¹ Тужба Э.Н., Пчегатлук С.К. Адыгский этнос в условиях глобальных вызовов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1 (57). С. 177-180.

субъектами этнической мобилизации выступают этнические элиты¹. Говоря об адаптационных стратегиях сельских локальных сообществ, автор количественно оценивает долю перераспределяемых в пользу сельских локальных сообществ ресурсов в общем объеме экономики домашнего крестьянского хозяйства. Как оказалось, этот показатель составляет, по меньшей мере, половину всех материальных средств, используемых сельскими жителями (а весьма вероятно, что и значительно больше). Только прямые денежные трансферты (пособия, пенсии) составляют более 40% всех денежных поступлений. Значительная часть редистрибутивного потока присваивается хозяйствами в натуральной форме (топливо, корма, техника, сельская инфраструктура)².

У.А. Винокурова, исследуя коренные народы Сибири, признает наличие тенденций архаизации, но оценивает их больше положительно, чем отрицательно³. Ею утверждается ценность модели соуправления, которую можно наблюдать с определенной долей условности в ряде регионов, например в Республике Саха (Якутия). Ее суть заключается в существовании органов самоуправления во всех трех ветвях государственной власти, где преобладают представители коренных народов. Эта модель распространена в Канаде и Скандинавских странах. В Республике Саха выработана законодательная база, защищающая традиционные ценности коренных народов Якутии.

Серьезный интерес представляют исследования уже упоминавшейся Ч.К. Ламажаа⁴ по архаизации общества в период социальных трансформаций, в частности социально-философский анализ т.н. «тувинского феномена». В частности ею отмечается, что «история показывает, что возрождение архаики само по себе не является

---

¹ Нечипоренко О.В. Интеграция малого этноса в индустриальное общество: стратегии адаптации // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2009. Том 7. Выпуск 1. С. 107-112.

² Нечипоренко О.В. Адаптационные стратегии сельских локальных сообществ: новые аспекты типологии // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Том 6, выпуск 2. С. 108-114.

³ Винокурова У.А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? // Знание. Понимание. Умение 2015. №2. С. 106-117.

⁴ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена) / Автореф. дис. докт. филос. наук. М., 2011. – 43 с.

деструктивным процессом. Наоборот, это ресурсосберегающий и обеспечивающий выживание социальный механизм, который за счет максимального упрощения упорядочивает социокультурную жизнь, позволяет обществу, группам, индивидам сохранять свою идентичность и социальный порядок в кризисных условиях» и «гибкость и последовательность социального реформирования обусловят не болезненную реакцию, «восстание» архаики, а ее присутствие в общественном менталитете, картине мира и затем – постепенный отход, «преодоленность».

Результаты исследования архаизации и неотрадиционализма в регионах Уральского федерального округа представлены в публикации Ч.К. Ламажаа и Н.Г. Хайруллиной. В результате обобщения материалов ими была сформирована наиболее общая региональная модель, в которой были выделены волны архаизации (понимаемой как неосознанный стихийный социальный процесс массового обращения к архаическим социальным и культурным практикам в условиях социальной неопределенности и даже враждебности) и формы неотрадиционализма (процесс осознанного выбора отдельными социальными группами, движениями традиционных социокультурных практик для поддержки этнокультурной идентификации, развития традиционной культуры в условиях социальных изменений, модернизационного развития)¹. Авторами отмечается, что в экономической сфере проблема неплатежей на предприятиях стала решаться при помощи архаического инструмента – бартера, который, в свою очередь, стал фактором неплатежей.

Далее отмечен важный факт проявления региональной идентичности, заключающийся в том, что сформировался своеобразный региональный тип человека – «уралец». Отмечается также, что для возрождаемого по всей стране казачьего движения, которое можно расценивать как особую форму

---

¹ Ламажаа Ч.К., Хайруллина Н.Г. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского Федерального Округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 29-38.

неотрадиционализма, характерна комплексность и многоаспектность. Здесь исследователями отмечается и особая религиозность данной социальной группы (например, православие, а также старообрядчество в среде уральских казаков), особая праздничная культура, военно-спортивные традиции и пр.

Серьезный интерес представляют данные опросов населения относительно верований. За четверть века позиции россиян по вопросам веры в приметы, предсказания, колдовство и прочие «чудеса» стали более определенными и сместились скорее в сторону скептицизма. Исключение составляют предсказания, колдовство и общение с духами. Сегодня более половины опрошенных (55%) считают возможным предсказывать будущее (38% в это не верят), тогда как в 1990 году доли верящих и неверящих составляли 43% и 21%, соответственно, а 36% не могли дать определенного ответа. Со времен перестройки больше стало тех, кто полагает, что некоторые люди имеют колдовские силы и способны наводить порчу (с 37% в 1990 году до 48% в 2015 году). Среди женщин (58%), жителей малых городов (50%) данные ответы фиксируются чаще, чем среди мужчин (36%), москвичей и петербуржцев (38%). При этом возросла и доля неверящих (с 33% до 44%), а число тех, кто не определился со своим мнением, сократилось (с 30% до 8%). Приметам верит половина граждан (50%), женщины в два раза чаще, чем мужчины (62% против 36%)¹.

Очевидно, что важная, все более выпукло проявляющаяся себя проблема архаизации привлекает все большее внимание исследователей. Важно, трезво оценивая эффекты модернизационных процессов и тенденций архаизации, выработать научно обоснованные подходы к реагированию на негативные аспекты их проявления. Современное российское общество, переживающее очередной виток социально-экономического кризиса не может одномоментно покончить с архаичными проявлениями, выступающими в качестве своеобразного амортизатора, в то же время важно

---

¹ ВЦИОМ http://www.bashinform.ru/news/779175-bolshinstvo-rossiyan-veryat-v-predskazaniya-i-koldovstvo-vtsiom/?sphrase_id=745605

понимать, что застревание в архаике перечеркивает надежду на скорый выход из кризисного состояния и, даже усугубляет его. Соответственно представляется необходимым двигаться по пути синтеза традиций и новаций, реализуя масштабные модернистские проекты.

1.5. Архаизация в постсоветских республиках и риски инокультурной миграции

В обществах, принявших вестернизацию, последняя приводит к установлению так называемого периферийного капитализма. Его особенность заключается в двойственности развития общества, где, с одной стороны, периферийный капитализм ведет к появлению своеобразных анклавов модернизированного производства и «современного» образа жизни, а с другой – к постоянному сохранению отсталости и архаизации доминирующей части общества. Развитие периферийного капитализма есть воспроизводство обездоленности. «Система исключает широкие массы населения, которые оказываются обреченными на прозябание на дне социальной структуры»¹.

Вестернизация, распространяемая на все сферы общества и периферийный капитализм стали осуществляться с опорой на узкий слой компраторов, готовых продать интересы своих народов за собственное благополучие. Национальная элита окрасилась в цвет компраторской буржуазии, осуществляющей торговое посредничество с иностранными компаниями на внутреннем и внешнем рынках, продающей природные ресурсы, землю и выкачивающей доходы в пользу иностранного капитала.

Архаизация политики и в целом регресс к дологическому типу мышления в современной Украине рассмотрен в статье А.А. Сошникова². Автором отмечается, что в XXI столетии Украина перестала быть развитой

---

¹ Пребишь Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992. С. 22.

² Сошников А.А. Феномен контрмодернизма: архаизация культуры в постмодерном обществе (украинская версия) // Теория и практика общественного развития. № 8, 2013. С. 22-23.

индустриальной страной и постепенно превращается в культурное гетто, элиты возвращают общество в регрессивное состояние и ведут к культурной деградации. «Постмодернистские процессы приобрели такие радикальные формы, что целесообразней было бы вести беседу о контрмодернизме (термин российского политолога и общественного деятеля С. Кургиняна) – регрессе к дологическому типу мышления». Украинская идеологическая архаика, опирающаяся на установки и культурные достижения украинского национального возрождения XIX в., выглядит, мягко говоря, неадекватно. В то же время следует отметить, что украинская версия постмодернизма – это полностью самодостаточное культурно-смысловое явление, не построенное на каких-либо модернистских позициях. Это не обратная реакция на деформацию традиционных национальных ценностей, а полная подмена их определенными архаическими рудиментами. Это создание форм при полном отсутствии какого-либо содержания. Так, например, одиозным явлением, что родилось в вихре событий независимости, стала так называемая «шароварщина» – поверхностная, крайне несерьезная трактовка украинской культуры, сведенная к примитивным элементам национального бытия. «Шароварщина» для многих украинцев стала новой культурой, отождествленной с культом сала и галушек, с вышивкой (часто даже неукраинского производства) и с обязательным атрибутом массовых гуляний с национальным колоритом – шароварами. Словом, это культура низкого качества, которая спекулирует на национальных мотивах. В современной Украине уже довольно длительное время с гордостью демонстрируются «символы национального возрождения» – разбитые трипольские «глечики», казацкие чубы, хоральные песнопения ряженых старушек, малороссийскую литературу 200-летней давности, поминальные собрания у братских могил, торжественные «ходіння» и «стояння»... Но на этом не исчерпывается «мягкая сила» «вышиваночного» народничества. Фактически происходит вытеснение украинского современного общества в отсталое «хуторянское» существование.

Далее А.А. Сошников пишет, что, возможно, свежему взгляду непредвзятого наблюдателя откроется многое из того, что стало привычным для большинства украинцев. Прежде всего, он, наверное, станет считать, что основными чертами украинской ментальности является неприятие прекрасного, пренебрежение моралью, неуважение законов, социальная апатия. По нашему мнению, в городской среде доминирует серость и однообразие, а жизненное пространство сельских жителей настолько непривлекательно, что слово «трудолюбие» сложно употребить относительно массы крестьян. В современной Украине не существует интереса (в широком смысле этого слова) к науке и искусству, за исключением песен и музыки. Поэзия и художественная проза вызывает равнодушие большинства украинцев из-за сомнительного художественного достоинства произведений, а так же из-за литературного невежества украинской молодежи. Туманные познания в религиозных культах и тотальная вера в потустороннюю жизнь распространены довольно широко, однако следование основным христианским доктринам даже среди верующих чаще всего показное. Пафос исторического прошлого, в котором часто присутствуют довольно недостойные страницы, и отгороженность от кипучего цивилизационного сегодняшнего дня стали за время независимости доминировать в народной ментальности. Как пример идеологической архаики, в нынешней Украине можно наблюдать процесс кристаллизации «метропольной» идеологии, которая объединяет князя Кия с запорожскими казаками и укореняет их вместе где-то в седой трипольской древности.

Таким образом, можно сделать вывод, что вместо наследственности дискурсов, на Украине произошло их смешивание (миксеризация). Один из дискурсов (постмодернистский) получил признаки условно регуляторного или «модераторского», а остальные (включая архаические постсоветский и рустикальный) – были наделены признаками инструментальных дискурсов.

Однако, в условиях кризиса, архаический субстрат пасионаризуется и превращается в могучую силу, способную уничтожить любые ростки модернизации. Мы считаем, что контрмодернистский сценарий «развития» губителен для постсоветских стран, свидетельством чему является пример Украины, которая постепенно превращается в культурное гетто. Все те архаические проявления культуры, которые не способствуют развитию общества, формированию полноценно мыслящей личности, являются вредными и опасными, так как возвращают общество в регрессивное состояние и ведут к культурной деградации.

Вот пример архаизации жизни населения Кыргызстана¹: «Архаизация наиболее конфликтно протекает в политической сфере страны. Она началась в 70-е годы с массовой миграцией в города сельских жителей – истинных носителей архаичной психоментальности. Города оказались неспособными адаптировать к своей культуре такие массы переселенцев (население городов за 20 лет увеличилось почти в два раза), мигранты были предоставлены самим себе. Выходцы из сельских местностей, оставаясь без государственной поддержки, вынуждены были утверждаться в городах, максимально используя архаичные способы выживания, а они, как известно, большей частью основаны на насилии и праве сильного». Кроме того, путь вестернизации привел к глубокой трансформации социальной структуры, кризису общественного и нравственного бытия людей. Произошел разрыв социальных связей, разрушение прежних социальных групп, что привело к маргинализации населения. Внутренняя массовая миграция (из сел в города) породила обширную безработицу, неформальный сектор занятости и городской пауперизм. Сотни тысяч людей оказались исключенными из нормальной структуры занятости, выключенными из производственного процесса, работая в сфере мелких услуг и розничной торговли,

---

¹ Асанбеков М.К. Архаизация жизни населения Кыргызстана / Проект «Время Востока» Института стратегического анализа и прогноза (ИСАП) / <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/arkhaizatsiya-zhizni-naseleniya-kyrgyzstana>.

примитивного («кустарного») предпринимательства и разовых акций¹. Сегодня Кыргызстан утратил былой индустриальный облик, превратился в развивающуюся отсталую аграрную страну. С 1991 г. по 1995 г. ВВП страны практически сократился в два раза (на 45%), что к настоящему времени в более чем 12 раз привело к резкому снижению уровня жизни людей.

Одной из отличительных черт этнократии, по мнению российского социолога Ж.Т. Тощенко, является их клановость в осуществлении властных полномочий, оживление и возрождение амбиций и претензий различных племен, родоплеменных образований. Факты клановости составляют основу противостояния различных этнополитических групп². Родоплеменные отношения, которые «реанимировались» позднее, в рамках современного государственного строя в форме кланово-корпоративного трайбализма, играли базовую роль в социально-политическом устройстве и межличностной коммуникации в кыргызском социуме, как и во всех восточных государствах. До обретения государственной независимости, в Кыргызстане долгие годы родоплеменные отношения сохранялись в «замороженной» форме господства советской идеологии, которые затем получили бурное развитие и приобрели доминантный характер. Сегодня деление по родам как на уровне повседневной социальной практики, так и на уровне государственной политики стало значимым фактором, обеспечивающим некие гарантии и преимущества. Так, наличие в составе определенного клана высокопоставленного чиновника укрепляет позицию всего рода, а его снятие с должности (ухода с политической арены) снижает статус клана.

Процессы глобализации, а также не завершающийся переходный период в среднеазиатских республиках накладывают серьезный отпечаток и на социокультурные процессы внутри России. В силу произошедших

---

¹ Исаев К. Народные революции и время смятения: историко-социологическое прочтение кыргызской реальности // Социологические исследования. № 8. 2014. С. 49.

² Тощенко Ж.Т. Этнократия // Татарский мир. 2004. № 17.

социальных трансформаций происходит дальнейшая атомизация общества, утрата населением традиционных форм солидарности, коллективизма, в настоящее время можно говорить о непредсказуемом, аномичном, турбулентном развитии социальной системы. Наряду с массой ставших уже привычными социальных проблем появляются и прогнозируется появление новых. Существенная часть из них связана с изменением демографической ситуации и растущими миграционными потоками.

«Россия стала второй по популярности (после США) стран для миграции в 2013 году, – говорится в опубликованном 11 сентября докладе ООН. – Число же международных мигрантов в мире достигает 232 млн. человек»¹.

Следует готовиться к тому, что приток мигрантов возрастет (согласно прогнозу Росстата, миграционный прирост в 2012-2030 гг. даже по «среднему» варианту будет существенно выше современных масштабов и составит 7,2 млн. человек). Неотвратимо и то, что это будут иноэтничные мигранты – ввиду сокращения миграционного потенциала российских соотечественников². Также безусловно свой серьезный отпечаток накладывают бурные процессы прироста населения в среднеазиатских республиках.

Как показывают исследования экспертов ООН и отечественных ученых, для того чтобы поддерживать численность трудоспособного населения на постоянном уровне, России уже сейчас нужно принимать ежегодно (по медианному прогнозу) в среднем около 700-800 тыс. мигрантов (нетто-миграция) и постепенно наращивать этот объем до 1,5-1,7 млн. мигрантов³.

---

¹ Population Facts. United Nations. No. 2013/2 / Department of Economic and Social Affairs – Population Division September 2013 // http://www.un.org/en/ga/68/meetings/migration/pdf/International%20Migrants%20Worldwide_totals_2013.pdf.

² Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / В.И. Мукомель; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. С. 4.

³ Алешковский И.А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации № 1, 2011, С. 177-178.

Современные миграционные процессы П. Штомпка относит к новым формам риска, выступающим следствием посткоммунистической трансформации, а суть их видит в «расширении контактов с группами, которые являются «чужими» – чуждыми в этническом и культурном отношении»¹. Травматические последствия массовых перемещений населения возникают как на локальном («коллективная травма»), так и на социетальном уровнях («историческая травма»)². Основными травматическими последствиями на социетальном уровне выступают снижение стабильности, безопасности социальных субъектов, необходимость адаптироваться к новым условиям. «Рискованность» миграционных процессов для локальных сообществ заключается в «деструкции и дезорганизации групповых культур, систем норм, ценностей, убеждений, объединяющих коллективы, вплоть до полной утраты идентичности», т.е. в социокультурной сфере риски являются производными от возможности потери собственной идентичности.

Многочисленные опросы общественного мнения свидетельствуют о наличии в обществе мигрантофобий, которые складываются под воздействием позиции СМИ и властных органов по этому вопросу, политизированности сознания, а также негативных стереотипов сложившихся вокруг всех диаспор, независимо от того, насколько они оправданы. Опорой мигрантофобии выступают этнические, конфессиональные и расовые маркеры (чаще их смешение) в идентификации мигрантов как «чужих», а, следовательно, в качестве объекта ксенофобии. В последнее время можно говорить о появлении т.н. синофобии, связанной с массовым появлением мигрантов из Китая³.

Актуализировалась и конфессиональная составляющая миграционных процессов. Религиозная основа этнической общности играет существенную

---

¹ Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 481.

² Там же. С. 477.

³ См.: Шевченко О.М. Ксенофобия: сущность и виды в эпохи домодерна, модерна, позднего модерна / Автореф. дис. докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2014.

роль в интеграции мигрантов и зачастую их интеграция идет лишь по религиозному направлению, что также потенциально осложняет ситуацию. Процесс религиозизации политики в современной России крайне опасен, поскольку, как и любой фундаментализм радикален и неуступчив.

В ряде областей РФ этнические миграции значительно влияют на демографическую ситуацию, приводя к снижению удельного веса коренного населения. Изменение этнического состава приводит к росту напряженности между мигрантами и принимающим населением. Первые начинают осмысливаться как конкуренты на рынках труда, нарушители общественного порядка и т.д. Негативный образ мигранта прочно закрепляется общественным мнением независимо от того, насколько он оправдан, что способствует распространению мигрантофобии с этнической окраской и возникновению конфликтов на этнической почве. Усиливают свое влияние политические партии националистического характера, активизируются движения экстремистского толка. Выделяют¹ определенные риски как фактор интолерантного отношения к мигрантам (экономические, социальные, социокультурные, физические, психологические). Можно также говорить о взаимосвязи миграции и изменения генофонда населения, распространения инфекционных заболеваний и пр.

Доля этнических русских в потоке иммигрантов сократилась с 61% в 1993-2000 гг. до 33% в 2007 г. после этого Росстат прекратил сбор данных об этническом составе мигрантов².

Таким образом, в России возможна следующая чреватая конфликтами, ситуация: появление внутри «тела» российской культуры анклавов архаичной культуры и соответствующих коллективных акторов (об угрозе наступления «степи» предупреждали еще русские мыслители XIX в. А.И. Герцен и В.С. Соловьев)³.

---

¹ Шлыкова Е.В. «Риск» как фактор интолерантного отношения к мигрантам // Социология: 4М. 2010. № 30.

² Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования, 2014. № 9. С. 25.

³ Яницкий О.Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социологические исследования, № 3, 2013. С. 54.

В России в результате перманентного экономического кризиса и распада социальной сферы развиваются многочисленные формы социального варварства, свидетельствующие о глубочайшем неблагополучии общества, усугубляют которое наркомания, алкоголизм, психические заболевания, бездомность, детская беспризорность, проституция, эпидемия СПИДа и венерических заболеваний и пр. (к примеру, одаренных детей у нас выявлено на треть меньше, чем в других странах, а крайне ограниченных – на треть больше¹).

Стоит отметить, что в СССР в середине прошлого века, а также в республиках бывшего СССР после его развала был уже прецедент с массовой миграцией из сел в города, который, по мнению ряда исследователей (А.С. Ахиезер), привел не столько к эффективной урбанизации, сколько к привнесению в города и отчасти закреплению в них элементов архаичной культуры.

Очевидно, что остро стоят вопросы интеграции мигрантов в российское общество², однако следует отметить важный момент, что интеграция – это процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу. Однако уже описанные нами явления мигрантофобии и влияние роста «молодежного бугра» в Средней Азии окажут несомненное влияние на эффективность интеграции мигрантов в России.

Говоря о привлечении мигрантов для работы, разумеется, приходится признать, что это фактор архаизации нашей экономики, поскольку речь не идет об инвестициях или инновациях со стороны приезжих. Это и следствие структурных проблем, коррупции, отсутствия четких сигналов от государства. Однако в настоящее время все явственнее проявляет себя

---

¹ Комсомольская правда. 2010. 11 января.

² Абдрахманов Д.М., Демичев И.В., Нугуманов М.М., Кагарманов Р.Ф., Дусмухаметов Ф.А. Интеграция инокультурных мигрантов в России. Уфа: ДизайнПресс, 2014. 248 с.

архаика в сфере культуры, политики, социальной жизни. Ряд исследователей отмечал, что в 90-е годы прошлого столетия произошла существенная архаизация российской государственности¹.

В одной из своих работ², посвященной диалектике урбанизации и миграции в России, А.С. Ахиезер отмечал: «Мигранты, хлынувшие в города, на первый взгляд, воплощали в своем движении политику индустриализации государства и одновременно реализовывали свои личные планы. Как могло показаться, исчезла двойственность государственно направляемой урбанизации и личных планов, возникло «морально-политическое единство советского народа». Тем не менее, по историческим меркам это был лишь миг. В город хлынула архаичная рабочая сила, десятки миллионов неквалифицированных людей, в значительной степени приверженных тотемизму, стремящихся отдать бремя решений «тотему-отцу-вождю». Это означало, что потоки мигрантов сметали достижения урбанизации прошлого, заключающиеся в развитии очагов (впрочем, немногочисленных) урбанизированной культуры. Об урбанизации в этих условиях можно говорить лишь с существенными оговорками. Урбанизация, фокусом которой является формирование качественно новой для общества урбанизированной культуры, вошла в противоречие с массовой миграцией, несшей в города архаичный потоп. Архаизация хорошо видна при изучении специфики культуры горожанина. Результаты исследований показывают, что городское (но статистике) российское общество имеет в значительной степени аграрный менталитет. К его признакам можно отнести и приоритетность продовольственного самообеспечения, и негативное восприятие социального неравенства и купли-продажи земли, и подозрительное отношение к иностранцам и т.д.

---

¹ Крупкин П.Л. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России // Научный эксперт. 2009. №7-8. С. 86-88.

² Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность, 2000, № 1. С. 84.

В результате объективной слабости социальной системы в России крайне актуальным является вопрос о стратегии интеграции мигрантов, о преодолении привносимой ими архаики, дабы она сама не стала доминирующей детерминантой. Как показывает практика, мигранты склонны жить закрытыми анклавами с жестким следованием собственным нормам, традициям и установкам. Вспомним чайна-тауны по всему миру, закрытые диаспоры у нас в стране, в том числе такую крупную как вьетнамская у нас в республике.

Один из выводов состоит в том, что наследие советского периода в постсоветских государствах постепенно уступает влиянию их векового исторического прошлого. Как отмечал Л. Бызов, «говоря о перспективах собственно «консервативной революции» необходимо признать, что «субъектность, связанная с мифами и ценностями советского традиционализма, является отмирающей, что исключает регенерацию коммунистического фундаментализма в какой бы то ни было форме». Безусловно также, что не регенерируем и дореволюционный традиционализм, что делает бесперспективной попытку восстановления субъектности досоветского патриархально-православного строя»¹.

В этих условиях, как нам кажется, важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой и образованием. Пристальное внимание к развитию образования, к возвращению колоссального положительно зарекомендовавшего себя советского опыта жизнеустройства, возвращение высокой культуры как значимой сферы для общества способны быть ориентиром для всех групп населения. Принципиально важным в настоящее время «для любой социальной системы является «воспроизводство Смысла». Общество должно обеспечить своим членам достаточную смысловую нагрузку – некий «пантеон идеалов», организующий социально одобряемые цели и

---

¹ Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002, № 1. С. 119.

практики»¹. Только имея высшие идеальные цели можно сплотить общество обеспечив ему не просто выживание, но и процветание и лидерство² в новом меняющемся мире.

Архаизация сама по себе не может быть объектом социального управления, речь может идти только о социальных программах по борьбе с ее последствиями, отдельными проявлениями³. В этом ключе программы обучения мигрантов языку и культуре России являются первым шагом в данном направлении. Таким образом, управление архаизацией – это управление модернизацией и возвращением прошлого в формах, не уничтожающих настоящего и будущего.

Крайне важно по нашему мнению не абсолютизировать любую теорию, не делать из нее догму и помнить, что социальная система может просто рухнуть и не сможет вновь возродиться.

---

¹ Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы четвертой ежегодной всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. Т.1. С. 122-129.

² Малинецкий Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 224 с.; Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2011. 356 с.

³ Федотова В.Г. Кризис модернизации и архаизация общества // Знание. Понимание. Умение. 2013, № 1. С. 310.

РАЗДЕЛ II. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА АРХАИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

2.1. Анализ проблематики и концепция архаизации¹

С давних пор философы так или иначе обращались к теме возвращения общества к социальным практикам прошлых времен. Еще Дж. Вико писал о круговороте истории и периодическом возвращении варварства. Н. Бердяев размышлял о «новом средневековье» в России в период революции. Однако активно исследоваться проблема архаизации общества в отечественной науке стала в 90-ые годы под влиянием событий, произошедших в нашей стране в тот период, когда зрелое индустриально развитое советское государство разрушилось, и в обществе резко начались трансформационные процессы, сочетающие в себе прогресс и регресс, «варваризацию» и развитие.

Архаизация как специфический социальный феномен начинает широко осмысливаться только конце XX – начале XXI века, по мере развития негативных тенденций как в России, так и за рубежом, причем, ее проявления отслеживаются в разных сферах: экономической, политической, духовной. Как отмечает Ч.К. Ламажаа, о консервативной модернизации в СССР писал А.Г. Вишневский²; о специфическом явлении натурализации хозяйств вследствие внедрения рыночных отношений размышляли А.Н. Вольский, О.В. Нечипоренко³; У.Г. Николаева рассматривала неформальную экономику России с позиций реактуализации архаики⁴ и т.д. В культурологии появились исследования, касающиеся архаических компонентов культурных парадигм, существующих в той или иной форме

---

* Автор раздела – кандидат философских наук И.В. Демичев.

¹ Параграф написан в соавторстве с кандидатом философских наук Е.А. Романовой.

² Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

³ Вольский А.Н., Нечипоренко О.В., Энтрена Ф. Ренатурализация хозяйства как эффект рыночных реформ // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 22–26.

⁴ Николаева У.Г. *Vitanuova* архаических экономических отношений: загадки современной российской неформальной экономики. М.: Дашков и Кш, 2005.

(А.Я. Флиер¹). Изучалась обращающейся к архетипическим пластам общественного сознания массовой культуры (А.В. Костина²). В политической сфере общественных отношений архаика исследовалась в складывающихся клановых, групповых отношениях в политических элитах, которые сопровождались упадком политических институтов общества модерна. Это отмечали политологи О.В. Крыштановская, О.В. Гаман-Голутвина³, социологи Ж.Т. Тощенко⁴ и В.Э. Шляпентох⁵, подробно обосновавший принципиально феодальный характер постсоветской России⁶.

Теоретико-методологические проблемы в новой области исследования, разумеется, породили некоторую путаницу в терминах, что потребовало не только уточнение понятий, но и построение теорий архаизации. В первую очередь, исследователи постарались провести грань между смежными, но отличающимися категориями: «архаикой» и «традицией», «архаизацией» и «традиционализмом». Оба феномена представляют собой ориентацию на прошлое общества, и поэтому некоторые специалисты использовали их, как синонимы, однако в дальнейшем стали выявляться специфические черты, отличающие их друг от друга.

Отличия заключаются в том, что традиция представляет собой организующую структуру, которая обеспечивает межпоколенную передачу социальной и культурной информации, и в этом смысле, любое устойчивое общество, пройдя период своего становления, обретает и соответствующую традицию, которая транслирует накапливающийся социокультурный опыт, примиряет между собой разные периоды исторического развития, создавая на всяком данном этапе развития целостное здание культуры. Как отмечает

---

¹ Флиер А.Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства культуры // Костина А.В., Флиер А.Я. Культура между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М.: Согласие, 2011. С. 565–630.

² Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Либроком, 2013. 352 с.

³ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

⁴ Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999, № 11. С. 123–133.

⁵ Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М.: Столица-Принт, 2008.

⁶ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен/Предисл. В.Г. Федотовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 19.

Ч.К. Ламажаа, «сам традиционализм в этом случае расценивается как выбор, направленный на сохранение традиций, приверженность им в противовес инновациям и/или всего того, что грозит разрушениям, изменениям традиций»¹. В противовес этому, архаика понимается как начальный этап в развитии общества, его древность. Соответственно архаизация в обществе предстает как обращенность не просто в прошлое, но древнее – архаическое; это «актуализация социокультурного опыта времени формирования общества, складывания его основных особенностей»².

Иными словами, традиционная культура функционирует внутри цивилизации, тогда как архаическая культура представляет собой доцивилизационный этап развития общества. При этом традиционная культура включает в себя элементы архаической культуры, которые в ходе исторического развития могут время от времени актуализироваться и даже вытеснять более поздние пласты культуры.

Впервые определение архаизации как специфического явления было предложено А. С. Ахиезером. Согласно этому определению, «архаизация – результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей»³. Архаизация здесь выступает как форма регресса и проявляется в условиях большого общества или государства как попытка полностью или частично вернуться к догосударственным формам культуры и деятельности, к ценностям чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей круг общения весьма ограничен. Важнейшим вкладом А.С. Ахиезера в исследование проблемы архаизации является разработка методологии

---

¹Ламажаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. № 2, 2010. С. 90.

² Там же.

³Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. № 2, 2001. С. 89.

изучения этого явления, которое он предлагает рассматривать с учетом контекста всей социальной жизни.

Дальнейшие исследования углубили понятие архаизации, сосредоточившись на неоднозначном характере этого феномена и причинах, которые его вызывают.

Ч.К. Ламажаа отмечает, что В.Г. Федотова предлагает рассматривать архаизацию и архаику в более широком контексте, как один из трех этапов исторического развития общества (наряду с традицией и инновацией), начальный этап его развития¹. В отличие от традиции архаика не является сознательно используемым поведенческим регулятором и не представлена эксплицитно. Кроме того, традиция выступает более рациональным поведенческим регулятором и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, обусловленных культурой, а не психикой. По мнению В.Г. Федотовой, общество, которое развивается интенсивно, путем усложнения структуры, преодолевает архаику за счет формирования традиций. На следующем этапе традиция уступает место инновационной стратегии развития. При этом в российском обществе всегда доминировал не интенсивный, а экстенсивный путь развития, поэтому архаическое начало в нем во многом сохранило сильные позиции и имеет тенденцию актуализироваться в кризисных ситуациях².

Культуролог и философ И.Г. Яковенко исследует феномен архаизации через противопоставление культуры, варварства и цивилизации как трех различных стратегий жизни. Стратегия цивилизации, выделившись из первоначальной архаической культуры, постепенно вытесняет ее, поскольку является более эффективной. Варварство же объединяет в себе черты архаической культуры и цивилизации. И.Г. Яковенко подчеркивает, что

---

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен / Предисл. В.Г. Федотовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 70-71.

² Федотова В.Г. Архаизация в современном мире // Философские науки. № 5, 2012. С. 26–36.

сохранение крупных пластов архаики является основополагающим признаком русской ментальности¹.

В.М. Хачатурян также рассматривает архаизацию через призму социокультурного анализа, понимая архаику как синоним древнейшей социокультурной системы в истории человечества. Среди ключевых особенностей архаики, по словам Ч.К. Ламажаа², автор выделяет: ориентацию архаических обществ на максимальную интеграцию в природную среду; биосоциокультурный характер большинства программ; природно-социальный синкретизм, проявляющийся во всех сферах социокультурной жизни – от хозяйственной до символической. С точки зрения Хачатурян, архаизирующие тенденции в обществе могут развиваться по трем моделям: тотальная архаизация, переходная архаизация и модель «диалога с архаикой». Тотальная архаизация характерна для эпохи ранних цивилизаций III–II тыс. л. до н. э. и является наиболее деструктивной, поскольку приводит к разрушению всех основных социальных институтов и регрессу к доцивилизированному состоянию. Переходная архаизация проявляет себя в условиях трансформации общества и кризиса, который вызван борьбой старого и нового. Такая модель архаизации является необходимым этапом в развитии общества, способствует разрушению старых общественных структур и институтов, но не влечет за собой радикальных изменений в социальной структуре. Модель «диалога с архаикой» представляет собой творческую переработку архаических культурных форм, синтез цивилизационных институтов и архаических культурных ценностей и смыслов. Примером практического воплощения этой модели В.М. Хачатурян считает современные страны Азии: Японию, Индию и Китай³.

---

¹ Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель // *Общественные науки и современность*. № 4, 1996. С. 87–97.

² Ламажаа Ч.К. Указ. соч. С. 26.

³ Хачатурян В.М. Феномен архаизации в культурной динамике. Автореферат дисс. ... доктора культурологии. М., 2011.

Ч.К. Ламажаа рассматривает архаику как систему практик солидарных взаимодействий, сформированную на раннем этапе социальной истории. Архаическая культура, по ее мнению, состоит из самых простых, но при этом надежных способов взаимодействия древнего общества с природной и социальной средой. Именно этим объясняется обращение общества к архаике в периоды кардинальных социальных изменений¹. Автор подчеркивает, что возрождение архаики само по себе не является деструктивным процессом, но выступает как обеспечивающий выживание социальный механизм. В условиях переходного периода, когда трансформируются общественные и культурные институты и связи, общество вынуждено временно обратиться к надежным и проверенным способам взаимодействия с природной и социальной средой. В силу этого, в ситуации, когда сложные социальные и культурные формы разрушаются или радикально перестраиваются, происходит откат к более простым формам, продиктованный необходимостью выживания в данный период истории. Однако в ряде случаев актуализация архаики может обернуться инволюцией как системным упрощением. В качестве основной причины запуска архаизационных тенденций в обществе Ламажаа называет кардинальные реформы, инициированные властью с целью модернизации общества и не согласующиеся с его традиционными культурными особенностями. На наш взгляд, следует подчеркнуть, что тенденции к архаизации проявляют себя не только при переходе от традиционного к индустриальному типу общества, но и при переходе от общества индустриального к обществу постиндустриального типа, в связи с исчерпанием потенциала этой модели общественного устройства. Ч.К. Ламажаа также высказывает интересную мысль о противоречивом характере феномена архаизации, о наличии в нем как деструктивных, так и конструктивных элементов. С одной стороны, архаизация выполняет деструктивную функцию, выступая как противодействие модернизационным процессам. С другой стороны,

---

¹Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. № 3, 2011. С. 35-41.

архаизация реализует функцию самосохранения системы в условиях кризиса социальной трансформации.

Итак, архаизация общества представляет собой сложный и многогранный феномен. На основе рассмотренных концепций мы считаем целесообразным сформулировать синтетическое социально-философское определение этого явления, отталкиваясь от выделенных черт и используя применяемые нами принципы системного, структурно-функционального, институционального и дискурсивного анализа, а также социокультурного подхода.

В первую очередь, следует сказать, что мы рассматриваем общество, как социокультурную общность, выделяя в ней функционально ориентированные институциональные и дискурсивные структуры. Эти структуры, с одной стороны, обеспечивают более или менее бесконфликтное объединение людей в социальное и культурное целое, а с другой – обеспечивают коллективное производство, взаимный обмен и потребление благ. Причем, блага понимаются широко – материальные (например, продукты и вещи), социальные (например, безопасность) и культурные (знания, представления, символы и т.п.). Институционально-дискурсивные структуры и объединенные ими люди образуют социальную систему, иерархически организованную и разделенную внутри себя на специализированные элементы профессионального и территориального характера, которые участвуют в разделении труда, а также образуют специфический подбор участвующих лиц, определяемый как спецификой положения данного элемента в структуре разделения труда, так и особенностью жизнедеятельности в нем. И общество в целом, и его элементы в силу этого приобретают специфические модели и стереотипы поведения и общения, которые и обеспечивают функционирование социальной системы, и выступают основанием для определения людей, как относящихся к обществу и его элементу или – не относящихся, т.е. представляют собой социокультурные маркеры. На основании этого –

институционально-дискурсивной структуры, соответствующих маркеров и реальных взаимодействий социального и культурного характера – мы трактуем общество как общность и выделяем соответствующие идентичности, а также основанную на них внутреннюю и внешнюю солидарность.

Социальные изменения в этом смысле представляют собой как институциональные трансформации, меняющие структуру социальных отношений, так и трансформации дискурсивные, меняющие структуру коммуникаций и культуры, связанную с ними. Причем, следует особо подчеркнуть взаимно обусловленный характер этих изменений: нельзя однозначно сказать, что выступило их источником. Это могут быть как новые знания и представления, влияющие на поведение людей и их личность, а следовательно, вносящие новшества в нормативно-ценностные установки, от которых зависит институциональная организация, так и новые функции, материальные и социальные технологии, трансформирующие институциональные нормы, а следовательно, изменяющие знания и представления масс людей и культурную среду, в которой они живут.

Исходя из этого, совершенно недостаточной выступает простая констатация, что архаизация и архаика как таковая есть просто следование установкам некоторого «начального» состояния общества и его культурным кодам. Важно определить условия и факторы, которые приводят к возникновению и развитию архаических тенденций. Проблематика архаизации, которая выступает, своего рода, антиподом модернизации, задает направленность социальных и культурных изменений. Если модернизационные изменения направлены на усложнение социальных отношений, увеличение масштаба общностей, повышение уровня циркулирующих в социальной системе благ, то архаизация, таким образом, представляет собой обратный процесс: упрощение социальных структур, сокращение масштабов общностей и уровня благ. Стоит подчеркнуть, что термины «модернизация» и «архаизация» должны рассматриваться вне

непосредственных оценочных коннотатов, поскольку и то, и другое, как и всякие трансформации, выступают адаптацией людей и общностей к изменениям окружающей их среды.

Как и всякие социокультурные трансформации, архаизация протекает неодновременно в разных элементах социальной системы и культурного поля, имеет различный и противоречивый характер. Поэтому вполне возможны парадоксальные сочетания модернизированных социальных институтов и архаических культурных представлений, и даже сочетание модернизированных и архаизированных отношений социального и культурного плана. Это придает дополнительную сложность изучения предмета и позволяет говорить, что возможна архаизация в культуре, социальных отношениях, техносфере и технологиях общества и т.п., выявлять разные степени и формы архаизации, а также проводить сопоставление по уровням архаизации различных элементов общества.

Будучи формой адаптации к изменившимся условиям существования, архаизация выступает реакцией на определенные процессы в социальном целом. Исходя из того, что усложнение социальных структур и рост объемов общностей определяются повышением количества, ростом качества и появлением новых благ, можно предположить, что сокращение благ будет означать дисфункциональность социальной системы, а также усугублять ее. Последнее будет означать, что социальные отношения, не обеспеченные благами, будут утрачиваться. Однако утрата социальных отношений в условиях социальных трансформаций может происходить двумя путями: они могут заменяться какими-то иными отношениями, либо просто утрачиваться вместе с соответствующими функциями. Очевидно, что нас интересует первый вариант.

Наконец, разделение по некоторой шкале «модернизации и архаизации» предполагает, с одной стороны, градацию по степени сложности структуры отношений, о чем уже было сказано выше, а с другой – определенную взаимную зависимость между анализируемыми формами. В первую очередь,

речь идет о диахронной или стадиальной зависимости: под архаизацией подразумевается некоторый возврат к предыдущему состоянию общества, в противовес существующему или перспективному, только складывающемуся. Здесь может возникнуть ряд существенных сложностей в описании и раскрытии сущности рассматриваемого процесса.

Налицо целый ряд проблем определения обнаруживаемых социокультурных феноменов. Так, далеко не изучены контуры предполагаемого будущего общества, хотя предполагается, что они будут связаны с дальнейшим ростом технологий, информатизацией и т.п. Без этого оказывается достаточно сложно разделить феномен замены отношений, характерных для современного, индустриального общества, отношениями будущего, с одной стороны, и феномен замены их отношениями прошлого, «архаическими», с другой. В то же время в условиях насыщенного культурного пространства современности присутствуют многочисленные феномены, так или иначе обращающиеся к теме прошлого – но нет достаточных критериев различения: что это, ренессанс архаических отношений, некоторая реконструкция их или всего лишь атрибутивная субкультура. Более того, учитывая разные по форме и содержанию процессы модернизации, происходившие в разных обществах и происходящие в них сейчас, весьма проблематичным выступает сопоставление рассматриваемых социокультурных феноменов и их типологизация. Один и тот же феномен может быть как архаическим для одного общества, так и современным или инновационным – для другого. Исходя из этого, следует рассматривать процессы архаизации исключительно только в контексте данного общества.

Еще один важный методологический момент, вытекающий из связи «модернизация и архаизация», связан с контекстом «начала». Исследователи, обращавшие внимание на тематику «древности» и различия между архаикой и традицией, так или иначе склонны видеть в архаике «возврат» к самым простым социокультурным формам, связанным с родо-племенными и им подобными структурами отношений. Однако

представляется, что это не совсем корректно. Человечество в целом, и каждое конкретное общество в своем становлении прошло не одно, а, как минимум, две стадийных перехода, каждый из которых качественно менял принципы жизнедеятельности социальных систем. Это – переход от присваивающего к производящему хозяйству, а также переход от аграрного общества к индустриальному. Причем, на каждом этапе можно выделить исторические конкретные формы предыдущего общественного уклада, которые послужили основанием для складывания форм уклада последующего, и в этом смысле вполне могут быть определены, как «начальные». Соответственно, рассматривать архаизацию как процесс реактуализации отношений, характерных только сообществам охотников и собирателей, и не рассматривать отношения, характерные для общества аграрного неправомерно: реактуализация последних точно так же выступает «возвратом к началам», т.е. архаизацией.

В целом, мы приходим к следующему общему определению феномена архаизации. Архаизация – это феномен «отката» в институционально-дискурсивной практике данной социокультурной общности, реактуализация латентных институтов и дискурсов, возникающие в силу исчерпания возможности воспроизводства структур «современности», и прежде всего, структур «индустриального» типа общественного устройства.

2.2. Архаизация как кризис модернизационного перехода: социокультурная динамика

Модернизационный переход необходимо рассматривать, как системный кризис социокультурной общности, затрагивающий все ее основные области: техносферу, институциональную организацию и организацию дискурсивную¹. Соответственно, модернизационный кризис складывается из трех фундаментальных кризисов – ресурсно-технологического,

---

¹ См. например: Буранчин А.М., Вахитов Р.Р., Демичев И.В. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан. Уфа: Дизайн-Пресс, 2014.

возникающего либо вследствие исчерпания, либо вследствие падения эффективности использования основных ресурсов системы техносферой; институционального, инициированного ресурсно-технологическим, который заключается в обострении конкуренции за сокращающиеся ресурсы системы и «сворачивание» проигравших в конкурентной борьбе оргструктур, вызывающих переход соответствующих институтов в латентное состояние; наконец, кризиса дискурсивного, обусловленного делегитимацией институционального устройства общности. Упадок институциональных структур «современности» и сокращение доли вовлеченных в них членов общности неизбежно создает сначала анклав, а затем – целые слои «разрушенной» социальности, в рамках которых нормативно-ценностные комплексы институтов, экзистенциальные ориентации участников стремительно отходят от «современности», приобретая аномичный характер, а также реактуализируя латентные или реконструируя утраченные формы социальных отношений.

Вымывание членов таких слоев из коммуникативного пространства «современности» и, следовательно, из дискурсивного поля общества приводит к складыванию совершенно иного коммуникативного пространства таких маргинализованных сообществ. Реактуализация и реконструкция институтов в таких условиях неизбежно определяет и нормативно-ценностные ориентации, выражаемых и закрепляемых в дискурсах (и в данном случае, не важно, насколько широко распространенных), обращенных к тематике Премодерна. Складывание общностей на базе архаических институтов и обращенных к контекстам «прошлого» создает и специфические идентичности, тем более усиливающиеся, чем больше в подобных общностях распространяется мотив взаимопомощи и противостояния «миру современности».

Подобный «откат» к латентным и утраченным институционально-дискурсивным структурам в условиях достижения потенциального барьера модернизационного перехода ставит существенную проблему определения

некоторого «порогового значения» доли реликтов в социокультурной практике: очевидно, что, с одной стороны, они, в силу неспособности поддерживать «современные» отношения и инфраструктуру общности, неизбежно выступают катализатором кризисных процессов, а с другой – при достижении некоторого уровня, касаются не только собственно маргинализированных групп, но и распространяются на всех. Таким образом, необеспеченность институционально-дискурсивной матрицы «современности» не только приводит к упадку общности, но и создает условия для фазового ее переустройства на некоторых иных принципах. Эта точка бифуркации может иметь два общих аттрактора – «тенденции модернизации», если общность окажется в состоянии преодолеть потенциальный барьер и выйти на более высокий уровень развития, и «тенденции архаизации», – в противном случае.

1. Нормальное развитие социокультурной общности складывается вокруг исполнения функций, необходимых для ее существования в наличных геоклиматических и исторических условиях. В этом смысле, существование общности представляет собой постоянные взаимодействия вмещающего ландшафта месторазвития, техносферы, переводящей его ресурсы в блага социальной системы, и институционально-дискурсивной матрицы, как обеспечивающей функционирование техносферы, так и утилизирующей получаемые блага в удовлетворенные потребности общности. Таким образом, дееспособность социальной системы определяется достаточностью основных ресурсов, эффективностью их переработки и утилизации, причем, невозможно выделить, что является основным, первичным элементом: социальная система приспосабливается к ресурсам месторазвития и трансформирует последнее под себя, но ограничена ими. Даже выходя за пределы месторазвития за счет внешнего обмена, социальная система все равно опирается на собственную техносферу. Так, колониальное движение, расширившее техносферу европейского общества на другие континенты и давшее основу для

современного глобализированного мира, представляло собой двоякий процесс, с одной стороны, расширения рынка сбыта для произведенных благ, а с другой – вовлечения внешних ресурсов в собственный производственный цикл.

Разумеется, система «ресурсы месторазвития – техносфера – общность» динамична¹. Создавая некоторую технологическую – не принципиально, в материальной или в институциональной сфере – инновацию или пакет инноваций, позволяющую эффективно использовать наличный ресурс, социокультурная общность, с одной стороны, распространяет ее на другие сферы социальной практики, а с другой – за счет наращивания своей совокупной мощи переходит ко внешнему расширению или производит усложнение собственной структуры, хотя как правило, оба варианта происходят одновременно. В этом смысле в динамике социокультурной общности можно выделить фазы стандартной S-образной кривой с первым пологим плечом накопления необходимых «инноваций», плечом роста, в ходе которого инновации активно расширяются в охвате областей общества и нарастает общий совокупный объем благ системы, и второе пологое плечо, характеризующееся как насыщением областей общества инновационным пакетом, так и падением получаемого обществом прироста благ².

Все три этапа могут быть охарактеризованы специфическим набором кризисов, оказывающих влияние на стабильность системы и конкретные формы протекания процессов в ней.

Так, первое пологое плечо характеризуется столкновением, с одной стороны, уже существующей и сохраняющей свою инерцию технологической и институциональной матрицей, а с другой – в большей или меньшей степени отрицающими ее частными инновациями, вышедшими из состояния флуктуации и демонстрирующими стремление

---

¹ Антипова А.В. Вмещающий ландшафт (географический смысл и эколого-ресурсное содержание) // История и современность. № 2, 2006. С. 3-23.

² Кишкин И.А., Титов А.В. Моделирование динамики инновационного цикла // Экономические науки. № 6 (79), 2011. С. 31-35.

перераспределить связанные ресурсы общности в свою пользу. В зависимости от того, что послужило «триггером» запуска инновационного развития, нарастающие проблемы в социокультурной общности или просто развитие знаний и технологий, можно выделить два фундаментальных типа такой динамики: катастрофический или поступательный. Первый, катастрофический тип более рискован, поскольку связан с сопоставлением двух относительных скоростей – скорости развития общего структурного кризиса системы и скорости ее переформатирования на неких «инновационных» принципах. Это как катализирует инновационный процесс за счет «дилеммы модернизации» и делегитимированного состояния прежней технической и институциональной матриц, делая инновации легитимными и необходимыми, так и, в случае недостаточной отрефлексированности инновационного пакета, неспособности его стать новой парадигмой социального строя, грозит коллапсом всей системы.

Второй, поступательный тип – более стабилен, поскольку каждая инновация проходит достаточно долгий отбор и внедрение в рутинную практику, но и медленнее развивается в силу подавления инноваций и неочевидной потребности в них. Необходимо отметить, что пусть и значительно менее остро, но столкновение инерционной матрицы и инноваций здесь так же присутствует, поскольку внедрение последних очевидным образом перераспределяет потоки благ внутри общности, что лишь компенсируется ресурсной достаточностью системы – и чем дальше, тем в меньшей степени. Комплекс противоречий на этом этапе можно обозначить как «инициативный кризис».

Плечо роста отражает резкое распространение инноваций в общественных отношениях. Здесь динамика принципиально неравновесна, и тип предшествующего процесса сказывается в меньшей степени, поскольку прежняя устойчивая институциональная структура уже переформатируется, а повышающийся объем получаемых благ сам по себе легитимирует складывающийся новый социальный порядок. В то же время интенсивная

динамика связана с перераспределением благ и ресурсов между областями общества, в том числе и ресурсов человеческих, что неизбежно вызывает массовую мобильность – восходящую, нисходящую и горизонтальную – членов общности. Здесь происходит соотношение скоростей трех процессов: скорости сворачивания устаревающих структур и высвобождения связанных в них благ и ресурсов, скорости вовлечения высвобожденных ресурсов и благ в новые структуры и скорости прироста благ в системе.

До тех пор, пока не возникает критического для системы разрыва между первым и вторым показателями, а третий позволяет обеспечивать прирост как общего уровня системы, так и второго показателя, можно полагать динамику системы, в целом, положительной. Складывающийся при этом комплекс противоречий можно обозначить как «кризис роста».

Второе пологое плечо, отражающее насыщение социальной системы инновациями, вновь фундаментально меняет содержание социокультурной динамики. Во-первых, падающая эффективность инноваций меняет логику их внедрения, заставляя относиться к ним более строго. Соответственно падает объем и количество внедрения инноваций.

Во-вторых, ранее внедренные инновации стали обычным, «традиционным» явлением, новой парадигмой социального строя и условиями существования общности, вследствие чего инновации уже теряют свое ценностное значение, выступая не столько чем-то принципиально новым, сколько формой улучшения уже существующего. В-третьих, закончилось перераспределение по новым социальным стратам членов общности, а значит, падают объемы и интенсивность социальной мобильности. Здесь сталкиваются две установки: сформировавшейся новой традиции и неотъемлемого ее атрибута – инновационного поиска и мобильности, который уже утратил свою фундаментальную роль, но еще сохраняет статус ценности и инерционно воспроизводящейся установки как в общественном сознании, так и в формальных принципах социальной практики. Кроме того, более остро встает вопрос об эффективности

получившегося на базе инновационного пакета технологий социального строя в плане использования ресурсов и распределения благ. В целом, это создает социальный и мировоззренческий кризис переформатирования бурно развивающейся социокультурной общности в стабильно существующую. Это состояние можно обозначить, как «релаксационный кризис».

Собственно модернизационный переход, как фундаментальное преобразование социальной системы, охватывает «восходящее» плечо роста, однако рассматривать его в отрыве от двух других этапов – некорректно. Накапливающиеся противоречия в системе, инициирующие переход, определяются динамикой первого «пологого» плеча; завершение модернизационного перехода так же зависит от сложившихся в его рамках базовых институтов и установок, а следовательно, ими же определяется «релаксационный» кризис. В то же время, нельзя не рассматривать обратную сторону модернизационного перехода – социальные группы, комплексы социальных отношений и сегменты общества, в силу истощения институциональной инерции уже вышедшие из сферы «современных» отношений, но еще по различным причинам не введенные в комплекс отношений «инновационных», которые можно обозначить, как архаические¹. Сопоставление объемов, динамики и взаимодействия этих трех сегментов общества – построенных на базе институциональной инерции, выведенных из «современного» состояния и складывающихся на базе «инновационного пакета» – и задает общее напряжение динамики модернизационного перехода, определяет содержание и структуру кризисов каждой его фазы, а также, по совокупности и того, и другого, влияет на саму успешность или неуспешность процесса.

2. Независимо от совокупных масштабов трех указанных складывающихся сегментов, необходимо отметить фундаментальные тенденции, проявляющиеся в их взаимодействии.

---

¹ См. например: Вольский, А.Н., Нечипоренко, О. В., Энтрена, Ф. Ренатурализация хозяйства как эффект рыночных реформ // Социс. № 10, 2000. С. 22–26.

Во-первых, инерционный сегмент имеет принципиально деградирующий характер, поскольку постоянно с большей или меньшей скоростью сворачивается в силу исчерпания основных ресурсов, на которых построен. В то же время, он выступает основным несущим каркасом социальной системы, от которого зависят валовый поток благ и формы их распределения, а также воспринимается обществом, как нечто, само собой разумеющееся.

Во-вторых, инновационный сегмент, по крайней мере, в начале первого пологого плеча, обладает меньшей совокупной эффективностью и в любом случае не способен вовлечь в свои структуры всю массу высвобождаемых за счет сворачивания инерционного сегмента членов общества.

В-третьих, архаизирующийся сегмент активно противостоит не всем установкам сегментов инерционного и инновационного и даже может быть выделен в каждом из них, поскольку представляет собой, прежде всего, отход от принципов «современности» в пользу принципов Премодерна.

В этом смысле, архаизирующийся сегмент социокультурной общности проявляется в комплексе оппозиций «современности» не только технико-институционального, но и дискурсивного, а также когнитивного планов. Если в технико-институциональном плане можно выделить локальные общности с отсутствующей, малой или снижающейся долей вовлеченности в современные и перспективные (и прежде всего, экономические) отношения, то в плане когнитивных и дискурсивных структур следует выделять локальные и стратовые общности с доминирующими ориентациями на образы «современности», «будущего» и «прошлого»¹.

Причем следует отметить, что такие ориентации весьма вариативны – от формирования простых образов «золотого века» в прошлом до отхода от рациональности и универсального гуманизма при сохранении во всех случаях аспектов современного мышления и установок.

---

¹ См. например: Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Знание. Понимание. Умение. № 3, 2011. С. 35-41.

Очевидно, что следует различать частные, индивидуальные установки, даже и широко распространенные в широких слоях членов социокультурной общности, а также их рефлексивные формы в виде соответствующих дискурсивных структур, не только воспроизводящиеся в коммуникативных процессах, но и закрепляющие соответствующие установки среди своих носителей, а также распространяющие их на другие подобности системы.

Если первые выступают некоторой потенциальной базой для архаических установок, то вторые являются социально-значимыми регуляторами коммуникативных и социальных практик, непосредственно влияя на институционально-дискурсивный строй общности в целом, а также на формирование идентичностей и солидарностей архаизированного сегмента социальной системы. Классическим примером таких структур выступает «религиозный ренессанс» (причем, не только имеющий отношение к «традиционным религиям» – еще более радикальной архаикой выступает неоязычество; собственно «сакральное» содержание религий здесь не рассматривается, речь об их институционально-дискурсивных практиках), с одной стороны, а с другой – отмеченная А.И. Фурсовым переориентация общественного интереса с научной фантастики на фэнтези, моделирующее квазисредневековый мир и квазирелигиозные установки.

Аналогично следует разделять индивидуальные установки инновационного характера и их отрефлексированные формы. Стоит отметить, что индивидуальные установки вполне способны сочетать в себе как инновационные, так и архаичные компоненты, и в этом смысле они представляют собой, скорее, некоторый ресурс для инкорпорирования в наличные дискурсивные структуры в зависимости от их активности.

Исходя из этого, для оценки как модернизационного, так и архаизирующего потенциала необходимо учитывать соотношение всех параметров – объемы отката от существующих «инерционных» установок в общественном сознании, объемы и степень рефлексивности архаизирующих установок, а также объемы и степень рефлексивности инновационных

установок. В последних двух случаях имеет смысл вводить степень внутренней конфликтности установок, поскольку общие высокие объемы и рефлексивности противоречащих друг другу установок способны резко снижать возможности их распространения в общественном сознании.

3. Касаясь содержания архаизирующих установок в рассматриваемых условиях, нельзя не отметить две их фундаментальные характеристики. Во-первых, они всегда апеллируют к подавленным или ставшим латентными в ходе предыдущего модернизационного перехода институционально-дискурсивным структурам, в тем большей степени, чем более радикальными – или более распространенными являются. Во-вторых, они принципиально представляют собой реконструкцию этих структур, сочетающую в себе в более или менее неотрефлексированной форме элементы актуальной современности и романтизированный образ прошлых установок¹. Второе является очевидным, поскольку, с одной стороны, в любом обществе существует обобщенный мифологизированный образ собственного прошлого (даже если речь идет о революционных преобразованиях, и утверждается общий отрицательный образ «темного прошлого» – с течением времени радикализм отрицания спадает и положительное позиционирование прошлого складывается). С другой – современность все равно воспринимается как нечто, само собой разумеющееся, и необходимо лишь отрицательные моменты современности заменить на положительные моменты прошлого, как идеализованные представления реализуются.

Архаизирующие установки могут демонстрировать следующую общую динамику, определяющуюся в целом логикой развития модернизационного кризиса, но обладающую собственной спецификой и не сводящуюся к ней.

На первом этапе, когда инерционные практики сохраняют свою устойчивость и делегитимизированными выступают только фундаментальные идеально-дискурсивные установки социальной системы, архаизирующая

---

¹ См. например: Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009.

тенденция апеллирует к некоторым моральным, нормативно-ценностным установкам, эстетическим образам и обобщенной картине мира, акцентируя их романтический флер и противопоставляя его акцентированным же негативным аспектам современности. Затем, обретя некоторую легитимность, создав свои идентичности и сформировав сообщества-носители, архаизирующие установки начинают переориентироваться на институциональные и атрибутивные свои аспекты, закрепляющие оформляющиеся сообщества. Далее, уже на базе сложившихся и институционально стабильных сообществ, архаизирующие установки начинают распространяться в остальные подобности системы в качестве социального идеала.

Связь с общей социокультурной динамикой модернизационного кризиса носит диалектический характер и выражается как в ресурсно-информационных, так и в коммуникативных взаимодействиях, но в целом можно сказать, что чем сильнее делегитимирована инерционная система и слабее инновационные установки, тем больше социальных ресурсов переходит в архаизированные подобности. Отметим, что на каждом этапе развития архаизирующихся сообществ эти установки операциональны и могут быть использованы как для стабилизации социокультурной системы в инерционном ключе, так и для подключения их возможностей к реализации модернизационных задач. Однако, чем дольше они развиваются самостоятельно, тем в меньшей степени это возможно, поскольку архаические установки постепенно обретают собственную внутреннюю логику, а также внутреннюю и внешнюю легитимность в собственном виде. Иными словами, как для стабилизации инерционных структур, так и для легитимации инновационных установок возможно использовать уже легитимные дискурсивные установки, институциональные нормы и маркеры идентичностей, вписывая их в базовые для тех и других структуры и подстраивая их содержание в пользу последних.

2.3. Институциональные ловушки и кризис архаизации (на примере института образования)

Становление и развитие индустриального общества сформировало системы высокоцентрализованных иерархичных отношений, «аппарат», осуществляющий техническое и административное управление на основании следования строго установленным регламентам и стандартам. Это сделало возможной координацию массовых масштабных процессов, характеризующих индустриальное общество, что проявляется во всем, от массового производства и потребления до массовых коммуникаций и массовой культуры. Хотя основной целью «аппарата» выступает обеспечение рутинных функций, повседневных или длительных, нельзя сказать, что он не способен на быстрые реакции, на внезапные и быстрые изменения – если последние, конечно, вписываются в регламент его деятельности. В противном случае реакции «аппарата» запаздывают или протекают не адекватно, однако это, как правило, нивелируется тем, что «аппарат» имеет обширный перечень регламентов, предусматривающий значительное число типовых внезапных ситуаций. Кроме того, он обладает высокой степенью рефлексивности, позволяющей относительно быстро вырабатывать новые регламенты и стандарты в ответ на достаточно сильные внезапные явления и изменения, которые требуют подобной адаптации. Флуктуативные же изменения гасятся на более низких уровнях «аппарата» или игнорируются, поскольку не оказывают – или кажется, что не оказывают влияния на регулируемые социальные процессы.

В целом, расцвет или упадок современного индустриального общества до сих пор зиждется на двух принципах: на правильном подборе критериев регламентации и стандартизации и на строгом следовании им соответствующими органами и функционерами. Любой масштабный сбой, от технических катастроф до социальных катаклизмов, сопряжен с

нарушением этих принципов – либо были неверно сформированы стандарты и регламенты, либо они были нарушены исполнителями.

В то же время, современные социальные системы постоянно сталкиваются с такими сбоями: внутренние и внешние противоречия, разрешаемые посредством индустриального типа социального устройства, все более обостряются. Причем, проблема не столько в собственно нарушении управляемости – оно представляется, скорее, следствием социальных и экзистенциальных девиаций функционеров и членов общества, либо не придающих технологической, по сути, дисциплине, должного внимания, либо оказывающихся неспособными ей следовать по иным причинам. Это не может не поставить проблему о кризисе индустриального типа общества, поскольку, в силу нарастающей динамики и фундаментальных причин, дисфункциональность индустриального аппарата приобретает самоподдерживающийся характер, что является институциональной ловушкой по определению¹.

Рассмотрим эту проблему на примере института образования, который, с одной стороны, исполняет обеспечивающий функции социализации членов общества, а с другой – фундаментальные функции формирования нормативного типа личности данного общества.

1. Функция социализации, включения индивида в доминирующие социальные отношения, существовала всегда, исполняясь при каждом типе общественного устройства и в конкретных условиях данной социальной системы. Чем сложнее социальные отношения и больше их объем, тем больше требуется знаний, умений и навыков освоить для обеспечения эффективной социализации, что приводит как к усложнению системы образования, так и к увеличению времени обучения. Следует отметить, что функциональное усложнение социальной системы индуцирует не только функциональное усложнение системы образования, но и ее технологическое развитие – наглядно это может быть продемонстрировано переходом в

---

¹ См. например: Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. № 3. 2001. С. 24-50.

профессиональном образовании от личного обучения с инициатическими практиками к современной системе нормативно формализованного обучения с системой экзаменов и аттестаций.

Различия в организации института образования в разных странах (разобранные на примере Высшей школы¹) не отменяют общего принципа стандартизации, варьируя только органы, которые их разрабатывают и контролируют на соответствие им – только государство, государство вместе с образовательными учреждениями или образовательные учреждения при некотором участии государства. Современное образование охватывает значительную часть человеческой жизни: только основной образовательный процесс может охватывать до 25 лет, а если учитывать повышения квалификации и переподготовку, то может продолжаться до самой старости. Дисциплинарная структура, в рамках которой ведется обучение различного характера, также крайне сложна и, по сути, охватывает практически все стороны социальной реальности. Это объясняется высокой технологической и научной емкостью социальных отношений в целом, на овладение чем и направлено образование. Главная задача в этом смысле – после прохождения полного образовательного цикла получить необходимую квалификацию, что обеспечивается установленными стандартными требованиями, системой аттестации, постоянным совершенствованием педагогических кадров, благодаря чему они сами должны поддерживать требуемый уровень владения знаниями, умениями и навыками. Требования, безотносительно конкретных органов, их формулирующих, определяются наличной техносферой общества и его организацией, а система образования лишь следует, своего рода, желаниям заказчика. Данную подфункцию института образования можно обозначить как «подготовка грамотного специалиста».

Другая подфункция образования связана с постоянно поддерживаемым и достаточно плотно контролируемым опытом участия в сложных социальных отношениях внутри школьного, а затем и

---

¹ Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. Москва: Страна Оз, 2014.

послешкольного коллектива в средних и высших профессиональных учебных учреждениях. Вступая в такие отношения, обучающийся выходит за пределы своего ближнего спонтанно формирующегося окружения, построенного на неформальных связях родственного, дружеского и иного характера. Он попадает в нормативно организованную иерархическую среду сложного коллектива со своими специфическими нормативно-ценностными установками, моделирующими основные принципы общества. Такие отношения многоуровневые: вертикальные – с учителем, учительским и административным коллективами, родителями и т.д.; горизонтальные – с одноклассниками, с другими сверстниками, с учащимися старших и младших возрастов. Освоение таких связей и отношений, парадигмально заданных институтом образования, создает комплекс нормативно-ценностных ориентаций личности учащегося, которые затем реализуются личностью в ходе дальнейшей социализации и социальной практике. Следует отметить, далеко не обязательно их совпадение с положительными установками – как и полагается парадигме, институциональные ориентации формируют внутри себя взаимные оппозиции, хотя система образования своим строем и применяемыми санкциями, разумеется, стремится сформировать именно их. Эту подфункцию можно обозначить, как «воспитание ответственного гражданина».

Наконец, помимо формальных отношений в институте образования неизбежно присутствуют и отношения неформальные с теми же разнородными субъектами вне ближнего круга. Усвоенные в рамках такого опыта ценностные и экзистенциальные установки также становятся базой для дальнейшей социальной практики, но уже в неформальной ее сфере, сфере личных отношений. Аналогично с рассмотренными выше, эту подфункцию можно обозначить как «воспитание хорошего человека».

2. Индустриально организованный институт образования становится дисфункционален, как и остальные индустриальные институты. Это не означает, что всякая деятельность в его рамках лишена смысла или вредна,

однако отмеченные выше технологические, социальные и экзистенциальные сбои в обществе коренятся, в том числе, и в системе формирования типичной личности, ее знаний, умений и навыков. В самом деле, вне зависимости от причины – противоречия субъектов или взаимное непонимание – любое рассогласование, ведущее к масштабным катаклизмам, можно рассмотреть как неэффективное социальное взаимодействие, протекающее в нарушение принятых регламентов отношений, освоение которых и составляет основную задачу института образования.

Можно выделить комплекс фундаментальных факторов, оказывающих влияние на подобное состояние. Главным здесь можно обозначить упадок единой картины мира, сопрягающей различные базовые представления в парадигмальное единство культуры данного общества. Разнородность научных знаний, утративших былое аксиоматическое и методологическое единство, а также дисциплинарную комплементарность порождает когнитивную дезорганизацию даже в научном сообществе – как в виде не преодоленного противоречия между естественными и техническими науками, с одной стороны, и науками социально-гуманитарными, с другой, так и в виде нарушения научной коммуникации в целом. Это рассогласование прослеживается и дальше, по всему корпусу прошедших через институт образование специалистов, различные группы которых взаимно отторгают друг друга вплоть до формирования негативных взаимных репрезентаций и объединяющих их идентичностей.

В целом, это существенно ослабляет наукоцентричную культуру, что делегитимирует сам принцип технической регламентации социальных отношений. В свою очередь, в мировоззренческих установках возникают или расширяются ниши домодернистских представлений, как религиозного, так и иного характера, которые уже сейчас составляют серьезную конкуренцию научной картине мира и индустриальному типу социальных

отношений, пусть даже и в виде знаковых субкультур или инородных дискурсов в социальной коммуникации.

Другим, не менее фундаментальным фактором выступает функциональный и институциональный разрыв между образованием и остальными сферами общественной практики. Это наиболее наглядно проявляется в нарушении связи между образованием и трудоустройством, выраженном в серьезных дисбалансах между потребностями общества в подготовленных специалистах и специализацией выпускников. Еще одним наглядным примером такого разрыва выступает все нарастающее запаздывание транслируемых образовательными организациями знаний, умений и навыков относительно реально потребляемых организациями и учреждениями сфер общества. Такой разрыв сам по себе снижает полезность и значимость обучения, а как следствие – делегитимирует институциональные требования и отношения в рамках получаемого опыта. Паллиативные меры в виде постоянно меняющихся стандартов и учебно-методических комплексов, а также дополнительных форм образования, очевидно, не способны скомпенсировать базовое противоречие.

Таким образом, складывается противоречие между фундаментальным, технологическим и моральным – как в социальной практике, так и в индивидуальной и коллективной экзистенции членов общества. Как следствие, оказывается невозможно согласование аспектов рассмотренного выше комплекса «грамотный специалист, ответственный гражданин, хороший человек», как продукта системы образования, в чем и заключается собственная дисфункция института образования.

3. Очевидно, что главная проблема института образования заключена не в нем самом, а обусловлена сложными социокультурными процессами, ведущими к трансформации всей функциональной и институционально-дискурсивной матрицы общества. Сложившись как частный, специфический институт массового индустриального общества, образование не может

оставаться неизменным при коренных изменениях в его укладе и меняется вслед за ним.

Можно обозначить три основных аспекта упадка индустриального общества, выступающих, как ни парадоксально, следствием его достоинств – в силу чего и имеется возможность говорить об исчерпании всей модели такого типа общественного устройства.

Во-первых, это высокоэффективные отлаженные социальные и технологические подсистемы. Несомненное завоевание индустриального общества, они не только создают общую комфортную среду существования массового общества, но и многократно продублированы, что страхует систему в целом от некорректного функционирования каких-то ее компонентов, а также позволяют достаточно быстро локализовать, исправить и устранить последствия от достаточно масштабных сбоях в работе подсистем. Выигрывая в надежности в целом, такая организация неизбежно проигрывает в надежности каждого частного компонента, хотя и предъявляет к нему достаточно высокие требования стандартов. Если в отношении технических систем это компенсируется различными формами взаимного контроля и запрограммированным действием устройств, то в случае систем социальных, рассчитанных на регламентированную деятельность ответственных лиц, нарастающие в силу личных причин ошибки приводят к существенным искажениям в работе соответствующих структур, в том числе и создавая необратимые последствия.

Во-вторых, новая информационная ситуация переформатирует строй локальных и профессионально-стратовых субкультур. Ранее выступавшие локально-связанными вариациями базовой культуры, теперь они обретают новый, «рассыпанный» характер. С одной стороны, они перестают быть локально связанными – в каждой конкретной локальной общности могут присутствовать следовые количества носителей установок субкультуры, а основное общение и солидарность их перенесены в коммуникативную виртуальную среду. С другой стороны, постепенный отход от принципов

массового потребления (или декларирование такого отхода) за счет большей вариативности потребляемых услуг, материальных и информационных продуктов создает предпосылки, а коммуникативные установки усиливают тенденции на отторжение и противопоставление как самих новых субкультур, так и некоторой обобщенной «массовой» культуры. Разумеется, за счет накопленных масштабов общества, это не отменяет самого принципа массового производства и потребления, однако на индивидуальном уровне и уровне малых социальных групп вариативность и разнородность форм потребления, досуга и т.п. формируют установки «рассыпанного» общества, «общества субкультур»¹.

В-третьих, исходя из первых двух особенностей, можно отметить специфику экзистенциальной ситуации. Современная личность, по сути, за исключением ближнего неформального круга дружеских и семейных отношений, может взаимодействовать только в двух неравнозначных областях социальной практики. С одной стороны, высоко стандартизированные профессиональные отношения, стресс и относительно слабая экзистенциальная вовлеченность в трудовой процесс, как правило, связанная с негативным контекстом. С другой стороны, досуговые и атрибутивные субкультуры, в которые погружена личность за рамками рабочего времени (а иногда – и во время работы), также далеко не всегда обладающие положительным коннотатом. Обе эти сферы парадоксальным образом сочетают стандартизированную массовость с субъективной локальностью, но при этом, особенно учитывая разнородность досуговых и атрибутивных субкультур, в малой степени пересекаются по своим установкам, идентичностям и моделям поведения. Личность вынуждена постоянно переходить из одного своего состояния в другое, ни в одном из них не обретая полноты своей самоактуализации – и, фактически, находится в состоянии фрустрации. Очевидно, что эффектом такого состояния является маргинализация даже вполне социализированных и успешных по виду

---

¹ Лаврова А.Г. Субкультуры современного общества. Причины выбора // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 32, 2012. С. 169-171.

личностей, с полагающейся экзистенциальной девиацией различного характера, от психопатологий до асоциального поведения.

Разумеется, ни одна из «аппаратных» структур индустриального типа общества не в состоянии справиться с подобным многоаспектным кризисом, тем более, что сами их функционеры так же погружены в аналогичную социокультурную среду, пусть и на своем уровне.

4. Произошедшая в нашей стране в 2000-е годы «информационная революция», сопряженная с упадком традиционных отраслей промышленности и ростом сектора услуг, в значительной степени трансформировала базовые структуры управления в социальной системе и формы коммуникации, резко интенсифицировав процессы исчерпания индустриального типа общества. Если концептуализировать социокультурную ситуацию, то можно сказать, что на данный момент в обществе сталкиваются оргструктуры, логики и типы личностей индустриального модерна, постиндустриального постмодерна и архаики.

Последние развиваются в сегментах социума, уже вытесненных из индустриальных отношений, но еще не включившиеся (или не включаемые в принципе по различным причинам) в отношения постиндустриальные. В этих условиях парадигма модерна уже делегитимирована, но идущая ей на смену парадигма новая еще не укоренена, и происходит закономерный откат к практикам и ориентациям предыдущего типа социальных отношений. Как справедливо отмечают исследователи¹, выход из наличной индустриальной парадигмы не означает восстановления отношений собственно аграрного общества, как в плане хозяйственной деятельности, так и в плане социальных и мировоззренческих принципов. По сути, они представляют собой собранные на фрагментах модерна этические, эстетические, когнитивные и поведенческие атрибуты, соотносящиеся с неким образом традиции аграрного общества, и при этом могут существовать только в рамках индустриального общества. Аналогично и постиндустриальные

---

¹ См. например: Хачатурян В. М. Феномен архаизации в культурной динамике. Диссертация ... доктора культурологических наук. Москва, 2012.

отношения, возникая в некоторых частных нишах общества, вне своего ареала опираются на процессы общества индустриального, надстраиваясь над ними и трансформируя их за счет институциональной индукции.

В то же время, сами постулируемые установки архаики и постиндустриального будущего резко антагонистичны сохраняющей инерцию индустриальной парадигме, размывая ее аксиоматику и символический ряд. Апелляция к символам и логике премодерна нивелирует смысл и значение когнитивной традиции научного отношения к миру; постмодернистский релятивизм устраняет саму возможность однозначности социально-технического регламента. Однако если первая социокультурная форма, за счет обращения к отрефлексированной интеллектуальной и институциональной традиции, позволяет создавать и поддерживать относительно дееспособные социокультурные структуры, то вторая, в силу собственной неотрефлексированности, играет чисто критическую роль, не представляя, по крайней мере, пока, положительного образа будущего.

Исходя из этого, в качестве актуальных относительно рефлексивных альтернатив стоит рассматривать инерционную индустриальную парадигму и новую парадигму архаики, противостояние которых формирует базовые противоречия социокультурного процесса.

Институциональная инерция индустриального модерна по-прежнему остается несущим каркасом социальной системы, поскольку именно заданными ею «аппаратами» и практиками осуществляется организация и управление массовыми процессами. Тем не менее, под действием интенций постмодерна эта институциональная инерция замедляется, становится все менее эффективной и не может выступать прочным основанием не только для будущего, перспективного социального устройства, но и даже для стабилизации его текущего состояния, что в перспективе ведет к диссипации социальной структуры и социокультурной общности в целом.

Архаика, замещая символический ряд модерна, спускается из чисто коммуникативных сообществ в атрибутивные субкультуры, а затем – в

рутинную практику все более расширяющихся социальных слоев. Тем самым она трансформирует как легитимацию, так и когнитивные и практические установки членов общества, лежащие в основе наличной социальной структуры и техносферы. В случае, если архаические интенции станут слишком распространены в обществе, необходимая для организации и управления массовыми процессами социальная и техническая регламентации окажутся необеспеченными, что неизбежно вызовет обрушение социальной структуры.

5. Рассмотренное выше противоречие отражается и на институте образования.

Пожалуй, самая наглядная форма такого влияния заключена в субкультурном дроблении общества, в силу чего некогда единый комплекс требований к внешнему виду и нормам поведения, сохраняя свое нормативное значение, активно оспаривается учащимися и заинтересованными общественными силами. Если обычные современные субкультуры не вызвали сколь-нибудь существенной реакции, то постановка подобного вопроса со стороны религиозных течений определенную напряженность. Так, в последнее время весьма значительный резонанс приобрела тема религиозной символики, культа и регламентации внешнего вида в светских учебных заведениях.

Однако проблема не исчерпывается атрибутикой. Включение в образовательные стандарты и перечень академических дисциплин религиозных направлений, знаменуя собой как расширение архаических интенций вглубь социальной практики, так и постмодернистские интенции подхода с современных, рациональных и даже сциентистских позиций к религиозной тематике, так же ожидаемо привели к неоднозначной реакции, причем, двоякого рода. Хотя в соответствующих законах и положениях прямо прописано, что подготовка по данным направлениям имеет чисто светский характер и не ставит перед собой задачи религиозного обучения, и сторонники, и противники подобных новаций зачастую воспринимают их –

разумеется, с противоположными оценками – именно как вторжение религии в научные области и религиозную пропаганду.

Другая форма такого влияния – распространение различного рода «интерактивных» видов обучения, от курсов до дистанционных практик. Давая некоторый выигрыш в оперативности и гибкости обучения, выступая примерами инновационных решений, и в этом смысле, играющие положительную роль, подобные практики размывают институциональное ядро индустриального института образования, от жесткой регламентации до отношений преподавателя и группы студентов. Ситуативные группы и виртуальные коммуникации просто не позволяют формировать соответствующее локальное социокультурное пространство, воспроизводящее в микромасштабе принципы индустриального общества. Конечно, они формируют иные, более востребованные навыки уже постиндустриального мира – но насколько это способно компенсировать диссипацию фундаментального института, совершенно непонятно.

Аналогичные процессы можно проследить и в других институтах современного общества. В целом, диссипация индустриальной институциональной матрицы видится необратимой. Основной же вопрос современности сводится, по сути, к соотношению относительных скоростей исчерпания принципов модерна, распространения архаики и складывания отношений, способных пересобрать социальную систему на некоторых новых основаниях.

2.4. Типология архаических идентичностей и проблема оперирования ими

Структурные нарушения социокультурной системы в рамках модернизационного перехода, обусловленные не столько складыванием новых типов отношений, сколько упадком и свертыванием отношений инерционных, порождают маргинализацию общностей, ранее жестко

вписанных в функционально-институциональный каркас дестабилизированного общества¹. Это происходит тем быстрее, чем активнее происходит сворачивание действующих отношений, и в некоторый момент маргинализация приобретает обвальный, лавинообразный характер, выбрасывая значительные массы членов общества в совершенно новую для них социальную реальность, в которой их прежние навыки, умения и знания, а следовательно, и представления о мире, обществе и человеке, становятся не только неактуальными, но и прямо дисфункциональными.

Очевидным образом, это создает питательную почву для экзистенциальных страданий и сопровождающих их социокультурных девиаций подобного аномичного, разрушенного общества. С другой стороны, в качестве ответа на катастрофичные изменения порождается массовый запрос на поиск новых оснований – как экзистенциальных, так и институциональных – для жизни, причем, не только социальной, но и даже биологической. Значимым ответом на подобный массовый запрос, а также результатом этого ответа на следующем этапе развития кризиса, выступают новые социокультурные общности, выстроенные на базе архаических идентичностей и типах институционально-дискурсивных практик, ярким примером которых являются религиозные, криминальные или этнические группы.

Проблема обеспечения модернизационного перехода в этом смысле заключается в оперировании сложившимися идентичностями, а значит, и сообществами, позволяющем инкорпорировать их, если не в сам модернизационный проект, то хотя бы в новый тип общества – или, в худшем случае, снизить возможные конфликтные процессы, поглощающие необходимые для модернизации ресурсы.

1. Все группы, не включенные в модернизационный процесс и выпавшие из инерциально воспроизводящихся отношений, можно разделить на два больших типа. Это, во-первых, просто разрушенные сообщества,

---

¹ См. например: Буранчин А.М., Вахитов Р.Р., Демичев И.В. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан. Уфа: Дизайн-Пресс, 2014.

которые не могут выстроить собственные солидарные связи и идентичности, воспроизводящие разрушительные девиантные практики и с большей или меньшей скоростью опускающиеся на социальное дно. Во-вторых, это сообщества, складывающиеся на базе идентичностей, противостоящих как модернизационным, так и современным принципам, и обладающие собственной внутренней солидарностью, благодаря которой они оказываются в состоянии поддерживать и даже в определенных случаях улучшать социальный статус своих членов.

Следует отметить, что если первые являются пулом деклассированных элементов общества, то вторые вполне способны не только к самовоспроизводству, но и к инкорпорированию в относительно сложные социальные структуры – и даже, в случае катастрофического развития ситуации и разрушения общества, выступать ядром для восстановления социальности, пусть и на более низком уровне упорядоченности.

Сообщества второго типа закономерным образом, с одной стороны, апеллируют к утрате легитимности существующих социокультурных структур, более не могущих не только обеспечить более высокие, рафинированные социальные отношения и типы личностей, а с другой – реактуализируют латентные институционально-дискурсивные практики, всегда сохраняющиеся в рамках стабильного общества, на базе которых и начинают складываться их идентичности и солидарности. Причем, такая реактуализация на практике вовсе не обязательно предполагает собственно восстановление институционально-дискурсивных практик предшествующих типов общества: чем менее сохранили свое выражение латентные институты и идентичности, тем в большей степени они заменяются фрагментами современности или иными конструктами. Это наглядно проявляется в спектрах сообществ, реконструирующих религиозные отношения: если так называемые «традиционные религии» в значительной мере сохранили собственный организационный, догматический и ритуальный комплекс, то различного рода «неоязыческие», «восточные» и иные сектантские

объединения представляют собой практически полностью новые концепты, практики и установки.

Однако в любом случае подобная реактуализация позиционируется носителями и субъектами ее в виде «возрождение традиции», «возвращения вечных ценностей», обеспечивая себе, таким образом, определенную легитимность на фоне падающей легитимности современных отношений и смутной, противоречивой легитимности отношений нового типа общества¹.

2. Имеет смысл типологизировать такие возможные архаические общности с точки зрения определяющих их идентичностей и солидарных связей, оговариваясь, впрочем, что подобная типология будет в значительной мере условной.

В первую очередь, это уже обозначенные выше религиозные или квазирелигиозные (идеологические, например, обобщенные «левые» или «правые») сообщества, апеллирующие к реактуализации институциональных норм и дискурсивных установок религий Премодерна. Следует сразу сказать, во избежание разночтений, что речь идет именно о социокультурных практиках и не касается собственного сакрального содержания религиозных положений, которые, хотя и легитимируют собой эти практики, но не относятся напрямую к сфере социальных отношений и не влияют на рассматриваемую проблематику непосредственно.

Далее можно отметить сообщества, не обращающиеся к религиозным образам, но апеллирующие к историческим образам своих этнических групп – здесь на первый план выходят светские формы организации жизни народов, как правило, имеющие романтизированный характер доиндустриального общества, форм аграрного (или кочевого) Премодерна².

Наконец, в третью очередь стоит выделить специфические архаические сообщества, не имеющие непосредственного исторического прообраза, очищенные от собственно исторического содержания, но тем не

---

¹ См. например: Сошин Ю. Северный Кавказ: цивилизационный кризис и новое варварство // <http://www.apn.ru/index.php?newsid=35585>.

² Шибанов В.Л. Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // Вестник Удмуртского университета. № 5 (1), 2007. С. 163-168.

менее в качестве собственного социокультурного ядра полагающие некоторые обобщенные образы аграрного или даже еще более раннего типа общества, помещенные в некоторый воображаемый контекст. Ярким примером такого типа сообществ выступают сообщества фанатов литературы, кино, компьютерных игр и т.п. с фантастическими (например, «Вселенная Вархаммер 40000» или «Вселенная Звездных войн») или фэнтезийными сюжетами (например, «Вселенная Средиземья» или «Вселенная Элдер Скроллс»). Этот тип сообществ резко отличается от первых двух не только мерой своего исторического содержания – как уже отмечалось выше, в рамках «реконструкции традиций» оно может быть весьма условным и у них – но своей принципиальной современностью, а также распространенностью на сохраняющие свой статус в рамках существующих и перспективных социальных отношений социальные группы. Тем не менее, по своей логике, дискурсивным и институциональным стереотипам, воспроизводимым носителями, они имеют также архаический характер, поскольку отрицают принципы общества Модерна. Их можно обозначить, как собственно постмодернистские сообщества¹.

По мере развития модернизационного кризиса необходимо выделять и четвертый тип сообществ, апеллирующих к уже утрачиваемым принципам «современного общества», в нашем случае – принципам общества индустриального, общества Модерна. Они, в целом, аналогичные консервативным сообществам предыдущего модернизационного перехода (например, луддитам), выступают реакцией на общий кризис модернизационного перехода и разрушением привычного общества, не столько предполагают его реформирование на новых принципах, сколько стремятся сохранить все более сокращающиеся условия собственного существования – и потому выступают контрмодернистской

---

¹ Гурин С. Субкультура между архаикой и постмодерном // Труды Саратовской православной духовной семинарии: Сборник. Вып. VII. Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2013. С. 279-285.

силой, имеющей, в силу логики развития ситуации, тенденцию стать архаическими.

3. Архаические сообщества не только адсорбируют в себя какую-то часть деклассированных членов общества, хотя даже и в этом смысле выполняют определенную полезную функцию, снижают общую неупорядоченность социальной системы. Эти сообщества формируют – пусть и на своем уровне – области солидарных отношений и отрефлексированных идентичностей, обеспечивая условия для формирования устойчивых социальных практик и типов личностей, противостоящих нарастающему кризису модернизационного перехода. Наконец, в их рамках происходят процессы рефлексии и развития дискурсов, воспроизводящих актуальную культуру общности, вне зависимости от ее акцентированных образов.

Иными словами, в условиях кризисного состояния общности архаические сообщества выступают закономерным и, в каком-то смысле положительным ответом. Нельзя не учитывать, что инновационные пакеты принципиально не способны создавать социальные ниши на новых принципах, которые могут инкорпорировать в себя наличные массы членов общества, а эффект от них, с точки зрения как инерциальных сегментов, так и, тем более, групп, вытесненных их нормальных отношений, выглядит, по меньшей мере, неоднозначным, а зачастую – и негативным. Проблема возникает в силу того, что исполнение необходимых функций осуществляется паллиативными мерами – они оказываются неспособны не только обеспечить необходимую в рамках модернизационного перехода трансформацию социальных отношений, но даже и остановить общее сползание в хаос, обусловленный распадом институциональных структур кризисного общества.

Учитывая необходимость в рамках модернизационного кризиса решения сразу двух нетривиальных задач – реформатирования институционально-дискурсивных структур и сохранения общей

стабильности системы, выявляется проблематика оперирования архаическими сообществами и их идентичностями с точки зрения культурного и социального обеспечения модернизационного перехода.

С одной стороны, поскольку инновационный кластер не может создать достаточной мощности социальное и культурное поле, втягивающее общности в модернизационный процесс – и именно поэтому происходит складывание и укрепление архаических сообществ – с целью обеспечения социальной стабильности, необходимо осуществлять упор на подобного рода самоорганизацию, иначе система может распасться под грузом резко усиливающихся противоречий. С другой стороны, паллиативность и контрмодернизм сообществ резко повышают инновационное сопротивление социальной системы, отторгая инновационные практики и дискурсы, делегитимируя их.

4. Каждый из обозначенных выше типов архаических сообществ имеет свою специфику в плане такого оперирования, вытекающую из определяющих их институционально-дискурсивных принципов. Можно сформулировать некоторые общие направления воздействия на них, уточнение и инструментализация которых, как представляется, могут быть уточнены и развиты в ходе последующих исследований, а главное – практики.

Самым простым для воздействия представляется третий тип – постмодернистских конструкторов, поскольку он эстетически и технически не привязан к историческому наследию и выступает, своего рода, делинквентной формой модернизационной рефлексии. Складываясь на основе современных высоких технологий, эти сообщества, как правило, состоят из носителей современности и инноваций – или, в любом случае, групп, не исключенных из модернизационного процесса и наименее архаизированных. Сохраняя в своих формах эстетический (в случае фантастики) и этический (в случае фэнтези) пафос культуры Модерна, пусть и в искаженной форме, они достаточно динамичны и способны активно

инкорпорировать в свои дискурсы логику инноваций, если она задается общей дискурсивной практикой современности и проводимой культурной политикой.

Аналогично и консервативные, потенциально архаические сообщества, апеллирующие к принципам индустриального типа общества способны относительно легко трансформироваться на инновационной основе, поскольку необходимо сохраняют прогрессистский пафос Модерна, научно-технические ориентации и этическую базу. Если позиционировать инновации не как отрицание этих принципов, а как их развитие на новом уровне, подобные сообщества вполне естественно вписываются в модернизационный процесс и качественно усиливают его.

Более сложными в плане инкорпорации выступают архаические сообщества второго типа, поскольку в своем дискурсивном ядре содержат двойное отрицание – общества модерна, как разрушившего нормальные этнические формы организации жизни, а также перспективного общества, которое затушевано негативными явлениями наличного кризисного состояния. Следовательно, здесь необходима сложная кропотливая работа по трансформации этнических идентичностей, переоткрытия их в контексте стабильного индустриального общества, а затем – презентацией инноваций в качестве развития последнего.

Наконец, еще более сложными в рассматриваемом случае выступают архаические сообщества первого, религиозного и квазирелигиозного типа, причем, сложность здесь имеет двоякий характер. С одной стороны, как и в предыдущем случае, в их рамках идет апелляция к доиндустриальным формам организации общества, но она имеет иную природу – не простое обращение к романтизированному образу прошлого своего этноса, а сакрализованное его обоснование, что в значительной мере снижает критичность восприятия воздействий. С другой стороны, предыдущий модернизационный переход имел подчеркнутый антирелигиозный характер и везде сопровождался как значительным отходом широких слоев общества

от религии, так и репрессивными мерами в отношении религиозных организаций и носителей религии. Это обусловило не просто маргинальные и контрмодернистские установки в религиозных дискурсах, а также, в значительной мере, отторжение религии в других средах общества, но и определенный сакрально легитимированный реваншизм в религиозных кругах, тем более усиливающийся, чем больше в такие сообщества притекают выдвленные из современности массы членов общества. В то же время, как показывает практика, сообщества такого типа обладают наиболее плотной солидарностью и активной идентичностью, а потому выступают как наиболее интересными в плане инкорпорирования их в модернизационный процесс, так и наиболее разрушительными в случае жесткого противостояния последнему.

Здесь наиболее разумным представляется комплексное воздействие, включающее в себя одновременно а) разведение сакрального содержания религиозных установок и их институционально-дискурсивных форм, имеющих конкретно-исторический характер, б) апеллирование к гуманистическому пафосу религиозных установок, в рамках чего возможно позиционировать инновации не как отрицание сакрального, а как его переоткрытие и развитие, в) апеллирование к положительному опыту использования религиозных установок в модернизационном процессе и существованию религии в рамках индустриального общества, в том числе и трактовка жесткого противостояния модернизма и религии как ошибочного.

В целом, эффективность подобных воздействий способна в значительной мере снизить конфликтность модернизационного перехода. Однако нельзя не отметить, что одних мер культурного оперирования совершенно недостаточно для обеспечения модернизационных процессов, поскольку базовые противоречия кроются в области социальных отношений и без их решения минимизация напряженности невозможно, а следовательно, невозможно избежать более или менее открытого противостояния отмеченных выше сообществ.

2.5. Смена установок Модерна в современной культуре (на примере фан-сообществ)

Модернизационный кризис представляет собой не только институциональные трансформации, связанные с одновременным складыванием сообществ на инновационных и реактуализированных ранее латентных принципах, но и трансформации дискурсивные, имеющие аналогичные принципы. Как и в случае с институциональными трансформациями, дискурсивная структура социокультурной системы меняется в связи с исчерпанием парадигмы Модерна – в данном случае, исчерпанием наукоцентристской картины мира, эстетики современного и перспективного индустриального общества и этики, основанной на светском, коллективистском или индивидуалистическом, гуманизме.

Здесь можно отметить определенную специфику процессов, связанную с формированием, воспроизводством и изменениями образного и тематического ряда дискурсивных явлений, наиболее наглядно проявляющуюся не в сообществах, реактуализирующих тот или иной образный ряд исторического прошлого, но в сообществах, складывающихся вокруг новых культурных явлений современного общества и развивающихся в рамках культуры последнего. Речь даже не о таких течениях в субкультурах индустриального общества, вроде хиппи, готов или современных «даушифтеров», хотя и они обрели довольно массовый характер, даже породив собственные культурные традиции. Более интересными для рассмотрения дискурсивных изменений выступают сообщества поклонников тех или иных произведений искусства – книг, фильмов, а теперь еще и компьютерных игр, в рамках которых, а также по запросу которых, одно или несколько произведений разрастаются до масштабных проектов, со своей культурной, социальной и экономической

инфраструктурой, специфическими идентичностями и атрибутикой, формами этики и т.д.

Не имея возможности охватить весь массив актуальных фанатских сообществ, выберем для рассмотрения три, на наш взгляд, представительных примера – «Вселенную Звездных войн», «Вселенную Средиземья» и «Вселенную Вархаммер 40000», каждая из которых отражает собой отдельное направление в развитии современной культуры в их динамике.

Культурный кризис предыдущего модернизационного перехода породил два диалетически связанных феномена – веру в науку и построенное на ее базе индустриальное общество, а также отрицание науки с соответствующими апелляциями к доиндустриальным типам общества, магии и религии. Два эти направления создавали принципиально разные идеологические ориентации, эстетические и этические образы некоторого «золотого века», относя их, соответственно к будущему, преодолевшему «пережитки прошлого», и прошлому, не испорченному Модерном. В плане искусства их, условно, можно отождествить с такими масштабными явлениями, как фантастика, ориентированная на комплекс представлений о будущем мире, обществе и человеке, и фэнтези, ориентированное на комплекс представлений об обществе, мире и человеке, так или иначе соотносимыми с некоторым обобщенным «европейским Средневековьем» или еще более ранними обществами.

Яркими примерами реализации этих направлений выступали, соответственно, книги и фильмы Дж. Лукаса и других «Звездные войны» и произведения Дж. Р.Р. Толкина «Властелин Колец». Разумеется, и помимо них в культуре XX века были фантастические и фэнтезийные произведения и целые циклы произведений – достаточно вспомнить, например, «миры» И. Ефремова или А. и Б. Стругацких, произведения Гарри Гаррисона, Т. Пратчетта, У. ЛеГуин, Дж. Мартина и др. Однако «Звездные войны» и «Властелин Колец» от них отличаются как раз становлением и оформлением крупных сообществ почитателей, фанатов, создавших масштабную

инфраструктуру, атрибутику и выработавших собственные институализированные идентичности.

Интересны отличия сложившихся субкультур. «Вселенная Средиземья» формировалась вокруг нескольких базовых книг Дж. Р.Р. Толкина («Властелин колец», «Сильмариллион» и др), и при этом достаточно долгое время не существовало других культурных продуктов, франшизы и т.п., институционально поддерживающих сообщества фанатов – и при этом субкультура не только сохраняет свою активность на протяжении уже почти полувека, обросла собственной дискурсивной инфраструктурой, но и плотно вошла в современную культуру¹, и даже можно сказать, что выступила, своего рода прототипом всех последующих аналогичных явлений.

С другой стороны, субкультура, сложившаяся вокруг «Звездных войн», имела во многом обратную динамику – начавшись с выпуска «оригинальной трилогии», фильмов Дж. Лукаса, она практически сразу стала своего рода большим культурным проектом. В работе над литературной составляющей включились десятки писателей-фантастов, в том числе крупных, написавших в совокупности несколько сотен произведений различного характера, активно развивалась франшиза, устраивались фестивали и т.п. Позднее «Вселенная Звездных войн» стала дополняться широкой номенклатурой компьютерных игр, от «шутеров от первого лица» и симуляторов до стратегий, а также Интернет-сайтами. Иными словами, усилиями Дж. Лукаса была создана масштабная институциональная и дискурсивная инфраструктура, воспроизводящая субкультуру, и даже если предполагать чисто коммерческий интерес авторов, нельзя не заметить большого культурного эффекта от их деятельности².

Развитие информационных технологий, становление сети Интернет и рынка компьютерных игр не только резко расширили возможности по

---

¹ Ругиэн, Альвдис Н. Все тайны мира Дж. Р.Р. Толкина. Симфония Илуватара. М.: Алгоритм, 2014.

² Shefrin, Elana. 'Lord of the Rings, Star Wars, and Participatory Fandom: Mapping New Congruencies between the Internet and Media Entertainment Culture'. *Critical Studies in Media Communication*, 21(3): 261-281.

трансляции уже сложившихся фанатских сообществ, но и породили новые. Так, можно указать на эволюционировавшую из настольной игры «Вархаммер 40000», обладающую довольно сложным сеттингом, проработанной мифологией и историей, сделанную в рамках специфического современного жанра «технофэнтези»¹. Элементы эстетики, мемы, фрагменты истории и идеологии этого мира широко распространились за пределы собственно игровых сообществ, включает в себя комплекс книг, комиксов, фильмов, мультфильмов и анимэ².

Если «Вселенная Средиземья» выступала, своего рода, концептуализацией антимодернистских настроений, с жестким противопоставлением «светлых» обществ эльфов и людей, обрисованных в качестве квазисредневековья, и «темного» общества орков, явно имеющего отсылки к раннеиндустриальному типу, а «Вселенная Звездных войн», пусть и в виде приключенческого боевика, «космической оперы» формировала образ будущего, то во «Вселенной Вархаммера 40000» это противопоставление решается принципиально иным образом.

Она, на наш взгляд, представляет собой яркий образец постмодернистских интенций, преодолевающих выше обозначенное разделение на фантастическое и фэнтезийное направления в культуре: несмотря на подчеркнута фантастические условия «мира», связанные с космосом, высокими технологиями и т.п., он насыщен не только специфически интерпретированной магией, но и в образе общества явно прослеживаются черты жесткой теократии, онтологически обусловленных расовых и видовых различий и т.д. Иными словами, в рамках «Вселенной Вархаммер 40000» элементы прогресса и модерна выступают не более, чем внешними формами, а основное ее содержание явным образом отсылает к логике и интенциям Премодерна.

---

¹ Кулик О.П. Вопрос о «научном фэнтези» в современной русской литературе // Наукові записки. Серія «Філологічна». Матеріали міжнародної науковопрактичної конференції 22-23 квітня 2010 року «Міжкультурна комунікація: мова – культура – особистість». Острого: Видавництво Національного університету «Острозька академія». Вип. 15, 2010. С. 170-175.

² Знакомство со Вселенной Вархаммер 40000 // http://warhammergames.ru/publ/znakomstvo_so_vselennoj_warhammer_40000/16-1-0-264.

Таким образом, на примере рассмотренных сообществ можно проследить динамику развития интенций развития культуры в рамках исчерпания установок эпохи Модерна: упадок принципов наукоцентристской культуры, светского гуманизма и ориентации на прогресс, их замена на принципы Премодерна даже, казалось бы, в сообществах, в достаточной мере включенных в современные социальные и культурные отношения.

2.6. Критерии оценки уровня архаизации социокультурной общности

Рассматривая архаизацию, как специфический феномен «отката» в институционально-дискурсивной практике данной социокультурной общности, возникающий в силу исчерпания возможности воспроизводства структур «современности», и, прежде всего, структур «индустриального» типа общественного устройства, могущего быть инициированного различными факторами, нельзя не ставить вопрос о критериях оценки уровня архаизации. Очевидна сложность выявления таких критериев, поскольку в условиях такого модернизационного кризиса образуются одновременно две тенденции: его преодоления на новом, более высоком уровне организации социальной системы, а также адаптации элементов ее к наличным, ухудшающимся условиям – причем, обе они будут неизбежно сочетаться с распадом существующих групп и отношений.

Интересной выступает, очевидно, вторая тенденция. Будучи адаптацией общностей к сокращающимся потокам социальных, материальных и культурных благ, деградации институционально-дискурсивной системы, она порождает иное, нежели данное состояние людей и их объединений¹. Учитывая, что данные отношения складывались в условиях расширения потоков благ, как в качестве их обеспечения, так и в

---

¹ См. например: Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009.

качестве их использования, сокращение последних неизбежно будет образовывать тенденции указанного выше «отката», складыванию отношений, типологически сходных с отношениями предыдущего, домодернизационного уклада социальной системы, в силу чего их и можно обозначить, как «архаику», а процесс, соответственно, как архаизацию. Причем, следует отдельно отметить, что процессы архаизации могут развиваться довольно противоречиво и неравномерно, в разных сферах общества и культуры, на разных уровнях общества – в разных формах и с разной скоростью.

1. Исходя из этого, простой констатации распада текущей системы, ее институтов и общностей совершенно недостаточно для диагностирования процессов архаизации. Она будет означать просто формы, глубину и скорость протекания самого кризиса модернизации, но не будет давать картины изменений в социальных и культурных отношениях, компенсирующих распадающиеся. Последние могут иметь как «прогрессивный», так и «регрессивный» характер.

Так, например, усложнение информационных процессов и увеличение их масштабов при становлении индустриального общества сопровождалось формированием такого специфического феномена, как «публичная библиотека»¹. В каком-то смысле, распространение публичных библиотек и рост посещения их выступало определенным индикатором модернизационного процесса, отражающего сразу комплекс параметров: рост грамотности, интереса к специальной и общей литературе и т.п. Однако будет ли в современных условиях сокращение количества публичных библиотек и их посетителей об архаизации? Совершенно не будет, поскольку с ростом объемов книг в домашних библиотеках, появление онлайн-библиотек и массовый доступ к сети Интернет в значительной мере сокращает потребность в библиотеках публичных – возможно, даже в большей мере, чем просто упадок грамотности и утрата возможностей или

---

¹ Матлина С.Г. Публичная библиотека как феномен культуры // Информационный бюллетень РБА, № 47, 2008. С. 20-23.

интереса к литературе. С другой стороны, трансформируется и сам институт библиотек в многофункциональные культурные центры¹.

Таким образом, для выявления критериев архаизации необходимо не только отслеживать сокращение базовых для социальной системы, входящей в ситуацию кризиса, параметров, но и рост параметров, которые характеризовали бы как модернизационные изменения, так и изменения архаизирующие.

В этом смысле, гипотезой анализа будет выступать соображение следующего характера.

Исчерпание возможностей эффективного функционирования текущего типа общества (индустриального, общества Модерн и т.п.) означает, с одной стороны, сокращение объемов производства, распределения и потребления соответствующих социальных, материальных и культурных благ, упадок обеспечивающих их социальных, технических и управленческих систем. Соответственно, все существующие социальные общности, включенные в наличную систему, будут испытывать кризис – как в плане потребления благ, так и в смысле инкорпорирования в социальное целое. Это, в свою очередь, означает, с одной стороны, рост социальной конфликтности в целом, поскольку увеличивает конкуренцию за сокращающийся объем благ; с другой стороны, выдавливание проигравших конкурентную борьбу общностей из системы производства, распределения и потребления благ, что резко меняет их образ жизни – и объемы и уровни потребления, и формы взаимодействия, и общий уровень культуры (знаний, умений, навыков; объемов и форм коммуникации и т.п., вплоть до этики отношений); с третьей – стремление некоторых общностей переформатировать социальные отношения и культурные установки на некоторых новых принципах, которые позволили бы не только скомпенсировать вызванные кризисом

---

¹ Сокольская Л.В., Руссак З.В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов? // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Выпуск № 1 (41), 2015. С. 21-29.

сокращения, но и расширить объем и повысить качество производимых и потребляемых благ.

Процессы второго типа будут оцениваться как архаизирующие, процессы третьего – модернизирующего характера, а соотношение их объемов, форм и относительных скоростей позволит судить о доминирующей в обществе тенденции.

Наложение получающихся характеристик на реальные, и, прежде всего, региональные общности может дать картину состояния государства и неравномерности развития указанных процессов в его рамках.

2. Отталкиваясь от предположения о ресурсной недостаточности, инициированной рассматриваемым кризисом, можно сделать несколько следующих заключений касательно общей модели поведения общностей в составе социальной системы.

Ранее стабильная и воспроизводящаяся общность, по мере сокращения ее инкорпорирования в отношения производства, распределения и потребления благ, должна испытывать процессы троякого рода.

Во-первых, это, очевидно, сокращения количества ее членов, стабильно включенных в отмеченные выше отношения – общность разделяется на две неравные доли: выбывающих из процессов и остающихся в них. Это инициирует, с одной стороны, усиление внутренней конфликтности, поскольку растет конкуренция за соответствующий ей спектр социальных статусов, а следовательно, во-вторых, усиление характеризующих эту общность идентичностей, фиксирующих соответствующие основные признаки члена общности. Как ни парадоксально, это не будет означать роста внутренней солидарности общности, поскольку в условиях внутреннего конфликта идентичности будут, скорее, фиксировать результаты конкурентной борьбы: те, кто в ней побеждает, будут полагать, что они лучше соответствуют принципам общности; те, кто в ней проигрывает, будут полагать, что победители

искажают принципы общности, а настоящих их носителей вытеснили неподобающим образом.

Во-вторых, выбывающие из цепочек перетока благ части общности, в свою очередь, так же разделяются на две неравные доли, различаемые по тому, в какие цепочки они встроились заново. Это могут быть те, кто встроились в цепочки, обеспечивающие сравнимый или повышенный, в сравнении с прежним, объем потребляемых благ, а также те, кто встроились в цепочки, обеспечивающие пониженный объем потребляемых благ¹. Причем, особо следует отметить, что здесь также понимаются блага общего характера, материальные, социальные и культурные. Иными словами, возможны ситуации, когда новые статусы могут обеспечивать больший объем материальных, но меньший – социальных и культурных, и наоборот.

Наконец, в-третьих, из-за общего упадка собирающей данную общность в целом структуры технических, коммуникативных и социальных связей, она будет иметь тенденцию распада на составляющие ее элементы социального или территориального характера, а также сама она, по тем же причинам, будет сепарироваться от остального социального целого.

Разумеется, важным параметром процесса будет скорость его протекания: чем интенсивнее, тем больше негативных проявлений, поскольку сокращается период, в течение которого может происходить адаптация выбывающих групп к новым условиям и выработка соответствующих новых навыков и умений. Следовательно, возможности инкорпорирования в новые цепочки перетока благ сравнимого и большего объема, при прочих равных условиях, дополнительно сокращаются – а значит, большая часть будет инкорпорироваться в цепочки с меньшим объемом благ. Другим, не менее важным параметром процесса будет выступать форма его организации, куда можно отнести, с одной стороны, существующий спектр «альтернативных» цепочек производства, распределения и потребления благ, как повышенного, так и пониженного

---

¹ См. например: Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. № 3, 2005. С. 3-19.

объема и качества, а с другой – принципы, на которых происходит инкорпорирование в них. Чем больше «повышенных альтернатив» и более организован процесс – тем быстрее и в большем объеме включается в них членов кризисной общности, и наоборот.

Наконец, помимо чисто социальных изменений, следует обратиться к культурным. Всякая устойчивая общность неизбежно обретает устойчивые же формы коллективного сознания – стереотипы поведения и обычаи, этические и дискурсивные принципы, обобщенный образ человека и т.п., становящиеся выражающими сущность этой общности маркерами принадлежности к ней, которые фиксируются в соответствующей идентичности. Соответственно, смена статуса, области занятости и объемов потребления благ сама по себе предполагает определенную конфликтность – тем большую, чем менее организован и эффективен процесс. Однако встраивание в новые цепочки перетока благ предполагает, помимо этого, еще и встраивание в соответствующую новую общность – либо уже существующую, либо только складывающуюся, что еще больше усугубляет конфликтность.

3. Исходя из рассмотренного процесса, можно выделить ключевые характеристики основных его особенностей, позволяющие отличить упадок действующей социальной структуры и модернизационные трансформации, с одной стороны, и архаизирующие тенденции, с другой. Это должны быть характеристики, наличие которых либо не может быть скомпенсировано любыми «инновационными» мерами, либо эта компенсация по различным причинам не может оказаться достаточной – и которые будут свидетельствовать либо о снижении объемов и качества потребляемых благ, либо о снижении объемов и ухудшении качества производства их.

Очевидно, что это будут характеристики образа жизни людей – уровней, объемов и качества потребляемых ими социальных благ. Их можно разделить на «витальные», жизненно необходимые, которые как раз и будут определять базовый уровень, отделяющий один образ жизни от другого, и

те, что выше него, обуславливающие стратификацию внутри данного образа жизни. С другой стороны, это характеристики социальной системы, ее хозяйства, социального обеспечения, культурного пространства, управленческих структур, которые будут базовыми для данного типа организации общества – так, что их отсутствие или невозможность доступа к ним будет означать иное, более низкое качество или более низкий уровень жизни. И те, и другие характеристики должны соответствовать друг другу, а их дисбаланс будет означать кризисные состояния, исходя из следующей логики: наличие базового блага при его недоступности для потребления членами общества или общностями ведет, во-первых, к дефициту у последних – с вышеописанными последствиями, а во-вторых, «кризису перепроизводства» этого блага, а значит, свертыванию производящих его структур – с также описанными последствиями.

Наконец, это должны быть характеристики целостности социальной системы, поскольку действующие структуры обеспечивают связность между элементами – а следовательно, «инновации», компенсирующие их упадок, должны обеспечивать связность на не меньшем, а даже большем уровне. Тогда некомпенсированный ими распад социального единства будет означать переход на качественно более низкий уровень социальной организации, т.е. архаизацию.

4. Исходя из этого, к критериям архаизации как общности в целом, так и входящих в нее территориальных или региональных, а также профессионально-стратовых подобщностей или групп можно отнести характеристики, оценивающие внутреннюю связность – взаимный обмен благами, информацией и людьми, как в количественном, так и в качественном выражении. Очевидно, что при данном технологическом укладе производство материальных, социальных и культурных благ предполагает вовлечение определенного объема людей – как участвующих в

самом производстве, так и участвующих в их потреблении¹. Наглядным примером здесь выступает борьба за внешние рынки: со времен колониализма и до современного глобального хозяйства индустриальное производство требовало вовлечение все большего количества стран, их территорий и масс людей, причем это касалось не только обмена материальных благ. Вместе с товарами и капиталом на «внешние рынки» шли – в разном объеме и в разные страты, разумеется – и социальные стандарты, политические практики, культурные установки и знания.

Следовательно, сокращение взаимных обменов между общностями, либо разными общностями, либо внутри общности, будет указывать на упадок данной структуры разделения труда и всего уклада общества.

Этот процесс может характеризоваться качественным и количественным сравнением. Так, обмен благами невозможен без соответствующей инфраструктуры – транспортной, если речь идет о материальных благах, и информационной, если речь идет о благах культурных. Соответственно, упадок транспортной инфраструктуры в целом и с ранжированием внутри нее по составляющим – дороги, железнодорожные пути, воздушные и водные сообщения – будет характеризовать, своего рода, сокращение общей «пропускной способности» этих каналов обмена, а снижение объемов их использования – сокращение актуальных актов обмена, потребности в них. Аналогично и с информационной инфраструктурой: наличие или отсутствие средств массовой коммуникации, соотношение их составляющих (печатные, радио и телевидение, сотовая связь и компьютерные сети), а также объем их использования будут характеризовать возможность и актуальное использование информационных обменов.

Следует отметить, что здесь тоже необходимо различать, с одной стороны, смену одних каналов и форм взаимодействия в пользу других, а с другой, смену одних контрагентов в пользу других, которые не будут

---

¹ Бияков О.А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства // Вестник Кузбасского государственного технического университета. Выпуск № 2, 2004. С. 101-108.

говорить об архаизации, от сокращения самих каналов и их использования, которые говорить о ней будут. Иными словами, смена железнодорожного транспорта на автомобильный или смена радио на интернет не характеризуют ситуацию как снижение связности, в то время, как выбытие объектов транспортной инфраструктуры в целом и, например, отсутствие интернета – наоборот, характеризует.

5. Структурная связность внутри общности предполагает взаимную зависимость ее элементов друг от друга: перемещение благ между ними означает, что каждый элемент не может произвести все необходимое для обеспечения его жизнедеятельности на данном уровне потребления, а то, что производит – избыточно для него. Элементы общности взаимодействуют друг с другом в рамках разделения труда, его специализации и кооперации, причем, под трудом стоит понимать не только материальное производство, но и производство всех благ в целом, а также их распределение и потребление.

Соответственно, для описания состояния общности – устойчивого, модернизирующегося или архаизирующегося – нельзя не рассматривать структуру разделения труда и производства. Сокращение производства при данном технологическом уровне будет означать, что объем располагаемых общностью благ будет сокращаться, создавая базу для иницируемых рассматриваемые процессы ресурсной недостаточности¹. Однако следует обращать внимание на то, что само по себе это – слабый критерий: недостающие блага данная общность может получать из других, входя в их структуры разделения труда, и тогда будет наблюдаться рост обмена благ между ними. Кроме того, необходимо учитывать и изменения технологического уровня: если он растет, то «традиционные» сектора экономики, управленческие структуры и создатели культурных благ, в целом, выходить из технологических цепочек, заменяясь новыми, а соответствующие профессиональные сообщества – в целом же,

---

¹ Вольский А. Н., Нечипоренко О. В., Энтрена Ф. Ренатурализация хозяйства как эффект рыночных реформ // Социологические исследования. № 10, 2000. С. 22–26.

демонстрировать поведение, описанное выше, распавшись и переориентируясь на новые отношения.

Тогда важными параметрами выступают, помимо трансграничной и внутренней связности, с одной стороны, производительность труда, как интегральная характеристика хозяйственного, управленческого и культурного уровня общности, от которой зависит располагаемый общностью объем благ, а с другой – объем средств, вкладываемый в сохранение и развитие производственных мощностей и структур распределения, инвестиции. Падение производительности труда, вызванное любыми причинами: упадком технологий, свертыванием производительных мощностей, выходом значительных масс членов общества из производственных отношений и т.п. – означает, что общность в целом будет обладать меньшим располагаемым объемом благ, а следовательно, будут складываться условия для формирования предположенных выше отношений, типологически схожих с отношениями более раннего общественного строя. Падение объемов средств, вкладываемых в поддержание и развитие производственных мощностей или инвестиций, означает, что эти мощности будут деградировать в целом как система. Распределение по этим показателям сфер общества, регионов и социальных страт позволит более точно выявить, где именно возникают условия для архаизации и каковы ее масштабы.

Здесь следует отметить, что возникает важная методологическая проблема. Если в случае с хозяйством, т.е. производством материальных благ, такие показатели в принципе существуют, то в случае с производством социальных и культурных благ они отсутствуют или, в лучшем случае, представляют собой некоторый вариант экономических – скажем, затраты на силы поддержания порядка или экономические показатели искусства и науки. Какую-то информацию могут дать внутренние критерии эффективности, скажем, в научном сообществе – квалификационные показатели, объемы цитирования и т.п., однако их надежность и

эффективность остается под вопросом. Впрочем, можно выдвинуть в качестве критерия уровень внедрения научных разработок в хозяйственную и управленческую практику, как интегральную оценку работы всей научной системы. В отношении же искусства проблема остается нерешенной.

6. Помимо производства благ для оценки процесса архаизации важно рассматривать и их потребление. Само по себе наличие благ не говорит о том, что они доходят до потребителя, а следовательно, участвуют в образовании уровня и качестве его жизни. В первую очередь, имеет смысл проанализировать доступ населения к базовым материальным, социальным и культурным благам, характерным для данного типа общественного уклада. Логично строить этот анализ, отталкиваясь от структуры расходов бюджетов домохозяйств, поскольку именно на их уровне происходит основное потребление общественных благ¹.

Надо сказать, что эта задача довольно нетривиальна, поскольку индустриальные общества были довольно разнообразно устроены в плане систем распределения и потребления благ. Так, в рамках советской модернизации сложились довольно специфические централизованные формы – фонды общественного потребления, наполняемые и распределяемые либо на государственном уровне, либо на уровне предприятий и территорий, и нормированные на единицу населения. Они были направлены на выравнивание уровней социально-экономического положения социальных слоев и групп населения, перекладывая расходы на определенный перечень общественных благ с бюджета домохозяйства на другие бюджеты. Однако было бы неправильным полагать, что отсутствие фондов общественного потребления означало бы архаизацию само по себе, хотя их сокращение в условиях коренных преобразований одновременно означало и сокращение доступа к общественным благам.

---

¹ См. например: Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

В этом смысле, определенным критерием выступает распределение социальных функций на централизованные структуры или домохозяйства. Так, несомненное социальное благо – общественная безопасность, выступающая функцией от согласования интересов и потребностей социальных групп, с одной стороны, и эффективности системы управления вообще и обеспечения порядка, в частности. С момента становления индустриального общества, функция обеспечения общественной безопасности – несомненная функция государства. Соответственно, упадок общественной безопасности, выраженный, во-первых, в росте социального насилия вообще и организованной преступности, в частности, а во-вторых, в росте значения самозащиты в жизни граждан и в деятельности социальных организаций, будет означать как дефицит доступа к этому социальному благу, а значит архаизацию общественных отношений в собственном смысле, так и упрощение социальной структуры. Аналогично с массовой медициной – несомненным отличием современного индустриального общества от общества аграрного, создающим специфическое качество жизни. Наличие массовой медицины как социального института само по себе не подвергается сомнению, однако доступ к медицинскому обслуживанию – больницам, медикаментам, формам профилактики и даже формам и средствам гигиены – значительно отличается, в зависимости от социальных страт, и чем беднее население, тем менее действен этот элемент современного образа жизни.

В общем виде можно выделить следующую градацию: наличие или отсутствие фондов общественного потребления, компенсирующих долю расходов бюджетов домохозяйств, а также сама структура этих расходов. Среди потребностей, на которые расходуются средства бюджетов домохозяйств, можно выделить витальные: очевидно, что чем больше среди расходов представлены, тем меньше средств остается на остальные, и люди оказываются в ситуации простого жизнеобеспечения. Это означает, что на остальные потребности или возможности, предоставляемые обществом, у

них не остается не только средств, сама потребность в них со временем деградирует – что уже можно обозначить, как архаическое состояние. В еще большей степени это относится к категориям населения, выпавшим в своих расходах ниже «витального» уровня данного общества. В зависимости от генезиса этого состояния, это будет либо не преодоленная архаика при становлении данного общества, либо новая архаика, складывающаяся в результате дисфункций его в результате дисфункций его структур.

7. Участие в разделении труда и социальных отношениях в целом предполагает комплекс требований, предъявляемых к личности члена общности. Это, в первую очередь, знания, умения и навыки, касающиеся профессии, занятости – очевидно, что чем выше технологический уровень, тем выше предъявляемые требования и выше роль образования, которое и формирует их. Однако аналогичные требования – знания, умения и навыки – требуются не только для профессиональной деятельности, но и для обычной жизнедеятельности в рамках социальной системы, от обыденного институализированного общения и, скажем, правил гигиены до участия в процессах управления, культуры и т.п. Можно утверждать, что существует некоторая корреляция между технологическим уровнем, уровнем развития культуры, социальных отношений и личности – хотя бы в самом общем смысле, а также о специфических отличиях между профессионально-стратовыми сообществами внутри общности при данном технологическом укладе¹.

Соответственно, упадок технологий и структуры разделения труда, сопряженный с образованием архаических отношений в хозяйстве и обществе, будет иметь корреляцию с изменениями форм общественного и индивидуального сознания.

Становление современного индустриального общества сопровождалось в политическом плане становлением институтов

---

¹ См. например: Гусарова Е.Ю. Роль технико-экономических укладов в развитии институциональных структур // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Выпуск №2, 2010. С. 13-15.

гражданства, бюрократического государства и гражданского общества, а в культурном – национальных идентичностей, наукоцентристского мировоззрения и техникстских форм массового взаимодействия. Институт гражданства, гражданское общество (и прежде всего, политические партии и профессиональные объединения) и национальные идентичности выражали универсальность культурного и политического пространства индустриального общества, бюрократическое государство и техникцизм социальных отношений – сложность, масштабность и организованность социального процесса, наукоцентризм общественного сознания обеспечивал его содержание и легитимность в глазах масс людей, обеспечиваясь системой массового профессионального образования. И все это вместе обеспечивало существование, действенность и эффективность большой и сложной системы разделения труда и системы производства, распределения и потребления благ.

Нет оснований утверждать, что по мере становления некоторого нового, перспективного общества большие сложно организованные социальные структуры обязательно должны были бы распадаться на менее масштабные и сложные, хотя, очевидно, они будут приобретать некоторые новые формы. Наоборот, как раз проблематика наращивания сложности и масштабов управляемых систем породила развитие технологий автоматизации и информатизации всех сфер общественной жизни. Следовательно, процессы распада отмеченных выше институтов, как несовместимые с таким обществом, вполне можно трактовать как процессы архаизации.

Возникает проблема выделения, какие именно институты будут выступать маркером архаизации. Понятно, что развитие информационно-управленческих технологий, по аналогии с автоматизацией в промышленности, будет сокращать потребности в массовой бюрократии, государственной или корпоративной: созданная для исполнения рутинных функций, по мере перекладывания их на информационные системы,

бюрократия будет сокращаться. Но это не будет означать утраты самих функций управления и их иерархического характера – вполне возможно, что наоборот, они будут еще ужесточаться. С другой стороны, довольно тяжело идентифицировать упадок самих институциональных норм бюрократического аппарата, логики формализованного технологического управления, которая заменяется на логику кланово-групповую¹. В этом смысле, процессы в бюрократическом аппарате сами по себе будут слабым критерием архаизации, при всей его логичности.

Аналогичные претензии могут быть предъявлены к процессам в гражданском обществе, где можно отметить переход от массовых партий и движений к партиям электоральным и объединениям активистов.

Институт гражданства может дать несколько больше информации, если его рассматривать не как формальный юридический статус, а как форму вовлечения населения в общественно-политический процесс, в качестве ответственного субъекта. Если члены общности ощущают ответственность за протекающие в ней процессы и полагают, что могут на них каким-то образом влиять, значит, институт гражданства сохраняет свое значение – в противном случае они оказываются связаны с общностью в целом и ее политической системой только законом и налогами, т.е. оказываются на положении подданных. В этом смысле проанализировать состояние можно с привлечением, например, данных мониторинга состояния гражданского общества, осуществляемого ВШЭ², конкретно, по индикаторам «права и свободы в представлении россиян», «ответственность и возможность влиять на происходящее», а также «информированность, доверие», которые отражают представления граждан России о принципиальных установках гражданственности и отношение к ним.

---

¹ Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М.: Столица-Принт, 2008.

² Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS». Электрон. текст. дан. М.: НИУ ВШЭ, 2011. http://www.portal-nko.ru/files/OrgNewsItem/774/Files/2/civicus_russia_rus.pdf.

Другим критерием, характеризующим, с одной стороны, уровень распространения научного и технического знания, соответствующих представлений в широких слоях общества, а с другой – потребность социальной системы в подготовленных специалистах, может выступать охват молодежи системой профессионального образования, среднего или высшего, а также восприятие его, как полезного и ценного. Хотя возможны довольно существенные разногласия относительно эффективности системы профессионального образования, внутренних ее дисбалансов, поэтому, возможно, стоит учитывать также и долю работающих по специальности, что показывает как эффективность подготовки специалистов, потому что они могут устроиться на работу, так и наличие соответствующих по размеру ниш в разделении труда – потому что их могут принять на работу.

Также необходимо отметить, что под системой профессионального образования следует понимать все ее элементы – т.е. не только средне-специальные и высшие профессиональные учебные учреждения, но и повышение квалификации, переподготовки и т.п., включая действующие структуры оценки и подтверждения профессионального уровня.

8. Наконец, в сфере общественного сознания также можно выделить критерии архаизации, которые касаются форм мировоззрения и идентичности.

Распад или упадок связности универсального большого пространства общности не может не отражаться в коллективном сознании ее членов: он будет означать резкие изменения в содержании и даже в формальном выражении идентичностей. Здесь можно выделить два возможных направления изменения – это, с одной стороны, деградация представлений о социальном целом в пользу территориального или профессионально-стративного объединения, идущее параллельно самозамыкания последних. С другой стороны, это изменение в содержании идентичности, касающиеся образа своего общества. Если в условиях модернизационного перехода – как от аграрного общества к индустриальному, так и возможного нового

перехода от индустриальному к некоторому перспективному – в общественном сознании складываются общие прогрессистские установки, содержание идентичности сдвигается к образам будущего, которые легитимируют собой социальные трансформации, то противоположная, архаизирующая тенденция, возможно, будет сдвигать содержание идентичности к образам прошлого, которое позиционируется, как некоторый «золотой век»¹. Причем, здесь также важна будет динамика процесса: если на начальных стадиях такой сдвиг будет иметь характер простого постулирования «золотого века» в прошлом, то на более поздних – в силу уже достигнутой благодаря этой апелляции легитимности архаических отношений они будут в большей или меньшей степени реактуализироваться сначала в некоторых частных сферах (например, в этике, семейных отношениях), а затем – и во все большем масштабе.

Параллельно с трансформациями содержания идентичностей необходимо будет проходить и процесс изменения в отношении науки, как базового института и дискурса Модерна. Если в стабильном состоянии современного общества наука выступала не просто институтом производства, распространения и использования знаний, но и эталоном мышления, а также общераспространенным культурным достижением, и в целом оценивалась положительно, то в условиях архаизации можно предположить следующие изменения в отношении к ней. Во-первых, по мере самозамыкания социальных групп и подобщностей, логично, что ученые, научная интеллигенция также будет сепарироваться от социокультурного целого². Это будет выражаться в том, что, с одной стороны, научное мышление и научные знания будут терять свой общераспространенный характер, становясь маркером, выделяющим научное сообщество относительно остальных – что будет сопровождаться формированием специфических стереотипов. С другой стороны, остальные

---

¹ Костина, А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2011. С. 306-344.

² Володарская Е.А. Имидж учёного современной российской науки // Имиджелогия: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Международного симпозиума «ИМИДЖЕЛОГИЯ-2003». М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А.Шолохова, 2003. С.98-101.

подобности социальной системы не только будут утрачивать соответствующие знания и формы мышления, но и проявлять некоторые специфические реакции в отношении маркеров научного сообщества. Во-вторых, по мере исчерпания дискурса Модерна, само отношение к науке и научному знанию будет меняться в пользу более прагматичного характера, а в наиболее радикальных группах – в пользу характера отрицательного. Здесь возможна аналогия отношения к религии при становлении общества Модерна: если «золотой век» отнесен в будущее и связан с наукой, то «темный век» отнесен в прошлое и связан с религией, которая и отрицалась. В данном случае логика будет обратной: если «золотой век» отнесен в прошлое, он будет связываться с религией, а значит, «темный век» современности будет связываться с наукой, которая, на этом основании, будет отрицаться.

9. В заключение, следует сформулировать выделенные критерии архаизации. Эти критерии будут в общем виде описывать упадок структуры разделения труда в рамках данной общности и ее последствий.

- упадок территориальной и информационной связности общностей внутри данной, который может быть оценен по сокращению уровня инфраструктуры и объемов ее использования;

- упадок эффективности институтов, который может быть оценен по падению производительности труда, его эффективности и уровня инвестиций – как в социальной системе в целом, так и в ее отдельных сферах;

- падение уровня жизни, которое может быть оценено через сокращение централизованных фондов общественного потребления, сдвигу домохозяйств к «витальных» расходам, а также массе населения, выпавших ниже уровня витальных потребностей;

- упадок системы образования, который может быть оценен через охват населения профессиональным образованием, соотношению специальностей и долей специалистов, работающих по специальности;

- упадок института гражданства, который может быть оценен через мониторинг уровня ответственности населения за общественно-значимые и политические процессы, а также индексу социального доверия;

- упадок идентичности, который может быть оценен через доминирование локальных и групповых идентичностей в сравнении с общенациональной, а также по шкале отнесения «золотого века», отнесенного в прошлое.

Необходимо отметить, что оценка уровня архаизации имеет внутреннее значение, она выстраивается не столько относительно некоторого эталонного уровня современности, сколько относительно определенного «достигнутого» уровня современности в данной общности, снижение которого и будет означать процесс архаизации.

2.7. Специфика процессов архаизации региональной социокультурной общности¹

Обращаясь к эмпирическому анализу процесса архаизации и феноменов архаики на уровне региональной общности, отталкиваясь от выделенных ранее критериев архаизации, необходимо рассматривать комплекс статистических показателей, касающихся социально-экономической и общественно-политической структуры отношений. Специфика региональной общности по отношению к общенациональной будет заключаться в том, что она представляет собой частную вариацию последней, и в этом смысле не может считаться самостоятельной. Это – территориальный и, в силу особенностей хозяйственного и социального развития, социокультурный элемент большой общности. Следовательно, региональная общность, с одной стороны, может выступать объектом или частным, вариативным выразителем «больших процессов», а с другой – продуцировать импульсы, оказывающие на эти процессы то или иное

---

¹ Параграф написан в соавторстве с Э.В. Леготиным.

влияние. В то же время, поскольку большая общенациональная общность не представляет собой феномена, рядоположенного региональным, а является их согласованным единством, состоит из регионов и их отношений, рассматриваемые процессы архаизации и модернизации разворачиваются непосредственно в них, меняя как сами регионы, так и их отношения друг с другом, а также – формы и структуру отношений с общегосударственными и общенациональными центральными органами¹.

В этом смысле, хотя критерии архаизации относимы к общностям любого размера, при применении их к общностям региональным возникает определенная специфика, как раз и касающаяся форм и структур последних отношений. Регион не только может, в зависимости от конкретики инфраструктурных процессов, выступать локально-определенным полюсом архаизации или модернизации – если размещенные в нем хозяйственные, административные и культурные комплексы остаются инерционными, разрушаются или, наоборот, включаются в инновационные преобразования. Регион может также выступать катализатором этих процессов, образуя синергетические эффекты. Кроме того, в силу накапливаемых различий в организации труда, управления, образа жизни и форм общественного сознания, регион может переориентироваться на структуры и стандарты отношений иного плана, который можно обозначить, как глобальный.

В этом ключе и рассмотрим процессы архаизации в региональной общности.

1. В целом, состояние региональной общности будет определяться соотношением и взаимосвязью трех больших сегментов – модернизирующегося, традиционного и архаизирующегося. Каждый из них, с одной стороны, конкурирует с другими за долю в наличном объеме ресурсов и социальных благ, а с другой – представляет собой вариант общего устройства социальной системы. Следует отметить, что, хотя каждый вариант представляется несочетаемым с другими, на практике, тем

---

¹ См. например: Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8.

не менее, по мере обретения социальной системы того или иного устойчивого состояния, в нее инкорпорируются относительно эффективные элементы из каждого из них. В то же время, в сам период неустойчивости определяется, какой из них станет ядром будущего общества, и потому их противостояние является «игрой с нулевой суммой».

Триггером такого состояния выступает недостаточность социальных, материальных и культурных благ для обеспечения функционирования социальной системы, вполне логично оценить это через падение производительности труда или эффективности деятельности социальных институтов. Если второе более содержательно, то первое представляет собой надежную проверяемую статистическую величину и потому может быть использовано в качестве расчетного значения. Некоторое сужение области применения – только в хозяйстве – разумеется, огрубляет исследование, однако в целом не меняет характер и направленность рассматриваемого процесса.

Соответственно, выделение в рамках региональной экономики отраслей с обычной, пониженной и повышенной производительностью труда позволяет в первом приближении выявить наличие, размеры и соотношение традиционного, архаизирующего и модернизирующегося сегментов хозяйства. Разложение их по территориальным единицами региона позволяет описать распределение таких сегментов в пространственной структуре региональной общности, архаизирующихся, традиционных и модернизирующихся районов в ее составе.

Генеральная динамика будет образовываться перераспределением ресурсов и благ между этими сегментами, причем, логика будет иметь следующий характер: повышение производительности труда в модернизирующемся сегменте будет снижать мощность сегмента традиционного, а его недостаточность – усиливать архаизирующийся¹.

---

¹ Тарасов В.Т. Модернизация регионов Приволжского федерального округа: пространственный анализ эволюции и фазовых состояний в 2000 – 2010 годы // Вестник Чувашского университета, № 4, 2013. С. 403-411.

Исходя из этого, важно отслеживать взаимные темпы изменений данных сегментов, которые можно оценить через, с одной стороны, объемы и формы инвестиций в основные фонды хозяйства (в общем – как инновационные, так и обычное техническое переоснащение), а с другой – объемы и формы выбытия основных фондов или субъектов хозяйствования. Причем, важны как доля и объем в чисто экономическом отношении, так и через призму трудоустроенных в них членов региональной общности. Очевидно, что повышение производительности труда в целом понижает потребность в рабочей силе – а следовательно, высвобожденные работники, не устроенные в новых предприятиях и иных субъектах хозяйствования, оказываются в условиях архаизации, поскольку деградируют и не замещаются инновационными их знания, умения и навыки, а также снижается объем удовлетворенных потребностей и, как следствие, их спектр.

Здесь особо наглядно проявляется роль внутренних трансфертов в общности, которые в каком-то отношении демпфируют падение социального статуса, уровня и образа жизни. Наличие фондов общественного потребления, централизованных форм социального обеспечения и т.п. будет, хотя и в паллиативной форме, замедлять архаизирующие тенденции. В свою очередь, наличие централизованных же каналов перераспределения рабочей силы в соответствии с потребностями региональной общности – не только выравнивать общий уровень жизни, но и усиливать модернизирующийся субъект¹.

Наконец, еще одной важной характеристикой анализируемого процесса выступает степень распределенности выделенных сегментов внутри региональной общности. В целом, чем более выделен и замкнут модернизирующийся сегмент – тем меньше он взаимодействует с другими, а следовательно, тем больше условий не только для архаизации последних, но и меньше условий для инкорпорирования их – в виде фрагментов и в виде

---

¹ См., например: Тажитдинов И.А. Проблемы ресурсных взаимоотношений в системе «Регион субрегион муниципальное образование» // Вестник Томского государственного университета. № 368, 2013. С. 115-118.

высвобождаемых ресурсов, кадров и благ – в его структуры. И наоборот, чем более распределен модернизирующийся сегмент в структурах региона, тем больше его связей с остальными его элементами и выше вероятность вовлечения их в модернизационный процесс. Хотя, нельзя не отметить, что в любом случае некоторая локализация – территориальная, отраслевая или стратовая – модернизирующегося сегмента неизбежно присутствует в силу частного его характера. Поэтому, опять же, проявляют свою значимость централизованные структуры перераспределения ресурсов, кадров и благ в структуре общности: их наличие и эффективность работы позволяет преодолеть замкнутость модернизирующегося субъекта, и наоборот.

Еще одним важным аспектом выступает связность данного региона с другими в рамках общенациональной общности. По аналогии с субрегиональным делением, данный регион может выступать в целом модернизирующимся, традиционным или архаизирующимся субъектом и, соответственно, входить в пул региональных общностей соответствующего характера и быть более или менее инкорпорирован в структуры и отношения «большой» общности. Здесь важна разница в уровне архаизации или модернизации региональных общностей, объемы потоков благ между ними и динамика – нарастает ли разница уровней или сокращается; растет объем перетоков благ или падает. Следует оговориться, что важная структура такого потока: если из региона сокращается поступление благ, но наблюдается масштабный исход населения, очевидно, что региональная система хозяйствования деградирует, в силу чего высвободившееся население переходит в другие регионы.

Следует отметить, что, с момента, когда модернизирующийся сегмент обретет некоторую устойчивость и самостоятельность, достаточные не только для того, чтобы иметь экономическую эффективность, но и для того, чтобы выступать в качестве некоторой новой нормы организации труда, типа личности и образа жизни – традиционный сегмент в целом поменяет свое качество на архаизирующийся относительно этой новой нормы.

В этом плане крайне интересным выступает масштабное исследование модернизации российских регионов в рамках проекта «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», проводимое Центром социокультурных изменений ИФ РАН под руководством чл.-корр. РАН Н.И. Лапина¹. Выделяя первичную и вторичную модернизации, соответственно, индустриальную и информационную, данный проект наглядно характеризует как степень развития соответствующих модернизационных тенденций («вторичная модернизация»), так и уровни сохранения и развития традиционной экономики («первичная модернизация») в регионах России и в стране в целом².

2. Отталкиваясь от этого принципиального представления процесса архаизации, связанного с выделением и оформлением модернизационного субъекта, можно сопоставить остальные характеристики региональной общности, которые будут выступать либо катализаторами, либо замедлителями общего процесса архаизации и модернизации.

Если происходит обусловленное инвестициями повышение технического и управленческого уровня структуры разделения труда региональной общности, следовательно, должны происходить еще два фундаментальных процесса, напрямую не относящиеся к экономике. Это, с одной стороны, изменение структуры квалификации региональных кадров – а следовательно, изменения в системе образования региона: появление новых специальностей, переподготовка и повышение квалификации жителей региона должны соответствовать потребностям социальной системы. С другой стороны, это изменение в профессионально-стративных подобщностях, как с точки зрения их распределение по предприятиям и организациям, так и с точки зрения их образа жизни, объемов их

---

¹ Распределение регионов по состояниям (типам) модернизованности: 2000, 2005, 2008, 2009, 2010 годы // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2013.

² Хэ Чуаньци. Соотношение между человеческой цивилизацией и модернизацией // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 33.

потребления, а также воспроизводимых ими форм общественного сознания, включения в коммуникативные процессы и т.п.¹

В первом случае можно выделить три возможных состояния. Во-первых, региональная система образования справляется в достаточном объеме с подготовкой новых специалистов, благодаря чему в модернизационный процесс вовлекается – опять же, на достаточном уровне – вся региональная общность. Если модернизационный сегмент при этом достаточно масштабен, возможностей для реализации архаических тенденций остается недостаточно. Если же модернизационный сегмент относительно мал, а следовательно, потребность в новых специалистах также мала, то следует обратить внимание на организацию отбора обучающихся: если она не распределена по региональной общности, значит, возникают условия для образования замкнутых территориально и стратого определенных социальных групп, которые складываются на модернизационных принципах – в то время, как остальные остаются на традиционных или архаизированных.

Во-вторых, региональная система образования оказывается не в состоянии обеспечить местными кадрами потребности модернизационный сегмент, и тогда эти кадры привлекаются либо из других регионов по более или менее централизованным каналам, либо приходят извне данной общенациональной общности. С одной стороны, такие кадры могут рассматриваться, как агенты модернизации. С другой стороны, если они образуют замкнутую группу, а система образования не позволяет транслировать модернистские установки внутри региональной общности – последняя консервируется вне модернизационного сегмента, а следовательно, архаизируется.

В-третьих, система образования может выпускать больше кадров, чем это необходимо в рамках региональной общности и ее модернизационного сегмента. В этом случае возможны три варианта: эти кадры, не найдя

---

¹ См. например: Грузков В.Н., Грузков И.В. Региональное образование и формирование человеческого потенциала // KANT. № 1 (10) / 2014. С. 112-115.

возможности трудоустройства, могут либо оставаться в данном регионе, либо перераспределяться в другие регионы, либо перераспределяться за пределы общенациональной или общегосударственной общности. В первом случае они, вместо роли агентов модернизации, будут выступать в роли обратной, дискредитируя собой эту тенденцию. Во втором, хотя и несколько теряя в своей наглядности, ситуация может иметь положительную динамику, выводя регион в роли кузницы модернизационных кадров – если в его рамках сложится модернизационное ядро. В третьем, при том же условии, эта роль будет, может, и более наглядна, хотя это может быть связано с ограничением собственного кадрового потенциала, что способно дать определенные консервативные тенденции. Если же собственное модернизационное ядро в регионе и «большой» общности в целом не сложилось, то здесь размежевание на архаизирующиеся и модернизирующиеся сегменты неизбежно, причем, регион и общество в целом будут связаны именно с первым, со всеми вытекающими последствиями.

Во многом схожая ситуация будет связана с профессионально-стратовым распределением в региональной общности. Базовое условие здесь, как и в общем случае, заключается в доле и масштабах низших страт: чем их больше и чем меньше они распределены, тем выше проявляется архаизирующая тенденция – за счет необеспеченности их потребностей, входящих в традиционный образ жизни общности и отсутствия доступа к образу жизни модернизирующегося сегмента. Однако нельзя не учитывать соотношения уровня и образа жизни традиционного и модернизирующегося сегментов в целом. Понятно, что в высших стратах и того, и другого сегментов образ жизни будет во многом схож, отличаясь некоторыми нюансами, связанными с управленческими технологиями. Но уже на средних уровнях может проявляться довольно существенное различие, проистекающее из структур распределения потребляемых благ, причем, если средний уровень жизни занятых в модернизирующемся сегменте

региональной общности будет равен или ниже уровня жизни в традиционном сегменте, можно предположить, что они не будут выступать референтной группой для населения региона – а следовательно, стремление к переходу в модернизирующийся сегмент будет ослабевать.

Разумеется, это не будет отменять базовой тенденции на деградацию и свертывание традиционного сегмента, которая обусловлена фундаментальными причинами. Значит, снижение кадрового потенциала модернизирующегося сегмента будет выливаться в увеличение численности архаизирующегося сегмента. Но следует оговорить и еще один немаловажный аспект этого условия: если положительного образа жизни модернизирующегося сегмента не сложилось, а традиционный сегмент продолжает сворачиваться, весьма высока вероятность позиционирования в общественном сознании первого не только как некоторого эталонного образца, но и наоборот, как некоторого угрожающего субъекта. Это, в свою очередь, очевидно, повысит реактивность общественного сознания в отношении модернизационных процессов, а также создаст значительную базу для консервативных и, как следствие, архаизирующих установок в нем.

С другой стороны, низкий уровень жизни означает недоступность для потребления широкими слоями региональной общности благ, производимых в модернизирующемся сегменте. Это, в свою очередь, не только подрывает возможности для его расширения или распределения соответствующих благ из других источников, региональных или глобальных, но и не позволяет вводить стандарты соответствующего образа жизни и потребления. В таких условиях модернизирующийся субъект, если и продолжает существовать, по сути, ориентирован не на региональную общность, а либо на другие региональные общности, либо на глобальные структуры – а значит, данная региональная общность выступает лишь в виде некоторого источника ресурсов, в целом оставаясь во власти архаизирующих процессов.

Это подводит к третьему аспекту проблемы изучения архаизации региональной общности – культурному и тесно прилегающему к нему в этом аспекте политико-идеологическому.

3. Не вдаваясь в вопросы организации политической системы, которую логично рассматривать, как общий управленческий аппарат региона, сходный с хозяйственным управленческим аппаратом, следует сосредоточиться на двух других сторонах политики. Это институт гражданства и политическая идеология, которые в данном ключе выступают сторонами одного явления – действительной связи населения в организованное социальное целое. Если институт гражданства, рассматриваемый через призму ответственности за происходящие процессы, говорит о степени вовлеченности людей в политические процессы, то политическая идеология, безотносительно степени ее обязательности и формализации, обуславливает легитимность политической системы и ее элементов, а также, что более важно, выражает общезначимые и согласованные установки, на которых существует и развивается социокультурная общность.

В случае с региональной общностью вопрос гражданства и идеологии обретает определенную сложность. С одной стороны, региональные и, тем более, субрегиональные власти ближе к населению – это одновременно делает их как более открытыми для наблюдения, так и менее идеологичными, поскольку они сосредоточены на конкретике управления. С другой стороны, если в региональной общности выделяются отмеченные выше сегменты, это сказывается и на системе политического управления: властям приходится выбирать, на какой из них они будут делать ставку и, соответственно, какие интересы будут выражаться и удовлетворяться.

Здесь очевидны рамки для политического выбора: чем более существен один из сегментов, тем больше политического влияния он имеет – если не в плане непосредственного участия в управлении, то в виде установок и потребностей, которые нельзя игнорировать. Чем более

замкнуты сегменты, тем выше вероятность, что установки и принципы только одного из них будут приниматься во внимание, а остальные – будут игнорироваться. Наконец, чем больше социального неравенства, тем меньше возможностей широких слоев населения воспроизводить гражданские принципы – они либо оказываются подвешены на нитях властного перераспределения благ, и потому пассивно-лояльны, либо оказываются вообще исключены из процессов перераспределения и предоставлены сами себе, а следовательно, нелояльны и не инкорпорированы в региональную общность.

В идеологической плоскости политические вопросы также выступают, своего рода, катализаторами или замедлителями процессов модернизации и архаизации. Если традиционный и архаизирующийся сегменты достаточно весомы, то региональные власти неизбежно оказываются перед необходимостью инкорпорировать их установки в собственную риторику и практику. Если модернизирующийся сегмент не достаточно весом, он будет в значительно меньшей степени инкорпорироваться в политическую риторику и практику, а то и выпадать из нее. Наконец, если модернизирующийся сегмент ориентируется на внерегиональные структуры, то он неизбежно будет выступать оппонентом региональных властей и идеологии, а следовательно, последние окажутся не в состоянии инкорпорировать его в политический процесс.

Выбор между идеологическими ориентациями можно рассматривать, как функцию от распространенных культурных ориентаций: ценностей, дискурсов и базовых образных рядов, ориентирующих общественное сознание, когнитивные и практические установки населения. В свою очередь, культурные ориентации коррелируют с инкорпорацией профессионально-стратовых групп в один из трех сегментов и потому можно в целом выстроить комплекс соответствий между ними на ранее рассмотренном основании.

В зависимости от того, насколько существен, распределен и ориентирован на регион модернизирующийся сегмент, может образоваться несколько вариантов его восприятия в общественном сознании региональной общности, учитывая, что традиционный сегмент неизбежно деградирует. Если модернизирующийся сегмент мал, замкнут и ориентирован на внерегиональные структуры – он не только не представлен в общественном сознании, но еще и воспринимается как угроза существующим отношениям и положению широких слоев населения общности. Следовательно, идеологические и культурные установки консервируются в виде максимы «раньше было лучше», причем, чем больше деградирует традиционный сегмент, тем в более ранний период начинают относить это «лучше». Именно на этом уровне будет наблюдаться процесс реактуализации религиозных и этнических идентичностей, связанных не столько с текущим положением этнических и конфессиональных сообществ, а с их прошлым, которое предполагается «возродить», а следовательно, в условиях полиэтничного региона картина архаизации в культуре будет существенно усложняться¹.

Вне зависимости от того, действительно ли это будет возрождение утраченных или латентных традиций, или реконструкция и создание новых – важно, что образуется сам пул подобных установок в общественном сознании региональной общности, связанный с «обращением к корням», на базе чего и будут складываться субрегиональные, профессионально-стратовые, локальные и другие идентичности. Если регион полиэтничен и многоконфессионален, то высока вероятность, что вместе с акцентированием недоминирующих этнических и конфессиональных идентичностей произойдет сочетание комплекса антимодернистских установок и представлений, складывающихся на основе «исторической вины» доминирующих этноконфессиональных и политико-идеологических

---

¹ См. например: Попов М.Е. Конфликты идентичностей versus социокультурная интеграция: Российская специфика // Гуманитарные и юридические исследования. № 1, 2015. С. 141-145.

сообществ, ассоциирующихся именно с распадающимся традиционным и угрожающим модернизирующимся сегментами.

Другой крайней позицией выступает большая доля, открытость и инкорпорированность в региональную структуру разделения труда модернизирующегося сегмента – в этом случае разрыва между ним и остальной общностью не происходит, и архаизирующие тенденции маргинальны.

Между этими двумя крайностями можно расположить несколько промежуточных позиций: модернизирующийся сегмент весом, но ориентирован вне региона; модернизирующийся сегмент слаб, но вписан в региональную структуру разделения труда относительно эффективно, существуют или не существуют централизованные каналы перераспределения благ и т.п., что будет давать значительную вариацию культурных и идеологических установок¹.

Однако на данном уровне рассмотрения важно отметить сами преобладающие в общественном сознании, коммуникативном поле и политической идеологии установки. В них можно выделить три базовых момента: ориентация на будущее или прошлое; ориентация на единство или разделенность региональной общности; ориентация на единство с общенациональной общностью или отдельность от нее; степень разрозненности или противоречивости культурных и идеологических установок.

4. Таким образом, можно уточнить параметры оценки процесса архаизации на региональном уровне. Опираясь на совокупность доступных статистических и социологических данных, можно выделить пять базовых их блоков, касающихся структуры экономики, структуры населения, инфраструктуры человеческого капитала, коммуникации и уровня жизни.

По экономическому блоку исходными данными выступает объем и структура валового регионального продукта. Если в плане объема важна

---

¹ Ласточкина М. А. Социокультурные факторы модернизации региона // Фундаментальные исследования. № 3-2, 2012. С. 346-352.

динамика – растет он или сокращается, т.е. расширяются ли возможности хозяйства или сокращаются, то в отношении структуры представляют интерес следующие моменты. Это, во-первых, – соотношение инвестиций в основной капитал и инновации, степени износа основных фондов и выбытие основных фондов по региональной экономике в целом. Очевидно, что если рост износа и выбытия основных фондов превышает рост технического перевооружения, хозяйственный комплекс региона в целом деградирует, а следовательно, поскольку нет возможностей для модернизации, архаизируется. Это не может не отражаться на изменении производительности труда, что будет выступать интегральной характеристикой хозяйства региона. Во-вторых, это показатели, характеризующие структуру хозяйства региона, и прежде всего, доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости. Опять же, сокращение этой доли означает сокращение индустриального производства и, как следствие, выбытие из его структур масс населения. Однако само по себе это недостаточный показатель, поэтому смежным с ним выступает, в-третьих, доля заработных плат в структуре ВРП, а также объемы розничной торговли и оказанных услуг населению. Это отражает уровень обеспечения населения благами и связность между производительным хозяйством и реальной жизнью населения. Если население в целом располагает небольшими доходами, значит, с одной стороны, оно не способно сформировать достаточно емкий внутренний рынок товаров и услуг, что не позволяет развивать малый и средний бизнес или импорт, а с другой – оно оказывается выключенным из структуры разделения труда и, как следствие, имеющим тенденцию архаизироваться.

В блоке, отражающем структуру населения региона, можно выделить несколько комплексов показателей. Это – структура населения в зависимости от типов поселений: понятно, что, с одной стороны, крупные и средние города не могут не иметь соответствующего хозяйственного обеспечения, центров производств, услуг и капитала для всего региона, а с

другой, они формируют соответствующую социокультурную среду, характерную для современного индустриального и постиндустриального общества. В то же время, концентрация капитала, услуг и производств происходит и на селе. Соответственно, важными выступают показатели, во-первых, «доли жителей больших (более 100 тыс.) городов в городском населении», во-вторых, «доли жителей сельских населенных пунктов численностью более 3000 чел. в сельском населении» в сопоставлении с общими долями городского и сельского населения и взятые в динамике. Если доли крупных поселенческих центров сокращаются – можно сказать, что размываются и современные условия жизни в регионе.

Другим комплексом показателей выступают социально-демографические характеристики – и прежде всего, ожидаемая продолжительность жизни населения в целом, а также с детализацией его по половому признаку. Это, в целом, интегральный социально-демографический показатель, отражающий сразу комплекс явлений: уровень медицинского обслуживания, безопасности, культуры производства, социального обеспечения и т.п., из чего складываются условия для различения современного или архаизирующегося образа жизни.

Еще одним комплексом показателей выступают данные по участию в рабочей силе разных категорий населения. Это – участие городского и сельского населения в рабочей силе, что отражает потенциал вовлеченности выбывшего из индустриального и городского образа жизни в разделении труда и хозяйстве, а также участие женского населения в рабочей силе.

Последним комплексом показателей будут характеристики уровня безопасности и уровня девиации, отталкивающиеся от данных о преступности. Здесь важны общие данные о количестве зарегистрированных преступлений и, главное, их динамика, а также преступления двух категорий: совершенные несовершеннолетними и преступления против личности, их доля в общей численности. Преступления несовершеннолетних отражают уровень проникновения девиантных субкультур в социальные отношения, преступления против личности – уровень конфликтности

социальных отношений. И то, и другое будет говорить о феномене складывания и динамики исключенных из современного образа жизни социальных групп, не инкорпорированных в структуры разделения труда, а также о степени дисфункции систем управления и организации жизни.

В блок, описывающий инфраструктуру человеческого капитала региона, включаются также несколько комплексов показателей. В первую очередь, это показатели, связанные с ролью образования и науки в регионе – «число обучающихся по программам среднего и высшего профессионального образования», «доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием среди занятых», а также «доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием среди безработных». Это отражает уровень квалификации кадров в региональном хозяйстве, а также потребность в таких кадрах и квалификации с его стороны. Очевидно, что в общем случае, чем выше потребность в квалификации кадров, тем выше уровень и качество образования – и тем выше уровень современной культуры, и наоборот.

Другим комплексом показателей выступает инфраструктура социального, медицинского и культурного обслуживания населения, за счет чего обеспечивается как уровень жизни, так и социализация потребностей. В целом, чем выше социальная институализация обеспечений потребностей, тем выше, с одной стороны, комфорт и производительность труда населения, а с другой – возможности занятости в соответствующих организациях. Здесь важно выделять и общие возможности инфраструктуры, и ее доступность для широких масс населения региона, поэтому привлекаются следующие статистические данные: «Охват детей ДОУ», «Численность населения на одну больничную койку», «Численность населения на одного врача», «Численность посещений амбулаторно-поликлинических организаций на 10 тыс. населения», «Численность российских туристов, обслуженных турфирмами», «Число кинопосещений на 1000 населения», «Число зрителей театров на 1000 населения».

Заметно, что здесь выделяются три рода показателей, каждый из которых характеризует свои аспекты организации жизни населения. Охват детей ДООУ отражает доступность социализированных форм воспитания и обеспечения детей, что снимает часть функций с семей или домохозяйств. Организация туризма, кино и театра показывает уровень и потребность в социализированных же формах досуга. В общем виде, чем меньше возможностей для социализированного воспитания и досуга, тем выше роль и влияние локальных, групповых досуговых объединений, и наоборот. Характеристика системы здравоохранения показывает уровень охвата населения одним из базовых институтов современного общества и значимого социального блага.

В связи с этим различием – степени социализации досуга и обеспечения иных потребностей – можно привести еще одно интересное замечание, касающееся роли семьи и женщин. В целом, чем больше доступность социализированных форм организации досуга – тем меньше необходимости удовлетворять соответствующие потребности непосредственно в рамках домохозяйства и ближнего круга личных контактов. Сокращение необходимости совместного ведения домашнего хозяйства может как высвободить женщин – соответственно, повышается, например, их участие в рабочей силе, так и снижать необходимость в создании семей вообще и устойчивых семей, в частности – соответственно, снижается коэффициент брачности и повышается коэффициент разводимости. Обратная зависимость – сокращение участия женщин в рабочей силе, повышение коэффициента брачности и понижение коэффициента разводимости, таким образом, можно интерпретировать, как сокращение доступа к социализированным формам организации досуга и архаизации.

Блок, касающийся коммуникаций, описывает характер связности региона с другими регионами в рамках общенациональной общности. Сюда включаются как транспортная инфраструктура – «Перевозки грузов автомобильным транспортом», «Перевозки пассажиров автобусами общего

пользования», «Плотность автодорог с твердым покрытием», «Число собственных легковых автомобилей на 1000 населения», так и информационно-коммуникационная – «Объем услуг связи, оказанных населению, на одного жителя», «Число подключенных абонентских устройств подвижной радиотелефонной связи на 1000 населения», «Число пунктов коллективного доступа в Интернет в сельской местности», «Число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети Интернет», «Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих услуги доступа в Интернет (физические лица)», «Объем информации, переданной от/к абонентам сети отчитывающегося оператора при доступе в Интернет», «Наличие персональных компьютеров в домохозяйствах». Очевидно, что сокращение установленной инфраструктуры, объемов ее использования, образование или сохранение анклавов, не имеющих соответствующего охвата будет означать, что либо такая общность исключена из общего поля взаимодействий, либо ей затруднен доступ к этому полю – а следовательно, она, в принципе, архаична по отношению к современному образу жизни или архаизируется.

Наконец, блок, описывающий уровень жизни, состоит из показателей, касающихся социальной стратификации и распределения ключевых благ среди населения региона. Это показатели возможности населения и его групп иметь доступ к современному уровню потребления, и поэтому сюда включаются данные о структуре доходов и расходов населения. В первом случае важными выступают показатели «Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» и «Распределение денежных доходов по 20-процентным группам населения (коэффициент фондов, коэффициент Джини)», что позволяет судить о формах и степени распространенности устойчивой бедности и разрыва в уровне жизни данного региона. Во втором случае рассматриваются «Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц) в отношении к среднедушевым денежным доходам», «Структура расходов домохозяйств (доля расходов на недвижимость и финансовые активы, доля расходов на образование и здравоохранение)».

Не менее важно сопоставление этих показателей: очевидно, что чем выше социальное расслоение и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума – тем жестче разрыв в складывающихся образах жизни групп населения и меньше благ приходится на бедные его слои. Следовательно, последние оказываются в ситуации архаизации.

5. В заключение остается сделать два замечания.

Во-первых, рассмотренные статистические показатели имеют косвенный характер, т.е. по ним нельзя судить непосредственно об архаизации, как процессе реактуализации или реконструкции латентных или типологически схожих с доиндустриальными социокультурных отношений. Они обозначают лишь некоторый потенциал – деградацию наличных социокультурных отношений, в рамках которых могут складываться тенденции архаизации. В то же время, нельзя не отметить, что архаизирующие процессы представляют собой устойчивые тренды, которые образуются в рамках общей деградации наличной социокультурной системы, а следовательно, при условии устойчивости такой деградации и складывании деградированного состояния это последнее можно определить, как архаическое.

Во-вторых, осталась проблема не только установления корреляций между рассмотренными показателями – кроме общего рассуждения, что сокращение производительности труда и образования застойной бедности выступает основой для архаизации социальной и культурной практики населения. Еще не проведен анализ динамики показателей с выделением возможных точек бифуркации, резко меняющих характер протекающих процессов и отделяющих, с одной стороны, процессы деградации социокультурной общности и собственно складывания архаических социокультурных групп и сообществ, а с другой – динамику процессов переход от одного состояния к другому.

Решение этой проблемы требует дальнейшего исследования темы архаизации.

РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМА АРХАИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)*

3.1. Российское общество: архаика, модерн, постмодерн

Вопрос о сущности и характере новой волны традиционализма в России, которая вновь дала о себе знать на рубеже XX-XXI в., является сегодня одним из наиболее актуальных и дискуссионных в отечественной гуманитарной науке. Трагические события на Украине, попытки со стороны Запада изолировать Россию на мировой арене, введение санкций и возврат к идеологии «холодной войны», закономерно привели к тому, что российское общество, находившееся в хрупком режиме «неоконсервативного» баланса, резко сдвинулось в сторону «консервативной революции». По многим параметрам этот трансформационный сдвиг носит качественный характер. Под угрозой внешних вызовов произошла консолидация различных сегментов общества и фактически окончательно сложилась новая общероссийская идентичность.

Реанимация в массовом сознании державных архетипов, апелляция к традиционным ценностям, уникальности евразийской цивилизации, «особого пути», антизападничество, маргинализация либерально-демократического дискурса и придание его носителям статуса «внутреннего врага» стали показателями достаточно радикальных изменений общей ситуации в стране, привели к сближению интересов «консервативного большинства» и государства.

Эти процессы вызвали резкую, но в целом ожидаемую критику со стороны российских либералов-западников, ориентированных на европейский тип развития, ценности демократии и свободного рынка. Пытаясь противостоять данным тенденциям, в том числе и на уровне идеологии, произошедший возврат к традиционализму они объясняют

---

* Автор раздела – кандидат исторических наук А.М. Буранчин.

главным образом обратной реакцией на процессы 90-х гг., тем что «в начале 2000-х гг., либеральные реформы предыдущего десятилетия были оборваны». А «возрастание спроса на антидемократические формы политической организации общества и откат к соответствующим социальным практикам» трактуется ими не более чем как «проходящая закономерность»¹.

Консервативный тренд, по их мнению, во многом носит искусственный характер и является всплеском социальной архаики (Л. Бызов), поскольку «осуществить попытку перехода к авторитаризму, нуждающемуся в опоре на традиционализм, в стране, где за десятилетия тоталитаризма были разрушены основы трансляции народных традиций, совсем не просто» (Э. Паин)².

Вместе с тем в академической науке по этим вопросам сегодня активно формируется и альтернативная точка зрения. Так, в коллективной монографии «Россия как цивилизация: Материалы к размышлению», выпущенной под общей редакцией О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова в 2015 г., ведущие отечественные социологи приходят к выводу, что Россия – это самобытная евразийская цивилизация, которая переживает в настоящий момент тяжелый социокультурный кризис, порожденный, прежде всего, тем, что сформированные в 90-х гг. политические институты вступили в противоречие с характером его человеческого капитала и препятствуют дальнейшему развитию³.

Ученые считают, что положенная в основу постсоциалистического транзита России в 1990-х гг. линейная парадигма догоняющей модернизации привела к тому, что формирующиеся социально-экономические структуры оказались неадекватны той логике развития, которая детерминирована цивилизационной принадлежностью. На основе сравнительного анализа

---

¹ Паин Э.А. Волновая природа традиционализма на рубеже XX–XXI веков // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2.

² Там же.

³ Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. *Россия как цивилизация: Материалы к размышлению*. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015.

авторы делают вывод, что за 20 лет прошедших постсоветских экономических реформ удалось добиться «относительно позитивных результатов» лишь тем странам СНГ, которые не стали имитировать «европейский путь», а пошли своим, евразийским, – это Беларусь и Казахстан¹.

В целом, эти дискуссии являются характерным отражением не только ценностного раскола в стране, главным образом среди элит, но и во многом порождены идеологической ангажированностью социологических исследований; слабой методологической базой при описании нынешнего состояния российского общества, которое в этом плане все больше напоминает «ускользающую реальность».

Итак, можно ли считать современную Россию традиционным обществом, особой цивилизацией, которая вновь пошла по обособленному историческому пути, или это лишь временная реакция архаики, Премодерна, за которой скоро последует обратное движение к полюсу либерализма?

В гуманитарной науке долгое время понятие архаики применялось исключительно к досовременным обществам, считалось, что в процессе «органичной», либерально-демократической модернизации она полностью преодолевается как структурный элемент новой социальной организации. Однако постепенно западные социологи и культурологи стали находить элементы архаики и в различных практиках современности, которая под давлением модернистского рационализма лишь перешла на нижние этажи общества, в сферу «коллективного бессознательного». Для примера, можно привести работы социолога Г. Лебона, который еще в XX в. обнаружил в явлении «массовой психологии» постоянные сбои в коллективном сознании, его отступление в область иррационального, нерассудочного².

В настоящий момент уже является общепринятым фактом мысль, что архаика присутствует во всех типах общества, а ее возрождение само по себе еще не является деструктивным процессом, не равнозначно хаотизации и

---

¹ Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. Россия как цивилизация: Материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015. С. 62.

² Лебон Г. Психология народов и масс. М., 1995.

деструкции. Более того, как показывают исследования, в условиях кризиса она выступает как ресурсосберегающий и обеспечивающий выживание социальный механизм – за счет максимального упрощения и одновременного упорядочения социокультурной жизни. Однако, выйдя за определенные пороговые значения, «актуализация архаики может обернуться инволюцией как системным упрощением, обратным развитием»¹.

В связи с чем большой интерес вызывают исследования современного философа-традиционалиста А.Г. Дугина. В своих работах он, в частности, обращает внимание на то, что классическая схема стадийного деления общественного развития на Премодерн-Модерн-Постмодерн упускает фундаментальное различие между двумя типами традиционного общества, входящими в Премодерн: архаическим и религиозным².

Так, по его мнению, религиозное общество, следующее за архаическим, характеризуется доминированием логоса над мифом, в то время как архаика – «это царство мифа, коллективного бессознательного, которое почти полностью совпадает с коллективным сознанием». Где «социальные институты, власть, право, хозяйство, обряды и даже быт, – все неразрывно связано с основными маршрутами «великих сновидений»³. Соответственно, предложенная им схема выглядит следующим образом: Премодерн (архаическое общество, религиозное) – Модерн – Постмодерн.

Подобное уточнение носит, безусловно, важный, основополагающий характер для социологии, поскольку позволяет провести точную демаркацию между традицией и архаикой. Как пишет А. Дугин: «Религиозное общество в соответствии с общепринятой схемой отличается от архаического тем, что статус рационального начала в нем на порядок выше. Можно сказать, что развитые и богословски развернутые и детализированные религии представляют собой существенный шаг по

---

¹ Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2003. № 3. С. 36.

² Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 140.

³ Там же. С. 141.

«освобождению логоса от мифоса». Однако среди всех религий, даже самых рационализированных, таких как индуизм, буддизм, конфуцианство или ислам, далеко не все создают предпосылки для появления общества Модерна. Процесс противостояния логоса мифосу полностью разворачивается только на Западе»¹.

Иными словами в традиционном (религиозном) обществе нет слепого фундаментализма архаики, основанного на чистом мифе, как нет в нем и масштабной десакрализации и секуляризации западноевропейского Модерна. Это общество, в котором логос и миф находятся в органичном взаимодействии, дополняя и усиливая друг друга; где рационализм мягко контролирует архаику, но не подавляет ее. То есть традиционное общество, в котором царит логос монотеистической религии, само потенциально содержит силу, способную усмирить избыточное давление социальной архаики.

Следовательно, если это хрупкое соотношение нарушается, как это произошло, скажем, с западноевропейским обществом (в сторону радиальной рационализации), или как всплеск архаики в большинстве стран «догоняющей модернизации», то в обоих случаях это автоматически приводит к возникновению крайне неравновесной и опасной ситуации, которая, в конечном счете, и порождает глубинный экзистенциальный и цивилизационный кризис.

Таким образом западный рационализм Нового времени (Модерн) есть нарушенная форма логоса традиционного общества, и попытки придать ему универсальный, а тем более безальтернативный характер являются скорее идеологией предназначенной для стран «третьего мира» в рамках глобального геополитического проекта. В реальности навязанный Западом европоцентризм не соответствует ни историческому опыту, ни тем более социокультурным особенностям большинства человечества. Западноевропейское общество на данном этапе само находится в тяжелом

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 140. С. 145.

экзистенциальном кризисе, а значит, в перспективе – стремление двигаться по этой траектории общественного развития неизбежно приведет лишь к уродливому повторению чужих ошибок, станет пораженческой формулой идеи «догнать, чтобы также свалиться в пропасть».

Поднятые вопросы только на первый взгляд кажутся чистой абстракцией, теорией. На практике же игнорирование данного различия между двумя типами традиционного общества привело к тому, что, к примеру, в российской социологии начиная с 90-х гг. и по сегодняшний день, утвердилась мысль культуролога А.С. Ахиезера, который единственным выходом по преодолению власти архаики в России считал переход к «гражданскому обществу, к господству в обществе либеральных ценностей»¹.

Так, по его мнению, лишь система интересов и система их институционализации способна создать «бастионы для бушующих волн архаики». Но для этого «необходима соответствующая направленность динамики общества, его переход на новый этап развития», а именно «формирование устойчивого среднего класса гражданского общества»².

К сожалению, эта концепция по сей день активно тиражируется либеральной частью российской элиты, является устойчивым мифом в сфере гуманитарных наук. Однако учитывая время возникновения данных исследований, в настоящий момент уже вполне понятна и объяснима их идеологическая подоплека.

В своих обширных работах А. Ахиезер (который одним из первых в нашей стране плодотворно использовал методологию социокультурного подхода), критически анатомируя российское традиционное общество, сам манихейски делил весь мир на две суперцивилизации: либеральную и традиционную³, зачастую не видел многообразия и сложности социальной организации различных культур. Для него города были очагами культуры и

---

¹ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 99.

² Там же. С. 98.

³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991.

либеральных ценностей, а аграрный традиционализм источником и общественной базой, создавшими советский тоталитаризм. Однако сегодня, при всем уважении к проделанной им работе, уже очевидна его главная ошибка: не сколько локальный крестьянский мир, а в первую очередь города, вышедшие после распада СССР из-под власти традиции, представляют собой огромный, неструктурированный океан социальной архаики, который в действительности не менее, а может быть и более опасен, чем крайние формы традиционализма.

Между тем более объективная оценка глобальных исторических процессов показывает, что начиная с Нового времени традиционные общества стран незападного мира, пусть и с разным временным лагом, но также шли по пути создания своих версий Модерна, отличных от Модерна европейского. Однако где-то этот процесс протекал органично, приобретая яркие национальные черты, а чаще – в форме распада традиционного общества и высвобождения архаики. Данное утверждение имеет принципиальное значение, поскольку в противном случае речь по-прежнему будет идти в жестких рамках и логике прогрессистских теорий.

В этом контексте характерными являются следующие построения А. Дугина, который в своих работах модернизацию фактически всех стран незападного мира сводит к процессу, в котором перенос институтов европейского Модерна на качественно иную автохтонную социальную матрицу привел к созданию обществ «гибридного» типа. По его мнению, «такие общества заимствуют социальный логос Запада (с его исторической моделью, с его представлением о времени, с его периодизацией и т. д.), но перетолковывают его в особом локальном ключе, подчас искажая или изменяя его до неузнаваемости». Это явление он обозначил как «археомодерн»¹.

По логике А. Дугина, если в западном обществе после эпохи Модерна произошел переход к Постмодерну (как отрицание уже самого Модерна), то

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 139.

«для всех остальных обществ последовательное движение по цепочке смены парадигм либо имеет внешний, экзогенный характер (происходит или через колонизацию, или через оборонную модернизацию), либо осуществляется частично (исламский монотеизм, более «современный», нежели политеизм и тем более архаические культы, никогда не пересекал черту Модерна), либо вообще отсутствует (многие этносы Земли до сих пор живут в условиях устойчивых систем «вечного возвращения»)»¹.

Археомодерн, по мнению ученого, специфичен еще и тем, что «сочетание архаического и современного совершенно не рефлектируется на уровне сознания — не осмысливается, не упорядочивается и не порождает обобщающих интерпретационных моделей, что создает феномен общества-свалки (по выражению П. Сорокина)»².

Это общество, где «различные символы, архетипы, сюжеты и мифемы наваливаются друг на друга без всякого порядка, и совершенно разнородные вещи соседствуют друг с другом»³. Типичный социальный пейзаж археомодерна: живущее непросто на разных скоростях, но и в разных направлениях общество утрачивает единство, связность, способность объединить различные слои, страты и символы в общую гармонию.

Другими словами, археомодерн по А. Дугину — «это Модерн, который не получился и, скорее всего, уже не получится»⁴.

Безусловно, многие наработки А. Дугина в этом направлении и во многом верны, и обладают большим эвристическим потенциалом. Тем не менее, если исходить из его же логики, то получается: что все западные страны — это априори «деформированные», «гибридные общества», живущие в археомодерне, включая и Россию, которая пребывает в таком состоянии с петровских реформ до сего дня.

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 506.

² Там же.

³ Дугин А.Г. Археомодерн. М., Арктогея, 2011. С. 43.

⁴ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 507.

Соответственно советский строй, в его трактовке, породил лишь новую версию археомодерна, в котором марксистский логос (пролетарское сознание, коммунистическая идеология) наложился на русское народное мессианство, но несогласованность этих двух планов, противоречия между западной структурой социального логоса и автохтонным русским социумом в конечном счете и стали «причиной краха СССР и всей мировой социалистической системы»¹.

В реальности такой подход во многом является обновленной версией линейной, «инструментальной» модернизации, и чего-то принципиально нового здесь, к сожалению, нет. Более того, можно обратить внимание, что его основные установки почти полностью совпадают с культурологическими интерпретациями отечественных либеральных социологов 90-х гг. А.С. Ахиезера, А.Г. Вишневого, К.Н. Костюка и др.²

К примеру, идеологически близкий школе А. Ахиезера социолог К. Костюк также объясняет неудачи очередной попытки «догоняющей» модернизации в нашей стране давлением архаического пласта менталитета на социальные процессы. По его мнению: «При достаточно глубоком усвоении западноевропейских модернизационных моделей Россия всегда сохраняла нетронутыми базовые структуры традиционного общества, которые и блокировали ее самостоятельное развитие. Наиболее явно противоречие между современными и традиционными чертами проявилось в тоталитарном советском обществе, которое, участвуя на равных с современными демократическими обществами в технической революции, восстановило при этом самые архаичные основы с элементами сакрализации сознания и восточного деспотизма»³.

Размышляя об архаике в СССР, он делает следующий, крайне дискуссионный, вывод, что: «Советское государство даже в сталинский

---

¹ Дугин А.Г. Археомодерн. М., Арктогея, 2011. С. 44.

² Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991; Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

³ Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс]. URL: www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html.

период имело конституцию, опиралось на представительские органы власти – Советы, претендовало на роль защитника справедливости, демократии, интернационализма, прогресса. Было в нем и институциональное разделение властей – исполнительной, законодательной, судебной. Все строение социальных отношений пронизывал принцип «демократического централизма», ответственности нижестоящих органов перед вышестоящими. Партийные и государственные органы были, в конечном счете, выборными, представительскими, коллегиальными. Даже репрессии имели свою правовую форму, фиксировались в документах и ни в коем случае не были проявлением отсутствия права.

След архаики заключался лишь в том, что все это не работало...».¹

Или следующий его достаточно радикальный вывод: «Целью советской модернизации было упрочить архаику, поставить модерн ей на службу, сделать архаичное общество конкурентоспособным. Каким бы ни было отсталым дореволюционное российское аграрное общество, оно было на порядок „современней“, чем индустриальное советское»².

Сегодня подобные утверждения и А. Дугина, и К. Костюка по поводу советского Модерна выглядят явной натяжкой. Сам факт того, что оценка и критика социокультурной матрицы российского общества, его исторического опыта совпали на крайних полюсах научного дискурса (либерального и консервативного), можно объяснить тем, что последний развивался в постсоветской России не параллельно, а в противовес западноевропейской, либеральной научной традиции, транзит которой пришелся на 90-е гг., что надолго затруднило адекватную, альтернативную рефлексию в нашей стране.

В этом смысле можно согласиться с выводом социолога С. Кордонского, который считает, что и отечественные либералы, и традиционалисты при описании сложившихся в России структур опираются сегодня на западные импортированные теории. В то время как в практике

---

¹ Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре [Электронный ресурс]. URL: www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html.

² Там же.

государственного строительства доминирует с приходом В. Путина неотрефлектированная традиционалистская парадигма¹.

На наш взгляд, в рамках этих дискуссий в настоящий момент назрела необходимость коренным образом пересмотреть институциональный опыт государственного строительства СССР. Осмыслить его, прежде всего, как оригинальную и в целом успешную версию модернизации российского традиционного общества. Соответственно только детально изучив все особенности и противоречия «советского Модерна», его сущности можно понять и динамику социально-политических процессов современной России.

Так, является в корне ошибочным мнение, что советское общество было архаичным по своей структуре, в котором институты Модерна составляли лишь внешнюю институциональную оболочку. Напротив, советский социум, хоть и медленно, но постоянно модернизировался, развивался. Однако особенность этого процесса была в том, что в отличие от европейского Модерна, его социальная архаика не была подавлена в жесткой форме, а существовала в виде пост-общины, коллективистских общностей.

При всех противоречиях советский институциональный опыт в области культурной и государственной политики можно считать удачной попыткой органичного обуздания именно архаики, ее блокировки. Это было не деформированное Модерном общество, а одновременно и традиционное, и современное, и культурное, в котором возврат к архаике мог быть актуализирован только в случае тотального разрушения институтов государственности (как это и произошло), поскольку являясь обществом-государством оно не имело автономных горизонтальных структур, существующих на Западе в формате «гражданского общества», было крайне уязвимым по многим параметрам.

Советское общество-государство было строго иерархичным, холистским. В нем существовала единая моностилистика,

---

¹ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С. 153.

литературоцентризм. В нем были преодолены такие формы архаики как бедность, клановость, проституция, системная коррупция, огромный социальный разрыв в уровне жизни между различными слоями населения. Налаженная система сдерживания архаики в виде институтов цензуры эффективно охраняла структуры рациональности. Оно было каким угодно, но только не «обществом-свалкой». Таким оно стало именно в результате слома системы, когда распад налаженных структур жизнеобеспечения освободил архаику от власти традиции, породив в России «ситуацию Постмодерна» (археомодерна в дугинской интерпретации).

Серьезный изъян советского проекта был главным образом в его псевдорелигиозном характере, где «небо» смешивалось с «землею», а идеология подменяла религию. Но даже в этом случае его базисная модель совпадала не с архаичным, а религиозным типом традиционного общества, в котором логос традиции все же доминировал над мифом архаики. Другая опасность такого положения была в том, что в отличие от Запада, где плуг модернизации намного глубже «окультурил» пласты социальной почвы, СССР был обществом традиционного типа, соответственно шире была и база его архаики, которая и прорвалась при первой возможности из нижнего уровня на верхний.

Другая фундаментальная методологическая ошибка связана с жесткой привязкой процессов урбанизации советского общества, разрушения собственно аграрного традиционализма в России, с разрушением традиции как таковой, точнее – ее объективированных форм. Речь идет, прежде всего, о работе известного демографа А.Г. Вишневого «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР»¹.

В 1998 г., размышляя о модернизации российского общества, он приходил к выводу, что процесс распада традиционного общества носит необратимый характер. По его мнению, следует говорить о «великой социальной мутации, начавшейся в России несколько столетий тому назад и

---

¹ Вишевский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

еще не завершившейся. Но перевал пройден, пик модернизационных перемен, который пришелся на XX столетие, уже позади». Общество хоть и медленно, но превращается «из традиционного, аграрного, сельского, патриархального, холистского в современное, индустриальное или «постиндустриальное», городское, демократическое, индивидуалистское»¹.

На первый взгляд, действительно, к концу своего существования советское общество уже не было аграрным: 66% населения СССР жило в городах, формально было городским. Более того, под давлением урбанизации советский фундаментализм резко размывался, создавая предпосылки для атаки на государство со стороны носителей ценностей утилитаризма, «общества потребления». И распад системы в 1991 г., который сопровождался бурным ростом городских и молодежных субкультур (по терминологии автора – «агентов модернизации») казалось, сделал очевидным концептуальные построения А. Вишневого. Однако более глубокий анализ процессов, которые начались в российском обществе с 2000 г., заставляет усомниться в предлагаемом тождестве между традиционным и аграрным обществом. Так, в современной России уже 73% населения живет в городах, структур чистого аграрного традиционализма фактически нет, как нет и устойчивых общинных связей даже среди носителей сельского синкретизма. Но можно ли на этом основании нынешнее российское общество назвать «городским, демократическим, индивидуалистским или либеральным»? Локально – да, фундаментально – нет.

По поводу возникновения городских и молодежных субкультур в позднесоветский период также возникает много вопросов, поскольку внешне данный процесс носил закономерный, объективный характер. Однако с точки зрения парадигмы советского Модерна, он был именно бунтом архаики против «высокой культуры», основ рациональной «картины мира». И в этом смысле попытки со стороны государства жесткого подавления, а

---

¹ Вишевский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 6.

также контроля над субкультурами сегодня уже выглядят вполне оправданными.

В рамках этой же логики осуществляет свой анализ постсоветского общества и социолог Л. Бызов. В 2002 г. он также считал, что «старая советская субъектность, как и остатки традиционного общества, быстро распадается»,¹ а «неоконсервативная революция» В. Путина «представляет собой вступление в завершающую фазу социальной модернизации»².

В 2014 г., по мере того как институты традиционализма укрепляли свои позиции в нашей стране, Л. Бызов был уже вынужден признать, что «реставрация парадных атрибутов консервативной революции происходит во многом вопреки законам исторической логики»³.

Более того, опираясь на результаты многолетних опросов, он считает, что «консерватизм современных россиян в значительной степени носит показной, декларативный характер и слабо подтверждается их образом жизни, поведенческими установками, готовностью к мобилизации, и другими важными ценностно-мотивационными атрибутами. На практике мы наблюдаем атомизированное посттрадиционное общество, живущее в соответствии с индивидуальными стратегиями выживания и ориентированное на ценности массового потребления, во многом, с разрушенными семейными традициями, низким уровнем солидаризма и самоорганизации».

Формально это подтверждают и данные многолетних соцопросов: «Несмотря на „консервативный поворот“, как и 13 лет назад, 67% опрошенных не готовы жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей и 56% полагают, что личные интересы – это главное для человека»⁴.

---

¹ Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002. № 1. С. 128.

² Там же. С. 147.

³ Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. № 4.

⁴ Там же.

Но это как раз можно объяснить тем, что советское общество на исходе своего существования уже не было жестко фундаменталистским, каким оно было в 30-е и даже 70-е гг. В данном случае важнее выглядят результаты ответов на следующий вопрос: «Какие из нижеприведенных идей и лозунгов в наибольшей степени выражают Ваши представления о желаемом будущем России?»

Итак, лидирующие позиции, как и можно было предположить, здесь заняли базовые ценности консервативного большинства: социальная справедливость (47%), национальные традиции, моральные и религиозные ценности (35%), а также ценности великой державы, империи (32%). Ценности же из либерального сегмента – свободный рынок и сближение с Западом – поднялись лишь до уровня 10–11%¹.

О чем это говорит? На наш взгляд, в первую очередь о том, что нынешние россияне (включая и постсоветскую молодежь) закономерно транслируют ценности не аграрного традиционализма, которого в чистом виде давно нет в России, а с небольшими поправками (вызванными восстановлением традиционных религий), главным образом ценности позднесоветского общества.

В целом любопытно отметить, что с одной стороны, Л. Бызов справедливо отмечает, что «вульгаризация социальных отношений, снижение массового уровня культуры, которые отчетливо проявляются в российском обществе последние 20 лет» многие ошибочно связывают «с наступлением традиционализма, на отношения модерна и постмодерна», поскольку «более внимательный анализ показывает, что все эти процессы являются следствием распада государства и социальных структур, и, как следствие, примитивной самоорганизации социума»².

С другой, размышляя о возможности новой «консервативной революции» в России, он, вслед за А. Вишневым, вновь повторяет формулу из арсенала либеральной идеологии: что ее не может быть,

---

¹ Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. № 4.

² Там же.

поскольку для нового традиционализма «просто не существует социальной базы в виде общины, неформальной традиционной иерархии со своими символами и мифами»¹.

Такой же схематизм наблюдается и при попытках наделить субъектностью так называемый российский «средний класс», численность которого в структуре населения все время варьируется в оценках социологов от 10 до 30%. Формально данную страту, по аналогии с западноевропейским «средним классом», действительно можно выделить в отдельную социальную группу, что и делается. Однако при этом зачастую не учитывается социокультурный контекст, в каком он возник и находится на Западе и у нас. В либерально-демократических государствах «средний класс» появился в ходе как минимум трехвековой социальной мутации, когда рациональная парадигма стала несовместима со своими религиозными корнями, и в результате религия была отвергнута обществом (М. Вебер). В России же он продукт распада советского общества, и главная его особенность в том, что его носители не обладают ярко выраженным «классовым сознанием». Занимать небольшие ниши малого и среднего бизнеса (как и в дореволюционной империи) и быть носителем либерально-демократической идеологии это все-таки две большие разницы. Стоит ли поэтому удивляться, что представители данной страты также поддерживают путинский режим, как и «консервативное большинство».

Косвенно это подтверждает и сам Л. Бызов. Как он пишет: «Сегодня носителем неоконсервативных ценностей, ценностей порядка, является не только и не столько традиционалистская периферия, но и в своем большинстве городской средний класс. Запрос на порядок, «новый порядок», в первую очередь, исходит именно от этого нового российского среднего класса». «Среднему классу нужен твердый государственный

---

¹ Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 4.

порядок, гарантирующий ему завоеванное место, он патриотичен, пусть хотя бы на словах, он даже националистичен»¹.

На наш взгляд, в данном случае можно задаться вполне тривиальным вопросом: а уместно ли вообще эту группу загонять под категорию «среднего класса»? Как бы то ни было очевидно, что как политический проект в постсоветской России он вновь продержался относительно недолго. Просто на этот раз переход от «Февраля к Октябрю» занял почти десятилетие.

На интуитивном уровне носители утилитаризма, скорее всего, прекрасно осознают, насколько мала и несущественна их социальная роль в сложной структуре российского общества, по этой причине, как отмечает сам Л. Бызов, «ценности среднего класса оказались „утопленными” в общей массе консерваторов национал-патриотической ориентации, доминирующих в политической жизни России 2014-15 гг.»² Не стал «средний класс» и главным мотором экономических преобразований. Он взял на себя лишь часть нагрузки в сфере рынка потребления товаров и услуг, чем действительно существенно облегчил деятельность государства, но это несопоставимо, скажем, с масштабной деиндустриализацией, которую искусственно осуществили младореформаторы под лозунгами о переходе к рыночной экономике.

Таким же социологически некорректным является применение к российским реалиям идеологического концепта «гражданского общества». Попытки «путинского режима» искусственно создать политические и социальные ниши, заполнив тем самым общественное пространство, можно считать лишь воспроизводством прежних, советских практик в области государственного строительства. На деле эти структуры и содержательно, и функционально не аналогичны структурам современного западного общества, и как показывает опыт распада СССР в условиях политического

---

¹ Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. № 4.

² Там же.

кризиса они легко выходят из-под контроля государства, сами становятся антисистемной силой.

В целом подытоживая вышесказанное можно выделить следующие моменты.

1. Крушение советской империи в конце XX в. привело к закономерному распаду институтов и практик советского традиционализма. Однако постепенное усиление и укрепление позиций государства, начиная с 2000-х гг., автоматически запустило процессы по восстановлению структур «традиционного общества», поскольку в России это взаимосвязанные, нерасчлененные системы. По этой причине природа новой волны традиционализма, скорее всего, носит более сложный, глубинный характер.

2. Современное российское общество по многим признакам и критериям можно отнести к модернизированному «традиционному обществу». Это строго иерархическое, вертикально-интегрированное общество-государство, фактически квазимонархия, опирающееся на патерналистское большинство, а также традиционные семейные и религиозные институты (Православие, Ислам). По государственно-территориальному признаку – крайне разнородная, ассиметричная, многонациональная империя. Формально это – светское и вестернизированное общество, но по сочетанию элементов современности и традиционности, последние явно доминируют в его социальной архитектуре. К примеру, главным отличием правовой и политической системы России по-прежнему остается верховенство неписанных правил и договоренностей над формальным правом (Л. Бызов).

3. Привнесенные в ходе либерального транзита 90-х гг. новые практики, институты были вновь адаптированы социальной органикой; не привели к радикальной смене социокультурного кода, основных цивилизационных доминант.

4. С момента путинских реформ российское общество и ценностно, и институционально (создание «Единой России», ОНФ и т. д.) делает, скорее

всего, неосознанно, огромные инверсионные усилия вернуться, но куда? К 1985 г., к началу «перестройки». Общество, устав блуждать в поисках своей идентичности, через 25 лет стремится заново воссоздать советский Модерн, начать, как ему кажется, все с чистого листа.

5. Возрастающее давление социальной архаики на современное российское общество вызвано не укреплением традиционализма, а в первую очередь инерционным затуханием культуры советского Модерна, основанного на идеях и идеалах Просвещения, характеризуется противоречивой регрессивной динамикой.

6. Аномия и атомизация российского общества имеют качественно иную, чем на Западе, социальную природу. Если там они являются результатом длительного распада традиционных структур в ходе либерально-демократической модернизации, то в России – крушения государства. Соответственно, если со стороны власти не будут выработаны новые интеграционные механизмы, сбалансировано опасное неравенство в доходах и уровне жизни, то общество, достигнув дна в этом процессе, может резко начать двигаться в обратную сторону. И, вероятнее всего, под «лево-патриотическими» лозунгами «возврата к социальному государству».

7. Сторонники и противники «консервативной революции» в России, выстраивая свои концепции, понимают под «традиционным обществом» главным образом аграрное, сельское, либо апеллируют к его древним, «досовременным» формам. Однако, учитывая социокультурное состояние российского общества, которое сегодня объективно является городским, светским, слабо фундаменталистским, следует признать, что если она и осуществится в нашей стране, то только как новая, «облегченная» версия советской консервативной модернизации. И возможно, что ее современная «неоконсервативная» фаза является в социокультурном плане и ее пределом. Это вовсе не означает, что советский период понимается нами как некий «золотой век», к которому нужно вернуться или полностью восстановить. Речь должна идти именно о новом цивилизационном проекте.

В любом случае сложность данной ситуации в том, что крайне трудно спрогнозировать и понять, как поведет себя, и куда будет двигаться дальше эта крайне неравновесная и неэффективная общественно-политическая система? Особенно сегодня, когда в условиях разворачивающегося экономического кризиса, общей мировой нестабильности, правящий режим был вынужден начать свертывание многих социальных программ. Давление на патерналистское большинство заметно возрастает, а значит период романтического сближения «народа и власти» может быстро пройти, что вполне вероятно, учитывая, что в массовом сознании проблема «социальной справедливости» снова вышла на первый план.

С другой стороны, и само общество, и правящая элита российского государства уже не столь беспомощны, как на исходе СССР. Горький исторический опыт системного распада, социальных катастроф не прошли даром, и страна, возможно, все же сумеет консолидироваться и своевременно ответить на новые вызовы времени.

Как бы то ни было, создать квазисоветскую имитационную модель оказалось намного легче, чем наполнить эту форму реальным содержанием. Если архаику понимать как редуцированный элемент традиции, которая когда-то сама была традицией, но постепенно утратила силу и превратилась в реликт, то придется признать, что нынешние попытки воспроизводства советских практик и прежней модели государственности, – это во многом всего лишь всплывшая архаика. Следовательно, этим и объясняется неспособность системы порождать реальные инновационные импульсы, инертность, медленное угасание, поскольку главная черта архаики – неспособность к конструктивным изменениям, к саморазвитию¹.

Отказаться от своей в сущности уже найденной и работающей версии Модерна, сломать, а затем вновь пытаться ее восстановить – слишком

---

¹ Буранчин А.М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // Традиция. Материалы Международной конференции по традиционализму «Against Post-Modern World» (вып. 3). М.: Евразийское движение, 2012. С. 318.

сложный и уже трудноосуществимый процесс. Страна угодила в опасную институциональную ловушку. Но даже в этом, казалось бы, безвыходном положении, история все же дает нам небольшой коридор возможностей, а именно: осуществить реальную и полномасштабную социально-экономическую и политическую модернизацию; не консервировать заведомо нефункциональную, архаичную и ущербную систему; выстроить стратегию работы государственного аппарата с учетом социокультурной специфики общества, его цивилизационной матрицы; стимулировать создание альтернативных центров по изучению и мониторингу ситуации в стране, новых политических проектов; постараться найти свою, национальную и адекватную формулу возможного будущего.

3.2. Высокая культура в российском обществе: между массовым и элитарным

Одним из признаков архаизации современной России является резкое понижение, а фактически исчезновение пласта высокой культуры. Однако проблема в том, что адекватному осознанию масштабов этого процесса со стороны общества и интеллигенции, препятствует скрытая и завуалированная смена высокой культуры элитарной, которая при всей внешней схожести не аналогична ей.

Долгое время в отечественной и зарубежной научной литературе практически не делали различий между элитарной и «высокой культурой», ошибочно отождествляя данные понятия. Считалось, что это – вид культуры, «характеризующийся производством культурных ценностей, образцов, которые в силу своей исключительности рассчитаны и доступны в основном узкому кругу людей (элите)»¹. Кроме того, исходя из этой логики, элитарная культура зачастую противопоставлялась массовой культуре, возникшей еще в начале XX в. и получившей наиболее выраженные черты в

---

¹ Костина А.В. Культурология: учебник. М.: КНОРУС, 2010.

Западной Европе, то есть с момента возникновения там структур «общества потребления».

Однако сегодня такой подход считается уже некорректным, требует более глубокого анализа и осмысления. К примеру, как отмечает в своих работах Е.Н. Забелина: «Несмотря на многие точки соприкосновения с элитарной, понятие высокой культуры имеет принципиально иную смысловую нагрузку»¹. «Высокая культура», – это качественная характеристика культуры, показатель ее уровня развития; ее основная функция: «креативность и способность к продуцированию идей» (А. Костина)», в то время как элитарная – это культура определенной социальной группы, высшего, привилегированного слоя общества².

Развивая данную мысль, на наш взгляд, можно сделать и более широкий вывод. По всей видимости, это фундаментальное различие порождено, прежде всего, той огромной разницей, которую занимает культура в различных типах общества, соответственно отсюда ее отличие в статусе и социальных ролях.

Так, если по общепринятой трактовке высокая культура является феноменом Модерна, уникальные образцы которой создаются представителями национальной интеллигенции, причем с опорой на богатую народную почву, то элитарная культура, в противоположность ей, появляется на месте ее разрушения (по мере наступления Постмодерна) и фактически не обладает созидательным, творческим потенциалом.

В то же время высокую культуру, на наш взгляд, есть гораздо больше оснований отнести к явлению традиционного общества, которая в эпоху Модерна лишь получает наиболее завершенные формы и особый статус. Именно поэтому высокая культура имеет религиозные корни, а сама она в полной мере может быть понята только в религиозном контексте.

---

¹ Забелина Е.Н. Высокая культура Нового времени: между массовым и элитарным // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы мировой художественной культуры». В 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2012.

² Там же.

Далее, если объектом воздействия высокой культуры становится непосредственно народ, широкие массы, а национальная интеллигенция ставит целью их просвещение и развитие, не замыкается в себе, то современная элитарная культура практически лишена этих интенций. Она может сохранять и потреблять лучшие достижения классической и национальной высокой культуры, но при этом не стремится к их трансляции, то есть ее деятельность носит закрытый, узкогрупповой характер. Именно по этой причине, как пишет Е.Н. Забелина: «элитарная культура, оторвавшись от земных реалий, неспособна отразить специфику национальной культуры страны», так как ее воздействие сильно ограничено¹. А если говорить открыто, у ее представителей просто нет таких целей и, в сущности, речь в данном случае идет лишь о разных уровнях потребления, то есть элита потребляет артефакты высокой культуры, которую сама не стремится и не может создать, в то время как атомизированное большинство – низкопробную масскультуру.

Долгое время эту разницу не замечали и не выделяли, поскольку считалось, что существует классическая двухуровневая модель, возникшая во всех европейских обществах к началу XX в.: это – формируемая элитой «высокая культура» куда входят изящное искусство, классическая музыка, литература; и ее нижний «этаж» в виде пласта народной культуры (сказки, фольклор, песни и мифы).

Причину такого отождествления можно объяснить тем, что в традиционном обществе представители высокой культуры одновременно являются и его элитой, стоящей на вершине общественной иерархии, то есть данные страты там слиты, а социальные функции совмещены. Что хорошо видно на примере Российской империи, где правящая дворянская аристократия, первоначально переняв формы, парадигму и образцы от европейской национальной элиты, создала в течение двух веков самобытную и оригинальную версию высокой русской культуры, в высшей степени

---

¹ Забелина Е.Н. Высокая культура Нового времени: между массовым и элитарным // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы мировой художественной культуры». В 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2012.

«модернистскую» и глубоко национальную по своему содержанию. Недаром еще Н. Бердяев отмечал, что «одна и та же Россия чувствовалась на вершинах русской культуры, у великих русских писателей и в самых темных недрах народной стихии»¹.

Более того, и западноевропейское общество, несмотря на то, что с началом Нового времени внутри него шел активный процесс разрушения традиционных институтов, вплоть до XX в. упорно сопротивлялось растущему натиску буржуазного утилитаризма, как в лице своих великих писателей (Бальзак, Диккенс, Гюго и др.), так и консервативно настроенных философов-мыслителей. При этом вопреки изменившейся социальной базе западного общества, в нем еще долгое время инерционно сохранялась дихотомия высокой/народной культуры, что делало привлекательным образ Европы как колыбели высокой культуры для неевропейских элит, чувствовавших свою референтную зависимость от ее создателей (например, отношение Ф.М. Достоевского к западной культуре, высказанное им в романе «Подросток»).

Однако уже к концу XIX в. ситуация изменилась коренным образом, что вызвало резкую озабоченность и тревогу за будущее у части, в тот момент маргинальной, антимодернистски настроенной европейской элиты, которая постепенно начала осмысливать реальные масштабы набирающих силу деструктивных процессов. В рамках этого дискурса ею были поставлены под сомнение базисные основания современного Модерна, а перспективы дальнейшего развития культуры получили пессимистическую окраску.

Так, известный французский философ-традиционалист Рене Генон (1886-1951) пришел к заключению, что европейский Модерн стал выражением антицивилизации, воплощением всего того, что противоположно духу, Традиции, сакральности. Секуляризация, гуманизм, натурализм, механицизм и рационализм, по Генону, суть проявления духа

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2007. С. 600.

извращения, который затрагивает все общества, но который лишь в современной Европе получил столь абсолютное и полное воплощение, был возведён в норму и принцип. Периоды деградации знали и традиционные общества, но современная Европа, по его мнению, построила в полном смысле слова антиобщество, где все нормальные пропорции нарушены: божественное трансцендентное измерение отвергнуто, религия отодвинута на социальную периферию, материя и количество, эфемерность и чувственность, индивидуализм и эгоизм, напротив, возведены в высшие ценности¹.

Практически к аналогичным выводам пришли и основоположники концепции высокой культуры, которая сложилась в германской философской традиции на рубеже XIX-XX вв. в лице Ф. Тенниса, М. Шелера, О. Шпенглера. В упрощенном изложении она выглядит следующим образом. Человек – существо, наделенное душой и потому стремящееся к идеалам добра и красоты, но одновременно это существо, отягощенное зовом плоти, низменными и грубыми потребностями. Человек и создаваемый им мир имеют два уровня: высший и низший. Высший может быть назван культурой, низший – цивилизацией. Культура олицетворяет творения человеческого гения, исполненные красоты, веры и гармонии.

Цивилизация же есть собрание продуктов человеческой деятельности, созданных и используемых для утилитарных целей. Культура и цивилизация находятся между собой в вечном конфликте. Рост цивилизации губит культуру, а вместе с ней ведет к краху и самого человека.

При этом элементы цивилизации могут внешне походить на культурные творения. Сходство это, однако, обманчиво. Продукты цивилизации лишь имитируют творения высокой культуры, опошляя их в угоду низменным вкусам толпы. Феномены культуры, напротив, соответствуют божьему замыслу, а вместе с ним национальному духу и

---

¹ Дугин А.Г. Анти-Европа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odnako.org/blogs/anti-evropa/>

вечным эталонам красоты и добродетели. Цивилизация доступна всем. Культура – избранным, аристократии духа и т.д.

В дальнейшем подход противопоставления культуры и цивилизации был в различных формах более детально развит как в самой Европе, так и России; и сегодня по данной проблеме существует уже огромное количество научной и публицистической литературы. Оговоримся, что на этих общеизвестных фактах мы останавливаемся только затем, чтобы показать, что на уровне научно-философской рефлексии европейская элита, хотя бы в лице консерваторов-традиционалистов, в принципе вполне адекватно описала грядущий фундаментальный кризис. И тот факт, что даже мощная и высокоразвитая европейская культура в конечном счете потерпела сокрушительное поражение, наводит на тягостные размышления о будущем нашей страны.

В итоге наступивший XX в. лишь зафиксировал окончательный распад классической западноевропейской культуры, хотя первоначально возникновение новой общественной реальности породило у ее элиты утопичную иллюзию, что именно массовая культура, имеющая широкую потребительскую аудиторию, возьмет на себя роль, которую не суждено исполнить элитарной, то есть станет глобальным проводником высокой духовности. Однако, как отмечают исследователи, массовая культура «с момента зарождения и по сей день, внациональна, а зачастую идентична на всех материках и континентах». В действительности она может выступать лишь как вспомогательный, сопутствующий элемент при высокой культуре, и «сама по себе не выполняет поставленную задачу»¹.

Другими словами, пессимистические прогнозы европейских философов, главным образом консервативного направления, во многом сбылись, а структура общества Модерна окончательно сменилась своей противоположностью, для описания которой социологами были разработаны

---

¹ Забелина Е.Н. Высокая культура Нового времени: между массовым и элитарным // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы мировой художественной культуры». В 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2012.

различные концепции – «массового общества», «общества потребления», утилитарной «цивилизации», «одномерного человека», Постмодерна и др.

В России на протяжении XX в. также шли схожие социокультурные процессы, связанные с постепенной утратой цивилизационной идентичности, а трагический распад сложноорганизованного советского общества, институтов советского традиционализма, закономерно породил тяжелые регрессивные явления, в том числе и в культуре, привел к уродливым сочетаниям элементов Модерна и архаики в его социальной архитектуре.

Несмотря на то, что эти негативные процессы в целом хорошо описаны нынешними социологами¹, существуют аспекты, которые, на наш взгляд, остались за рамками критического анализа. Так, сегодня уже является общепризнанным фактом, что в культуре, в том числе и российской, возникла ситуация, когда вертикальная иерархия Модерна постепенно демонтировалась и сменилась горизонтальным плюрализмом Постмодерна. Однако при этом зачастую упускается из виду тот момент, что параллельно с этим процессом активно создается и навязывается обществу принципиально новая, ложная иерархия. В чем ее суть?

Как уже указывалось выше: высокая культура является главным образом феноменом традиционного общества (включая и европейский Модерн до XX в.), она находится на его вершине, имеет религиозные основания. Но при этом необходимо понимание того, что существует также и иерархия культур внутри нее самой. Так, высшей ее формой, на наш взгляд, выступает национальная литература (поэзия, проза), затем национальный театр и классическая музыка; наконец, нижним ее звеном выступает изобразительное искусство (живопись, скульптура, архитектура).

Причем выделенную нами иерархию нужно понимать именно в указанной последовательности, поскольку, если в той или иной культуре

---

¹ Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы. [Электронный ресурс]. URL: http://aipe.roerich.com/russian/mas_kult.htm.

отсутствует высокоразвитый, «сложный» пласт национальной поэзии, то вряд ли будет возможным появление самобытной национальной прозы. Отсутствие последней создает условия для формирования лишь привнесенных форм театра, но никогда не поднимет его до уровня национального театра. И так по всем этажам высокого искусства.

Обратим внимание также на то, что многие элементы высокой культуры можно институализировать или долгое время искусственно поддерживать. Например, через развитую сеть театральных, музыкальных и иных учреждений (консерваторий, институтов искусств, музыкальных школ и т.д.). И практически невозможно, если речь идет о национальной литературе. Советский опыт в виде создания Союза писателей, Литературного института можно отнести скорее к разряду попыток искусственно повторить все внешние атрибуты европейского «классического» общества XIX в. И трудно отрицать, что данный опыт был в высшей степени плодотворным, поскольку советский литературоцентризм своими мощными интенциями пронизывал все нижестоящие виды искусств, включая и массовую культуру СССР. Другими словами, в советской культуре, хотя бы по формальным признакам, статусно закрепленная и всячески артикулируемая иерархическая вертикаль различных искусств все же существовала. И наиболее прозорливым русским мыслителям это было понятно с самого начала возникновения советского проекта. Так еще Н. Бердяев писал, что «человек не атом бесконечного механизма вселенной, а живой член органичной иерархии», и что «коммунизм, антииндивидуалистический, антилиберальный, антидемократический и антигуманистический, по-своему иерархичен»¹.

Сегодня уже можно только бесконечно рефлексировать по поводу: была ли советская русская литература органичным и цельным явлением, продолжением дореволюционной литературной традиции, не стала ли она хоть и качественной, но все же ее искусственной калькой в условиях XX в.?

---

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2007. С. 569.

Однако в данном случае более показательным является тот факт, что с распадом советского государства представители его творческой элиты и их дети, практически без всякого внутреннего сопротивления, перешли из разряда высокой в элитарную культуру, составив новую псевдоэлиту. И в настоящий момент по социокультурным характеристикам их уже вряд ли можно отнести к традиционной национальной интеллигенции России.

Таким образом, по мере распада высокой культуры возникает новая (элитарная) культурная иерархия «общества потребления», в которой артикулируются артефакты или элементы высокой культуры, но сама она не производится, поскольку представители национальной интеллигенции либо переформируются, либо вытесняются в маргинальные ниши. Вместо нее возникают и постепенно набирают силу, по причине своей массовости, новые виды искусств, которые мы предлагаем условно назвать «пограничными искусствами». Так, на стыке поэзии и классической музыки появляется эстрадная культура; далее киноискусство – как синтез литературы, театра и изобразительного искусства (живописи). Они, в свою очередь, по мере развития образуют свой верх и низ, схожий с иерархией высокой культуры, но не аналогичный ему.

Любопытно отметить, что пограничное искусство, также как и высокая культура, пытается сакрализовать жизнь человека, то есть вырвать его из контекста повседневности и приобщить к высшему, трансцендентному уровню бытия; и сложно понять может ли оно, в отличие от высокой культуры, осуществить эту связь через творчество?

Более того, по мере усложнения на своих крайних полюсах пограничное искусство, как показывает практика, начинает само отрицать себя. В случае с кино, например, появляется огромный массив низкопробных фильмов и сериалов, рассчитанных на массового зрителя. Но одновременно и элитарное, авангардное направление, которое, как и высокая культура, может ставить философские вопросы перед обществом, говорить о

засилье массовой культуры, экранизировать великих классиков и проч., то есть формально выступать проводником и высокой культуры.

Эстрадное искусство также начинает делиться на дешевую поп-музыку и тяготеющую к высокой поэзии рок-музыку; субкультуру бардов и элитарный джаз.

И постепенно пограничные виды искусств обрастают своими традициями, легендами, формируют собственные пантеоны героев, отцов основателей и т.д. Другими словами полностью копируют внутреннюю структуру высокой культуры, но при этом являются принципиально новой культурной парадигмой.

В этой связи крайне показательным и символическим, что еще на заре «перестройки» некоторые лидеры советского рока (Б. Гребенщиков, К. Кинчев и др.), то есть представили молодежной, типично протестной субкультуры, в различных интервью наивно утверждали, что советский рок – это «бронзовый век» русской поэзии. А в титрах культового, для того времени, фильма С. Соловьева «Асса», лидер группы «Аквариум» назван композитором и «русским советским поэтом».

В начале 90-х гг. XX в. в некоторых школьных учебниках по литературе в разделе «современная поэзия» печатались биографии и тексты песен В. Высоцкого, А. Макаревича и др. Устанавливались памятники известным актёрам, бардам и артистам, то есть была сделана попытка окончательной культурной легитимации представителей элитарной, молодежной и даже уголовной субкультур, достаточно высокий художественный уровень которых был порожден, прежде всего, установками советской имперской культуры, культуры «большого стиля», против которой они в период перестройки выступили единым фронтом.

Одним из главных признаков пограничного искусства является возникновение на месте индивидуального художника коллективного творца – кинематографической группы, эстрадного коллектива, творческих объединений. Причем постепенно роль человека в таких коллективах

доходит до минимума. Так, в современных музыкальных проектах вроде «Блестящие» или «Иванушки-интернешнл» даже смерть участника группы не приводит к ее распаду, ибо там нет человека, а есть только «Светленький», «Черненький» и «Рыжий», менять которых можно до бесконечности. Одновременно пограничное искусство имеет положительную способность инженерно создавать, конструировать и национально-патриотические продукты, с учетом культурного «ядра» и менталитета народа. В наше время это полностью «высчитанный» и сформированный продюсерами проекта народный образ группы «Любэ».

Оппозиция высокой/элитарной культуры бывает трудно различимой, поскольку их представители долгое время могут мирно сосуществовать, и даже взаимно «подпитывать» друг друга. Их априори культурная противоположность не проявляет себя и не осознается ими самими. Для примера можно назвать композитора И. Дунаевского и его сына Максима, поэта Арсения Тарковского и кинорежиссёра Андрея Тарковского.

Однако по мере того, как носители новой парадигмы занимают главенствующие позиции в культурном пространстве, растет их статусно-ролевое положение, ценности и принципы высокой культуры все более маргинализируются, перемещаются на периферию социокультурной среды. Но этот процесс не проходит бесследно и его, по всей видимости, неизбежным итогом становится радикальный фазовый переход, который приводит к резкой смене всей шкалы ценностей и иерархий в трансформирующемся обществе.

В результате нового доминирования возникает абсурдная ситуация, когда общество в лице его элиты, представителей культуры, перестает замечать очевидные, на первый взгляд, вещи, отличать черное от белого, добро от зла. Начинает отрицать саму иерархичность мира, его онтологическую вертикаль. Принимает как должное культурную гегемонию новой элиты. И этому практически невозможно сопротивляться, поскольку

речь идет о культурных авторитетах, символах эпохи, представителях многих поколений.

Например, если обратиться к фундаментальным установкам постсоветской элиты России, то сегодня вряд ли кого переубедишь в том, что В. Высоцкий – это все-таки выдающийся бард, а не поэт. Что кинофильмы, даже снятые А. Тарковским, при всем уважении к нему и его трагической судьбе, артефакты не высокой, а явления элитарной культуры. Что В. Пелевин, который в своем романе «Generation „П“» остроумно и талантливо высмеял зарождение общества потребления в России сам является его прямым порождением, а не новой линией отечественной литературы. Что претендующий на интеллигентность сатирик М. Задорнов высмеивает то, к чему в полной мере можно отнести и его самого.

А в неоднозначной личности и творчестве поэта И. Бродского, в этой «иконе» либеральной, антисоветской интеллигенции, не было ли в нем уже всех знакомых черт постмодернизма: вечной иронии, подмигивания, морального релятивизма, мертвенной ровности и поэтизации распада?

По этому поводу можно привести высказывания, как он себя называет, «детского писателя и маргинального философа» С. Корнева, который в своих статьях всерьез утверждает, что В. Пелевин – это не постмодернист, а «самый настоящий русский классический писатель, вроде Толстого или Чернышевского»¹.

В этой связи крайне показательными являются и суждения теоретика постмодернизма, современного российского писателя-культуролога М. Берга. Показательными они являются именно в контексте попыток легитимировать или признать нормальными протекающие сегодня в постсоветской культуре разрушительные, даже с точки зрения здравого смысла, процессы. К примеру, исчезновение советского литературоцентризма в конце XX в., Берг в своих исследованиях считает вполне объективным и оправданным явлением, поскольку писатели в СССР,

---

¹ Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 244-245.

по его мнению, были лишь своеобразной жреческой кастой, которая в обмен на статусы и привилегии, обслуживала правящий коммунистический режим (доля правды в этом утверждении действительно есть). И лишившись связи с властным дискурсом, литература, как он пишет, просто «перешла в разряд искусства, где она, как тут же выяснилось, не выдержала конкуренции среди других искусств по причине малой востребованности», а тип писателя-жреца в итоге сменился писателем-профессионалом¹.

Другими словами, М. Берг последовательно проводит мысль, что с российской литературой ничего ужасного не произошло, поскольку высокая культура, искусственно растиражированная советским государством, лишь вернулась, с распадом СССР, на прежнее место, то есть, как и до революции, стала достоянием узкой культурной элиты.

К сожалению, указанные тенденции приобрели сегодня фундаментальный характер, стали «категориями очевидности» в российском обществе, включая установки его интеллектуальной и творческой элиты; которые активно формируют как массовые настроения, так и общий вектор отечественной культуры.

При этом оговоримся, что речь в нашей статье не идет о попытке принизить или нигилистически опровергнуть значение и вклад представителей элитарной культуры в общемировую сокровищницу. Это, безусловно, тоже творчество, тяжелое, жертвенное. Однако сегодня необходимо четкое понимание того, что элитарное искусство иерархически стоит ниже высокой культуры, а в реальности является «верхом» принципиально новой общественной структуры.

Любопытно, что фактически об этом же еще сто лет назад пророчески писал философ Рене Генон. В частности, он пришел к выводу, что история человечества проходит три фазы, которые можно описать через символ «космического яйца». В эпоху Премодерна «яйцо мира» (или «общество»)

---

¹ Берг М.Ю. «Литературократия». Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение. 2000. С. 201.

открыто сверху, и через отверстие в мир проникают «божественные энергии». В Модерне «яйцо мира» закрывается; это эпоха материализма и позитивизма. Далее Генон предсказывает следующий этап, который во многом соответствует Постмодерну, когда «яйцо мира» будет открыто снизу и в мир хлынут «демонические» энергии «подтелесного», инфернального уровня, библейские орды «гогов и магогов»¹.

По Генону, «открытие Яйца Мира снизу» – это эпоха «великой пародии», другими словами, это и есть мир, в котором существует ложная иерархия, эпоха «симулякров» по терминологии Ж. Бодрийяра.

Поднятые проблемы приобретают сегодня актуальный, экзистенциальный смысл, особенно в свете тех противоречивых социокультурных процессов, которые протекают в настоящий момент в современной России. На наш взгляд, с распадом в конце XX в. советской версии Модерна, в российском обществе произошел качественный трансформационный сдвиг, связанный с окончательным переходом в эпоху дряхления, упадка и деградации. Советский период истории России, вероятно, лишь создал полувековую паузу в последнем акте общеевропейского кризиса, но не сумел найти выхода из фатальной обреченности. Глубина и степень этого процесса таковы, что делают, в условиях уже наступившего XXI в., крайне сомнительной перспективу возрождения и развития великой русской культуры.

Глубокая противоречивость советского Модерна и одновременно его культурная хрупкость в конце концов окончательно исчерпали себя. Что послужило тому причиной? С одной стороны, симбиоз с коммунистической идеологией действительно «вознес «высокую» культуру на недостижимую высоту, а коммунистический режим превратил в проводника «классического наследия» и «классического стиля»², но при этом и почвенный традиционализм претерпел качественные изменения. Человек советской

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 166.

² Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита // Мир России. 2002. № 3.

культуры имел все черты соборного, традиционного и, одновременно, уже и массового социального типа, человека «общества потребления». И демонтаж государства, который искусственно поддерживал единство культуры и общества, окончательно освободил его дремлющие утилитарные потенции.

Соответственно, в постсоветской России на фоне тотального распада сложившихся общественных институтов, системной контрмодернизации, архаизации, слома «большой культуры», все эти годы активно шел процесс создания структур «общества потребления», то есть антикультуры. И, к сожалению, сегодня можно уже уверенно констатировать, что современная Россия это страна, в которой цивилизация, окончательно победила культуру.

Конечно, даже при таком неутешительном выводе нужно иметь в виду, что «Ни одна страна не может быть исчерпывающе описана как общество потребления. Это лишь тенденция, которая проявляется в разных странах в той или иной мере. Любое общество включает в себя остатки прошлых эпох, доминирующие формы общественных отношений и ростки будущего. Поэтому совокупность общественных отношений, которую можно назвать «обществом потребления», сосуществует с комплексами иных отношений»¹.

И, тем не менее, нужно признать, что потенциал высокой русской культуры дошел, видимо, до пороговых значений. Казалось бы, в чем же трагизм ситуации, ведь европейская элита давно смирилась с подобным положением вещей и уже как минимум на протяжении целого века довольствуется наличием лишь элитарной культуры?

Чтобы постараться ответить на этот вопрос нужно понять: какую функцию призвана выполнять культура не только в общественном, но и историческом контексте. С рациональной, светской или даже утилитарной точки зрения культура обладает способностью генерировать новые смыслы, идеи, векторы развития; находить ответы на актуальные вопросы, которые

---

¹ Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2. С. 4.

время периодически ставит перед обществом. Главным образом именно она делает «осмысленным индивидуальное бытие»¹.

Однако, на наш взгляд, существует и более высокий (религиозный) смысл ее существования. В глобально-исторической перспективе, культура своим наличием призвана оправдать жизнь целых поколений, народов и цивилизаций перед Богом, перед лицом истории. И в этом контексте ее бытие носит одновременно внеисторический, трансцендентальный характер, является одним из модусов сакральной традиции. Именно по этой причине, как отмечал еще Н. Бердяев культура «по природе своей символична, в ней даны лишь символы, знаки духовного мира, но сам этот мир непосредственно не достигается»².

Есть также прямая диалектическая взаимосвязь между национальной интеллигенцией и народом в широком смысле; между традиционным обществом и высокой культурой. И можно быть идейным противником или апологетом традиционализма, но принципиально это никак не меняет общую картину.

Каждый народ традиционной культуры с большим трудом порождает эту крайне немногочисленную, самобытную и специфическую элитную прослойку. Но и национальная интеллигенция в свою очередь, творя феномены высокой культуры, тем самым формирует или как бы вновь воссоздает народ, осмысливает его коллективное бытие. Великий русский поэт А. Блок писал по этому поводу: «Народ собирает по капле жизненные соки для того, чтобы произвести из среды своей всякого, даже не крупного писателя».

Таким образом, цивилизация, в которой нет «настойки» в виде высокой культуры или в основании которой лежат чисто утилитарные цели и задачи, бессмысленна и духовно убога перед Богом, лишена онтологического содержания. Это и есть «конец истории» провозглашенный Ф. Фукуямой, логическая констатация духовной и экзистенциальной

---

¹ Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предистории российского транзита // Мир России. 2002. № 3.

² Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2007. С. 567.

смерти. И сегодня когда происходит окончательный «закат Европы», распад многовековой конструкции западноевропейского мира, существует множество тревожных симптомов, которые свидетельствуют о том, что и уникальная русская культура, генетически и духовно связанная с европейской, может в итоге повторить ее трагическую судьбу.

И возвращаясь к главной теме статьи, вновь зададимся вопросом: так есть ли будущее у русской культуры, элита которой вместо планомерной и созидательной работы, коллективного творчества, сегодня активно создает лишь «мерцающие» симулякры Постмодерна? Неужели огромная страна, с богатой и уникальной культурной традицией, великой историей, обречена перейти в фазу распада и постепенно угаснуть, духовно умереть?

Ответить на этот вопрос утвердительно крайне сложно, поскольку многие социокультурные процессы приобрели уже необратимый характер, коренным образом изменили базовые компоненты российского общества. Возможно также, что произошли радикальные антропологические изменения, которые привели к созданию человека нового типа, противоположного традиционному, то есть «человеку Постмодерна».

Тем не менее, даже в этом, казалось бы безвыходном положении, история дает нам небольшой исторический шанс, поскольку потенциал высокой культуры огромен, а сама Россия еще обладает признаками и структурами традиционной цивилизации.

Следовательно, если российское общество найдет в себе духовные силы, сделает сверхусилия в данном направлении, то в перспективе оно еще может, осуществив масштабную культурно-нравственную революцию, избежать повторения трагической участи Западной Европы. Но для этого необходимо, чтобы, в первую очередь, нынешняя российская элита нравственно прозрела, излечилась от постигшей ее духовной слепоты. Чтобы она окончательно определилась, ответив на вопрос: кем она все-таки хочет быть: представителем и носителем идей и идеалов великой русской культуры или же глобалистской элитой общества потребления?

Необходимо чтобы истинная иерархия высокой культуры преодолела в итоге ложную, «перевернутую», антигуманистическую и антирациональную систему ценностей Постмодерна.

3.3. Влияние архаики на политические процессы в регионах (на примере авторитаризма М. Рахимова)

Республика Башкортостан являясь одним из наиболее сложных и крупных субъектов Российской Федерации пережила за последние 25 лет смену нескольких форм региональной власти. Во всех случаях демонтаж одной политсистемы и установление другой сопровождался болезненным политическим кризисом, а также сменой властной элиты. Первая была обусловлена кризисом советской государственности, процессами децентрализации системы и резкой регионализации местных политических и социальных структур (1985-1991 гг.). Вторая волна – связана с установлением авторитарно-номенклатурного режима М. Рахимова существовавшего фактически 20 лет и завершившегося сменой властной элиты (1993-2010 гг.). Становление третьей политической формы региональной власти началось с назначения федеральным центром Р. Хамитова главой Республики Башкортостан, переходом к политике «открытости» и преодоления региональной (локальной) замкнутости (2010 г.).

Какие условия вызывают падение одного режима и закладывают основы политической системы иного типа? По нашему мнению, во всех случаях резкой (неорганичной) смены власти в Башкирии можно выделить один и тот же набор системных (институциональных) противоречий в целом присущих для авторитарных режимов. Определенной неустойчивостью характеризуется и новый режим Р. Хамитова имеющий, в отличие от предыдущих форм регионального авторитаризма, свои системные особенности.

***От БАССР к Республике Башкортостан:
особенности «периода регионализации»***

К моменту начала политических реформ М.С. Горбачева Башкирия представляла собой типичную административно-территориальную единицу СССР. Сложившаяся в регионе централизованная партийно-хозяйственная система управления не многим отличалась от других региональных систем, однако были факторы, которые придавали особенность Башкирской советской автономии (БАССР). К примеру, значительные природно-сырьевые ресурсы определили ее экономическую специализацию в народнохозяйственном комплексе страны. Пройдя через процесс интенсивной индустриализации к 1985 г. она стала одним из центров нефтепереработки и нефтехимии. Одновременно большое значение в структуре ее экономики занимал и аграрный сектор, а аграрное (сельское) лобби было одним из наиболее активных и влиятельных акторов в системе управления. С социокультурной точки зрения республика представляла собой к началу «перестройки» крайне противоречивую картину: наличие крупных и модернизированных промышленных центров (таких городов как Уфа, Салават, Ишимбай, Стерлитамак и др.), вокруг которых располагались аграрные (различные по степени развития) районы и малые города БАССР. Соответственно в культурологическом плане это формировало взрывоопасную смесь модерна и архаики, социокультурных разрывов, возникших в результате сверхускоренной советской модернизации.

Другой особенностью республики было наличие автономного статуса. Еще в XX веке, с началом активизации революционных процессов в стране, в крае сформировалось мощное национально-мусульманское движение автономистов во главе с А.-З. Валиди, лидеры которого в ходе коллизий гражданской войны сумели добиться от Москвы статуса башкирской автономии. Впоследствии, несмотря на то, что доля коренного населения в БАССР составляла не более трети от общего числа (доля русских составляла

40%, около 25% – татар) принцип этнического представительства строго соблюдался партийными органами местной власти, а сама республика имела все атрибуты национальной автономии (театры, печать, национальное телевидение и радио).

В управленческом плане до конца 80-х годов Башкирская АССР являлась частью сверхцентрализованной унитарной системы, функционирование которой обеспечивалось республиканскими структурами компартии. Несмотря на конституционно закрепленные статус и полномочия, республиканские органы власти фактически не играли самостоятельной роли, составляя одно из нижних звеньев партийного управления. Представительные органы власти (Верховный Совет БАССР, местные советы), как и в других регионах Союза ССР и РСФСР, в условиях закрытой системы существенно не влияли на решения, принимаемые на партийном уровне. Как и в целом по стране первый секретарь обкома республики назначался ЦК партии и был в прямой зависимости от партийных установок¹.

Первыми проявлениями «перестройки» в БАССР стали изменения в сфере общественного сознания, когда на инициированную центром возможность открыто вести дискуссии по тем или иным вопросам до этого единое население региона стало резко поляризоваться. С этого момента региональная идентичность начала доминировать над общесоюзной, запустив, тем самым, процесс регионализации. Итогом «перестройки» в БАССР, ее апогеем, стало провозглашение суверенитета республики.

К октябрю 1990 г. в БАССР, в результате перестроечных реформ, сложились определенные предпосылки для изменения государственного статуса республики. Политические реформы команды М. Горбачева породили целый ряд серьезных проблем в социально-экономической и общественно-политической сфере, создав тем самым условия для экономической децентрализации регионов. Эти действия руководства

---

¹ Регионы России: хроника и руководители. Т.8. Республика Башкортостан / Под ред. К. Мацузато. Екатеринбург, 2003.

страны, а также либерализации советской системы обусловили возникновение в конце 80-х годов национальных и общественных объединений, которые сформировали социальную и идеологическую основу для движения за союзный статус.

В ходе реформы политической системы, состоящей в передаче части функций исполнительной власти Советам и проведения демократических выборов народных депутатов, возрастает роль Верховного Совета БАССР как новой политической силы. Процесс децентрализации унитарной системы, инициированный Центром, а также возникновение новых партий, национальных, религиозных и общественных организаций на фоне усиления движения экологов стали, в совокупности, основными факторами, подготовившими принятие Декларации о суверенитете республики.

Какова была идеологическая подоплека движения за суверенитет? К началу 90-х годов в общественном сознании утвердилась мысль о том, что «господство командно-административных методов в экономике» и статус автономии являются главными причинами застойных явлений, не дающих полноценно развиваться Башкирской АССР. Именно поэтому идея экономического суверенитета, то есть получение союзного статуса, первоначально не имела того политического смысла, который в него стали вкладывать позднее. Лидеры башкирского национального движения, выступившие инициаторами союзного статуса, на первых порах не были настроены против советской системы, во многом именно поэтому население республики поддерживало экономический суверенитет (союзный статус). Со временем произошла подмена понятий и экономический суверенитет (союзный статус) стал пониматься как государственный (национальный). Иными словами, в идеологии широко развернувшегося движения за статус союзной республики, экономический компонент был доминирующим по сравнению с политическим, но по мере усиления центробежных тенденций политический компонент стал определяющим.

Слом авторитарных режимов через призму системного анализа

По мнению ряда исследователей, «системный кризис управления имеет ряд внешних признаков»¹. Однако главная причина состоит в том, что «управляемость теряется не из-за принципиального нежелания выполнять декларируемые задачи и официальные приказы, а из-за невозможности их выполнить»². Данный тезис применим и к кризисам, рассматриваемым в нашем случае.

Партийное руководство БАССР, возглавляемое с 1969 г. М. Шакировым, на первый взгляд выглядело устойчивым и не подавало явных признаков кризиса. Однако эта устойчивость была крайне противоречивой, поскольку партийная региональная элита, по всей видимости, явно недооценивала масштабы происходящих в стране и в республике политических процессов. К примеру, несмотря на то, что социально-экономические показатели БАССР показывали устойчивую динамику, в общественном сознании постепенно стал формироваться миф о застойном положении региона.

Все это происходило на фоне смены высшей партийной элиты СССР инициированной командой М. Горбачева. В центральном руководстве КПСС началась закулисная аппаратная игра, в результате которой «модернисты» начали вытеснять консервативную часть советской партийной элиты. Этот процесс постепенно перешел и на региональный уровень управления.

Соответственно стабильное и устойчивое положение БАССР, которое поддерживалось за счет жесткого авторитаризма М. Шакирова, отсутствие даже внешних признаков «демократического оживления общества» стало, видимо, одной из главных причин смещения «партийного тяжеловеса» эпохи Брежнева. М. Шакиров и его окружение, что называется «не поймали волну», не сумели переформатироваться в новых условиях. Одновременно в

---

¹ Рогозян О.В. Политический кризис: анализ и технологии урегулирования (на примере Краснодарского края) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2006. С. 10.

² Там же.

партийной и хозяйственной номенклатуре БАССР подспудно уже вызревали установки на регионализацию, желание получить собственность и возможность существовать без жесткого контроля центра.

В этой связи показателен пример с ТАССР, где первый секретарь Татарского обкома М. Шаймиев сумел не только возглавить процесс «суверенизации», но и консолидировал партийную и формирующуюся региональную элиту РТ, пересев тем самым из кресла первого секретаря в кресло президента республики. Соответственно резкой смены элит в ТАССР в ходе распада СССР не произошло, что определило более устойчивое положение сложившегося там в 90-годы нового режима.

В БАССР снятие М. Шакирова происходило в лучших традициях черного пиара, когда в результате громкого публичного скандала (что само по себе нанесло удар по позициям местной партийной власти) он был снят с должности за «неправильные методы руководства, различные нарушения». По слухам, организатором этой отставки был секретарь ЦК КПСС Е. Лигачев. В 1987 г. на место М. Шакирова был назначен Р. Хабибуллин, работавший до этого начальником Главного управления Миннефтепрома СССР.

Данное решение центра было, безусловно, ошибочным, поскольку набиравшая силу региональная элита расценила его назначение как приход «варяга» из Москвы. Одновременно в БАССР активизировались процессы в «гражданской сфере» и система фактически пошла в разнос. Любопытно также, что политизация «гражданского общества» началась с движения «зеленых», а лишь затем его сменили национальные центры, партии, религиозные и общественные организации.

Первоначально экологическое движение было эмоциональным и, в некоторой степени, стихийным (по мере возникновения экологической угрозы). Но со временем разрозненные группы экологов организационно оформляются. И поэтому, когда осенью 1987 г. руководство БАССР совместно с заинтересованными центральными ведомствами планировало

разместить в Уфе завод поликарбонатов, «зеленые» сумели развернуть мощное выступление против вредного производства, которое было поддержано широкими слоями населения. Партийное руководство республики не ожидало такого сопротивления и, видимо, было растерянно, так как до этого акции такого рода проходили либо с указания «сверху», либо под их контролем¹.

В итоге требования участников экологического движения были удовлетворены, строительство отменено. Оставляя в стороне причины вызвавшие активизацию «зеленых», хочется отметить, что борьба экологов в реальности носила характер «символического убийства власти», привела впоследствии к потере легитимности партийных и государственных институтов. В тоже время сложно определить, что послужило причиной начала кризиса: снятие М. Шакирова, назначение Р. Хабибуллина или процессы в общественной сфере, поскольку как считают специалисты «системный кризис не начинается в какой-то момент и в какой-то точке», «точно также трудно сказать, когда системный кризис стал необратимым»².

Вслед за экологическим движением стали активно возникать национальные кружки и центры (1988-1990 гг.), что автоматически раскололо население по этническому признаку. Произошла резкая политизация этнического сознания, соответственно возникло и несколько проектов и образов «будущего» («союзный статус», «экономический», а затем и «политический суверенитет»).

На фоне этих процессов руководство обкома все же пыталось реагировать на происходящие события. Под напором мощного общественного давления на заседаниях бюро Башобкома все чаще начинает подниматься вопрос о повышении статуса республики. Сигналом же для партийной номенклатуры послужило выступление первого секретаря обкома

---

¹ ЦГАОО РБ. Ф.122. Оп.227. Д.95.Л.4-9.

² Рогозян О.В. Политический кризис: анализ и технологии урегулирования (на примере Краснодарского края) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2006. С. 12.

партии Р. Хабибуллина на Пленуме ЦК КПСС 19 октября 1989 г., на котором он заявил о необходимости придать БАССР статус союзной республики. Однако действия партийных органов были запоздалыми, поскольку уже до его выступления на пленуме в регионе сформировалось мощное общественное движение за суверенитет республики. И партийно-государственная номенклатура была вынуждена присоединиться к нему. Это было идеологическое и политическое поражение компартии на местах.

Национальные движения к концу 80-х годов охватывают все более широкие слои населения. К примеру, в 1990 г. в составе центра «Урал» действовало уже более 30 башкирских самостоятельных объединений, обществ и клубов, в том числе и в крупных городах республики. После оформления в 1989 г. БНЦ «Урал» и Татарского общественного центра, возникают Башкирская народная партия, Башкирский народный конгресс, Татарская демократическая партия «Идель-Урал», Комитет народного движения, «Независимость Башкортостана». 16 мая 1990 г. проходит учредительное собрание Союза башкирской молодежи (СБМ), а 8 декабря – Союза татарской молодежи «Азатлык».

В то время как события разворачивались со стремительной быстротой, в республиканских газетах печатались «Основные принципы деятельности Башкирской партийной организации по претворению в жизнь национальной политики КПСС», не отражающие реальной действительности в межнациональных отношениях. Партийные органы республики не придавали большого значения получившим широкий размах экологическим и национальным движениям. Другими словами, несмотря на то, что действовали местные службы КГБ, МВД и др., партийная элита, по всей видимости, испытывала резкий когнитивный и управленческий кризис.

С точки зрения системного анализа возникновение и наличие «независимых» акторов (в данном случае этнополитических движений) еще не является фактором нестабильности. Но проблема в том, что не интегрированные в систему они начинают раскачивать ее изнутри и

наоборот. Как пишет И. Демичев, если «межэтническое согласие достигнуто, этот «естественный фон» жизни благоприятен и сам гасит возможные флуктуативные конфликты между представителями этносов – он самостоятельно включается в обыденное воспроизводство социального порядка системы. В обратном случае – когда согласие народов подорвано и наличествует межэтнический конфликт, «естественный фон», наоборот, полностью включаясь в него всеми своими организациями и объединениями, самостоятельно углубляет и усиливает все негативные тенденции, доводя, возможно, изначально не такие и значительные проблемы, до каждого человека и до огромных масштабов неконтролируемого «молекулярного» насилия»¹.

На наш взгляд, это и происходило в БАССР в условиях распада советской системы, когда различные подсистемы централизованной власти (профсоюзы, комсомол и др.) резко политизировались за короткий срок, выступили акторами разорвавшими субъектность советской государственности в регионе.

Кризис системы власти в БАССР был напрямую связан кризисом советской идеологии. Не останавливаясь на этом аспекте подробно, отметим лишь, что одновременно с ним в республике происходил молекулярный процесс смены «категорий очевидности» и культурно-исторического символического ряда. К примеру, «БАССР – оплот дружбы народов», «Житница страны», «Фрунзе», «Александр Матросов» на «Регион-донор», «Сильные регионы – сильная Россия», «А-3. Валиди»².

Демонтажу системы советской государственности в БАССР предшествовало также возникновение нескольких центров власти. В ходе реформы политической системы, состоящей в передаче части функций исполнительной власти Советам и проведения демократических выборов народных депутатов, возрастает роль Верховного Совета БАССР как новой

---

¹ Буранчин А.М., Вахитов Р.Р., Демичев И.В. Социальные механизмы межнациональной стабильности в полиэтничном регионе России (на примере Республики Башкортостан). Уфа: «ДизайнПолиграфСервис», 2011. С. 48.

² Там же.

политической силы. В апреле 1990 г. его председателем избирается М. Рахимов. Также возрастает авторитет Совета Министров БАССР как главного распорядительного и исполнительного органа, осуществляющего планы экономического и социально-культурного развития республики, который с 1986 г. возглавил М.П. Миргазямов.

Между тем в самой республиканской партийной структуре начинают возникать кризисные явления. Накануне выборов народных депутатов РСФСР и республиканского Верховного Совета, между представителями партийной номенклатуры разворачивается борьба за лидерство. Так, в условиях продолжающихся демократических процессов в стране и республике Уфимский горком КПСС во главе с первым секретарем Р.Р. Гареевым неожиданно выразил вотум недоверия руководству Башкирского обкома КПСС, оценив действия последнего как тормозящие перестроечные реформы в БАССР. Прошедший 10 февраля 1990 г. в г. Уфе митинг «За демократические преобразования в Башкирии» в день открытия внеочередного VII Пленума Башобкома КПСС, проведенный демократически настроенной частью населения, также выдвинул требование отставки бюро обкома. В итоге под давлением общественности бюро обкома во главе с первым секретарем Р.Х. Хабибуллиным вынуждено было уйти в отставку, что было явлением исключительным. Впервые снятие и первого человека республики, и всего бюро обкома, произошло «не сверху», а при участии оппозиционно настроенного горкома и крепнувшего на глазах демократического блока. Пост первого секретаря обкома партии занял И.А. Горбунов, работавший до этого первым секретарем Орджоникидзевского райкома партии г. Уфы. Однако партийные органы власти окончательно утрачивают лидирующие позиции.

В итоге к 1990 г. в республике сложился новый «исторический блок», когда различные по целям и задачам политической силы консолидировались против действующей власти (в лице обкома БАССР) и выступили за провозглашение Декларации о суверенитете. В состав новой региональной

элиты вошла национальная (этнополитическая), хозяйственная, часть партийной номенклатуры.

Позиции общесоюзной («имперской») элиты в БАССР оказались настолько слабыми, что она, как и в начале XX в., не сумела удержаться под напором набирающего силы регионализма и была фактически выкинута на обочину общественно-политической жизни.

Демонтаж авторитарного режима М. Рахимова

С началом распада советской государственности в республике начался процесс становления новой политической системы со своей траекторией развития. Президент М. Рахимов в ходе 90-х годов создал жестко централизованную авторитарную модель управления, которая до 2000 г. позволяла успешно управлять процессами в регионе, поскольку общество обладало высокой степенью гомогенности. Однако постепенно шел процесс дифференциации общества, оно, хоть и слабо поляризуясь, теряло свою однородность. Шел процесс усложнения и трансформации, регионального сообщества, но при этом адаптация режима к социальным изменениям существенно снизилась. Главным образом потому, что в 1990-е гг. в РБ произошла интенсивная этнизация власти, когда местная правящая элита стала формироваться по социальному (выдвиженцы из сельской местности) и этническому принципу. Сосредоточение местной власти в руках бывших крестьян в регионе с достаточно высокой степенью урбанизации, произошло за счет снижения выходцев из города в системе власти; привело к «закрытию» элиты и консервации режима. Несмотря на то, что республиканская власть в 90-е годы «внешне» модернизировалась, внутри она осталась глубоко традиционалистской.

В итоге экстраполяция архаической субкультуры сельского мира на региональное общество в целом привела не только возникновению новой формы традиционализма, но и породила проблему модернизации.

Поскольку речь пойдет о кризисе политической системы, необходимо уделить внимание главным образом на работе аппарата власти, характерных особенностях режима, так как сегодня уже ясно, что колебания в так называемой сфере «гражданского общества» начиная с 1993 г. (установления моноцентрического режима М. Рахимова), практически перестали оказывать существенное влияние на региональный политический процесс. Социальное тело «государства», по сути, поглотило гражданскую сферу. Одновременно именно особенности формирования властной элиты РБ, давление неконтролируемых социокультурных процессов со стороны «традиционного общества», привели в совокупности к резкому ослаблению и ликвидации режима.

Первый звонок прозвучал в период скандальных выборов президента РБ в 2003 г. Оказалось, что мощная и устойчивая на вид система не справляется с новыми вызовами. Однако, едва усидев на политическом Олимпе, М. Рахимов не только не сделал соответствующих выводов, но и в ходе аппаратной интриги избавился от части башкирской властной элиты во главе с Р. Хабировым, которая в целом была нацелена на модернизации системы (команда «младореформаторов»). Это противостояние сильно ухудшило положение местной власти, поскольку на сторону центра ушла команда, которая досконально знала расклад внутренней жизни республиканского Белого дома. Кроме того, человек своей эпохи, М. Рахимов не считал вопросы, связанные с идеологией и информационным фактором, первостепенными, предпочитая по старинке, в тяжелых для себя случаях, ездить договариваться напрямую с Москвой. На определенном этапе момент был уже утерян, и мнение, как о нем самом, так и «феодальной» республике в федеральных СМИ было различными силами сформировано.

Ситуация усугублялась и тем, что начиная с 2003 г., после тяжелейших выборов президента РБ, М. Рахимов постепенно отошел от дел. Отстроенная им вертикаль власти позволяла в целом игнорировать внутривластные

процессы, не приводила к видимым проявлениям кризиса. Однако в этом и таилась главная опасность. Ослабление жесткой президентской власти автоматически привело к формированию двух центров власти – Администрации Президента РБ и аппарата Правительства. Ставка на представителя субрегиональной элиты премьера Р.С. Сарбаева и усиление позиций его команды (по слухам его протежировал сын президента У. Рахимов), натолкнулась на интересы другого крыла Белого дома. Заняв этот пост в 2008 г., новый премьер сразу же получил полуофициальный статус «преемника» и достаточно большие полномочия. Тем не менее, вплоть до лета 2010 г. эти два центра внутри высшего руководства РБ боролись между собой, ослабляя и без того неустойчивые позиции власти.

Параллельно с этим запустился другой крайне опасный процесс. Нежелание брать на себя функции «верховой власти» обернулось усилением локальных интересов на субрегиональном уровне. Муниципальные образования были в буквальном смысле отданы на откуп главам районных администраций (особенно это ярко проявилось в башкирском Зауралье). Последствия дали о себе знать достаточно быстро. До 2005 г. президент в целом выступал как арбитр локальных конфликтов, подавлял чрезмерные аппетиты особо зарвавшихся сельских «боссов». Он проводил определенную ротацию кадров, но главное имел, хоть и слабые, каналы обратной связи. К нему апеллировали как последней инстанции. Однако как только М. Рахимов ослабил авторитарный контроль – произвол принял громадные размеры.

Буквально за последние пять лет этот процесс породил противников режима больше, чем за предшествующие пятнадцать. Даже среди этнических башкир, число пострадавших от «рахимовского» режима было довольно значительным. Другими словами на определенном этапе количество активных противников системы стало больше чем сторонников, что нанесло сильный удар по легитимности местной системы.

Давление субрегиональной элиты всегда оказывало серьезное влияние на региональный процесс, против ее интересов не шел в определенных случаях даже президент М. Рахимов. К примеру, то, что на последнем этапе в качестве преемника вышла фигура Р. Сарбаева также надо рассматривать с этого ракурса. Сельское лобби хотело, чтобы был «свой», «башкир», носитель «традиционных ценностей». Хотя очевидная, на первый взгляд мысль, что нужна кандидатура соответствующая, прежде всего, новым «технологическим» вызовам, местной элитой не была востребована.

Такая ситуация была, безусловно, вызвана давлением социальной архаики, поскольку как отмечают некоторые исследователи (А.С. Ахиезер), крестьяне, как массовый социальный слой, обладают догосударственными нравственными идеалами. И они порождены, прежде всего, самим типом хозяйственной деятельности и вырастающей из нее культуры. Натуральные хозяйства (крестьянский двор и сельский мир) базируются на идеях крестьянского самоуправления, на основе самостоятельной автономной жизни в локальных мирах, они не знают опыта «больших обществ».

Таким образом, ослабление президентского авторитаризма привело в итоге к торжеству локальных и групповых интересов, к победе социальной архаики, поскольку социокультурные процессы, порожденные локальным синкретизмом, вышли из-под контроля и приняли неконтролируемый, хаотический характер. В результате внутри власти не оказалось ни одной реальной политической силы, которая работала бы в целом на оптимизацию системы, на ее модернизацию. Являясь выходцами из субрегионального мира люди, которые на последнем этапе жизни режима стали претендовать на президентское кресло, не обладали стратегическим, системным мышлением. Все-таки одно дело руководить, обладая большими полномочиями, другое – пытаться модернизировать огромную и сложную систему управления, имея лишь опыт работы у себя в районе.

Другой комплекс проблем был связан с объективно наметившимся процессом смены элит и кадровым обновлением власти. Дело в том, что

геронтократический и клановый принцип формирования элиты постепенно привел к тому, что в различных сферах общества и власти (в науке, культуре, образовании и в самой номенклатуре), образовались социальные «пробки» – «старички» не давали подняться молодежи. Это привело, в первую очередь, к весьма ощутимому кадровому голоду. В результате «старая» элита, прежде всего, гуманитарная, с каждым днем становилась все более неадекватной, не справлялась с набором усложняющихся задач, что в условиях интенсивной информатизации и дифференциации общества приводило к сбою управляемости политическими процессами, сильно снижало реакцию власти на внутренние и внешние вызовы.

В этой связи показательно, что на последнем этапе во власти появились адекватные люди, которые пытались решить эту проблему, но ресурс времени был уже к этому моменту исчерпан. Однако ни республиканская власть, ни тот же Р. Сарбаев не решились бросить вызов номенклатурной геронтократии. Это была еще одна институциональная ловушка – сам принцип образования элиты не позволял вносить системные изменения в механизм власти. Кадровая политика работала по принципу наихудшего отбора (речь идет об элите в целом, а не отдельных ее представителей). Она формировалась по клановому, этническому, и другим признакам, в ущерб профессиональному.

В итоге у этих людей элементарно отсутствовал «инстинкт самосохранения», они, по сути, ничего не делали, для того, чтобы сохранить свою власть.

«Старая» система власти при всех своих положительных и негативных качествах под конец исчерпала свои возможности, перестала развиваться и законсервировалась. По ряду причин, в том числе и политического характера, начиная с 2000 г. стало заметным отставание с другими регионами (например, Татарстаном, хотя обе республики обладали равными стартовыми возможностями). Экономика Башкирии, тесно связанная с региональной политсистемой, испытывала ее прямое влияние.

Экономический этатизм был порожден самим характером власти, поскольку приход новых экономических игроков в регион мог подорвать монополию режима (уже президентские выборы 2003 г. наглядно продемонстрировали эту опасность). Постепенное развитие экономики региона шло, но в рамках так называемой «консервативной модернизации»¹. Авторитарный режим М. Шаймиева также шел по пути укрепления роли государства в сфере экономики (так, являясь еще главой правительства, Р. Минниханов был поставлен президентом руководить «Татнефтью», а после укрепления позиций власти вновь пересел на кресло премьера). Однако в отличие от Башкирии им удалось параллельно запустить ряд крупных инвестиционных проектов, уделить должное внимание для развития среднего и малого бизнеса. Эффективно позиционировать на федеральном уровне. Проведение 1000-летия Казани, Универсиады достаточно наглядно это продемонстрировали. Кроме того, при всей схожести двух регионов, власть в Татарстане, также пораженная клановостью и геронтократией, все же сумела, выступить как сила, которая встала в нужный момент над групповыми и локальными интересами, то есть сумела взять на себя функции медиатора (по терминологии социолога А.С. Ахиезера). Связано это, прежде всего, с историческими и социокультурными особенностями современного положения татарского общества, и как следствие более устойчивого к модернизационным вызовам. В результате власть РТ не только сохранила свою преемственность, но и без больших потрясений запустила очередную волну консервативной модернизации.

В целом, анализируя причины сложившегося кризиса, можно выделить главную, центральную проблему. Сложность ситуации была в том, что для того чтобы модернизировать аппарат «государства», нужны были внесистемные группы. Власть, сама по себе, модернизироваться не могла, для этого требовались люди именно с «внесистемным» мышлением. Но к

---

¹ Вишневский А.Г. «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР». М.: ОГИ, 1998. С.34.

таким группам «технократическая» элита относилась с недоверием, до последнего считая, что все «под контролем».

В итоге апофеозом данных противоречий стали самоубийственные действия правящей элиты РБ, со скандальными угрозами в адрес Кремля на Третьем Курултае башкир летом 2010 года. Другими словами: в результате сложившихся механизмов рекрутации в правящую республиканскую элиту, с опорой лишь на этнический и аграрный кадровый резерв, в системе власти не оказалось людей, способных модернизировать региональную политсистему. А от тех, кто мог сделать эту работу (например, людей из команды Р. Хабирова) стараниями определенных сил республиканская власть сама со скандалом избавилась, искусственно создав тем самым активную и мощную контрэлиту.

Был и другой фактор обусловивший кризис. Дело в том, что правящая элита РБ явно не поняла кардинального изменения внутривнутриполитического курса в стране с приходом В. Путина. К началу 2000-х годов РФ приставляла собой пестрый конгломерат региональных политических режимов, в каждом из которых существовал собственный субцентр, и опасность дальнейшей децентрализации постепенно становилась реальной угрозой. Поэтому Кремлем был взят курс на постепенное укрепление вертикали центральной власти. К 2010 г. данная политика была фактически уже полностью реализована и поэтому демарш башкирской власти на Курултае летом 2010 г. стал фундаментальной ошибкой. Другими словами, это был типичный когнитивный кризис неадекватной элиты, чьи представления и знания о реальности не соответствовали действительности.

Таким образом, рассмотрев два случая кризиса и демонтажа системы региональной власти можно выделить ряд общих признаков обусловивших их резкий слом. Главные причины, на наш взгляд, носят сугубо институциональный (системный) характер, которые, возможно, проявляются как рецидив. Во всяком случае, сравнительный анализ с Республикой Татарстан показывает, что в отличие от соседей, где политическая

преемственность была сохранена М. Шаймиевым и в 1991 г., а затем и в ходе органичной передачи власти Р. Минниханову, в Башкортостане смена власти сопровождалась достаточно ощутимой сменой элит. И в 1991 г., и в 2010 г. региональная власть сменилась в результате системного кризиса, то есть оказалась в ситуации, когда система потеряла внутренние потенции развития, адаптации, выбора решений и способности к адекватной реакции на окружающие явления. В то же же время когнитивный кризис был порожден не только социокультурными особенностями правящей элиты, но и отсутствием отлаженной системы мониторинга и политического прогнозирования. В обоих случаях власть столкнулась с проблемой интеграции новых акторов в действующую политсистему, что автоматически создавало условия для формирования мощной контрэлиты.

Оба режима на финальной стадии переставали отвечать на возникающие вызовы, поскольку не был создан действенный механизм урегулирования политических кризисов, то есть процесса, который «направлен на перевод деструктивных изменений в конструктивные». По мнению ряда исследователей, «сочетание конфликтов элит и низовых протестов само по себе редко ведет к крушению авторитаризма. Для этого необходим дополнительный внешний шок, который переводит существующие противоречия из стадии скрытой «борьбы бульдогов под ковром» в открытую фазу»¹.

Также в обоих случаях кризис системы был связан с кризисом идеологии. Причины, сопутствовавшие этому, также совпадают – раскол среди региональной интеллигенции и создание параллельного идеологического конструкта. В первом случае – «идеологии суверенитета», во втором – как курс на усиление общегражданской идентичности и борьбы с сепаратизмом. Роль гуманитарной интеллигенции, то есть силы создающей политические мифы и обслуживающей местную власть была одной из

---

¹ Рогозян О.В. Политический кризис: анализ и технологии урегулирования (на примере Краснодарского края) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2006. С. 10.

ключевых. Возможно также, что крах режима М. Рахимова в первую очередь был связан неспособностью «суверенитетской» интеллигенции модернизировать действующую идеологию.

И в условиях начала регионализации власти, и к моменту назначения Р. Хамитова, против действующей власти сложился «исторический блок» из разнородных политических сил. В первом случае это – национальные движения, демократические партии и организации, религиозные организации, номенклатурная и хозяйственная элита. Во втором случае – оппозиционные организации и группировки (ТОЦ, Р. Бигнов, ОО «Русь», РО «Яблоко», местное отделение КПРФ и др.); антирахимовская региональная элита, республиканские отделения федеральных (главным образом силовых) служб.

Важным фактором явилась и проблема качества элиты. Неспособность правящей элиты договариваться, определять общие (негласные) правила игры вела к тому, что в обоих случаях действовал принцип «победитель получает все», а оппозиционная часть элиты жестко удалялась с политического пространства, что, разумеется, со временем оборачивалось резкой активностью и увеличением количества антисистемных сил.

Также отсутствие сильной башкирской элиты было порождено, прежде всего, историческими особенностями развития башкирской нации. С советского периода до конца «эпохи Рахимова», в башкирском обществе не возникло носителей «срединой» культуры, а была и есть своеобразная интеллигенция характерная для аграрных обществ, которая руководствуется в жизни не интересами, а главным образом, ценностями.

Наконец, сильное влияние социокультурного фактора на политические и социально-экономические процессы в республике. Опора на аграрный традиционализм, а также выстраивание и формирование социальных институтов под давлением его парадигмы, постепенно привело к торжеству архаики и как результат – накоплению кризисных явлений в различных сферах региональной жизни.

В целом можно заметить, что маятниковый характер в политическом процессе стал фактически системообразующим. Начиная с конца 80-х годов XX века, изменения в Башкирии связанные как с модернизацией, так и передачей власти, носят ярко выраженный «революционный характер», нет срединного, эволюционного вектора пути развития. По всей видимости, это вызвано тем, что еще в советский период постепенно набравший силу регионализм получил больше этнические формы (в процессе коренизации местного партаппарата), однако само башкирское общество не только не было этническим большинством в БАССР (не более трети в структуре населения), но и было аграрным по своему типу. Соответственно, в условиях бифуркационных развилок тонкий модернистский элемент зачастую терпел поражение, а социальная архаика прорывалась на поверхность общественной жизни.

Социокультурный портрет экс-президента Башкирии М. Рахимова

М. Рахимов человек из поколения трудного послевоенного времени. Выросший в деревне, в семье председателя колхоза, будущий президент РБ, вместе с традиционными ценностями получил выработанный веками опыт крестьянского типа хозяйствования и мышления. Поднявшись за счет мобильного социального лифта советской системы из самых недр башкирского общества, М. Рахимов прошел нелегкий путь от оператора до директора на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе. Еще в советское время он проявил себя как талантливый организатор, хорошо разбирающийся в хозяйственных вопросах, и как хороший рационализатор. Характерной чертой этого периода его биографии является тот факт, что он, руководя огромным заводом, уже тогда попытался (скорее бессознательно) построить на своем предприятии самодостаточное хозяйство крестьянского типа, то есть то, что он проделал впоследствии уже на уровне республики.

Это проявилось в том, что в условиях советского дефицита, Рахимов на заводе построил несколько ферм для нужд заводской столовой, заключал прямые договора с колхозами и т.д. Иными словами постарался создать производство замкнутого цикла, то есть крестьянское хозяйство. Сама советская хозяйственная машина была вся пронизана крестьянским типом мироустройства. Другими словами он перенес опыт крестьянской общины на техническое производство, что дало хороший эффект. Это вызвало поддержку не только трудового коллектива, но и нашло понимание в партийном руководстве республики, тем более, что М. Рахимов был башкиром по национальности, а это соответствовало негласной партийной установке «выращивания» национальных кадров. По этой причине он стал и депутатом Верховного Совета СССР от республики, что стало его отличать от других представителей директорского корпуса.

Рахимов вырос и сделал свою карьеру в условиях советской действительности и что характерно в промышленном производстве. Отсюда технократический тип мышления. В то же время, являясь выходцем из обособленного деревенского мира, в нем всегда была развита природная, крестьянская интуиция. Получив заочно высшее техническое образование, он не стал тем, что у нас принято называть «технической интеллигенцией». Его трудно отнести и к уникальному типу советского инженера. Представитель директората в условиях советской действительности, Рахимов, достиг потолка в своей карьере. Однако начавшаяся перестройка позволила ему, возглавив движение за суверенитет, взойти на политический олимп вопреки традициям советской партийной номенклатуры. Он, в отличии скажем от Шаймиева (первого секретаря обкома ТАССР), не имел опыта аппаратной борьбы. Весь его политический опыт был получен путем проб и ошибок, с помощью здравого смысла и крестьянской интуиции. В этом смысле он схож с бывшим главой правительства РФ В. Черномырдиным. Крушение СССР дало людям этого типа резко повысить свое статусно-ролевое положение. В советский период «хозяйственников»

незримо держал под контролем партаппарат. Им был очерчен жесткий иерархический предел, за который их старались не пускать. И это было вполне обосновано, поскольку управление обществом требовало более глубоких знаний, чем техническое управление производством. В каком-то смысле «директорат» был псевдословием, со своей субкультурой и ценностными установками. В силу своей специфики, эти люди, так называемые «крепкие хозяйственники» были безыдейными, точнее не были носителями советской идеологии и вообще какой-либо идеологии. Даже сегодня М. Рахимов вряд ли смог бы внятно сформулировать свое политическое кредо. Метафорично его взгляды можно назвать «идеологией здравого смысла», но не более.

Перестройка дала возможность людям «второго эшелона» достичь небывалых политических высот – о чем они втайне мечтали в советский период. Еще в условиях СССР они считали себя обойденными, тихо роптали за спиной партийной элиты. Именно в этой среде с началом либерализации советского общества родились идеи, вначале хозрасчета, а затем и регионализации монолитной советской экономики.

Идея децентрализованной экономики – одна из антисоветских мифов времен перестройки, которая до сих пор варьируется на разные лады у представителей региональных элит. Она стала тезисом региональной идеологии и стереотипом массового сознания. Озвучивая ее с начала 90-х годов, Рахимов, тем не менее, логически ей противоречил, поскольку созданная им республиканская система: в политическом плане была жестко авторитарна, в экономическом – тяготела к предельной плановости и централизации. Экономика Башкортостана в 1990-2010 гг. не просто своеобразный госкапитализм, а вывернутая наизнанку советская форма хозяйствования с чертами натурального хозяйства.

Придя из среды хозяйственной номенклатуры в большую политику, М. Рахимов, перенес опыт производственного управления в эту сферу. Отсюда его скрытое презрение к интеллигенции как людям, которые

«ничего не производят», распространенное среди технарей. Попытки чисто технически решить проблемы сложного характера. Рахимов все эти годы руководил республикой как огромным заводом, он методично и скрупулезно выстраивал жесткую систему управления, руководствуясь лишь принципом эффективности. Он был и остался директором, а не политиком. К примеру, в период, когда в эйфории разрушения Б. Ельцин ломал советскую систему жизнеобеспечения, Рахимов волевым решением остановил действие закона РФ о ликвидации колхозной системы в республике. В результате действия реформ младореформаторов были значительно смягчены для сельских жителей Башкирии, хотя расцвета в деревне как утверждали официальные СМИ, там, естественно, не произошло.

Одной из характерных черт авторитарной власти является механизм рекрутации основанный на принципе личной преданности. Но поскольку Рахимов был башкиром по национальности и выходцем из Кугарчинского района РБ – ключевые посты были заняты людьми соответствующие этим двум признакам. Более того, авторитаризм М.Г. Рахимова был не восточного характера. В нем очень мало от восточной деспотии среднеазиатских республик. Скорее это авторитаризм советского образца. Режим Рахимова ближе к белорусскому режиму Лукашенко и авторитаризму Путина, чем правлениям среднеазиатских и кавказских республик.

Другая черта постсоветского авторитаризма – установка на несменяемость лидера и недвусмысленные попытки предать власть «по наследству» (Ельцин – Путин). Причем в ряде бывших республик СССР это было осуществлено буквально. Характерна, к примеру, сама постановка вопроса о возможности Рахимова передать власть своему сыну. Если взглянуть на ситуацию шире: вопрос вокруг приемника – это проблема всех постсоветских авторитарных режимов. Создавая свою жесткую вертикаль, правитель зачастую сам оказывается заложником выстроенной им же системы. Поскольку только власть дает гарантию сохранения приватизированных активов и личной безопасности.

В культурологическом плане данные режимы, по сравнению с советской властью, во многом архаичны. Налицо признаки регресса и возврата к досоветским формам властвования. Общество сделало огромный шаг назад, политическая культура населения бывшего СССР заметно деградировала. Произошла архаизация и самих правителей регионов. Ряд режимов среднеазиатских республик откатились к временам средневековых восточных деспотий. К концу правления у самого Рахимова проявились байские черты, которые не наблюдались в начале карьеры.

Постсоветский авторитаризм не появился на пустом месте, он потенциально содержался в природе советской власти. Еще первый секретарь башкирского обкома М. Шакиров управлял в республике авторитарными методами. Методами мягкого подавления и жесткого централизма. Однако в советский период над такими людьми стоял аппарат партии. Когда же из машины советского государства был вынут стержень идеологии вместе с их носителями – власть локализовалась на региональном уровне и стала предельно авторитарной, поскольку никаких гражданских институтов сдерживания не было и, по сути, нет до сих пор.

Возвращаясь к фигуре Рахимова, нужно сказать, что он не только типичный советский руководитель, но и представитель башкирского традиционного общества. В нем отразился характер башкирского народа, особенности его менталитета. Это хорошо видно на фоне экс-президента Татарстана М. Шаймиева, на личности которого отразились, в свою очередь, ментальные особенности татарского этноса.

Давление архаики привело к тому, что постепенно решающую роль в принятии решений стало играть ближайшее окружение М. Рахимова, состоящее из различного рода советников, родственников и даже членов семьи¹. По этой же причине много оказалось во власти случайных людей,

---

¹ Вот как иронично описывает ситуацию с выбором преемника бывший пресс-секретарь М. Рахимова: «Таким человеком на семейном совете определили Раиля С., который на момент проведения заседания этого верховного органа власти в республике был всего лишь главой небольшого города С. Насчет верховного органа, кстати, не шучу. После примирения с сыном в 2006 году дед действительно многие самые ответственные решения принимал коллегиально, с участием сына, жены и — не смейтесь,

неотягощенных моральными нормами, и людей профессионально некомпетентных, чей уровень соответствовал районному масштабу. Это отразилось на качестве региональной властной элиты в целом, породило явно выраженный кадровый дефицит.

3.4. Архаизация сельских субрегионов (на примере Башкирского Зауралья)

Одной из актуальных проблем, серьезно усложняющих динамичное развитие региона, является тяжелая социально-экономическая ситуация, в которой оказалось сегодня Зауралье и северо-восточные районы Республики Башкортостан. Причины, которые привели к такому положению дел, имеют давнюю историю, обусловлены целым рядом как внешних, так и внутренних (социокультурных) факторов. Ситуация усугубляется и тем, что Зауралье является территорией в основном компактного проживания коренного населения республики, и поэтому проблемы, связанные с его развитием, часто политизируются определенными силами, становятся темой постоянных спекуляций, сильно мифологизированы. К примеру, вопросы экономического отставания Башкирского Зауралья еще в период перестройки были активно использованы сторонниками «движения за суверенитет» в БАССР, стали важной частью региональной идеологии, созданной постсоветской региональной элитой в 1990-2010 гг.

Дело в том, что советская плановая экономика при размещении производственных сил в стране руководствовалась главным образом общегосударственными целями, и регионы, встроенные в эту систему зачастую не рассматривались как обособленные социально-экономические акторы. И с началом политических реформ советского руководства во главе

пожалуйста! – тещи, которая в свои лет 90-100 была в абсолютно здоровом уме, жила одна в маленькой квартирке обычной пятиэтажки и реально влияла на республиканскую политику! Я бы не утверждал этого, если бы сам не выполнял прилетевшие через нее поручения». См. подробнее: Мурзагулов Р. Бабай всея Руси, или Особенности уездной демократии. 2016. С. 86.

с М. Горбачевым, запустившим в итоге процессы активной децентрализации, определенные силы в БАССР выступили с резкой критикой сложившейся модели экономического развития. Набиравший силу регионализм, а тем более окрашенный в этнические тона, нуждался в политической легитимации, и она была найдена и сформулирована в лозунгах «самостоятельности от центра», движения в сторону «реального федерализма», освобождении от «диктата союзных министерств и ведомств».

В частности, один из активных общественных деятелей того времени А. Аринин (в последующем создатель национальной организации «Русь»), являясь инструктором отдела пропаганды и агитации Башкирского обкома, с группой местных ученых, во многих своих статьях утверждал, что в результате перекосов советской социально-экономической политики «северо-западные», «центральные и южные» административно-территориальные районы БАССР оказались в промышленном плане более развитыми (сконцентрировав у себя до 90% производственных сил), а в «аграрных» северо-восточных и юго-восточных районах, где проживает большинство башкирского населения республики, промышленный потенциал едва достигает до 6,5%¹. Во многом это действительно было так, но до 1985 г. не имело того политического смысла, который в него стали вкладывать позднее.

Между тем, несмотря на парадные реляции об успехах башкирской экономики после принятия «Декларации о суверенитете», проблема социально-экономического отставания Зауралья в течение 20 лет не только не была решена должным образом, а, наоборот, разрыв этот резко увеличился. Постепенно районы, входящие в Зауралье стали в 1990–2010 гг. территориями, где фактически правили отдельные кланы; набирали обороты процессы экономической и социальной стагнации, маргинализации значительной части населения. И более глубокий анализ причин, которые

---

¹ Страницы истории Башкирской республики: новые факты, взгляды, оценки. Сб. статей. Уфа, 1991. С. 111.

привели к такому состоянию дел, показывает, что это стало следствием, прежде всего, роста влияния архаики на хозяйственные и социальные практики, ее бесконтрольного доминирования. К примеру, одна из ее ярких проявлений – клановость всегда враждебна и противоположна профессионализму, является красноречивым признаком начала системной архаизации. Она эмоциональна, а не рассудочна, в ней правит миф, а не логос. Соответственно, по мере разрастания, эта сила развязала масштабные межклановые войны на локальном уровне, поскольку архаика априори не мыслит в рамках диалогового мышления, стремится подавить любую рациональную критику и царствовать безраздельно, что зачастую и становится причиной ее сокрушительного краха.

Сегодня уже трудно поверить, что были случаи, когда в ряде районов главами становились люди с уголовным прошлым, открыто связанные с бандитскими группировками, а всю районную административную вертикаль составляли выходцы из двух-трех фамилий. Для примера, борьба с клановостью была одной из постоянных и приоритетных направлений в советский период, что в принципе создавало эффективные барьеры против излишнего давления архаики, ее контрмодернизационной логики.

Показательно, что освободившись от контроля со стороны государства, она сразу же дала о себе знать в виде угодливого чиновничества, показухи, приписок, дореволюционного байства, то есть того, что фактически было полностью изжито в рамках советского проекта. Очень часто при посещениях экс-президентом М. Рахимовым Зауралья главы устраивали торжественно-показательные встречи с участием сотрудников бюджетных учреждений, детей и пенсионеров, рапортуя о достижениях, которые были лишь на бумаге. При этом трудно отрицать, что республиканскими властями действительно была осуществлена почти полная газификация сел и деревень РБ, строились школы и другие социальные объекты. Однако данные действия носили больше адресный, партикулярный характер, были несопоставимы с набравшими силу деструктивными процессами,

поскольку в вопросах развития и поддержки «башкирских» районов очень часто доминировала логика не рационального, а, в первую очередь, мифологического мышления. При этом носители первого относились к модернистской прослойке башкирского общества, а второго – к узкоэтнической. Носители рациональности мыслили в рамках и интересах больших систем, связывали себя с социетальной, а не локальной общностью, в то время как социальная архаика практически не знала таких категорий как «планирование», «прогноз», «моделирование будущего» и т.д. Все-таки разобрать, а затем продать производственную базу, вывезти лес или отмыть деньги намного проще, чем построить, создать, сохранить.

Сегодня достаточно выехать из пограничных районов Зауралья в Оренбургскую область, чтобы убедиться в наглядной разнице когда-то равных по стартовым возможностям сопредельных территорий, также занятых сельским хозяйством. Что является поводом для постоянных рефлексий у представителей местной интеллигенции, поскольку у соседей зачастую поля засеяны, урожайность на порядок выше, они обладают богатым технопарком. Во время уборки туда выезжают на заработки местные комбайнеры из Башкирии. Сохраненная и эффективно действующая хозяйственная система говорит сама за себя.

Дело, по всей видимости, в том, что в момент бифуркации башкирской правящей элитой во главе с М. Рахимовым изначально была выбрана ошибочная модель аграрной политики. В отличие от Оренбургского края, где в начале 90-х годов власти демонтировали колхозную систему, а технику и землю отдали местным фермерам, правительством Башкирии было принято решение ее законсервировать, что соответствовало в тот момент и общим (эмоциональным) настроениям, и менталитету населения. В итоге сильного шока и тотального слома действительно удалось избежать, но при этом автоматически возникли все условия для медленной деградации; и постепенно территория, производственные помещения, а главное техника

пришли в запустение, стали характерным социальным пейзажем упадка и разорения.

Показательно, что в начале 90-х годов в руководстве Башкирии имелись альтернативные точки зрения на эту проблему, по данным вопросам шли острые дискуссии. К примеру, по словам очевидцев, с идеей, близкой к оренбургской модели развития, выступал в свое время председатель Совмина БАССР М.П. Миргазямов. Однако в тот момент развернулась острая борьба между ним и председателем Верховного Совета М. Рахимовым, в ходе которой глава правительства был в итоге отправлен в отставку.

В этих вопросах сегодня необходимо объективно разобраться не по конъюнктурным или иным соображениям, а для того, что бы понять: на каком этапе властью были допущены системные просчеты, после чего функционирование почти трети территории региона приобрело устойчиво-депрессивный характер. Что привело к тому, что Башкирское Зауралье и северо-восточные районы стали «черными дырами» в экономике РБ? Ведь именно башкирская политическая элита во главе с М. Рахимовым, в которой были и выходцы из зауральских районов, в течение 20 лет фактически определяла экономическую и политическую жизнь республики.

В любом случае сложно отрицать, что в рамках авторитарного режима модернистский элемент в структуре Зауралья был, так или иначе, отодвинут на второй план, потерпел поражение, соответственно влияние архаики в короткие сроки максимально расширилось, и стало играть ведущую роль в хозяйственной и социальной деятельности субрегиона.

После 2000-х гг. депрессивность данных территорий стала слишком очевидным фактом, скрывать который было уже невозможно, и постепенно региональные экономисты начали об этом писать открыто. Так официальная мифология республиканской власти стала расходиться с реальностью. К примеру, исследования, проведенные в 2008 г. Институтом социально-экономических исследований УНЦ РАН под руководством академика

М.Н. Исянбаева, показали, что преобладающее большинство муниципальных образований с преимущественно башкирским населением относится к отсталым или депрессивным в своем развитии территориям. Это отнесенные к категории депрессивных – Баймак и Баймакский район, г. Белорецк и Белорецкий район, г. Сибай, Балтачевский, Бураевский, Кугарчинский, Хайбуллинский районы; отстающие, с критической социально-экономической ситуацией – Абзелиловский, Аскинский, Бурзянский, Зианчуринский, Зилаирский, Мечетлинский, Салаватский, Татышлинский районы¹.

Говоря о Зауралье, региональные ученые отмечали: «Подавляющая часть сельских территорий региона превратилась в периферийную депрессивную территориальную хозяйственную систему со слаборазвитой инфраструктурной составляющей и низким уровнем жизни населения»².

Аналогичная ситуация наблюдалась и на северо-востоке Башкортостана, где также на сегодняшний день присутствует весь набор «социальных болезней». К примеру, «Северо-восточные районы, как по уровню развития промышленности, так и в целом по уровню социально-экономического развития являются самыми отстающими среди муниципальных районов Башкортостана. В них сосредоточено лишь 0,4% промышленно-производственных основных фондов и вырабатывается 0,5% валовой продукции всей промышленности республики. Концентрация промышленно-производственных основных фондов в расчете на 1 тыс. кв. км площади в северо-восточных районах в 30 раз ниже, чем в среднем по республике»³.

Кроме того, уже сложилась устойчивая практика, когда существующие в данном субрегионе ресурсы (лес, зерно, мясо, кожа, шерсть и др.) вывозятся в другие регионы республики или в соседние Свердловскую,

---

¹ Депрессивные территории: теория и практика стабилизации и развития. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2008.

² Айдарбаков Ф., Барлыбаев А. Социально-экономические и организационно-управленческие аспекты модернизации АПК Башкирского Зауралья // Ватандаш, 2011. №3.

³ Среднесрочная комплексная программа социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2011-2015 годы.

Челябинскую и другие области. А крайне слабое развитие и узкая отраслевая структура промышленности северо-восточных районов создают недостаток рабочих мест, способствуют низкому уровню занятости трудоспособного населения, особенно женской рабочей силы, и как результат – интенсивному оттоку жителей в другие регионы¹.

Отток населения из северо-восточных районов Башкортостана особенно усилился в последнее время. Чрезмерная интенсивность выбытия молодежи приводит к ухудшению демографической структуры населения. По сравнению с другими районами Башкортостана здесь высок удельный вес пенсионеров. Сегодня северо-восточные районы Башкортостана – это территории наиболее острых и требующих неотложного решения экономических, социальных и демографических проблем².

В целом демографическая ситуация в РБ в последние годы складывалась в общем контексте изменений по Российской Федерации. Однако если по стране сокращение численности наблюдается с 1993 г., то в РБ – только с 2000 г. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РБ, численность постоянного населения республики на 1 января 2016 года составила 4071064 человека. В целом численность населения РБ за 2000-2015 г. уменьшилась примерно на 1%.

Показательно, что также произошло снижение численности некоторых муниципальных образований Башкирского Зауралья, однако динамика не везде одинаковая, носящая лишь негативный характер. Так, наиболее выраженное снижение отмечено в Зилаирском районе (на 18%). В Учалинском, Баймакском и Хайбуллинском районах уменьшение численности населения составило 5, 4 и 3%, соответственно. В то же время за данный период на 10% увеличилось население Абзелиловского района³.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Семенова И.Н., Рафикова Ю.С., Суюндуков Я.Т., Биктимерова Г.Я. Социально-гигиенические проблемы Башкирского Зауралья (по результатам социологического опроса) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). [Электронный ресурс].

Естественный прирост населения за 2015 год в среднем по РБ составил 1,2 в расчете на 1000 человек населения и был зарегистрирован в 23 муниципальных образованиях, в том числе в Бурзянском (9,0), Абзелиловском (5,7), Хайбуллинском (3,2), Баймакском (2,2), Учалинском (1,8) районах. Таким образом, динамика демографических показателей Башкирского Зауралья является положительной.

Вместе с тем, ухудшились показатели качества жизни, что также может быть показателем определенной архаизации.

К примеру, показатель первичной наркологической заболеваемости в 2015 году в РБ возрос по сравнению с 2014 годом на 0,7% и составил 84 на 100 тыс. населения. Из исследованных районов наиболее высокими показателями характеризовался Абзелиловский район (184), наиболее низкими – Баймакский (43) и Хайбуллинский (74) районы. При этом в 2015 г. первичная наркологическая заболеваемость в Абзелиловском районе возросла по сравнению с предыдущим годом в 5,1 раза.

Высокий уровень заболеваемости психическими расстройствами в 2015 году был зарегистрирован в Зилаирском районе (283 в РБ – 234 на 100 000 населения)¹.

Если смотреть на данную проблему в Зауралье в контексте обеспеченности населения врачами-специалистами, укомплектованности учреждений здравоохранения кадрами, то ситуация также довольно неоднозначная.

Так, во всех медицинских организациях РБ, расположенных в сельской местности, на конец 2015 года работали 2863 врача, что составляет 20% от всех врачебных кадров, и 11575 средних медработников (28% от всего среднего медперсонала). Обеспеченность населения врачами в разрезе изученных районов варьировала от 17 до 23,7, что было существенно ниже среднереспубликанского показателя, равного 34,4 на 10 000 населения.

Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. (DVD ROM). С. 5307.

¹ Там же. С. 5308.

При этом по сравнению с 2000 г. обеспеченность врачами населения Башкирского Зауралья возросла: в Абзелиловском и Зилаирском районах в 1,3 раза, в Баймакском и в Бурзянском – в 1,1 раза. Повышение данного показателя может быть связано, прежде всего, с уменьшением численности населения указанных районов, обусловленного миграцией в другие регионы¹.

Обеспеченность населения койками круглосуточного пребывания в 2015 году составила 74,6 (в 2014 году – 76,4 на 10 000 населения). При этом по сравнению с 2000 г. обеспеченность койками существенно сократилась: в 3,8 раза в Зилаирском, в 3,0 в Хайбуллинском, в 2,9 раза в Бурзянском, в 2,3 раза в Баймакском и в 2,0 раза в Абзелиловском районах.

В целом, как считают местные специалисты-демографы: «Несмотря на позитивные изменения основных демографических показателей воспроизводства, в изучаемых районах отмечены несформированные навыки здорового образа жизни, низкая мотивация к самосохранительному поведению, что наряду с труднодоступностью медицинской помощи, отсутствием у населения «культуры здоровья» многократно увеличивает риски заболеваемости и смертности»².

В какой-то степени именно по причине того, что Зауралье и северо-восточные районы РБ являются сегодня устойчивыми депрессивными зонами – бедность в Башкортостане постепенно начинает приобретать сугубо «этнический» характер. Как пишет социолог А. Каримов: «Проживание на отсталых в социально-экономическом отношении территориях и занятие «неблагодарным» сельским хозяйством объективно обуславливает и относительно низкий уровень жизни башкирского населения. Так, по данным переписи 2002 года, доля башкир, имеющих доходы ниже прожиточного минимума (уровень абсолютной бедности), была выше, чем в среднем по республике». По его мнению, в настоящий момент «анализируя этносоциальную структуру городского населения,

---

¹ Там же. С. 5309.

² Там же. С. 5311.

можно утверждать, что башкиры среди трех основных этносов, проживающих в Республике Башкортостан, занимают наихудшее положение»¹.

Таким образом, на сегодняшний день нахождение Башкирского Зауралья и северо-востока республики в депрессивном состоянии, а также преимущественно «аграрной» (традиционной) тип хозяйствования являются одними из главных факторов постепенной маргинализации основной части башкирского населения, а само решение вопроса давно уже вышло за рамки чисто экономической проблемы.

Итак, постараемся объективно, без идеологической ангажированности, разобраться, что привело к такому, в каком-то смысле, тяжёлому положению дел. Не секрет, что все эти годы республиканская власть во главе с президентом М. Рахимовым стремилась оказывать поддержку «башкирским» районам, ею делались серьезные попытки преодолеть сложившуюся там социально-экономическую отсталость. Почему занимая почти треть территории Башкирии (7 муниципальных районов и г. Сибай) этот субрегион сегодня производит всего около 6% валового муниципального продукта республики? Дает в бюджет региона всего 5% доходов?

Если постараться выделить главные причины, обусловившие тотальную архаизацию этих субрегионов, то можно указать на следующие ключевые моменты.

Основная причина, естественно, состоит в том, что при распаде крупных социальных систем (в данном случае народнохозяйственный комплекс СССР) эти процессы приняли обвальный, лавинообразный характер, который можно было замедлить или смягчить, но нельзя было остановить или исправить коренным образом. В этой связи трудно отрицать определенные недоработки советского проекта. В свое время «сельская»

---

¹ Каримов А. Г. Современные социально-экономические аспекты уровня жизни народов Башкортостана // Ватандаш, 2011. №1.

часть территории РБ действительно испытала на себе все издержки мощной аграрной политики СССР, включая и целинную эпопею. Однако когда система демонтировалась, выяснилось, что, даже обретя политическую и экономическую самостоятельность, республика не только не в силах выправить сложившуюся диспропорцию территорий, но и хотя бы удержать сползание сельских районов в разряд депрессивных.

Встроенные в единую и монолитную социально-экономическую систему СССР аграрные районы, в отличие от промышленных центров республики, могли нормально существовать лишь включенные в общесоюзные экономические процессы, соответственно с распадом государства они стали не просто бедными, но и начали стремительно архаизироваться. Причем не только те, кто конкретно был занят в сельскохозяйственном секторе, а, фактически рухнула вся социальная структура этих районов, включая такие группы населения, как сельская интеллигенция, работники бюджетных организаций, культуры и др.

По этой причине даже в бытовом, «внешнем» плане то, что считается в депрессивных районах признаком большого достатка, давно уже стало нормой в «промышленных» районах республики. Другими словами, в маргинальную нишу провалились все страты, включая и местных «власть имущих». Это, в общем-то, классическая картина развития капиталистической системы «центр-периферия» в рамках субрегиональной экономики. Когда определенная часть территорий стала авангардом постсоветской модернизации, другая («аграрная») часть «вывалилась» в архаику.

Поскольку субрегиональный административно-территориальный уровень является лишь слепком «большого» общества, то соответственно он находится под воздействием тех же социальных законов. И резкий слом хозяйственно-экономической структуры (в данном случае системы аграрного производства) автоматически привел к структурной деградации всей организации субрегиональной общности.

Таким образом, несмотря на относительную экономическую свободу, полученную в ходе суверенизации, реализовать такие крупные социально-экономические проекты как выравнивание диспропорций в развитии субрегионов или их экономической диверсификации, республика в условиях системного кризиса просто не могла. Однако эту мысль долго никто не мог четко сформулировать и озвучить.

Была в медленном угасании сельских территорий и другая причина. Дело в том, что выбранная М. Рахимовым модель социально-экономического развития региона, в нашем случае его «аграрная политика» была крайне противоречивой, в особенности в части стратегической разработанности.

Исходя из нее, в течение всего срока своего существования «режим М. Рахимова» пытался типично этатистскими методами, характерными для советского государства, решить проблемы в экономической, политической, культурной и национальной сферах. К примеру, в том же сельском хозяйстве это проявилось в многолетней консервации колхозной системы, в создании МТС, в жестких ценах на зерно и попытках восстановить систему госпоставок и т.д. Безусловно, на начальном этапе данная политика не только смягчила результаты федеральных реформ на селе, но и нашла понимание у сельского населения республики, включая и поддержку М. Рахимову со стороны мощной аграрной субрегиональной элиты (преимущественно башкирской). Однако все эти меры дали лишь временный эффект, не решили проблемы сельского хозяйства коренным образом. С годами эта система все больше архаизировалась, требовала пересмотра самой парадигмы экономического развития.

Это не означает, что политика местных властей в этой сфере, то есть в 1990-2010 г. была в корне неверной, ошибочной. Проблема в том, что «антикризисный режим» М. Рахимова, возникший под влиянием различных вызовов 90-х годов, при всех своих положительных установках, оказался неготовым перейти на новый уровень модернизации.

Анализируя ситуацию в аграрном секторе Башкортостана, к схожим выводам приходят и другие исследователи. В частности экономисты Ф. Айдарбаков, А. Барлыбаев отмечают: «Основная причина такого разрушительного, а не созидательного, исхода трансформационных процессов в АПК региона и социально-экономической жизни села за постсоветский период заключается, на наш взгляд, в том, что на всех уровнях власти отсутствовал научно-обоснованный подход к управлению этими процессами»¹.

По их мнению, «сама система управления не сумела перестроиться и создать на селе адекватные меняющейся действительности социальные институты и экономические механизмы, делая упор на сохранение сильной административной власти над АПК и сельскими территориями». В итоге именно «республиканские и местные власти превратились в главный тормозящий фактор позитивных изменений на селе. Ибо такой подход порождал излишнюю бюрократизацию всех сторон социально-экономической жизни села, повсеместно усилил чиновничий беспредел и излишнее административное вмешательство в деятельность хозяйствующих на селе субъектов, что в конечном итоге обернулось массовыми разорениями последних, разрушением материально-технической базы производств, подавлением хозяйственных инициатив руководителей предприятий и сельских жителей»².

Нужно сказать и о следующем негативном моменте. Не секрет, что в 1990-2010 годы значительный размах получила практика приписок, многие достижения и показатели в сфере АПК «рисовались», существовали лишь на бумаге. Что не позволяло знать реального положения дел в сельском хозяйстве РБ, сильно мешало планировать и оценивать ситуацию. Трудно понять, зачем нужно было повторять эти, не самые лучшие, стороны

---

¹ Айдарбаков Ф., Барлыбаев А. Социально-экономические и организационно-управленческие аспекты модернизации АПК Башкирского Зауралья // Ватандаш, 2011. №3.

² Там же.

«советской» системы. В настоящий момент данная тенденция в целом преодолена.

Назначение в 2010 г. Р. Хамитова главой региона стало показателем перехода республики в качественное иное состояние. Несмотря на то, что реформы новой власти имеют как положительные, так и негативные тенденции, сложно отрицать, что в целом происходит достаточно активная модернизация региона, которая строится исходя главным образом из идеологии экономикоцентризма в противовес прежней, патерналистской модели (что также говорит о противоречивости реформ). В рамках ее реализации относительно Зауралья и северо-востока по личной инициативе Р. Хамитова были разработаны две программы: «Среднесрочная комплексная программа социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2011–2015 годы», и «Среднесрочная комплексная программа экономического развития Зауралья на 2011–2015 годы».

Подводя через пять лет ее первые итоги, он заявил: «Сегодня темпы роста среднемесячной заработной платы, налоговых и неналоговых доходов, бюджетной обеспеченности, снижения уровня безработицы превышают среднереспубликанские значения. Можно сказать, что определенное отставание Зауралья в темпах развития постепенно, медленно преодолевается. Прежней резкой дифференциации показателей по сравнению с другими районами республики уже нет». «Создано более 8 тыс. рабочих мест. Объем инвестиций в основной капитал превысил 50 млрд рублей. Бюджетные инвестиции в рамках РАИП достигли 5,5 млрд рублей. Доля Зауралья в республиканской инвестпрограмме за пять лет увеличилась с шести до 10 процентов»¹.

Как отметил глава региона: «Существенная помощь оказана зауральским аграриям, на их поддержку направлено почти 2 млрд рублей. Сельчане стали активнее участвовать в грантовых программах Минсельхоза

---

¹ Стенограмма выступления Рустэма Хамитова 22 августа 2015 г. в г. Сибай // http://glavarb.ru/rus/press_serv/rabochie_poezdki/62170.html.

республики – „Начинающий фермер”, „Семейные животноводческие фермы”, „500 ферм”. Доля субрегиона в общем количестве их участников составила 27%». «В целом, субрегиональный подход оправдал себя. Программа шаг за шагом обеспечивает зримые положительные результаты»¹.

В то же время он был вынужден признать, что «пока не удалось достичь главного – в Зауралье так и не сформировалась „территория опережающего роста”»².

Со своей стороны хотелось бы отметить, что несмотря на определенные положительные сдвиги, ситуация там в целом остается тяжелой. Нужно признать как свершившийся факт, что произошла окончательная деиндустриализация этих территорий (речь идет о сельском хозяйстве). Реальный сектор экономики сжался до минимума, фактически дошел до дна. К примеру, вместо колхозов и совхозов возникли мелкие и средние фермерские хозяйства, но объемы их производства несопоставимы с показателями коллективных хозяйств, работа которых в советское время была поднята до высокотехнологичного, индустриального уровня.

Постепенно общие демодернизационные процессы привели к тому, что началось опасное стягивание «социального» пространства внутри субрегионов, «оголение» территории. Население малых сел и деревень стремится из-за отсутствия нормальных условий работы и жизни переселиться в райцентры или ближайшие моногорода, такие как Сибай, Учалы или вообще из республики. Так, только численность населения «столицы» Башкирского Зауралья г. Сибая выросла за 20 лет с 47 тыс. в 1989 г. до 63 тыс. в 2012 г., а затем снова пошла на убыль.

Сами же райцентры приобретают многие черты крупных городов, включая и сопутствующий этому процессу весь набор социальных болезней. К примеру, растет занятость населения в основном в бюджетной и разросшейся сфере услуг, в то время как реальный сектор экономики имеет

---

¹ Там же.

² Там же.

устойчивую тенденцию к сокращению. Это, в свою очередь, приводит к массовой трудовой миграции, которая во многом приобрела уже системный характер.

Одновременно с деградацией сельского хозяйства окончательно сошла на нет и аграрная элита республики, во всяком случае, ее статусно-ролевое положение на селе резко упало; иерархия традиционного общества оказалась сломанной, фактически исчезла в ходе оттока социально активной молодежи и прослойка сельской интеллигенции, которая с таким трудом была «выращена» за годы советской модернизации.

Конечно, распад аграрной элиты Башкортостана (сопоставимый с распадом кантонной элиты в конце XIX в.) имеет сложную социальную природу. Обусловлен не только развалом советской модели сельского хозяйства, но и противоречиями, связанными с переходом от аграрного общества к городскому, который переживает в настоящий момент современное башкирское общество. В целом есть что-то глубоко символичное в том, что в условиях урбанизационного перехода республику сегодня возглавил «горожанин второго поколения» Р. Хамитов, чей отец в свое время был деканом мехфака Башкирского сельхозинститута – главной кузницы аграрной элиты РБ, которая в 60-80-е годы осуществила полномасштабную экономическую и социокультурную модернизацию Зауралья. Видимо, башкирское общество само, изнутри постепенно изжило аграрный этап в своем развитии, стало качественно иным в социальном плане.

Эти объективные противоречия накладываются и на менталитет коренного населения, который зачастую ждет патерналистского решения накопившихся проблем, имеет слабую мотивацию для частной, индивидуальной самореализации. Так, на процессы масштабной деиндустриализации локальный башкирский мир закономерно ответил возвратом к прежним практикам, связанным с натурализацией хозяйства. На начальном периоде это стабилизировало общую ситуацию, не позволило

кризисным явлениям дойти до катастрофического уровня. В то же время стало ярким показателем тотальной архаизации, поскольку она, как отмечают ученые, является результатом следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей (А. Ахиезер).

В настоящий момент главным образом именно мощное давление архаики блокирует модернизацию Зауралья и не позволяет данным субрегионам выйти на уровень поступательного и динамичного развития. Главная же опасность сложившейся ситуации в том, что находиться в таком положении можно бесконечно долго, не двигаясь вперед, но и не распадаясь окончательно. Косвенно это стимулируется и ментальностью жителей, и региональными властями, которые вынуждены, в том числе и по политическим мотивам, дотировать Зауралье, опасаясь роста социального недовольства в «башкирских» районах. Ситуация тем временем окончательно заходит в трудноразрешимый институциональный тупик.

Пересесть с трактора на лошадь, как это было сто лет назад, на первый взгляд, досрочно просто. Прodelать же обратную операцию, в широком смысле, уже крайне сложно и трудозатратно, поскольку для того, чтобы восстановить модернистскую прослойку на селе в лице высококвалифицированных инженерских и управленческих кадров необходимо заново выстроить технологическую цепочку между «селом и городом», создать условия для возвращения в районы обученной молодежи из институтов и вузов. Пока же Зауралье не является местом, престижным для проживания, что, с одной стороны, приводит к массовому оттоку социально активного населения, с другой, психологически ущемляет тех, кто остался или вернулся туда жить, формирует негативный фон оставленности, социальной заброшенности. Одновременно для многих носителей сельского синкретизма эта форма существования кажется вполне приемлемой,

учитывая, что башкирская деревня переживала и более худшие времена в 90-е годы.

И это притом, что усилиями государства за последние годы все же были созданы определенные условия для возврата молодежи путем выдачи миллионных грантов для сельских учителей и врачей, покупки современного оборудования для районных больниц и т.д. Однако даже эти, в принципе, мощные мотивационные факторы дали в итоге очень слабый результат, не переломили ситуацию коренным образом.

Казалось бы, Башкирское Зауралье обладает огромными залежами железной руды, которую начали активно разрабатывать еще в советское время, создавая при этом соответствующую промышленную инфраструктуру, то есть потенциально существуют точки для дальнейшего роста и развития. Это, такие предприятия как Учалинский ГОК, Бурибаевский ГОК, «Башкирская медь», Башкирский медно-серный комбинат и др. Однако в течение 2000-х гг. они были полностью поглощены промышленным гигантом – Уральской горно-металлургической компанией (УГМК). Что в принципе можно рассматривать как положительное явление, поскольку встроенные в крупные вертикально-интегрированные корпорации они становятся более конкурентоспособными на этом рынке. Кроме того, горнодобывающие кампании достаточно сильно помогают районам в плане наполнения местного бюджета, поддержки социально-культурных программ и мероприятий, во многих случаях являются градообразующими.

Тем не менее, исходя из экономической целесообразности, руководство холдинга рассматривает эти территории главным образом как ресурсно-сырьевую базу, очень слабо создает промышленную инфраструктуру на местах. Фактически такой подход имеет все черты колониальной политики. И в принципе точно также, но только в более широких масштабах действовала и централизованная экономика СССР, оставив после себя Сибайский карьер, который является сегодня одним из самых глубоких в мире.

Ситуация усугубляется и тем, что за последние годы под давлением федерального центра руководство республики было вынуждено провести оптимизацию сети образовательных и медицинских учреждений в Башкирии. В том числе и в Зауралье были закрыты школы, больницы, библиотеки. Конечно, с точки зрения экономики, многие из них действительно были плохо оборудованы; библиотеки плохо посещались, количество школьников падало и т.д. Но ведь помимо прочего они были структурами современности, хоть и небольшими, но все же центрами культуры, призванными не только сдерживать давление архаики, но и связывать локальный мир с «большим», периферию с центром. Поскольку даже самая маленькая – это не просто ряд домов, а определенное социальное пространство со своей иерархией, с административной и культурной частью. И поэтому такое отношение со стороны государства к ней – прямой путь к ликвидации деревни, к окончательной архаизации и демонтажу оставшейся инфраструктуры.

Тяжелое положение сегодня складывается и с районными изданиями Зауралья. Дело в том, что в марте прошлого года Правительство РФ отказалось датировать расходы почты России на распространение печатных изданий. Это автоматически привело к тому, что существенно выросла цена на местные газеты, т.н. «районки». В результате, только в Хайбуллинском районе местная газета «Хайбуллинский вестник» за год потеряла 1 900 подписчиков, фактически половину¹. А ведь газеты в районах Башкирского Зауралья – это зачастую единственный печатный источник местной информации, не говоря уже о том, что это одна из форм общественной, официальной жизни района. Значительный культурный пласт, имеющий свои традиции и историю. Главным образом через газету и местное телевидение районная администрация легитимирует свои решения, освещает выборы и т.д. Как можно наносить такие удары по территориям, которые и так относятся к архаизирующимся, депрессивным зонам?

---

¹ Куда уходит «районка»? // газета «Хайбуллинский вестник» от 24.07. 2015.

В случае с районными газетами, наверное, единственный выход сегодня – это полностью передать их на баланс местной администрации, которая в первую очередь заинтересована в их существовании, может искусственно поддержать необходимый для минимального охвата районной аудитории тираж.

В целом ситуацию с Башкирским Зауральем, а также северо-восточными районами республики, крайне сложно назвать нормальной, поскольку набор социальных угроз там неуклонно растет, включая и такие относительно новые проблемы, как наркомания, отношения с мигрантами и др.¹ В ряде районов наблюдается увеличение числа носителей религиозного фундаментализма, что также может быть отнесено к объективированным формам архаики, «всплывшей» на поверхность общественной жизни в результате резкого слома практик, сложившихся в советское время. Это означает, что распад институтов башкирского традиционализма потенциально может создать все условия для формирования устойчивого социального недовольства, требует неотлагательных мер по преодолению растущей экономической диспропорции.

С одной стороны, государственный патернализм не стимулирует экономического роста этих территорий, с другой, и резкий отказ от него, о чем иногда намекают некоторые высокопоставленные башкирские чиновники, может окончательно обрушить социальную сферу. В результате – возникает жесткий институциональный тупик, выбраться из которого с каждым годом становится все труднее.

Это не означает, что люди там не умеют или не хотят работать. Времена, когда показатели крупных башкирских колхозов были одними из самых высоких по стране, красноречиво говорят об обратном. Просто население Зауралья оказалось сегодня по разным причинам заложником ситуации, находится в состоянии устойчивой фрустрации. (К примеру, в

---

¹ Абдрахманов Д.М. Инокультурная миграция и риски архаизации // Материалы Международной научно-практической конференции «Образ евразийской интеграции в XXI в.: ограничители и перспективы». Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.

1979 г. только Хайбуллинский район сдал государству более 160 тыс. тонн зерна, сколько и вся Марийская АССР; в настоящее время валовый сбор в районе даже в урожайный год составляет около 40 тыс. тонн)¹.

Есть ли выход из этого положения? На наш взгляд, для того чтобы фундаментально переломить сложившуюся ситуацию необходимо реализовать комплекс мер, на основе умеренного государственного патернализма, широкой просветительской работы, а также через реализацию крупных федеральных и республиканских социально-экономических программ. Поскольку сегодня надо откровенно признать, что время идет, меняются руководители региона, их экономические подходы, а положение дел в Зауралье по-прежнему оставляет желать лучшего, более того, имеет все признаки системного ухудшения.

На первом этапе таким проектом может стать создание развитой дорожной инфраструктуры, к примеру, многополосной федеральной магистрали Уфа-Оренбург, что могло бы логистически приблизить Зауралье, а также прилегающие моногорода (Салават, Ишимбай, Кумертау) к центру. Помимо этого – крупные инвестиционные проекты, связанные с промышленным и аграрным производством, лесом, туристическим бизнесом и др. В любом случае сегодня необходимы самые активные и решительные меры, включая совместные усилия со стороны власти и общества, чтобы остановить постепенное «угасание» данных территорий.

3.5. Политические и социальные формы архаизации: клановость

Распад советского государства сопровождался сложными политическими, социально-экономическими и социокультурными процессами в регионах. Особенно противоречивая картина сложилась на уровне национальных республик Российской Федерации, где наряду с положительными явлениями, связанными с развитием некоторых секторов

---

¹ Якупов Г.Г. Вспоминая прошлое... Уфа: Китап, 2009. С. 8.

экономик субъектов обновленной федерации, удовлетворением культурно-языковых запросов «титულных» народов, запустились и постепенно набрали силу процессы, вызванные актуализацией архаических социокультурных программ. Небольшой период активной регионализации (в начале 90-х годов), чему способствовала реализация политических прав полученных регионами в ходе кризиса федеральной власти, постепенно сменился периодом с одной стороны – резкой дифференциацией субъектов федерации, с другой – постепенным ростом стагнационных процессов, вызванных давлением архаики на социальные и политические практики.

По мнению специалистов, такая ситуация «возникла на волне реакционного отторжения кардинальных социальных реформ в стране, начатых в 1990-е годы, а также связана с действием социальных адаптационных механизмов»¹.

Данный вопрос крайне сложен для изучения, поскольку в ходе обращения к региональным материалам необходимо выделять актуализацию архаики и противоположный данному явлению процесс восстановления традиции. По мнению социолога Ч.К. Ламажаа, которая исследовала данный феномен на примере тувинского общества, архаизация – это «процесс стихийного, неосознанного массового обращения к архаическим культурным смыслам и социальным практикам, который возникает в ряде обществ в условиях кризиса модернизационного развития»².

Но при этом она указывает на то, что «процесс архаизации тесно переплетен с рядом других процессов, в частности с неотрадиционализмом как осознанным процессом возрождения традиций этнической культуры, в том числе архаических, для решения проблем социокультурного развития общества». «Тесное переплетение их выражается в том числе в поддержке и попытках развития приверженцами возрождения этнической культуры

---

¹ Ламажаа Ч.К., Абдуллаева Ш.М. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. № 3, 2014. С. 68.

² Там же. С. 69.

(политическими, интеллектуальными элитами) ряда архаических традиций, востребованность которых у широких масс очевидна»¹.

Такая же сложность возникает и при использовании понятия клан (клановость) – как одного из наиболее ярких форм архаизации (в том в числе и политической) в практиках современного российского общества. Это связано с тем, что содержание данного понятия сильно размыто, хотя и широко употребляется при описании общественных процессов.

Первоначально значение слова «клан» толковалось как род или родоплеменная группа, связанная хозяйственными или общественными узами. Однако в дальнейшем понятие «клан» стало востребовано в целом социальными науками. В первую очередь это было связано с исследованиями в области социологии семьи. В середине XX века исследователи заговорили о повсеместном сдвиге к нуклеарной семье, разрушению семьи расширенной, других типов родственных связей, в том числе и в странах третьего мира (У. Гуд и др.). У представителя фрейдистского направления в социальных науках В. Райха клан – единица социальной структуры первобытного общества – по мере развития экономических отношений постепенно разрушается семьей, на основе которой зарождаются классы в обществе².

В целом клановая система типична главным образом для аграрных обществ. В подобной системе каждый индивид связан с обширной социальной сетью родственников – кланом. Клан представляет собой нечто вроде очень разветвленной семьи и имеет сходные черты: если клан имеет высокий статус, такой же статус имеет и индивид, принадлежащий к этому клану; все средства, принадлежащие клану, скудные или богатые, в равной степени принадлежат каждому члену клана; верность клану является пожизненной обязанностью каждого его члена.

---

¹ Ламажаа Ч.К., Абдуллаева Ш.М. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. № 3, 2014. С. 68.

² Ламажаа Ч.К. Клановость в политической жизни регионов России // Государство и гражданское общество. № 3, 2007.

О кланах как группах взаимопомощи пишут и западные исследователи, рассматривая понятие как универсальную характеристику социальной жизни России и всех постсоветских государств. Организация по типу клана представляет собой, по мнению американской исследовательницы Н. Динелло, вертикально интегрированную группу, в которой наверху стоит лидер бизнеса и «свой человек» в правительстве, ступенькой ниже – руководители банков, предприятий и средств массовой информации. Им подчиняются аналитики и консультанты, специалисты по общественным отношениям, журналисты, работники служб безопасности. Объединяющим принципом для кланов, с точки зрения исследовательницы, является принцип «Кто не с нами, тот против нас»¹.

Однако, как справедливо отмечает в своих работах авторитетный отечественный исследователь Ч.К. Ламажаа, именно при расширенном понимании этого термина «теряется очень важная характеристика, которая отличает кланы как группы родственников и позволяет уследить в нынешних социальных процессах, в частности в политических, – реархаизированные традиции родоплеменных отношений трансформирующихся обществ»².

Можно согласиться с ее мнением, что в данном случае следует строго «различать два типа социальных групп: клановые (или клановые корпорации) и социально-корпоративные (социальные корпорации). Первые создаются семьей лидера, родственниками (расширенная семья) и только потом дополняются неродственными членами, группами. У вторых можно отметить наличие черт, подобных клановым (замкнутость и пр.), но кланами их называть неверно, так как в центре неродственной корпорации находится не семья (или семья, но нуклеарная)»³.

Как она пишет: «Основа клановых отношений, какие можно наблюдать в современности заключается не в закрытости, клиентелизме,

---

¹ Ламажаа Ч.К. Клановость в политической жизни регионов России // Государство и гражданское общество. № 3, 2007.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 137.

корпоративности и партикуляризме (как считает часть политологов). Эти характеристики следует рассматривать скорее как следствие. Клановые отношения – это, прежде всего родственные отношения между людьми, объединенными, как и в архаические времена, для решения экономических задач выживания»¹.

«Именно задачи выживания, самосохранения клана заставляют его членов подчиняться строгим правилам внутренней жизни, делают группу замкнутой, обособленной.

Социальные корпорации или финансово-политические группы, которые политологи и СМИ часто называют «кланами», являются, по сравнению с клановыми корпорациями, все же временными объединениями, несмотря на наличие у их членов сильных общих интересов и взглядов, в том числе на основе материальной зависимости, политических убеждений и даже моральных взглядов. Ведь подчиненные лидеру могут примкнуть к другой группе, где они обретут более крепких покровителей и более крупные суммы вознаграждений за свою работу и преданность. Я уже не говорю о том, что и высшие лица такого «клана» могут распространять свое покровительство на других угодных им, создавать новые коалиции»².

На наш взгляд это уточнение позволяет более точно определить данный феномен в схеме «традиция-архаика» или «культура-архаика». Соответственно, исходя из этого лишь клановые отношения, построенные на родственных связях, – это явления, относящиеся к социальной архаике, в то время как социально-корпоративные связи (а также сформированные на локальной или этнической идентичности) характерны для любых современных обществ, включая Европу и США.

Соответственно, между «кланом питерских» и «кланом Шаймиева», «семьей Ельцина» существует принципиальная разница: первая может быть отнесена к социально-корпоративной группе, вторая – клановой корпорации.

---

¹ Ламажаа Ч.К. Клановость в политической жизни регионов России // Государство и гражданское общество. № 3, 2007.

² Там же.

Первая есть феномен в целом характерный для жизни современных обществ с ее конкуренцией элитных и корпоративных группировок, второй – архаический пережиток, который, тем не менее, может, до определенного уровня, выступать фактором развития и существования (в нашем случае) региональных элит.

Также, по нашему мнению, к архаике не могут быть отнесены и общности связанные с локальной или этнической идентичностью, как скажем «землячества» студентов или выходцев из муниципального района. Они являются скорее промежуточными формами между родственными и социально-корпоративными образованиями, а интегрирующие функции, которые они выполняют в общественной жизни скорее положительные, чем отрицательные.

Для примера можно рассмотреть деятельность башкирских молодёжных землячеств, возникших в последнее время. Как пишет один из инициаторов движения А. Бадранов, «до 2000 года роль общественного института консолидирующего башкирскую молодежь выполнял Союз башкирской молодежи (СБМ), однако, будучи организацией политической, со сменой политического курса в стране, в СБМ начался идеологический кризис». «В связи с чем стали образовываться общественные организации патриотической направленности, а не на узко националистической идеологии. К таким организациям можно отнести землячества студентов – Союз студентов Абзелила, землячества Баймакского, Бурзянского, Хайбуллинского, Учалинского, Кугарчинского и других районов»¹.

«Землячество – союз студентов объединенных по территориальному принципу. Оно является наиболее простой формой консолидации башкирской молодежи – выходцев из сельской местности и небольших городов РБ, в условиях большого мегаполиса. Задача, стоящая перед студенческими молодежными землячествами – это, прежде всего,

---

¹ Проблема социализации современной башкирской молодежи // <http://rb21vek.com/clio/155-problema-socializacii-sovremennoj-bashkirskoj.html>.

координация досугового времени учащегося молодого человека и взаимопомощь в решении проблем быта и учебного плана учащегося»¹.

Положительную роль, в ходе социализации башкирской молодежи, исходя из опыта организации землячеств, сыграло и создание Межрегиональной общественной организации «Ассоциация студентов и аспирантов Башкортостана в Москве и Санкт-Петербурге». Результат работы Ассоциации – «более 2000 человек, поступивших в различные университеты Москвы и Санкт-Петербурга, также около 15 человек обучается во Владивостоке на технических и языковых специальностях, где изучают японский, корейский и китайский языки. И из этих 2000 ребят многие продолжили обучение в магистратуре и аспирантуре, некоторые из них за рубежом, и есть те, кто начал карьеру в Правительстве Москвы, федеральных органах власти или в ведущих коммерческих структурах»².

Описывая современную клановую корпорацию, профессор из Кыргызстана А. Князев, подчеркивая ее разнородность, пишет о ядре и окружении, который, по его мнению, состоит из «группы родственников по крови и браку, однокашников и личных друзей лидера, независимо от их родоплеменной принадлежности, а временами и даже национальности, объединенных продолжительной совместной деятельностью в определенном регионе (области)». Тем самым исследователь рассматривает кланы в узбекском обществе – группы узбеков, сформированных на основе территориальной общности по районам (Ферганская долина, Ташкентский оазис, Самаркандская, Джизакская и Бухарская области, Кашкадарьинская и Сурхандарьинская области, Хорезмский оазис)³.

Политолог О. Крыштановская, описывая корпоративный или элитный политический «клан», использует образ слоеного пирога: верхний слой «пирога» представляет публичный политик, символ клана. Второй слой, по

---

¹ Там же.

² Башкирская студенческая молодежь в российской столице // Ваташдаш. № 3, 2015. С. 67.

³ Князев А.А. Причины узбекского бунта: наркотики и клановость, а не исламизм. См.: http://www.kreml.org/opinions/86990767?mod e=print&user_session=dedce22d07a7cfe0f51ca4 5c626.

ее мнению, составляет группа его политической поддержки, третий – группа экономической поддержки, далее – обслуживающие интересы данной группы средства массовой информации, и, наконец, частные армии и спецслужбы (приватизированные юридически или фактически части государственных силовых структур).

По мнению Ч.К. Ламажаа, образы «ядра с кругами», «пирога» не совсем точно передают специфику иерархических взаимоотношений в клане. Скорее это будет такой сплав: пирамида (распространенный у политологов образ), но на вершине ее находится не острие (один человек), а то самое ядро – главные члены семьи («серые кардиналы») вокруг лидера (символа клана), которые могут влиять на его решения, с мнением которых ему приходится считаться. Ниже располагаются родственники, образующие вместе с «главной семьей» основание клана. Современными же дополнениями – на одной ступени вместе с родственниками, а также ниже располагаются неродственные члены клан»¹.

Известный специалист по номадизму Н.И. Крадин, говоря о клановости, также указывает на своеобразие момента, когда сосуществуют современное и традиционное: «Во многих бывших традиционных обществах складывается своеобразная «двойная» политическая культура, в которой параллельно с официальными органами управления присутствуют традиционные формы власти»². Он пишет о том, что клановость ныне приобрела масштабный характер в обществах с сильными клановыми (родовыми) и племенными связями.

Само явление клановости он определяет как «практику протекционистского привлечения к управлению ближних и дальних родственников, земляков, которая сопровождается вытеснением с ключевых постов лиц, не состоящих с иерархом в родственных отношениях».

---

¹ Ламажаа Ч.К. Клановость в политической жизни регионов России // Государство и гражданское общество. № 3, 2007. С. 137.

² Крадин Н.И. Элементы традиционной власти в постсоветской политической культуре: антропологический подход. См.: http://www.analitika.org/article.php?story=200604180_94213324.

Протекционизм по отношению к родственникам, по мнению Крадина, – это частный аспект «личностных» отношений в доиндустриальном, традиционном обществе, не изжитый и в индустриальных обществах. Широко распространенное в истории явление основано на глубоких биологических корнях – противопоставлении «свой – чужой!». Исследователь напоминает, что с клановостью столкнулись партийные чиновники во время установления Советской власти на всей территории страны. В отечественной науке тогда использовались термины: «местничество», «улулизм» или «кумовство»¹.

Вопросы, связанные с характером власти и формированием элит в Башкортостане, были исследованы социологом Р.Р. Галлямовым. В своей монографии «Элита Башкортостана» он, изучив сущность и структуру местной власти, пришел к выводу, что она может быть определена как «авторитарно-номенклатурный политический режим»².

Говоря об аспектах кровнородственных связей при формировании политической элиты республики в период правления М. Рахимова, он отмечает, что «в Башкортостане в отличие, например, от среднеазиатских государств или северокавказских и некоторых других российских республик, пережитки родоплеменных отношений не играют столь существенной роли, хотя элементы трайбализма все же присутствуют. В наибольшей степени приведенный вывод относится к башкирской национальной элите, т.к. в этническом самосознании башкир (в отличие от татар и русских) хорошо сохранились и функционируют родоплеменные субэтнические представления»³.

Р.Р. Галлямов также высказал озабоченность, что изучение этой большой и многоплановой проблемы, «значительно затруднено в связи с отсутствием репрезентативного корпуса источников». «Представители

---

¹ Там же.

² Галлямов Р.Р. Элита Башкортостана. Казань, 2006. С. 58.

³ Там же. С. 45.

элиты не указывают в биографиях и анкетах своих «родовых корней» и земляческих пристрастий»¹.

Однако в данном случае, на наш взгляд, ошибочно связывать клановость элит с количественными показателями (включая особенности этнического самосознания башкир)². Концепция «корпоративных кланов», предложенная Ч.К. Ламажаа, достаточно ясно показывает, что главным принципом при формировании подобных общностей является наличие мощного лидера и его родственников, стоящих во главе властной пирамиды. Так же как в досовременных обществах правящая элита является меньшинством (иногда даже этническим) по отношению к основному населению. В этом смысле политические элиты практически всех постсоветских режимов и государств, особенно в национальных республиках РФ, возникших после распада советской системы, можно отнести к «корпоративным кланам» (включая и «семью Ельцина»).

Ситуация меняется лишь с приходом в 2000 г. к власти В. Путина, когда систему «корпоративных кланов» в Кремле сменяет принцип социально-корпоративных интересов федеральных элит. Постепенно с реализацией новой региональной политики центра практически все авторитарные режимы (то есть сформированные по принципу корпоративных кланов) были демонтированы. Закончилась целая эпоха «региональных тяжеловесов» в истории постсоветской России. Исключением стали только два субъекта федерации, которые продолжили развиваться по траектории 90-х годов – это Чеченская Республика (клан Р. Кадырова), но там особый случай, и Татарстан, в котором в ходе передачи власти от М. Шаймиева его преемнику Р. Минниханову система клановой этнократии существует до настоящего времени.

---

¹ Там же.

² Профессор Р.Р. Галлямов многие годы был противником «рахимовского режима» и некоторое время даже принимал активное участие в работе татарского национального движения Башкортостана. Проживая в г. Уфе, до 2010 г. (то есть ухода М. Рахимова со своего поста), был вынужден публиковать свои книги в столице Татарстана Казани.

3.6. Архаизация регионов в контексте угроз общественной безопасности

Проблема архаизации российского общества является сегодня одной из наиболее актуальных, но слабоизученных тем современной гуманитарной науки. В условиях глубинных социальных трансформаций, попыток со стороны государства поднять работу социально-экономических и политических институтов на качественно новый уровень развития, запустить полноценную модернизацию, проблема архаики, то есть контрмодернизационного полюса в социальной динамике¹, постепенно выходит на первый план, становится заметным фоном общественной жизни.

В этом контексте одним из явных противоречий социокультурного развития общества, проявившихся с началом реформ В. Путина, можно считать опасную тенденцию возрастания элементов архаики, прежде всего, в социальном пространстве регионов Российской Федерации. Природа данного феномена сама по себе двояка и требует пояснений. С одной стороны, усиление архаики является ответом на продолжающиеся процессы социально-экономической деградации страны (деиндустриализацию, разрушение нерыночных форм экономики, институтов советского традиционализма и т.д.)².

С другой – ее давление нарастает именно как побочная реакция на укрепление (восстановление) традиционных базовых основ общества и усиление консервативно-традиционалистского тренда нового курса. Исходя из этого, одной из главных задач в решении данного вопроса является:

– диагностика состояний регионов как социокультурных сообществ, основанная на комплексном их исследовании;

– выявление потребностей, коридоров возможностей, а также новых угроз в ходе социокультурного развития регионов.

¹ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2.

² Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. 2003. № 3.

В данном параграфе речь пойдет о социокультурных угрозах нового типа, которые, на наш взгляд, еще слабо описаны и поняты во всей сложности, поскольку они зачастую проявляются пока как некие тенденции, которые, тем не менее, уже достаточно активно начинают влиять на современные общественно-политические процессы в Республике Башкортостан¹.

Политическую и экономическую ситуацию в России сегодня трудно назвать благоприятной. Экономика страны находится в кризисе, который, по мнению большинства экспертов, будет носить длительный характер. Социальная нагрузка на население заметно возросла сравнительно со временем, когда были высокие цены на нефть. В этих условиях правительство взяло курс по сокращению расходов на социальную сферу, что автоматически поднимает градус общественного недовольства, может привести к тому, что определенные политические силы постараются реализовать радикальные проекты по смене или атаке на государство. При этом Российская Федерация продолжает находиться в экономической изоляции со стороны Запада, прямо или косвенно участвуют в сирийской кампании и гражданской войне на Украине.

Руководство страны, скорее всего, прекрасно осознает всю сложность положения и возможные риски. В рамках повышения безопасности страны оно в последнее время инициировало – создание Федерального агентства по делам национальностей, которое будет заниматься мониторингом межэтнической ситуации в регионах и в целом по стране, а также Национальной гвардии, на которую возложены самые широкие функции.

И Республика Башкортостан как один из опорных регионов в Поволжском федеральном округе будет по ряду причин находиться на особом контроле, поскольку она имеет, в отличие скажем, от соседней Татарии, более сложную этническую и конфессиональную структуру. Она

---

¹ Буранчин А.М. Архаизация как социальная проблема (на примере Башкирского Зауралья) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы». Уфа, 2015. С.75.

представлена тремя наиболее крупными этносами: русскими, башкирами, татарами (составляют около 90% всего населения региона). Кроме того, несмотря на то, что республика относится к высоко урбанизированным территориям, она обладает 40% сельским населением, что также является одним из факторов, который требует особого внимания¹.

К началу 2016 г. по данным Федеральной службы государственной статистики численность безработных граждан составила в Башкирии 124 тыс. человек, что на 20% выше значения показателя за аналогичный период прошлого года (103 тыс.). Уровень общей безработицы составил 6% от численности экономически активного населения, в Российской Федерации – 5,7%, в Приволжском федеральном округе – 4,7%.

Однако кроме официальных данных, существуют и такие показатели как скрытая безработица, снижение уровня жизни и доходов населения, которые в совокупности ухудшают психологическое состояние людей, то есть параметры, которые зачастую слабо фиксируются органами власти, а они, в данном случае, и могут стимулировать политическую активность населения.

Таким образом, налицо хоть и не критическое, но заметное ухудшение социально-экономической ситуации в регионе. И ее можно отнести именно к новому типу угроз, поскольку с 2014 г. страна вошла в новое состояние – изменился внешний и внутренний фон, и фактор социально-экономической нестабильности получил совершенно другой контекст и смысл.

Следующий тип угроз также носит сложный характер: в 2010 году в Башкортостане сменилось руководство республики, завершился 20-летний этап «суверенного» развития. Вместе с тем переход региональной системы в качественно иное состояние, сложные процессы, связанные с трансформацией местных элит, заметно изменили политический ландшафт региона, и наряду с положительными явлениями, выявили новые формы, главным образом, социокультурных противоречий.

---

¹ Там же.

Последние являются результатом не только смены власти, но и порождены неоднозначным характером модернизационных процессов, запустившихся в регионе в связи с реформами Р. Хамитова. Дело в том, что сама структура регионального сообщества, сравнительно с периодом правления М. Рахимова, существенно изменилась, стала более сложной; прежняя социокультурная однородность населения Башкирии постепенно исчезла, породив новые формы региональной идентичности – политической, религиозной, этнической. Соответственно сегодня можно наблюдать сложные синтезы Модерна и актуализированной архаики, элементов общества Постмодерна и традиционализма¹, поскольку в действительности в 2010 г. в Башкирии произошла не просто смена власти связанная с уходом М. Рахимова, а завершился аграрный этап в ее истории.

До 2010 г. региональное сообщество было гомогенным, патерналистски ориентированным на жесткую «вертикаль» власти. Теперь оно достаточно быстрыми темпами становится разнородным – в культурном, социальном и экономическом плане. А таким обществом намного труднее управлять, оно менее предсказуемо. Вследствие чего сегодня наметились разрывы между городским и сельским населением, между крупными высоко урбанизированными городами и экономически бедными моногородами. Северо-восточные районы и башкирское Зауралье, к примеру, отнесены местными экономистами к депрессивным, а это около трети территории республики².

Фактически в Башкортостане такие, относительно развитые, города как Уфа, Стерлитамак и др., живут в Модерне, современности, а на уровне сельских субрегионов постепенно разворачиваются процессы культурной и экономической архаизации, то есть наметился опасный структурный дисбаланс.

Слабый учет социокультурных особенностей региона, отсутствие разработанной научно-теоретической базы, закономерно привел к тому, что

---

¹ Там же. С. 75.

² Депрессивные территории: теория и практика стабилизации и развития. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2008.

сегодня растущее давление модернистских реформ нового режима на социально-экономические процессы в РБ парадоксальным образом усиливают именно архаику. Поскольку в ходе достаточно радикальных изменений власть зачастую демонтирует структуры связанные с традицией, то есть силы, которая всегда стоит между модерном и архаикой. В итоге модернизация постаграрного регионального сообщества протекает крайне неровно, порождая конфликты и разломы там, где их можно было бы избежать. Соответственно, если в последующем и произойдет кризис управления «системы» Р. Хамитова, то он будет порожден, прежде всего, социокультурными факторами, которые в свою очередь начнут влиять на политические, внутриэлитные или межнациональные процессы. Впрочем, так же как и сложная логика неконтролируемых социальных явлений привела, в конечном счете, к краху «рахимовского авторитаризма».

В реальности нынешняя республиканская власть уже мало чем отличается по содержанию от прежней, «рахимовской». Более того, соотношение между модернистскими и традиционалистскими силами в ее системе с каждым годом меняется в пользу последних. Хотя первоначально Р. Хамитов поднялся на республиканский политический Олимп именно на волне модернистских ожиданий, а также при активной поддержке реформистских элитных групп, которые постепенно вызрели внутри авторитарной системы. К настоящему моменту они практически все остались не у дел, а сама власть совершила резкий традиционалистский откат, который усиленно драпируется «инновационной» риторикой.

Одновременно, на наш взгляд, это все-таки модернизация (хотя «внешне» она может выглядеть как нарастающая хаотизация). Однако вряд ли это «консервативная» модернизация, поскольку последняя опирается на мощные национальные элиты, но их так же, как и «либералов», нет в данной системе координат. Ситуация более чем странная, поскольку она не укладывается в привычные, классические схемы теорий модернизаций. Она вызывает больше вопросов, нежели однозначных и ясных ответов.

В целом, по нашему мнению, сегодня в Башкортостане уже можно выделить в региональных социальных системах и структурах процессы, которые не просто разворачиваются с разной скоростью, но подчас имеют качественно иную природу и движутся в прямо противоположном направлении относительно друг друга¹.

Таким образом, проблема социальной связности региона постепенно будет выходить на первый план, поскольку давление архаики с каждым годом растет, а механизмы советского Модерна наоборот ослабевают, уходят в прошлое.

Наконец, третий тип новых угроз связан с ростом носителей религиозного фундаментализма (в данном случае исламского).

В социокультурном плане большинство населения республики может быть названо «консервативным», которое живет, опираясь на традиционные ценности. Однако сложные модернизационные перемены, которые сегодня запустились в Башкортостане, зачастую вызывают резкую традиционалистскую реакцию у части населения. Модернизация как болезненное состояние общества закономерно сопровождается частичным социальным распадом (аморализмом, падением нравов, маргинализацией части населения и т.д.). Человек традиционной культуры воспринимает данные процессы болезненно, поскольку они вызывают у него внутренний конфликт. Это приводит к тому, что в обществе усиливаются фундаменталистские настроения, которые могут принимать крайние формы.

Однако говоря о характере новой религиозности нужно всегда разделять традицию и сопутствующую ей архаику. В этой связи хотелось бы указать на следующий момент.

Существует классическая схема описания социальной стратификации, разработанная еще П. Сорокиным². Схема представляет собой четыре

---

¹ Буранчин А.М. Архаизация как социальная проблема (на примере Башкирского Зауралья) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы». Уфа, 2015. С. 84.

² Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

вертикальные оси: власть – богатство – образование – престиж. В некоторых случаях, какую-либо из этих осей можно пытаться искусственно сломать, но, как показывает практика, они восстанавливаются вновь и вновь. Например, по мнению известного философа А. Дугина, при социализме была сделана попытка отменить имущественное неравенство и сгладить другие формы социальных различий. Однако «почти сразу после большевистской революции оси власти и престижа были восстановлены в полной мере, а к концу советского периода дало о себе знать расслоение в уровнях образования и материальной обеспеченности. После распада СССР все четыре оси в российском обществе снова восстановились, правда с явным отставанием оси образования, которая замедляет рост по сравнению с осями дохода, власти и престижа»¹.

Если в качестве примера взять Республику Башкортостан, то также можно обратить внимание, что в 2010 г. здесь была сделана попытка подавить ось власти, но, как и следовало ожидать, сегодня она полностью восстановилась. На наш взгляд, к этим четырём осям можно отнести также ось этничности и ось религии. Говоря о последней, хотелось бы привести следующий пример.

В советский период процент населения, открыто исполняющего религиозные обряды в Башкирской АССР, как и религиозная активность в целом по стране, были незначительными. Исходя из идеологических установок партийные органы вели широкую антирелигиозную пропаганду.

О том, каким было положение в этой сфере до «перестройки», можно судить по справке об участии молодежи в совершении религиозных обрядов подготовленной отделением КГБ по Башкирии в 1984 г. для первого секретаря обкома М.З. Шакирова.

В справке отмечалось, что в БАССР действует всего лишь 17 православных церквей, 14 мечетей и 5 молитвенных домов баптистов. Православную церковь в 1984 г. посещали в основном женщины

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Триеста, 2010.

престарелого возраста (95%). В мечети ходили в большинстве случаев мужчины, также преклонного возраста. Молодежь появлялась в церквях и мечетях крайне редко¹.

Таким образом, данный документ ясно показывает, что религиозная идентичность в БАССР к 1980-м годам была практически полностью подавлена.

С распадом СССР в стране начался религиозный «ренессанс», связанный с восстановлением традиционных конфессий. Однако сегодня уже видно, что в большинстве случаев под видом восстановления религиозной традиции идет актуализация социальной архаики, которая в действительности ей противоположна. И это достаточно серьезная проблема, поскольку архаизация – негативный социокультурный феномен, который является одним из показателей примитивной социальной организации общества.

Традиция характеризуется, прежде всего, доминированием логоса над мифом, в то время как архаика – это царство мифа, коллективного бессознательного. В любом развитом традиционном (религиозном) обществе нет слепого фундаментализма архаики, основанного на чистом мифе, поэтому традиционные формы религии во многом рациональны. Носителей же архаики как раз можно определить такими чертами как – неспособность к диалогу, крайность, эмоциональность, низкий образовательный уровень.

Традицию и архаику в сфере религии необходимо различать; при этом первую нужно поддерживать, в том числе и со стороны государства, со второй – бороться, желательно через Просвещение и поднятие образовательного уровня населения. Сложность данной ситуации и в том, что если в православии эта проблема стоит не так остро, то в исламе, и, частности в Башкирии, она уже начинает выступать как определенный фактор общественного раскола. Для примера можно назвать конфликт, который в последнее время возник между хакканитами и ваххабитами

---

¹ Буранчин А.М. Этнополитическое развитие Республики Башкортостан в 1990-2000 гг. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006.

(салафитами), причем он затронул именно современное башкирское общество, включая его формально «модернистские» слои. А ведь еще пятьдесят лет назад вряд ли кто мог серьезно предположить, что «светский» формат республики может быть поставлен под сомнение или подвергнуться изменению.

В целом необходимо понимание того, что уже в XX в. с религией происходит сложная трансформация. В позднем Модерне религия утрачивает свое социальное измерение, перестает быть полноценным и центральным институтом, определяющим структуру, становится индивидуальным и произвольным делом отдельной личности. И сегодня религия возвращается, но не в форме полноценного социального института, а по сути в виде симулякра. Религия возвращается в форме китча, который вплетается в общий гротескный контекст культуры Постмодерна, постоянно демонстрирующий на разные лады, что Модерн не выполнил свою освободительную миссию и остался – вопреки своим претензиям – в значительной степени «традиционным обществом», которое он силился изжить¹.

Видимость религиозного возрождения традиционных конфессий связана с ослаблением давления Модерна и свертыванием обязательной модернизации. Постмодерну, в отличие от Модерна, религия не опасна, так как Постмодерн наступает тогда, когда социальные связи прошли точку разрыва и никакие по-настоящему интегрированные тотальные социальные явления невозможны.

По мнению А. Дугина: «Религия, и особенно ее возрождение, была бы опасна для Модерна и, соответственно, недопустима тогда, когда сохранялось общество. Религия как социальное явление могла бы в таком случае конкурировать за внедрение своего социального кода, а это было бы несовместимо с программой Модерна и внедрением его парадигм. Отсюда

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 432.

жесткость Вандеи, гонения на русских староверов или антирелигиозная война в СССР. Модерн нетерпим к религии. Постмодерн разворачивается тогда, когда уверенность в необратимом разрыве принципиальных общественных связей и демонтаже социальных структур достигнута и никакой фактор не способен собрать исчезнувшее общество вновь в нечто цельное и солидарное. Здесь-то антирелигиозный заслон снимается, и то, что было под прессом Модерна, выходит на поверхность»¹.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

В настоящий момент Республика Башкортостан находится в условиях сложных и неоднозначных трансформационных процессов, запущенных новым этапом модернизации. Данные процессы имеют нелинейную динамику, в определенных сферах они протекают как в положительном, так и негативном ключе.

В рамках политических реформ регионального сообщества возникли точки конфликтности, угрозы нового типа, что усложняет общую картину общественных процессов, требует более внимательного, глубокого анализа.

Из угроз нового типа наиболее важными, на наш взгляд, являются:

– социально-экономическая нестабильность, осложненная геополитическими и внутренними (общероссийскими) факторами.

– постепенная утеря социальной связности региона, его социокультурная неоднородность. Заметная архаизация, особенно, на уровне субрегионов, как культуры населения, так и хозяйственных практик².

– и, наконец, хоть и не большой, но заметный рост носителей религиозного фундаментализма в Башкирии, появление новых деструктивных течений.

---

¹ Там же. С. 541.

² Буранчин А.М. Архаизация как социальная проблема (на примере Башкирского Зауралья) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы». Уфа, 2015. С. 77.

3.7. Архаизация башкирского общества в условиях кризиса идентичности

Назначение Р.З. Хамитова главой республики в 2010 г. ознаменовалось не только очередной сменой властной элиты в Республике Башкортостан, но и завершением процесса глубинной трансформации современного башкирского общества. На наш взгляд, речь идет об окончании длительного исторического цикла, который заметно обозначился еще в 20-30-х годах XX века. Основная черта этой трансформации – переход от аграрного общества к обществу городской культуры. Политический процесс лишь совпал с процессом социокультурным, что, однако, не меняет его исторической значимости.

Приход в 1990 г. к власти М.Г. Рахимова, поднявшегося на волне «народного» движения за суверенитет, развитие республики по траектории «консервативной модернизации» – лишь на время отсрочили, законсервировали модернизационные процессы, которые в течение XX века вызревали внутри башкирского общества, однако с концом авторитарного режима данный переход, видимо, окончательно произошел. Несмотря на то, что нынешнее башкирское общество все еще несет на себе черты аграрного социума, находится в условиях частичного этнического распада – объективные социальные процессы нельзя повернуть вспять. Одновременно с этим в нем наблюдается не только кризис, связанный с отсутствием устойчивой национальной идентичности, но и разворачиваются противоречивые процессы активной архаизации.

Рост носителей религиозного и других форм фундаментализма, устойчивый ценностный и элитный раскол, давление мифологических стереотипов на массовое сознание, а также размывание пласта «высокой культуры» – вот лишь небольшой перечень негативных социокультурных феноменов, вызванных влиянием регрессивных форм на общественные

процессы. В данном параграфе делается попытка исследовать указанную проблему в рамках социокультурного анализа.

К настоящему моменту общая численность башкир в мире составляет около 1,6 миллиона человек. В России проживает 1 584 554 башкир (четвертый по численности народ РФ), из них 1 172 287 – в Башкортостане.

Одной из особенностей социального развития республики является относительно большая доля сельчан в структуре населения – 39,5%; доля горожан – 60,4%. Для примера, доля городского населения в Республике Татарстан составляет – 76%, в Челябинской области – 82%, в Свердловской области – 84%.

Национальный состав Башкортостана согласно Всероссийской переписи населения 2010 года: русские – 36,1%, башкиры – 29,5%, татары – 25,4%, чувашаи – 2,7%, марийцы – 2,6%, украинцы – 1%, лица других национальностей – 2,7%. Всего в регионе проживают представители 160 национальностей.

Уже в структуре сельского населения РБ доля башкир составляет 43,2%, татар – 24,0%, русских – 20,7%. Как отмечает социолог Р.М. Валиахметов, исторически сложившаяся профилирующая хозяйственная деятельность, связанная с деревней, «является определяющим фактором преимущественно сельского расселения башкирского народа. Несмотря на постепенное уменьшение доли сельскохозяйственной деятельности в общей структуре занятости башкир, она остается более высокой, чем у татарской и русской части населения»¹.

---

¹ Валиахметов Р.М. Динамика и особенности изменений структуры сельского и городского башкирского населения // Традиция и толерантность: проблема понимания. Мат. Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Гилем, 2012. С. 107.

Структура сельского населения РБ

В то же время, несмотря на то, что в последние годы урбанизация башкирского населения идет более быстрыми темпами, чем у других народов, башкиры остаются наиболее многочисленной частью сельского населения Республики Башкортостан.

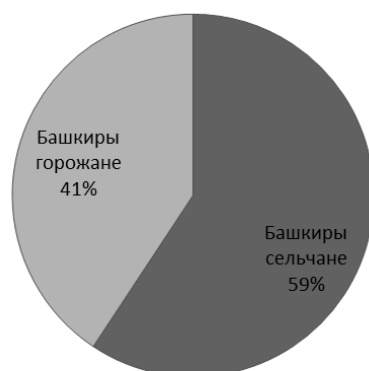
В целом для республики, в связи с ускоренным развитием ее промышленности в период советской модернизации, характерны высокие темпы роста городского населения. К примеру, городское население уже к началу 80-х гг. увеличилось по сравнению с 1913 г. в 17 раз, в основном за счет русских и татар.

Несмотря на запаздывающий характер, с 70-х годов наблюдается бурный рост городского населения и у башкирского населения. С этого периода до настоящего времени прирост увеличился более чем в два раза. Для примера, удельный вес башкир-горожан в структуре башкирского общества в 1926 г. был всего 2,0%; в 1959 г. – 13,6%, в 1970 г. – 20,0%, а в 1989 г. уже – 42,4%¹.

---

¹ Там же.

Удельный вес башкир сельчан и горожан

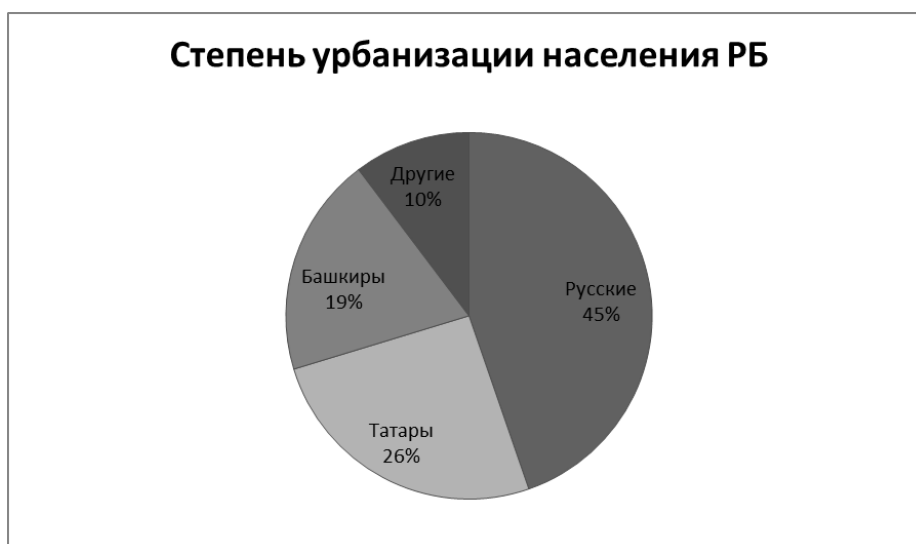

В настоящий момент этот показатель по данным, которые приводит Р.М. Валиахметов, составляет около 41% (уменьшение связано с административной реформой в части определения границ и типов городских и сельских поселений)¹. При этом, по подсчетам специалиста по демографии И.З. Султанмуратова, башкиры сегодня – среднеурбанизированный этнос, у которого доля горожан в целом по Российской Федерации уже к 2002 г. достигла 47,5%².

Однако несмотря на эти, достаточны высокие темпы, башкирское население, после русских и татар республики, остается наименее урбанизированным. Так, наибольшая степень урбанизации приходится на русское население (44,7 %), далее следует татарское городское население (25,6 %), и только за ними башкирское (19,4 %).

¹ Там же. С. 108.

² Султанмуратов И.З. Башкиры: социально-демографический облик. Уфа: Хан. С. 7.

Во многих городах республики, и в частности в ее столице, башкиры значительно – в два и более раз – уступают в численности русским или татарам (по данным переписи 2010 г., башкиры в Уфе составляли 17,1% населения, в Стерлитамаке – 15,8%, в Белорецке – 19%, в Кумертау – 18%, в Бирске – 14,6%, в Благовещенске – 14%)¹.

Помимо этого есть и другие факторы, которые указывают на то, что положение современного башкирского общества значительно отличается от социально-экономических и социокультурных параметров, скажем, татарского общества в РТ. К примеру, существует различие индекса территориальности татар и башкир России. Если в Татарстане проживает лишь 36% от всех татар, живущих в Российской Федерации, то по Республике Башкортостан ситуация обратная – 73% всех башкир проживает на ее территории. Именно поэтому вопрос о национально-территориальном статусе республики имеет для башкирской элиты и народа крайне важное политическое значение.

В Татарстане более простая конфессиональная и этническая структура. Так, если в РТ два крупных народа (татары – 53,2%, русские – 39,7%), то в Башкортостане, как уже указывалось выше, три – русские, башкиры и

¹ Асылгужин Р.Р. Процессы урбанизации башкир в Республике Башкортостан // Панорама Евразии. Научный общественно-политический журнал. 2014. № 1 (12).

татары. Кроме того, территория Башкирии в два раза крупнее территории Татарстана (142 947 км² и 67 847 км², соответственно).

Таким образом, в настоящее время башкирское общество попало сразу в несколько тяжелых институциональных «ловушек», которые, накладываясь друг на друга, усложняют его стабильное развитие. То есть – башкиры являются самым аграрным этносом среди народов региона, его значительная часть территориально сосредоточена в башкирском Зауралье, которое, с точки зрения социально-экономического развития, отнесено экономистами к депрессивным. Наконец, в условиях «урбанизационного перехода»¹, когда с одной стороны завершилась крайне противоречивая эпоха «суверенного развития», с другой – лишь начала в слабом виде формироваться башкирская городская культура.

Несмотря на то, что башкирское население, сосредоточенное на территории республики, на 60% остается сельским, урбанизационный переход можно считать активно запустившимся процессом, поскольку в этом случае определяющими становятся социокультурные маркеры. Они в свою очередь указывают на то, что аграрный традиционализм начал распадаться довольно быстрыми темпами. На селе (в этническом срезе) практически «вымылась» модернизированная прослойка сельской интеллигенции, а сама деревня после завершения «эпохи Рахимова», перестала быть кадровым резервуаром для пополнения и рекрутации в верхние эшелоны республиканской власти.

Ситуацию, безусловно, можно отнести к критической, поскольку она не только заметно влияет на внутривнутриполитическое развитие региона, но становится предметом различного рода политических и межэлитных спекуляций, так как высокий статус «титульного» этноса по-прежнему является ключевым при назначении (избрании) Главы Республики Башкортостан, а также при формировании местной властно-управленческой элиты.

---

¹ Строго говоря, общепринятого термина для его обозначения не существует. Обычно речь идет о «переходе значения доли городского населения через отметку 50%».

Положение усугубляется и тем, что обладая высоким уровнем традиционализма, башкирское общество на данные процессы ответило усилением архаики, что в какой-то мере закономерно, поскольку, по мнению специалистов, «модернизация одних сторон социальной жизни вполне может сопровождаться архаизацией других ее сторон». К примеру, «прогрессивные» движения деколонизации в Третьем мире теоретически должны были привести к формированию буржуазных наций и демократических режимов. «Но так происходит далеко не всегда, а если и происходит, то это вполне может таить под собой иной смысл – сохранять и даже восстанавливать *иные*, автохтонные социальные институты. Так, расцвет религиозного фундаментализма в исламском мире яркий показатель того, как вместо ожидаемого развития по западному пути локальное общество сворачивает в совершенно ином направлении»¹.

Сегодня формат аграрного традиционализма перестал отвечать новым вызовам времени, стал неадекватен изменившейся реальности, однако параллельно с идущей фрагментацией и атомизацией башкирского общества, в нем усиливаются неотрадиционалистские, общинно-коллективистские формы организации социума, такие как мусульманские уммы, землячества, радикально-националистические группировки. Они могут обладать как положительными, так и отрицательными установками и программами, тем не менее, социологически эти общности противоположны постаграрной, «либерально-демократической» или городской консолидации. Фактически это полуразрушенное традиционное общество, представители которого, исторически не успев выработать другие формы самоорганизации или идентичности, адаптировались к резко изменившимся внешним условиям, но главным образом за счет усиления и расширения архаики.

Первоначально ее сфера стала разрастаться в период правления М. Рахимова (1990-2010 гг.) в условиях активной регионализации и создания полуавтономной квазигосударственности, а затем и модернизационных

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 151.

скачков, обусловленных догоняющими реформами новой власти, что в каком-то смысле закономерно, поскольку еще известный социолог А. Ахиезер выяснил, что архаизация возникает тогда, когда «усложнение проблем соответствующего субъекта не рождает адекватного творческого потенциала. Субъект находится во власти исторического опыта, сложившегося в более простых условиях, и, следовательно, опирается на неэффективные, неадекватные новой ситуации решения»¹.

Если отойти от линейного, прогрессистского взгляда на историю башкирского общества, то можно обнаружить множество периодов, когда после достижения определенного уровня сложности и благополучия оно резко откатывалось назад. Особенно это хорошо видно сравнительно с нынешним и советским периодом истории.

Многие негативные процессы, протекающие в современном башкирском обществе (в том числе и политического плана) обусловлены, в первую очередь, спецификой советской модели урбанизации, которая характеризуется противоречивостью, незаконченностью многих модернизационных перемен². Дело в том, что с самого начала советские преобразования, ориентированные на создание сильного индустриального государства и, вместе с этим, урбанизированной среды, начались в стране, руководство которой имело туманное представление о городе как системном целом, а у населения в своей массе не было необходимых качеств для формирования городской культуры.

К примеру, несколько волн урбанизации, которые выпали на советский период истории, переместили десятки тысяч башкир из деревни в город, изменили условия их повседневного социального общения и подчинили его технологии городской жизни. Однако процесс сверхускоренной модернизации привел не только к социокультурному несоответствию, но и остался незавершенным. Так, фактически до настоящего времени не

---

¹ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.

² Вишневецкий А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 5.

возникло массового слоя полноценных носителей специфических городских отношений – средних городских слоев (башкир-горожан), то есть силы, способной не только самостоятельно поддерживать и развивать социальную организацию и культуру городского общества, но противостоять давлению социальной архаики, влияние которой все еще имеет доминирующие значения для башкирского социокультурного пространства.

С одной стороны, башкирское общество уже в советский период обладало всеми чертами Модерна. В то же время, специфика этого явления заключалась в том, что проводниками модернистских идей и инициатив тогда были: а) прежде всего, люди, входящие в партийно-хозяйственную вертикаль БАССР («национальные кадры»), б) наиболее передовая часть национально-культурной башкирской интеллигенции.

Однако с распадом советской системы и началом бурных процессов суверенизации республики, данная часть башкирского общества была, на наш взгляд, по разным причинам оттеснена в общественно-политической и культурной жизни на второй план. Именно изменение механизма и критериев рекрутации элит затруднило впоследствии попадание инициативных управленцев в верхние эшелоны региональной власти, привело к стагнации режима. По мере же того как скрепы советского Модерна слабели, разрушались – влияние архаики в различных сферах приобретало все больший размах. (Под «архаикой» в данном случае мы понимаем возврат к более «простому», уже пройденному уровню культуры).

Возобновление клановых связей, мобилизация на основе узкоэтнической идентичности, актуализация из подсознания «народной» ментальности архаичных представлений о власти, чиновпочитание, возрождение черт «сословности» (например, попытки родителей передать по наследству детям свои «социальные статусы»), рост носителей крайних фундаменталистских (религиозных) взглядов, непропорциональное доминирование сельской культуры в социально-политическом

пространстве – вот лишь небольшой перечень проявлений архаики в башкирском обществе на сегодняшний день.

Нужно объективно признать – с распадом СССР башкирская культура (в том числе и политическая), не только заметно деградировала, но и стала в значительной мере архаичной. Речь идет, прежде всего, о процессах, которые шли в сфере высокого искусства (литературы, театра), общественных наук, национального телевидения (БСТ), политики и т.д. Подобная ситуация стала следствием развития неконтролируемых процессов, которые шли, главным образом, со стороны «традиционного общества», когда под давлением архаики оказались заблокированы инициативы людей – носителей Модерна, которые обычно и придают любой традиционной, народной культуре черты современности. В результате чего постсоветский период республики стал, в определенной степени, всплеском архаики и лишь специфичный идеологический фон, сопровождавший эти процессы, которые формально шли под знаменем «национального, религиозного и культурного возрождения», надолго затемнили истинную суть данного явления.

Так, если речь идет о театральном искусстве – то многие годы на башкирской сцене шли (и продолжают идти) спектакли, которые на наш взгляд, соответствуют в основном культурным запросам вчерашних выходцев с села — «новых» горожан (что, в принципе до 2000-х годов отражало общую стратификацию башкирского социума). Параллельно с этим, современный театр стал транслятором своеобразных мифологизированных представлений о прошлом башкирского народа, этноцентрических стереотипов главным образом как о «народе-жертве». К примеру, трагическая и неоднозначная судьба таких исторических фигур как А.-З. Валиди или поэта Рами Гарипова оказалась втиснута в банальные штампы жертв «кровавого советского режима», сильно упрощена, учитывая масштаб и деятельность этих личностей.

Аналогичные процессы шли и в сфере башкирской литературы, перспективы развития которой вызывают в настоящий момент большие сомнения. Башкирская писательская среда, сформировавшаяся еще в советский период, при всех ее недостатках, была и остается в настоящий момент хранительницей исторического опыта башкирского народа, его языка, культуры. Обладает характерными чертами не только советской, но и национальной интеллигенции. Проблема же в том, что она не захотела и не дала вырасти новой башкирской писательской прослойке. Сегодня средний возраст в Союзе писателей РБ составляет 65-70 лет, что в итоге ведет лишь повторению и наполнению новым содержанием «старых» литературных форм и стилей, препятствует сложному культурно-философскому осмыслению переломного периода в истории башкирского народа. Эти же тенденции можно наблюдать в академической науке, в общественной сфере (например, в МСОО «Всемирный курултай башкир»), эстраде, в целом характерны для различных сегментов современного башкирского общества.¹

Как бы ни банально звучала мысль, но – можно сколько угодно увеличивать количество «народных поэтов и писателей Башкортостана», академиков, «заслуженных артистов» и докторов наук, однако к реальному развитию культуры все это будет иметь, в конечном счете, слабое отношение. Безусловно, что патерналистская поддержка со стороны «государства» национальным культурам нерусских этносов РФ необходима и актуальна. Однако это, на наш взгляд, не должно превращаться в политику неформального распределения ресурсов, пусть даже и с этническим колоритом.

Таким образом, институты, связанные с деятельностью республиканских СМИ, башкирская «народная» и высокая культура, в реальности полностью блокируют легитимацию утилитарных ценностей в общественном сознании, что с каждым годом приобретает все более

---

¹ Всемирный курултай башкир в общественно-политической жизни Республики Башкортостан. Сборник документов и материалов. Уфа: АН РБ, Гилем, 2011. С. 15.

негативный характер, поскольку уменьшает шансы безболезненной интеграции башкир в суровые «рыночные» реалии.

Фактически значительная часть башкирского городского населения является сегодня полу маргинальным слоем в социальной структуре городов РБ. У большинства башкир-горожан не решены фундаментальные запросы, в ряду которых на первом месте стоит «жилищный вопрос». Следует признать, что современная рыночная жилищная модель пока не в состоянии удовлетворить основную часть городских башкир по причине их низкой платежеспособности. Ситуация усугубляется и тем, что если для значительной доли, к примеру, татар и русских, проживающих в городах республики, доминирующей жилищной стратегией стало выстраивание «наследственных» цепочек на вторичном рынке, то для башкирского населения, в массе своей только начинающего осваивать городское социальное пространство, подобный выход из положения оказался доступным лишь для немногих семей. Советская жилищная модель ликвидирована, а компенсировать ее путем передачи жилья по наследству не получается, поскольку родители большинства молодых башкирских семей проживают в деревне, где цена на жилье остается традиционно низкой. Соответственно в условиях современного «общества потребления», удовлетворение запросов которого предполагает достаточно высокий уровень жизни, башкиры-горожане оказываются обездоленными и в социальном и в «культурном» плане (в плане потребления «образов и услуг»). Процесс латентного сползания части массы башкир в непрестижные, полумаргинальные социальные «ниши» в настоящее время является главным фактором, ведущим к росту радикализма среди башкир (особенно молодежи), объясняет высокую политическую активность башкирского населения в целом.

Другими словами, в различных областях культуры, политики, общественной жизни, так или иначе связанных с башкирским «социокультурным пространством», сегодня можно наблюдать один и тот

же институциональный кризис, порожденный, в первую очередь, неконтролируемым всплеском социальной архаики (Премодерном), очередная волна которой пришлась на 90-е годы.¹

Соответственно, если с этого ракурса сравнить процессы, происходящие в современном татарском обществе (в Татарстане), учитывая его цивилизационную схожесть с башкирским, то можно обратить внимание, что именно наличие весомой социальной страты в лице «городской татарской интеллигенции», позволяет не только «усмирять» проявления крайних форм традиционализма, но и своевременно решать проблему модернизации, что вполне закономерно, поскольку опыт других стран показывает, что если «носители Модерна» в любом обществе составляют меньшинство критического уровня, то эта культура обречена на архаизацию.

Само по себе «традиционное общество» еще не несет в себе опасности, в противоположность архаике, которая проявляется в социально-политической жизни в кризисные моменты. Именно из-за неспособности традиции выполнять свои функции, архаика начинает подменять ее, срабатывая как защитная реакция. Однако при этом между традицией и архаикой имеются существенные различия. Как отмечают исследователи: «Традиции многослойны и многообразны, но при этом хорошо структурированы. Архаика же не обладает рациональной структурой, не выполняет конструктивную функцию регулирования человеческого поведения, не характеризуется определенностью и устойчивостью. Архаика не кристаллизуется в социальных формах – это свойство традиции, но оседает на психологическом уровне, прежде всего – на уровне подсознания».² Соответственно «если традиция является транслируемым культурным текстом, то архаика – культурным подтекстом, не формализуемым и не вербализуемым. Она возникает в местах

---

¹ Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 8.

² Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре // <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>.

разрушения культурной органики, традиции, и призвана в этом случае традицию компенсировать»¹.

Парадокс же заключается в том, что при всей схожести между традицией и архаикой, последняя не имеет потенцию к саморазвитию, что и можно наблюдать, рассматривая, к примеру, процессы, протекающие в современном башкирском обществе. Даже этническая мобилизация 90-х годов, принявшая форму «движения за суверенитет» была в какой-то мере защитной реакцией нерусских этносов СССР на хаос «модернизации», позволила смягчить катастрофические последствия слома привычного (традиционного) образа жизни. Однако далось это лишь за счет усиления и укрепления архаики. Именно поэтому сегодня из этого состояния нужно плавно и целенаправленно выходить, поскольку давление архаики практически полностью блокирует назревшие модернизационные процессы, в том числе и культурного характера.

На этих проблемах можно было бы не останавливаться столь подробно, если бы они не имели и политического контекста для башкирского народа, его элиты. На наш взгляд, именно неспособность правящей элиты РБ во главе с экс-президентом М. Рахимовым модернизировать созданную на волне суверенизации политическую систему, постепенная архаизация социальных и политических практик, клановость, стагнация в экономике, культуре, социальной сфере послужили главными причинами, которые привели в итоге к смене республиканской элиты, болезненно отразились, в том числе, и на башкирской интеллигенции².

Под конец своего 20-летнего существования данная система, по всей видимости, полностью исчерпала свои возможности, перестала адекватно отвечать на новые вызовы времени, не справлялась с набором усложняющихся задач. Любопытно, что аналогичный институциональный кризис привел к краху и Российскую империю в 1917 г., и СССР в 1991 г.

---

¹ Там же.

² Буранчин А.М. Роль башкирского телевидения в формировании национальной идентичности // Межнациональные отношения в Башкортостане: исторический и социально-культурный аспекты: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2011. С. 52.

Скорее всего, это связано с тем, что политические режимы, возникающие в обществах традиционного типа, наталкиваются на одни и те же системные проблемы, решение которых затруднено, в первую очередь, причинами социокультурного характера¹.

Следует отметить, что в предшествующей политической элите РБ все же были чиновники модернистского толка (например, экс-министр культуры и национальной политики И. Илишев, бывший глава Администрации президента Р. Хабиров и др.), но проблема заключалась в том, что они так и не стали доминирующей социальной группой в башкирской элите. Фактически их функции сводились к тому, чтобы придавать черты современности традиционалистскому режиму М. Рахимова, однако в реальности под этой оболочкой скрывалось не столько традиционное общество, сколько архаика. Доказательством этого может служить тот факт, что с культурологической точки зрения башкирское общество уже в позднесоветский период было по всем параметрам современным. В котором, казалось, давно уже изжиты такие явления как родовая клановость, байство, чиновничество с элементами «культы личности», показная религиозность и т.д., то есть то, что поднялось «наверх» из нижних пластов социальной органики в 90-е годы.

Конечно, сложности такого рода характерны для каждого общества. Элиты, «культурные классы», несмотря на то, что занимают верхние «этажи» в социальной структуре общества, всегда были и будут в меньшинстве. Под натиском модернизации верхние слои культуры могут прорваться, привести к торжеству архаики, что и случилось, к примеру, в СССР в конце прошлого века. Однако в западноевропейской цивилизации архаике противостоит, прежде всего, городской «средний класс», для которого характерен не только индивидуалистский пафос либерализма, но и ярко выраженный антитрадиционализм, с иррациональной агрессией к

---

¹ Буранчин А.М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // Перспективы модернизации традиционного общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Гилем, 2011. С. 45.

крестьянам и крестьянской культуре. В нашей стране городские слои сами были (и остаются) частью традиционного общества, это далеко не европейские буржуа.

Таким образом, с большими трудностями и противоречиями, постепенно складывается новая матрица башкирской городской культуры, однако это означает, что общество уже окончательно перестало быть в чистом виде традиционным, аграрным.

На практике это требует, прежде всего, со стороны власти и башкирской элиты, в короткие сроки сделать все необходимое для того, чтобы смягчить негативные последствия болезненного процесса, поскольку выработанная веками традиционная культура и опыт еще долго не будут соответствовать новой социальной среде, чреватые всплесками деструктивной активности. В башкирском обществе окончательно вызрели предпосылки для глубинных социокультурных перемен, а значит, предстоит провести большую и сложную работу для последующего исторического развития. В противном случае институциональный кризис, поразивший сегодня различные сферы башкирского общества, рано или поздно повлечет за собой и более тяжелый кризис национальной идентичности, что уже напрямую поставит вопрос о будущем башкирского народа.

3.8. От советского Модерна к Постмодерну: архаика в мозаике идентичностей и структуре башкирской культуры

С момента смены власти в Башкирии в 2010 году, а фактически с завершением аграрной эпохи в истории республики, прошло уже более шести лет и динамика социокультурных процессов скрытая на первом этапе, стала в башкирском обществе проявляться более отчетливо. Болезненная ликвидация авторитарного режима, основанного на идеологии этноцентризма, выход из локальной (региональной) замкнутости и возврат в лоно общегосударственной идентичности, как и следовало ожидать,

наиболее сильно задела интересы титульной нации. Политика деполитизации этничности теоретически должна была снять те противоречия, которые возникли в рамках авторитарного проекта и под конец стали препятствовать модернизации башкирской культуры. Однако ситуация оказалась более сложной, а масштабные трансформации выявили новые разрывы в башкирском социуме, которые пока не находят адекватных решений. Переход от советского Модерна к постсоветскому периоду регионализма, а затем к новой форме политического управления, привел не к возврату к структурам Модерна, а фактически породил крайне неоднозначную и противоречивую картину сюрреалистического Постмодерна, в котором наблюдается сложный сплав структур современности и архаики, в ущерб культурной традиции. Так же, как частичное восстановление практик советского традиционализма в рамках консервативных реформ В. Путина не вернуло страну к 1980-м годам. Необходимо признать, что при всех своих противоречиях «суверенитетская форма идентичности» все-таки во многом инерционно строилась по лекалам советского Модерна, а значит, обладала не только определенной логикой и вектором развития, но и была более цельной. Другими словами, если сравнить с советским периодом, башкирская культура явно двигалась по нисходящей регрессивной линии, то и смена власти в 2010 г. не привела к запуску внутренних механизмов ее развития. В этих условиях по-прежнему труднодостижимой остается задача формирования ответственной башкирской национальной элиты, самодостаточной и относительно независимой от структур власти. Соответственно на фоне неработающих институтов мы можем наблюдать сегодня лишь набирающую обороты архаизацию общественных отношений, а также возникновение целого спектра идентичностей внутри башкирского «мира».

По всей видимости, речь идет о системном кризисе («кризисе этничности») не до конца устоявшегося социума, над которым нависла определенная угроза распада. Так, несмотря на активные проявления

этничности, на практике башкирское общество по-прежнему почти или совсем ничего не объединяет. Современное башкирское общество как бы «зависло» между распадающейся субъектностью периода «суверенитета» (фактически это разложение традиционного аграрного общества) и слабо формирующейся городской культурой.

В этих условиях важной проблемой становится вопрос о формировании новой башкирской (постаграрной) идентичности. Тенденции этнического «полураспада», несформированность устойчивых горизонтальных связей – толкают современных представителей башкирского общества, в особенности наиболее активные слои, на формирование идентичностей более локального уровня – религиозного, узкоэтнического, городского, профессионального и др. Соответственно архаизация общественных отношений оборачивается повышенной конфликтностью, агрессией, формирует благодатную почву для распространения религиозного фундаментализма, а также радикального национализма и сепаратизма.

К примеру, одной из главных проблем сегодня является скрытый сепаратизм некоторых групп башкирского общества (особенно среди молодежи), испытывающих чувство недостаточной идентичности в отношении российской государственности в целом. Во многом это вызвано тем, что резкие изменения, запустившие со сменой власти, слом жестких форм патернализма не позволили этим группам адаптироваться к переменам. В результате: значительная часть социума стала напрямую связывать это с «грабительской политикой имперского Центра, которая, как и советской период, все выкачивает с регионов».

Одновременно на месте сегментов башкирского аграрного общества происходит формирование общества современной массовой культуры, достаточно сильно оторванной от своих традиционных исторических корней, то есть общества, которое не хочет больше ничем жертвовать, не

хочет идти ни на какие мобилизации, включая создание новых форм высокой и народной культуры.

Глядя на современное башкирское общество, мы действительно уже не можем найти явного башкирского своеобразия. Своеобразие порождается традиционным обществом, в первую очередь тем многоукладным и поликультурным обществом, которое было характерно для аграрного социума, когда параллельно существовали миры крестьянства, башкирской элиты и духовенства, где эти миры сложно взаимодействовали друг с другом, порождая целый комплекс башкирской духовности.

Сегодня, когда все это осталось в прошлом, и возник унифицированный образ жизни, который диктуется мегаполисом, остатки традиционного уклада отмирают и уходят на периферию современного развития. Башкирская культура становится более безликой, находящейся под давлением глобалистических ценностей общества массового потребления, массовой попсы, и чем больше она теряет своеобразие, тем больше на уровне компенсации пытается сохранить свою идентичность. Представители общества все больше ощущают углубляющийся кризис идентичности и все больше нуждаются в новом объединяющем мифе, даже абсолютно ортогональном их реальному бытию, как в некой форме, некоем якоре, за который можно зацепиться, и даже пусть в качестве обертки, в качестве фасада сохранить на сегодняшний день свою идентичность. Однако, что может стать идеей консолидирующей общество в новых условиях?

«Исламский ренессанс»: традиция или архаика?

Сегодня среди представителей башкирской элиты много говорится про объединяющую роль «возрожденного ислама», способную превратить башкирское общество в дееспособную нацию. Однако, несмотря на то, что большинство башкир в настоящий момент называют себя мусульманами, в реальности мы видим, что эта идея в целом носит «парадный» характер.

Вероятнее всего это в значительной мере не более чем компенсация за недостаточную национальную идентичность. Кроме того, за внешней, фасадной стороной возвращения к исламской традиции скрываются иные тенденции, зачастую противоположного свойства. К примеру, большая часть тех, кто называет себя верующими, в первую очередь, видят в исламе возвращение к национальным традициям и истокам. Они видят в этом не потребность общения с Богом, не потребность личной веры и даже не потребность жить в соответствии с религиозными ценностями, а главным образом этнокультурный маркер, позволяющий самоидентифицировать себя в постсоветской реальности. В действительности к активным мусульманам (тех, кто живет руководствуясь исламскими установками в обыденной жизни, а не вспоминая о религии лишь во время официальных праздников, таких как Ураза и Курбан-байрам), условно можно отнести не более 10% от числа всех башкир. Таким образом, говоря о нынешних носителях религиозной идентичности, речь может идти о незначительном сегменте внутри башкирского общества.

Другими словами, это лишь парадная ценность национальной идентичности, которая действительно очень важна, потому что современное башкирское сознание испытывает крайний дефицит в каких-то объединяющих началах. Это одна из немногих ценностей, способная объединить, хотя бы на парадном уровне, многие разорванные социальные общности и субгруппы. Но на практике, когда религиозные деятели начинают вмешиваться в дела общества и претендовать на что-то большее, чем просто парадный символ башкирской культуры, это вызывает заметное отторжение. Башкирское общество явно не желает отходить от светского формата своей культуры.

Стремительный рост за последние 15-20 лет числа тех, кто называет себя мусульманами, казалось бы, позволяет говорить о своего рода «исламском ренессансе», особенно на фоне крайне малого числа верующих в позднесоветский период в БАССР. Однако переживаемый башкирами

«исламский ренессанс» – крайне неоднозначное явление, имеющее корни не только и не столько в собственно исламской традиции, сколько в реанимации гораздо более древнего пласта народных верований и суеверий, успешно переваренных современной массовой культурой.

Одновременно, как и постреволюционная ломка первой половины XX века, перемены конца того же века привели к очередному витку архаизации и примитивизации массового религиозного сознания, своего рода «религиозному китчу» (религии для массового пользования, наряду с концертами местной эстрады), а также попыткам создать (изобрести) новые религиозные традиции. Результаты такого движения очень противоречивы, ведут не только к архаизации, но и внутренним конфликтам. К примеру, как отмечает в своих исследованиях известный религиовед А.Б. Юнусова: «Обращение к архаичным пластам религиозной культуры в настоящее время отражает неустойчивость верующих, легко попадающих под влияние спекулирующих на религиозных чувствах различного рода миссионеров, подверженность духовной сферы криминализации, внутренние противоречия в среде современных мусульман»¹. Так, с одной стороны сторонники «традиционного ислама» в башкирском обществе активно создают свою мифологию, в том числе и путем сакрализации пространства (поклонение могилам, святым местам и т.д.), с другой – это провоцирует всплески фундаментализма радикально настроенной части мусульманской молодежи в лице салафитов и вахабитов².

Особо необходимо отметить, что в настоящий момент новая религиозность все чаще становится фактором раскола в башкирском обществе. К примеру, когда разделение идет по линии последователей суфизма и его различных версий (главным образом среди башкирской творческой элиты), а также нижних этажей социума, представители которого разделяют идеологию несуфийского направления (включая вахаббизм), то

---

¹ Юнусова А.Б. Мобилизованный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН, 2015. № 3. С. 114.

² Там же. С. 112.

есть это уже не только внутриконфессиональный разрыв, но и стратовый (между элитой и массой). Можно даже утверждать, что внутри башкирского мусульманского пространства сегодня формируется две версии ислама – для элиты и масс. Данный раскол обладает явным деструктивным потенциалом, постепенно втягивая в свою орбиту гуманитарную интеллигенцию, а также представителей научного и экспертного сообщества. Фактически этому противостоит лишь небольшая часть светски ориентированной башкирской интеллигенции, которая явно не может блокировать нарастающие масштабы архаизации этнического сознания. Впрочем, ради объективности следует отметить, что и у подавляющей части мусульманского духовенства постепенно растет понимание опасности со стороны радикалов. Так, по результатам соцопроса 2011 г. 64,7% имамов обозначили опасность ваххабизма для традиционного ислама в Башкирии и необходимость борьбы с ним¹. Проблема только в том, что в настоящий момент в Башкирии, как и в целом по России, нет четкого определения «традиционного ислама», а действующие акторы из религиозной сферы (включая и представителей экспертного сообщества), легко манипулируют этим термином, вкладывая в него иногда прямо противоположный смысл.

Ситуация в этом плане с каждым годом становится более сложной, в особенности если взять во внимание тот факт, что в ЦДУМ работают в основном татары, в ДУМ РБ – башкиры (около 30% духовных лиц входят в эти структуры не имея «профильную» национальность)².

На наш взгляд, общественность республики, включая и соответствующие органы, на каком-то этапе явно упустили ситуацию из-под контроля, поскольку речь идет о достаточно закрытых общностях, а радикальные течения все чаще приобретают этническое (башкирское) содержание. К примеру, «как показали сентябрьские события 2011 г. в г. Баймаке, когда из городской мечети был изгнан имам духовного

---

¹ Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX-XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015. С. 152.

² Там же. С. 177.

управления, настроения прихожан сложно контролировать. Около недели мечеть была захвачена группой молодых мусульман, которые по заявлению сотрудников Управления ФСБ по Республике Башкортостан и МВД РБ были признаны членами салафитских (ваххабитских) ячеек»¹.

В итоге вместо необходимой консолидации и планомерной работы, общество медленно сползает к «средневековому мракобесию», а сложный баланс между традицией и архаикой явно меняется в пользу последней².

Наглядным и символичным в этом контексте является ситуация которая произошла с одним из институтов Академии наук РБ. Это научное учреждение считалось одним из передовых в плане изучения проблем современного башкирского общества, активно занималось башкироведением. Также из числа его сотрудников состояла редакция общественно-политического сайта «Традиционалистов Башкортостана»³, идеология которой строилась на матрице умеренного консерватизма, а сам проект имел культурно-просветительский характер. Однако в результате конфликта между последователями учения суфия Хаккани и сторонниками салафизма, произошел раскол в учреждении, а светски ориентированные сотрудники научного института оказались заложниками положения и были вынуждены либо пассивно наблюдать, либо косвенно участвовать в данном противостоянии. Итог оказался крайне показательным и поучительным – в ситуацию были вынуждены вмешаться органы власти, сменилось руководство института, редакция сайта распалась, а часть сотрудников ушла работать в другую организацию.

В связи с чем возникает вопрос: если подобные процессы начали возникать в формально модернизированных верхних «этажах» башкирского общества, в каком же состоянии тогда ее нижние «этажи»? Ведь

---

¹ Там же. С. 164.

² На наш взгляд, для снятия растущих противоречий в мусульманской умме РБ наверное следует уже вести речь о постепенном слиянии управлений ЦДУМ И ДУМ РБ (как в соседнем Татарстане), либо же о «разведении» по разным нишам представителей суфизма и салафитов, поскольку нейтрализовать влияние последних вряд ли удастся, так как они уже стали структурным элементом сложившейся «системы».

³ Даутова А.Р. Политическая культура башкир: анализ групп традиционалистов Башкортостана // Городские башкиры: урбанизация и этничность: Мат. IX Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 92-95.

теоретически научное сознание и его методы должны блокировать и разрушать структуры мифа, а не быть его носителем.

По мнению известного культуролога А.Ю. Зудина, подобные процессы объясняются тем, что «мощные сдвиги переворачивают общественную иерархию культуры. На поверхности оказываются архаические культурные слои, которые по своей природе обладают повышенным тяготением к сакрализации»¹.

В целом говоря об актуализации современной религиозной идентичности в башкирском обществе необходимо иметь в виду следующие моменты. С точки зрения либеральной концепции модернизации, появление исламской религиозности, которая вышла на поверхность из нижних слоев культуры в результате слома советского проекта – явление однозначно архаическое. Однако с позиции консервативного мировоззрения она может трактоваться как возврат или восстановление традиции. Это означает, что определенная мифологизация сознания современного человека (особенно масс) само по себе не является признаком регресса. Во всяком случае его нельзя ликвидировать или полностью подавить как структурный элемент. Поскольку, как отмечают социологи: «Миф и в архаических обществах, и в обществах современных представляет собой ту область человеческого духа, где сознательное и логичное тесно соседствует с бессознательным и иррациональным, представляя собой развитую структуру, отталкиваясь от которой можно проследить и траекторию дальнейшего становления логоса (философии, рационализма), и развертывание образов бессознательного»².

Миф (μῦθος) по-гречески означает «рассказ», «повествование», и подразумевается такой рассказ, который лежит в основании той или иной социальной практики, обычая или института. Наряду с вполне рациональными элементами и самой задачей – разумно объяснить то или иное явление – миф несет в себе отсылки к разнообразным темам,

---

¹ Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита // Мир России. 2002. № 3. С. 125.

² Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Триеста, 2010. С. 46.

персонажам, событиям и связям, которые ускользают от рационального анализа, содержат в себе иррациональные, неverifiedируемые элементы.

В мифе его элементы – персонажи, действия, ситуации, ландшафты и т.д. – образуют неразрывную связь, плавно и незаметно перетекая друг в друга, и ряды совмещения этих элементов могут варьироваться по признаку мифологического сходства: вместо одного вполне можно поставить другое, если между ними существует символическое соответствие. Логос и логика отвергают такое явление, как символ, замещение одного другим, вариацию на основании функциональной близости и т.д. Они требуют от рассматриваемого объекта кристальной однозначности. «Либо это ты, либо это уже не ты, а кто-то другой», – сурово обращается логос к вещи или персонажу. Но такой дилеммы нет в мифе и у его участников, и поэтому в сферу логоса попадает не просто отдельно взятый элемент мифа, а нечто другое – что заведомо способно удовлетворить предъявляемым требованиям¹.

Как указывает А. Дугин, в архаических типах общества (Премодерне) миф полностью доминирует; он не соседствует с логосом – он присутствует на месте логоса, заменяет его собой. Общество в архаике есть прямое выражение коллективного бессознательного и его режимов, архетипов, символов².

Однако в нынешнем состоянии башкирского общества, которое давно уже вышло из Премодерна, сфера мифа вновь начинает доминировать без оглядки и контроля со стороны носителей логоса (рациональности), что и приводит, в конечном счете, поражению модерна основанного на традиции, то есть за счет роста носителей чисто мифологического, архаического сознания. Традиционное общество может и должно развиваться с опорой, в том числе, и на мощные архаические пласты – это его культурная данность, но в случае, если необходимый баланс не будет найден – мифологическая

---

¹ Там же. С. 65.

² Там же. С. 181.

суть архаики станет реальным фактором, активно влияющим на повседневные практики.

Соответственно может ли башкирское общество сегодня нормально развиваться, если сама элита была и остается носителем мифологического мышления, транслируя его установки на нижние «этажи» социума: первоначально в ходе обслуживания идеологии суверенитета, сегодня – в форме псевдонаучных или квазирелигиозных идеологем.

В то же время, как показывают современные этносоциологические исследования, «религиозный фактор не играет для городских башкир (в отличие от татар) заметной роли в общественно-политической и культурной жизни. Религия не является фактом повседневной жизни городских башкир, не декларируется как часть национальной культуры и, следовательно, не способствует их внутриэтническому сплочению и солидарности»¹.

Много вопросов вызывает сегодня и качество формирующейся мусульманской элиты Башкирии. К примеру, социолог Р.Р. Галлямов, проведя в 2004 г. исследование религиозной ситуации в РТ и РБ, а также опросив мусульманских лидеров входящих в ДУМ РБ и ЦДУМ России, сделал следующее важное наблюдение. По его мнению, «одним из наиболее существенных факторов, обуславливающих значительно более скромные перспективы исламского возрождения в Урало-Поволжском регионе, по сравнению с тем же Кавказом, является слабость того социального слоя, из которого сегодня рекрутируется мусульманское духовенство. Развитое индустриально-аграрное производство, широкие возможности для получения светского образования и карьеры «вычерпывают» практически всю (особенно талантливую) молодежь». «Подавляющее большинство нынешних молодых имамов обладает довольно средними интеллектуальными способностями, весьма скромно закончив в свое время среднюю школу, имеет невысокий общеобразовательный уровень и не может похвастаться широкой эрудицией в светских вопросах. Многие из них

---

¹ Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1994. С. 172.

завершили свое светское образование в профессионально-технических училищах или даже неполной образовательной школе». Причем «это наблюдение справедливо и по отношению к некоторым из тех, кто затем получил духовное образование в ведущих исламских учебных заведениях дальнего зарубежья – в Египте, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии»¹.

Глубоко исследовав современное мусульманское духовенство Республики Башкортостан, религиовед З. Хабибуллина пришла к выводу, что оно «к концу 2000-х гг. так же, как и весь ислам в целом, «возродилось» вместе с комплексом неурегулированных проблем, связанных с мусульманским образованием, кадрами, интервенцией радикальных идеологий, слабым и неэффективным противодействием»².

Сегодня многие историки говорят о явлении «размытой» религиозности. С одной стороны, люди готовы причислить себя к одной из религиозных конфессий, с другой, их вера носит избирательный характер, эклектична, переплетена с суевериями, доставшимися в наследство от языческого прошлого, обрывочными научными знаниями и псевдонаучными фактами. В целом, это не способствует становлению четкой мировоззренческой картины мира (даже религиозной), а, следовательно, ведет к отсутствию прочных ценностных основ личности, на формирование которых, прежде всего, уповают сторонники дальнейшего процесса сакрализации общества³.

Подобные «игры с иррациональным» могут привести к опасным последствиям. В этой ситуации утешает лишь то, что в Республике Башкортостан еще не взрывают муфтиев как в Татарстане, хотя само татарское общество, скорее всего, испытывает аналогичные сложности, вызванные расширением сферы архаики.

---

¹ Галлямов Р.Р. Элита Башкортостана. Казань, 2006. С. 191-192.

² Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX-XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015. С. 103.

³ Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. № 3. С. 111.

В целом необходимо держать на особом контроле данную проблему, поскольку она обусловлена культурными особенностями традиционных обществ. Это в западном обществе мы имеем европейскую рациональность, которая стремится стать все более и более чистой, корректной и автономной, освободиться от любых примесей мифа, «воли к власти», от каких бы то ни было следов «подсознательного» (религии, традиции, древних и архаических культурных кодов), где основой данной рациональности выступают Просвещение, естественные науки, позитивизм.

Однако постсоветская реальность еще далека от подобной тотальной секуляризации на основе либеральной идеологии, а значит и более подвержена угрозе новой «варваризации».

Расцвет постмодернистского плюрализма на фоне кризиса академической науки

Другой блок проблем и противоречий связан с девальвацией научного знания и роли науки в современном башкирском обществе. С началом слома советского дискурса в его культурном пространстве возник феномен множественности дискурсов, включая переход от монизма к мифопоэтическому мировоззрению. Одним из его проявлений стал феномен фолькхистори причем как в рамках РФ, так и регионального сообщества. К примеру, как указывают специалисты «наиболее значимыми в общероссийском масштабе работами в Башкортостане, попадающими под определение «фолькхистори», являются произведения Э. Мулдашева, В. Путинихина, Ю. Султанова, С. Галлямова»¹.

Отдельной проблемой является связь «фолькхистори» с радикализмом вплоть до степени экстремизма. Как пишет А. Бердин, опираясь на материалы РБ и РТ, уже сегодня «целый ряд авторов находятся под судом по

---

¹Бердин А.Т. Социокультурный феномен «фолькхистори» на материалах Республики Башкортостан // Политический альманах Башкирского государственного университета. Сборник научных статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 46.

обвинению в экстремизме и разжиганию межнациональной розни (А.А. Дильмухаметов, Н.А. Швецов, С.Орлов), по суду признаны экстремистскими работы А.А. Дильмухаметова, а также Ф.Г. Ислаева и И.М. Лутфулина»¹.

Особенно большое давление мифа на массовое сознание пришлось на период суверенитета. Тем самым интеллигенция игнорировала свою социальную функцию критики народного сознания, стимуляции приобщения народа к реальным высшим ценностям культуры, хотя практически такой процесс в ограниченных масштабах имел место. В монологических идеалах интеллигенции («интересы народа», «восстановление вотчинного права» и проч.), в ее подчас доктринерском пренебрежении к ценностям культуры просвечивала способность во имя абсолютной цели доходить и до крайних пределов. Мифологическое сознание, публично декларируя заботу об интересах башкирского народа, легко переходила к ущемлению других его групп, раскалывая тем самым его целостность².

Под давлением этнической мифологии в годы «суверенитета» оказалась и региональная гуманитарная наука в республике³. Конечно, необходимо учитывать, что это было своеобразной защитной реакцией на распад системы, однако, к сожалению, данный процесс шел за счет снижения общего уровня науки и культуры.

Все это напрямую связано с архаизацией, поскольку очевидной формой проявления архаического является доминирование мифопоэтического мышления, которое предпочитает метафору рациональной логике. Метафоризация прошлого ведет к его упрощению, пониманию в легковесных схемах и примитивных моделях. «Написанные по принципам летописи – отход от реальных фактов, живописание языком

---

¹ Там же. С. 47.

² Так, в рамках авторитарного режима подверглись обструкции прогрессивные башкирские историки Б. Азнабаев и Р. Рахимов, причем только потому, что их концепции и исследования противоречили подходам сторонников «формационного подхода» старого поколения историков. В итоге они были вынуждены уйти с преподавательской работы в БашГУ.

³ Кучумов И.В. Этнополитический дискурс в историческом знании // Вызовы этничности и тенденции проявления идентичности. СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. С. 37-77.

художественной литературы, метафоризация и мифопоэтизация – монографии и даже учебники не позволяют адекватно анализировать сложившуюся ситуацию, что ведет к излишней поэтизации культуры этнического большинства, воспеванию его героического прошлого и культурного гения. Мифопоэтизация истории наделяет мифопоэтическими характеристиками исторические процессы и логику его развития, каковым является, например, антропоморфизм»¹.

О роли астрологических прогнозов, занявших заметное место в повседневной культуре современных россиян, стоит сказать отдельно. Как отмечают социологи: «Сегодня астрологический прогноз можно обнаружить практически в любых средствах массовой информации: радио, газеты, телевидение, интернет. Это указывает на его востребованность и необходимость постоянного оперативного обновления, что может свидетельствовать только об одном – современный россиянин прислушивается к содержанию гороскопа, возможно, ориентируется на советы и осуществляет поведение, которое им предписывается. По сути, гороскоп – один из видов гадательных практик, который выиграл конкуренцию с другими практиками в повседневной культуре, но не вытеснил их совсем. Речь идет о спросе со стороны россиян на гетерономные силы, которые бы выступали легитимирующими инстанциями того или иного поведения, на которые бы можно было переложить ответственность за выработанные, принятые и реализованные решения»².

Смена власти в 2010 г. лишь усилила постмодернистские тенденции в указанных сферах – в регионе возникла целая прослойка различного рода политических и религиозных «экспертов», аналитиков, комментаторов и «специалистов по всем вопросам». Сегодня они начинают активно формировать общественное мнение, влиять на принятие важных государственных решений. Причем, многие из них даже не имеют ученой

---

¹ Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. № 3. С. 104.

² Там же. С. 111.

степени, публикаций или монографий по соответствующим темам, более того сами являются активными политическими акторами, то есть по определению не могут быть членами экспертного сообщества. Отметим, что это свойственно как общественным манипуляторам, так и ученым, обслуживающим новый режим. По сути, нивелирована вся система авторитетов и межпоколенной традиции в науке. В итоге вместо глубокого и связного изучения сложных и противоречивых процессов, протекающих в настоящий момент в республике, растёт число «фрагментарных» текстов, а культура в целом приобретает мозаичный, «поверхностный» характер.

Конечно, любое научное сознание субъективно и не может быть полностью очищено от давления «мифа», особенно в гуманитарных науках (к примеру, от влияния либеральной или традиционалистской мифологии). Тем не менее, современные масштабы квазинаучного нарратива, безусловно, являются ярким показателем архаизации социума, как на общероссийском, так и региональном уровне.

Архаические пласты в структуре башкирского сознания и культуры

Истоки и противоречия нынешнего состояния башкирского общества, возможно, коренятся в глубоких пластах истории, а сам «текст» культуры и ее кодов требуют тщательной социологической «расшифровки» в рамках башкироведения, поскольку сегодня уже ясно, что на поверхность вышли слои культуры имеющие досовременный характер. Все-таки башкирское общество исторически имело, в отличие от других кочевых народов, совершенно иную форму интеграции в российское государство – с высоким уровнем автономности и самоуправления.

Процесс интеграции кочевых народов в административную структуру Российского государства один из наиболее малоисследованных вопросов отечественной исторической науки. Проблему включения башкир в

российскую империю наиболее детально исследовал историк Б.А. Азнабаев. В своей монографии «Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства»¹ он подчеркивает, что «башкиры были первыми кочевниками, включенными в состав государства в качестве особого сословия». Однако процесс интеграции и поиск наиболее целесообразной системы управления башкирами занял не менее двух столетий. В результате сложного поиска лишь в конце 30-х начале 40-х годов 18 века были сформулированы и найдены оптимальные принципы управления Башкирией, устранявшие главные причины башкирских восстаний.

С самого начала «российское подданство башкирских племен в России подразумевало минимальное вмешательство в дела внутреннего общинного самоуправления. Правительство не могло всецело полагаться на лояльность башкирской знати, поскольку легитимность ее власти определялась не московскими властями, а традициями общинного самоуправления»².

Если взять аспект проникновения ислама в повседневную жизнь башкир в досоветскую эпоху, то также можно говорить о слабом, поверхностном усвоении исламских ценностей. Даже во второй половине XIX века В. Черемшанский, характеризуя степень исламизированности башкир, отмечал, что «между ними нет особо набожных, какие встречаются между собственно мусульманами, потому и сами правила Корана не строго соблюдаются ими и не имеют положительного для них влияния»³.

Важно также, что в основании «ядра» культуры просматривается ярко выраженный уравнительный идеал. Так, руководитель академической экспедиции первой половины 70-х гг. XVIII в. И.И. Лепехин в своих записках отмечал, что, находясь среди группы башкир, «из любопытства» угостил калачом только старшинского сына. Однако тот приступил к еде

---

¹ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.в.). Уфа, 2005.

² Там же. С. 195.

³ Черемшанский Б.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 140.

только после того, как «на малейшие разломав частицы оделил всех председателей башкирцев»¹.

В ментальности башкир могли отразиться резкие колебания и переходы от уныния к радости, от трагичности к восторгу, связанные с хозяйственной деятельностью, что также говорит о слабом развитии срединной культуры. К примеру, Лепехину удалось передать эмоциональное состояние башкирской общины при переходе на летнее кочевье: «Всяк, кто видел башкирцев в зимовье, почтет их за других людей. Там он видел их униженных, боязливых и истощенных: тут, напротив, увидит их в кочевках их смелых, некоторым образом горделивых, предприимчивых и здоровых. Но откуда эта перемена? Отдаленные в горах места рожают в них некоторый образ вольности. Чистота и приятность воздуха, здоровейшая по привычкам их пища, свободная и беззаботная жизнь ободряет их телесные и духовные силы»².

В своей фундаментальной работе «Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.», авторитетный историк А.Б. Азнабаев убедительно показывает, что башкирское общество не только имело в отличие от других тюркских народов Российской империи уникальную структуру общества, но и автономную цивилизационную нишу. Башкирский социум зачастую решал вопросы на йыйынах (сходках общины), а роль элиты носила вторичный характер. При этом медиатором внутренних конфликтов выступала не башкирская знать, а часто русское государство. Он, в частности, приводит следующий пример, связанный с охотничьим промыслом. Как он пишет: «сам характер охоты обуславливался господствующим типом социальных отношений – иерархических или эгалитарных. Именно по этой причине у монголов и тюрков Центральной Азии распределение добычи после облавной охоты не вызывало конфликтов, поскольку этим процессом руководил хан или бий. У башкир же существовала традиция равного

---

¹ Лепехин И.И. Записки путешественника академика Лепехина. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. 3. С. 218.

² Там же. С. 131.

раздела охотничьей добычи между всеми участниками артели независимо от социального статуса. Вотчинники, чьи права при этом были нарушены, апеллировали к российским властям»¹.

Такой же высокий уровень автономности сохранялся еще в период Золотой Орды. Общественные отношения и этнические процессы, которые протекали внутри башкирского общества, не пересекаясь с аналогичными процессами в Золотой Орде, так как башкиры не были вовлечены в сферу действия улусных отношений. Другие кочевые народы, распределенные по улусам, были распланы среди целого ряда монгольских и тюркских племен: татар, меркитов, найманов, керейтов, половцев, булгар, буртас, остатки которых оказались разбросанными по разным улусам и перестали существовать как самостоятельные этносы. Подчинение башкир имперскому центру ограничивалось лишь регулярной выплатой ясака².

Как пишет Б. Азнабаев, «башкирские общины рассматривали ханскую власть в качестве института, прибегать к которому следует только в определенных политических обстоятельствах, требующих максимальной мобилизации социальных ресурсов общества. Сами башкиры считали подобный вариант политической структуры общества вынужденным и временным. При этом, башкиры не восприняли идею полного суверенитета власти хана. Он был обязан соблюдать ряд соглашений и исполнять определенные обязанности в отношении общества»³.

Находясь под протекторатом Золотой Орды башкирская знать отнюдь не отказывалась от преимуществ государственного права чингизидов, закрепившего за башкирскими родами их земельные владения. Это символическое признание значения золотого рода оставляло за ним только дистанционное внешнее регулирование жизни башкирских общин, причем только в тех вопросах, которые сами башкиры считали сферой полномочий

---

¹ Азнабаев Б. А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 74.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 267.

ханов и султанов. Этот же стереотип был перенесен и на отношение к подданству Русскому государству¹.

Несмотря на то, что некоторые башкирские родоплеменные образования были основаны бывшими пленными или переселенцами, между башкирскими общинами никогда не существовало иерархии старшинства. Это отличало родоплеменную структуру башкир от кочевого общества казахов, в котором были старшие и младшие роды. У башкир даже те родовые подразделения, которые образовались в результате сегментации, имели равные права со старыми родами на вотчинные угодья. Как гласит башкирская поговорка: «Степь — широкая земля, для молодых и старых — равная земля»².

В своем исследовании Б. Азанабаев задается вопросом: «Какая надплеменная структура выполняла интегративную функцию в башкирском обществе, кто регулировал применение военной силы в башкирском обществе?» По его мнению: «Документы, отображающие историю многочисленных башкирских восстаний, свидетельствуют о том, что такой властью обладали только йыйыны – народные съезды. При этом они созывались не только во время восстаний и войн. Общебашкирские йыйыны собирались в тех случаях, когда необходимо было принимать решения, затрагивающие интересы всех башкир. Так было, например, в 1721 г., когда башкиры решали вопрос о возобновлении российского подданства».

Йыйыны координировали общие действия, вырабатывали единые позиции в отношении тех или иных мероприятий правительства. На йыйынах принимались решения о начале или завершении военных действий, избрании хана, выделении дополнительных военных подразделений, назначении командиров, обсуждались новые подати или указы верховной власти. Инициатором созыва йыйына, как правило, являлась группа влиятельных башкир. Однако нет ни одного свидетельства, подтверждающего факт созыва съезда ханом. Решение, принятое на йыйыне,

---

¹ Там же. С. 281.

² Там же. С. 283.

было обязательным для всех, независимо от присутствия на съезде или несогласия с его постановлением¹.

Чем же было обусловлено отсутствие институализированной властной элиты в башкирском обществе XVII – первой трети XVIII в.? У соседей башкир (калмыков, казахов и ногайцев) существовали правители, облеченные полнотой власти в решении важнейших вопросов жизни общества. Как пишет Б. Азнабаев: «По-видимому, башкиры исторически имели совершенно иной политический опыт. Отсутствие улусной структуры на территории Башкирии предопределило специфически дистанционный тип имперского управления краем. Лояльность к главе государства основывалась, в том числе и на том обстоятельстве, что хан находится за пределами обитания башкирских родов, т.е. он практически не вмешивался в дела внутреннего самоуправления, в котором важнейшие решения всегда принимались на народных собраниях. Даже начало военных действий санкционировалось не ханом, а йыйыном, представлявшим собой высший орган самоуправления»².

В итоге Б. Азнабаев приходит следующему выводу, который имеет значение и для нашего исследования – «Изучение структуры башкирского общества XVII – первой трети XVIII в. свидетельствует о преобладании горизонтальных социальных связей, повлиявших на формирование у башкир особой формы безгосударственной (акефальной) политики, которая представляла собой союз формально автономных родоплеменных структур. Однако, несмотря на слабую централизацию и отсутствие надобщинных иерархических структур, эта политика не только консолидировала этнос для противостояния внешним угрозам, но и вырабатывала и поддерживала общие для всех сегментов данной структуры правовые традиции, культурные ценности и политические стратегии»³.

---

¹ Там же. С. 290.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 344.

Для сравнения: как пишет известный социолог А. Вишневский: «Прежние, дореволюционные элиты были органической частью всей статусной иерархии полуфеодального «вертикального» имперского общества». После определенного противостояния «региональные элиты получали свою долю полномочий и прав и естественно вписывались в общую пирамиду имперской власти». «То же самое происходило с потомками татарских мурз, грузинских царей, прибалтийских баронов, польских шляхтичей, узбекских ханов и биев и т.д. Они переходили на службу к российским императорам, получали российское дворянское звание»¹.

Как видим в данном имперском механизме интеграции, все же были исключения – особенности организации башкирского общества привели в итоге к созданию крайне замкнутой и автономной ниши внутри российской государственности. Говорит ли это, что для башкир характерны догосударственные идеалы и мифы? Ответить однозначно на данный вопрос сложно, поскольку времена советского и постсоветского авторитаризма указывают на обратное. Однако, как показал А. Ахиезер, движение от авторитарного полюса к соборному, и наоборот, присущи для традиционалистского сознания, являются общей характеристикой для традиционных обществ.

В целом поднятые вопросы имеют прямое отношение к современности, поскольку скрытые на нижних «этажах» массового сознания, в сфере бессознательного и менталитета пласты культуры активно влияют на повседневные практики². Более того, под натиском хаоса модернизации они легко прорываются и выходят на «поверхность», особенно если отсутствует значительная прослойка просвещенной элиты.

---

¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. С. 297.

² Показательно, что даже после ликвидации национальной дореволюционной элиты, а также двух десятилетий культурной модернизации, с началом Великой отечественной войны башкиры легко сформировали по инициативе центрального руководства легендарную Башкирскую кавдивизию, подключив, таким образом, мощные архаические структуры, которые, казалось, навсегда ушли в прошлое. Такая же попытка была сделана лидерами Союза башкирской молодежи в начале 90-х годов, однако дальше субкультурной военизированной атрибутики дело не пошло.

В итоге, к примеру, внешне схожие представители татарского и башкирского обществ зачастую оказываются в разных социально-экономических положениях, поскольку у них разные механизмы адаптации к переменам, иные культурные коды.

Размывание высокой культуры и проблема формирования национальной идентичности

С победой Октябрьской социалистической революции, началось складывание основ советской системы. Несмотря на то, что идеологи суверенитета обвиняли в свое время СССР в разрушении башкирской национальной идентичности, в реальности картина была с точностью наоборот. Все жители СССР имели двойную самоидентификацию – этническую и гражданскую, причем и та, и другая были закреплены официально. К примеру, западное гражданское общество и гражданская нация противостоят этническому национализму, построены на разрушении последней.

В советской системе собственно русский народ исполнял функции гражданской нации, не имея этнической идентичности. Именно эта причина, по мнению либерального демографа А. Вишневого, привела к тому, что «Сепаратистские устремления, приведшие в 1991 г. к распаду СССР, легко достигли цели, прежде всего именно потому, что не встретили значительного сопротивления со стороны российской, преимущественно русской элиты, из которой в основном рекрутировалась и союзная элита». В СССР этнический национализм нерусских народов не только не подавлялся, но и искусственно поддерживался. Практически все нерусские народы получили формальные признаки «гражданских наций» – «язык», национально-государственную территорию, систему национальной печати, театров и т.д.

Парадокс ситуации заключался в том, что постоянно осуждаемый на словах этнический национализм – антипод гражданского общества – стал нужным и эффективным инструментом власти, успешно легитимировал советский режим.

В целом главным результатом развития башкирского общества в условиях советской модернизации стало появление новой советско-башкирской национальной интеллигенции, в основном гуманитарной и творческой, в ущерб «технической». Это был, по сути, совершенно новый культурный и социальный тип, который достаточно сильно отличался от дореволюционной башкирской элиты. Одновременно он соответствовал маркерам «человека традиционной культуры». Характерными его чертами были: сакрализованное сознание, при отсутствии отрефлексированного пласта традиционной религиозной культуры, способность легко самоорганизовываться на традиционалистской основе, достаточно высокий уровень образования и культуры.

Как точно охарактеризовал его демограф А.Г. Вишневский, это был «соборный человек с университетским дипломом». По его мнению: «Советская культурная модернизация обеспечила стремительный рост образования, приобщение к современным техническим и научным знаниям, другие инструментальные изменения, без которых невозможно становление современного типа культуры, а значит и типа личности. Но она не привела к вытеснению средневековой холистской культурной парадигмы современной индивидуалистской, породила Homo soveticus – промежуточный тип личности, сочетающий в себе черты современности и традиционной «соборности»¹.

Со своей стороны хотелось бы отметить, что наиболее слабым местом советской ускоренной модернизации был существенный разрыв между «переходом к современности» и традиционной культурой. Башкирское общество не успевало выработать и адаптировать свою культуру к резким

---

¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

социальным изменениям. В результате сверхускоренной урбанизации и попыток со стороны советской власти искусственно создать новую башкирскую интеллигенцию возникла гомогенная социальная прослойка, которая обладала всеми признаками локального синкретизма. Высокая мобильность советского вертикального лифта подняла из глубин башкирского народа наиболее социально активных и талантливых людей, но парадокс ситуации заключался в том, что эти люди (новая элита), не были итогом органичного развития башкирской культуры. В глубине их ментального пласта лежала социальная архаика, которая лишь поверхностно была покрыта оболочкой советской культуры. Вчерашние сельские жители, то есть носители особой психоментальности, по сути, за очень короткий исторический срок стали известными башкирскими учеными, художниками, писателями, врачами и т.д., однако такая ускоренная модернизация таила в себе главную опасность – неспособность синкретизма критически оценивать себя и существующую социальную действительность. Новая советско-башкирская элита обладала мифологизированным сознанием и крайне слабым уровнем исторической саморефлексии.

Наиболее ярко башкирский фундаментализм проявился в культуре и социальной жизни в 30-40-е гг., а затем в послевоенный период. Символами этой эпохи стали: композитор З. Исмагилов, писатели М. Карим, Н. Нажми, З. Бишева и многие другие. Их заслуга заключалась в том, что они сумели органично трансформировать башкирскую народную культуру в формы высокой (советской) культуры. Они создали и оставили после себя прекрасные образцы высокой башкирской культуры, основанной на традиционных пластах народного сознания. (Наиболее показательным примером органичной стилизации является песня З. Исмагилова «Шаймуратов генерал», которую многие до сих пор считают народной песней).

В эти годы появилась новая башкирская художественная литература, башкирская опера, национальная печать и даже кинематография.

Безусловно, что это было одной из самых положительных сторон советской модернизации, хотя и здесь наблюдались отрицательные стороны. В том числе излишний руссоцентризм и заметное влияние советских идеологических штампов. Кроме того, сами образцы и формы высокой культуры были привнесены советской цивилизацией, стали результатом развития советского модерна, что, тем не менее, нисколько не умаляет историческое значение башкирской советской культуры. Модернизационный скачок выявил и другие негативные явления, показал незрелость новой башкирской интеллигенции. К примеру, в этот период многие башкиры, в том числе и представители национальной интеллигенции, называли своих детей революционными, а в действительности чуждыми своей культуре именами – Тельман, Дарвин, Ревмир, Магнит и т.д. Особо ревностные носители коммунистической идеологии из башкир считали родной язык, традиции ненужной архаикой, мешающей строить социализм. В том числе и со стороны партийных органов негласно культивировалось нигилистическое отношение в целом национальной культуре. Однако эти явления не носили явно выраженного антибашкирского характера, и были в целом постепенно изжиты в позднесоветский период.

Между тем, новая модернизационная волна выводила на историческую сцену следующее поколение башкирской интеллигенции. На смену представителям советского фундаментализма 30-40-х гг., шло поколение башкирской традиционалистской элиты, которое наиболее активно приняло участие в общественно-политической жизни республики в позднесоветский, а затем и период «парада суверенитетов». Главной ее чертой можно назвать отказ от жестких фундаменталистских установок традиционного общества и более зрелый, «интеллигентный» характер. Социокультурные параметры башкирского общества к этому моменту уже подверглись определенным изменениям. Старая, холистская парадигма постепенно расшатывалась. Сама башкирская культура становилась более утонченной, дифференцированной.

Коллективистские ценности традиционного общества вытесняются личностными, индивидуалистскими установками. Литературоцентризм советской башкирской культуры порождает таких талантливых писателей-общественников как Газим Шафиков, Р. Бикбай и многих других. Однако вместе с ними уже появляется и Рами Гарипов, который выступает, прежде всего, как поэт лирический.

Одновременно в это время начинается процесс вызревания этнического национализма крайнее проявление которого выявится в 90-е годы. Возникновение новой генерации башкирской интеллигенции характеризуется ростом национального самосознания и патриотизма. Именно в 70-80-е годы получают распространение истинно башкирские имена, такие как Салават, Азамат, Юлай, Урал и т.д. Природа этого явления была двоякой. С одной стороны она была реакцией на резкое изменение типа жизни вызванное урбанизацией – культура, хоть и очень медленно, становилась городской. Этот крайне болезненный, но объективный процесс интеллигенция БАССР ошибочно интерпретировала как дефективность советской системы и попыталась ответить усилением этнической идентичности. Чутко уловивший негативные процессы деэтнизации Р. Гарипов отразил это в стихотворении «Туган тел» («Родной язык»), за что подвергся гонениям со стороны партийных органов.

С другой стороны в этом явлении уже были черты антисоветской и националистической идеологии, которое со временем вылилось в движение за суверенитет в 90-е годы.

В советский период башкирский этнический национализм был социальной и политической реальностью. Внутри хозяйственной и властной (партийной) элиты БАССР, в первую очередь среди башкир, была четкая идентификация «свой-чужой», несмотря на то, что все это было прикрито лозунгами интернационализма и т.д. Одновременно у советского башкирского народа не было этноцентризма, который удалось активизировать интеллигенции лишь в 90-е годы.

Таким образом, в этот период в результате своеобразного синтеза и обработки башкирской народной «почвы» (премодерна) и культурной политики государства (модерна) возник специфический социокультурный феномен, который условно можно назвать «советской версией башкирского традиционализма».

С началом распада СССР и временем суверенного развития, башкирской элите во главе с М. Рахимовым удалось решить многие проблемы национального и языкового характера, которые игнорировались тяжелой и громоздкой системой советского государства. В начале 90-х годов, несмотря на ухудшающееся социально-экономическое положение, башкирское общество переживало своеобразный «этнический ренессанс», находилось в приподнятом духовном настроении, в состоянии эйфории. Данный процесс сопровождался становлением молодежных субкультур – талантливых групп таких как «Дервиш-хан», «Рух», «Аманат», «Караван-сарай» и др. Башкирские историки и обществоведы начали освещать многие темы, которые были «закрыты» в советское время.

Новое дыхание получили национальный театр, телевидение (БСТ), кинематограф. Вышли на общественную сцену новые группы и объединения художников («Чингисхан» и др.). Наконец, сложилась новая башкирская идентичность, которая поддерживалась за счет «суверенного» регионального режима и работы политизированной элиты. Состояние роста продолжалось до конца 90-х годов, но постепенно энтузиазм иссяк, а система начала медленно стагнировать, вместе с ней стала угасать и энергия этничности. Что способствовало этому?

На наш взгляд, можно назвать две главные причины. Первая связана с тем, что в советское время медиатором для башкирского общества для решения его внутренних проблем выступало государство через местный партийный аппарат. И речь идет не только о целенаправленной политике «выращивания» национальных кадров и создания «этажа» высокой башкирской культуры. Дело в том, что тогда наряду с опорой на структуры

традиционного общества, были построены защитные механизмы для блокировки архаики. К примеру, постоянная борьба с родственной и этнической клановостью, повышение образовательного уровня коренного населения, культ науки. Другими словами эти установки имели внешний характер; скрытых, самовоспроизводящихся механизмов культуры не было. Соответственно с демонтажем большой системы, общество стало постепенно архаизироваться, поскольку представители новой региональной элиты не знали или игнорировали ценности «большого общества». Таким образом, локализация культуры обернулось на деле растущей архаизацией. Клановость подавила ценности профессионализма, множественность точек зрения сменилась созданием монологичного дискурса.

Высокая башкирская культура (литература, театр, академическая наука), несмотря на свой искусственный характер, задавала высокую планку нижестоящим видам искусств, субкультурам и профессиям (кинематографу, журналистике, башкирской эстраде). И определенный рост начала 90-х годов был напрямую связан с потенциалом советской культуры, который по инерции влиял на ее уровень.

Другая причина носит более сложный характер. Дело в том, что как реакция на слом большой системы нерусские народы ответили мобилизацией этничности. Но разрушение или ослабление общегражданской идентичности привело к неправомерному росту регионализма и скрытого сепаратизма.

«Созданный» в ее рамках новый башкирский «народ» во многом был основан на идеологии этноцентризма. Однако на данную проблему можно посмотреть через призму, условно говоря «этнуса как системы» и «этнуса как общества». Взрыв этничности в 90-х годах привел к сужению и архаизации башкирского социума, в котором уже в позднесоветский период были различные по развитию субгруппы и субкультуры. В результате регионализации власти башкирский народ стал более «сельским», чем он был на самом деле. Постепенно в культуре, во власти, в пространстве

городов, стали в 1990-2010 гг. превалировать аграрные ценности, в ущерб городским или ценностям культуры. Не только ценности утилитаризма, но и ценности просвещения оказались заблокированными этнической мифологией. Все это вело к нарастанию противоречий внутри башкирского общества, к появлению новых точек напряжения в его структуре, показало ограниченность и противоречивость «консервативной модернизации» в ее региональном варианте.

Вот ряд сюжетов как это было на практике. На башкирской эстраде постепенно стали доминировать академические и «сельские» формы искусств, а талантливым башкирским группам (как «Дервиш-хан», к примеру) там не оказалось места. Поддержка кинематографу тоже постепенно сошла на нет, а представителей городских поколений аграрные кадры в правящей элите считали за «испорченных» башкир, не понимали их потребностей. И на каком-то этапе потенциал этих сил был утерян. Статусная элита, в свою очередь, не дала «вырасти» новому поколению, поскольку видела в этом угрозу своему положению. И постепенно культура стала медленно деградировать, что очень показательно, поскольку архаика не может саморазвиваться, это один из ее главных признаков. Другая ее черта в том, что она оставляет после себя «пустоту», разрушенное социальное пространство. Архаизация башкирского общества в 1990-2010 гг. во многом была защитной реакцией, но сегодня этот этап во многом пройден, а значит нужен новый импульс для последующего движения вперед.

Вот как об этом пишет известный ученый и публицист С.Г. Кара-Мурза: «В момент острого кризиса сдвиг к этнонационализму у многих происходит как акт отчаяния. Люди ищут поддержки, спасения от хаоса через сплочение близких людей, и самой понятной и доступной часто оказывается близость этническая. Она воспринимается как близость «по крови». В момент разложения, когда ослабевают или рвутся связи, раньше скреплявшие все народы в огромную нацию и страну, этнонационализм

становится убежищем, в котором можно пережить бедствие. Это убежище находится на тупиковой ветви исторического пути, этнонационализм блокирует развитие, затрудняет сотрудничество народов и собирание их в мощную нацию. Но бывают ситуации, когда и такое убежище необходимо. Главное, не засиживаться в нем, не допускать архаизации, не принимать вынужденный выбор за идеал»¹.

В итоге в 2010 г. со сменой власти в республике произошло разрушение старой субъектности, суверенитетской формы идентичности. Потерпел крушение «этнос как система», а не башкирское общество в целом, во многом это было закономерным результатом динамики социокультурного процесса. Однако и с завершением аграрной эпохи в истории региона, нового витка модернизации, эти противоречия не разрешились в полной мере, а наоборот где-то усилили влияние архаики.

Это вызвано тем, что подобные радикальные переходы сами по себе негативно отражаются на развитии социальных отношений. Соответственно основная масса, как общества, так и элиты, оказались не готовыми к подобным трансформациям.

На этом фоне возникла другая проблема – постепенное разрушение пласта высокой культуры созданной в советский период. Сегодня в башкирском обществе, на фоне постепенного ухода советского поколения интеллигенции, не наблюдается признаков оживления классического искусства: нет новых видных башкирских писателей, ученых, художников. Нет признаков или точек роста в его культурном пространстве. При этом часто в ходе общения с некоторыми представителями башкирской элиты можно услышать мнение: для чего нужен башкирский балет, опера и т.д. ведь высокая культура носит у башкир искусственный характер?

На первый взгляд, для таких рассуждений действительно есть разумная аргументация – дореволюционная башкирская национальная культура была органичным явлением, в отличие от советского периода.

---

¹ Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские. М: Эксмо, 2010. С. 107.

Кроме того, в свое время автором данного раздела были сделаны несколько поспешные выводы о необходимости усилить меры по развитию башкирской городской субкультуры, основанной на ценностях утилитаризма. Однако, сегодня она и так активно развивается – в форме потребительской массовой культуры. И это хорошо видно на примере башкирской эстрады – где наряду с башкирскими «деревенскими» исполнителями появилась «глобалистская» версия «этнической» масскультуры, то есть постепенно складывается башкирская культура-семулякр, не обладающая ценностью и каким-либо потенциалом развития.

В этих условиях башкирскому обществу, учитывая его небольшой внутренний ресурс, необходимо пересмотреть приоритеты и сделать упор на восстановление статуса высокой культуры (литературы, театра, классической музыки и академической науки), поскольку именно она должна затем повлиять на уровень кинематографии или эстрады, а не наоборот. Можно также обратить внимание, что в поле башкирской культуры постепенно увеличиваются виды искусств связанные со стилизацией, то есть явлением, которое можно отнести к неоархаике (творчество группы «Курайсы» Р. Юлдашева, этно-рок проект «Аргымак», стилизация башкирской одежды и национальной атрибутики). Стилизация – положительное явление, поскольку способствует популяризации этнической культуры, однако на фоне распада башкирской народной и высокой культуры, может трактоваться как постмодернистский феномен.

Распад пласта высокого искусства сам по себе красноречивый признак архаизации, упрощения культуры, ее угасания.

Помимо прочего, инновационному развитию башкирского общества препятствуют пассивность, уход в быт, в потребительство, а также отсутствие «больших проектов», которые могли бы мобилизовать творческую инициативу. Вместо активного социального творчества люди возвращаются к зависимости от решений, принятых другими – органами

власти, национальными организациями, лидерами общественного мнения и т.д.

Таким образом, можно заключить, что в башкирском социуме формируется, по определению П.А. Сорокина, «пассивно-чувственный» тип культурной ментальности, для которого характерны не только сугубо потребительская направленность жизненных ожиданий, но и крайняя узость восприятия реальности и социальных практик, сосредоточенная на техниках чувственных удовольствий.

Вместе с тем современное состояние башкирского социума не настолько трагично, как может показаться на первый взгляд. Да, оно сегодня атомизировано и фрагментировано на различные субгруппы; ее представителей практически ничего не объединяет: ни религия, ни идеология, ни язык (с каждым годом растет число русскоязычных башкир). Фактически единственными факторами консолидации являются на сегодняшний день лишь территория и общая история происхождения. Кроме того, его части имеют различные уровни развития. Так часть башкир-горожан второго и третьего поколения живут уже либерально-демократическими ценностями, есть прослойка консервативной национально-ориентированной элиты, но одновременно практически сложилась и значительная страта архаизирующего городского и сельского «низа». Однако параллельно с этими процессами, ценности утилитаризма все же проникли в культурные коды и постепенно сформировали новую программу социальной жизни – не на основе моральных ценностей, а с упором на прагматизм и рационализм. Другими словами сегодня нет гомогенного и цельного социального «тела», но есть полный противоречий сложный и разнородный «организм», находящийся в режиме трансформации. При этом даже, на первый взгляд деэтнизированное, поколение башкир-горожан тяготеет именно к этническим ценностям, так как понимает, что в сложных условиях урбанизированного пространства

этническая идентичность дает определенную защиту, не говоря уже о том, что может послужить источником высокого статусного положения.

Известный философ евразийства Р. Вахитов в недавно опубликованной работе, разрабатывая оригинальную концепцию этносословий в России (на примере башкирского народа), указывает на следующий интересный момент. Как он пишет: «В советский период башкирам как сословию предоставлялись определенные привилегии. Прежде всего они получали возможность развивать свою национальную культуру. Государство поддерживало башкирские творческие союзы (писателей, художников, актеров и т. д.), финансировало национальные школы и театры, издания на башкирском языке (газеты, журналы, книги). Существовали определенные послабления при приеме башкир в вузы, особенно на гуманитарные факультеты, нацнаборы при отправке студентов, аспирантов и докторантов из региона в столичные вузы»¹.

«Подобные льготы по отношению к башкирам рассматривались не как льготы отдельному человеку за его личные свойства, а как льготы всему башкирскому народу в лице его представителя».

«В конце советской эпохи и в начале постсоветской среди русских и татар начало распространяться недовольство привилегиями для башкир. Русские и татары в Республике Башкортостан – урбанистические этнические группы, в значительной мере подвергшиеся атомизации. Их представителям уже непонятно, как можно вознаграждать весь этнос в лице отдельных его представителей. Индивидуалист считает, что вознаграждать можно только отдельного человека за его личные заслуги и таланты, а если он этих заслуг и талантов за вознагражденным не видит, то воспринимает происходящее как несправедливость. Ситуация усугубляется еще и тем, что среди башкир, пользующихся сословными привилегиями, немало городских жителей во втором и третьем поколениях, которые пользуются не меньшим комфортом,

---

¹ Вахитов Р.Р. Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России. М.: Страна Оз, 2016. С. 144.

чем другие урбанистические этносы и сословия, однако привилегии получают те же, что их отцы и деды, вышедшие из рабочих и крестьян»¹.

В целом хотелось бы отметить, что категория «этнос» («народ») не тождественно понятию «социум», которое имеет более широкое значение. В обществе может быть несколько «этносов». Так, в 1990-2010 гг. в башкирском обществе культурно и политически доминировала общность, основанная на аграрных ценностях и идеологии этноцентризма. Сегодня она потерпела крушение, а параллельно с ней стала формироваться новая идентичность, ядром которой являются урбанизационные ценности, а также общества потребления. Однако эти два дискурса пока слабо объединены, а где-то даже и противопоставлены друг другу. В этом случае главным должно стать понимание, что нынешнее башкирское общество принципиально разнородным – вплоть до антитрадиционных субкультур². И как бы к этому не относились носители фундаменталистских установок, прежней гомогенности оно уже никогда не достигнет, а значит необходимо искать новые посттрадиционные формы интеграции, которые бы учитывали интересы всех башкирских субгрупп.

Не секрет также, что со сменой власти в республике, сама башкирская элита стремительно раскололась на две части и сегодня они находятся в перманентном и скрытом конфликте. Несмотря на постоянно возникающие обвинения в адрес местных властей в дебашкиризации (главным образом со стороны «старой» элиты и ангажированных ею ресурсов), «системные» башкиры составляют значительную часть в новой правящей «верхушке» РБ. Однако, на наш взгляд, они очень слабо выполняют коммуникативную и стабилизирующую роль между властью и нижними этажами общества, хотя их ниша в системе управления обусловлена, прежде всего, этническими

---

¹ Там же. С. 146.

² Определенным шоком для башкирской общественности стало известие о создании по инициативе, в том числе и башкирских девушек (детей башкирской творческой интеллигенции, горожанок во втором поколении), интернет-группы «Феминизм в Башкортостане», куда вошли представители и ЛГБТ-сообщества региона. В связи с чем возникает вопрос: настолько ли «традиционно» и консервативно башкирское общество, как это принято считать сегодня?

привилегиями. И если данная тенденция не изменится, их высокий статус со временем приобретет чисто ритуальный и номинальный характер.

Современное состояние башкирского общества затруднено и тем, что распад этничности, сложившихся институтов, наконец «башкирского мира» как сложного универсума символов, не вызывает должного адекватного решения. Нет нового субъекта истории, способного разрешить накопившиеся проблемы и противоречия, новой формы идентичности. Теоретически, а также по опыту других обществ, такую интегрирующую роль может сыграть частичное формирование институтов современных наций, но при сохранении и с опорой на этничность.

Как пишет по этому поводу Р. Вахитов: «Этнологи-конструктивисты убедительно показали, какую роль в создании наций играет изобретение национальной истории, символов, мифов и т. п., и в этом с ними трудно спорить. Но отсюда вытекает и вывод, что если существование нации не поддерживать специально при помощи механизмов воспроизводства национальной идеологии и культуры, то она просто распадется и превратится в конгломерат враждующих социальных групп, каждая из которых будет претендовать на больший объем прав»¹.

Такая опасность, безусловно, существует и она является обратной стороной этнократии. Интересно, что формально этнократия строится на защите и заботе прав своего народа, однако в реальности, как это видно на примере и собственно башкирского этноса, приводит к архаизации и деградации его культуры.

Обществовед С. Кара-Мурза считает, что это вызвано тем, что «этнократия – это власть не народа, хотя бы «избранного», а этнической элиты, захватившей власть как бы от имени «своего» народа. Нигде и никогда она не зарождалась «снизу», ее целеустремленно создает элита, используя кризисное состояние общества, чувство национальной ущемленности «своего» этноса. Общая черта этнократий – идеология

---

¹ Там же. С. 40.

этнонационализма и идея этнической государственности («Тува – государство тувинцев» и пр.)»¹.

В этой связи крайне показательны, что на большей части России разрушение СССР привело не к демократии, а именно к этнократическим режимам, то есть к системам, которые в культурологическом плане были на порядок ниже, чем советское государство.

Как указывает С. Кара-Мурза: «Этнократия служит экономическим интересам элиты: так возникают лозунги, что нефть Татарстана – «достояние татарского народа», газ Ямала – «достояние ненцев». На деле богатства регионов сначала присваиваются местными князьками, а потом перепродаются «олигархам»². Как это фактически и случилось с башкирским ТЭКом, проданным «семьей Рахимова».

По мнению ученого этнократия, чтобы укрепиться, ведет к архаизации власти и управления, возрождает клановость, влияние родоплеменных общностей (тейпов, джузов и др.). Она манипулирует с языком. В Татарстане чиновникам дают надбавку за знание языка «титულიной нации» и т.д. Этнократия создает круговую поруку, заполняя выгодные должности людьми из «своего» народа. Так, в Адыгее, где адыги составляют 20% населения, они занимают 70% руководящих постов. В Татарстане до перестройки только 2% предприятий возглавлялись татарами, а в конце 1990-х годов – 65%. Это ведет к упадку и хозяйства, и культуры³.

Наконец, как считает С. Кара-Мурза, «этнократия формирует противостояние народов, интересов этноса и личности, ищет не их компромисс, а усиление противоречий. Этнократические режимы заинтересованы в конфликтах и в поддержании напряженности»⁴.

Другим фактором преодоления расколоти башкирского общества может стать развитие и расширение значения традиции или «срединной культуры», которая формирует устойчивую и непротиворечивую

¹ Кара-Мурза С.Г. Кто такие русские. М: Эксмо, 2010. С. 106.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 107.

совокупность ценностных ориентаций, снимает напряженность оппозиционных ценностей, формирует устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс на достаточно длительный период. В контексте обыденной жизни на основе срединной культуры складывается устойчивая сеть социальных отношений, обеспечивающая стабильность и единство общества, происходит взаимная адаптация социальных групп и снимаются наиболее острые противоречия. Именно эти свойства обыденной жизни позволили А. Ахиезеру назвать ее «последней баррикадой» защиты общества от роста дезорганизации и хаоса. Однако он ее понимал в либерально-демократическом ключе, мы же предлагаем трактовать понятие «срединной культуры» с понятием «традиции» или культуры как таковой.

Башкирское общество, таким образом, столкнулось сегодня с новыми и серьезными вызовами, которые не найдя нужного решения компенсируются пока за счет усиления архаики, что однако не приводит к движению вперед, а лишь ухудшает общую ситуацию. Это в свою очередь приводит к опасной политизации этничности, затрудняет формирование и освоение общегражданских ценностей. Как показывают проведенные социологические исследования, в Башкортостане русские гораздо чаще, чем татары и башкиры, утверждают, что чувствуют себя россиянами. Данный вариант ответа выбрал каждый второй опрошенный русский, и лишь каждый третий башкир¹.

Башкирской элите необходимо окончательно определиться в этом вопросе, преодолев мифы и стереотипы этнического сепаратизма, которые проникли в общественное сознание в 90-е годы. Найти, как это уже было в дореволюционный и советский периоды истории, свою нишу в российской государственности, тем более, что с момента прихода к власти В. Путина и

---

¹ Коровкина Н.В., Сенникова Е.Д. Ситуативные факторы формирования российской идентичности (на примере Республики Башкортостан) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. (DVD ROM). С. 2302.

консервативного отката, в России фактически вновь возник новый имперский проект, характерный для обществ традиционного типа.

Об этом речь пойдет в следующем параграфе.

3.9. Современная Россия между евразийской империей и гражданской нацией

Сегодня в России очень часто можно встретить такие словосочетания как «российская нация», «национализм», «этнос», «народ», «гражданское общество». Эти понятия стали устойчивыми терминами, которые широко используются не только в печати, но и на уровне официального дискурса власти, прочно вошли в лексикон отечественной гуманитарной науки. Однако перенесение категорий западной этнологии и социологии на российские реалии не только затемняет соответствующие смыслы, делая их полисемантическими, но и приводит постоянной путанице и оксюморонам вроде таких, как «русский национализм», «титульная нация» и т.д.

Красноречивым и символичным итогом состояния дел в этой сфере можно считать принятие федеральной целевой программы под названием «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)». Итак, постараемся разобраться в этом крайне сложном, противоречивом и запутанном вопросе.

Начать хотелось бы с определения таких базовых понятий как «этнос», «народ», «нация» и лишь затем рассмотреть возможность их применения относительно современной Российской Федерации.

Как известно, в научный оборот термин «этнос» ввел ученый С.М. Широкогоров (1887–1939), оказавшийся после Октябрьской революции в эмиграции. Ему и принадлежит ставшее классическим определение «этнуса»:

«Этнос есть группа людей:

- говорящих на одном языке;

- признающих свое единое происхождение;
- обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от обычаев других групп»¹.

В этом определении подчеркивается языковая общность (вынесенная на первое место не случайно), общность происхождения, наличие обычаев и традиций (то есть культура), а также способность к четкому отличию этих традиций и обычаев от обычаев и традиций других этносов (дифференциация).

Русский термин «народ» Широкогоров предлагал не только отделить от понятия «этнос», но и вообще не использовать в научных конструкциях в силу его «расплывчатости» и «многозначности». Тем не менее, известный философ-традиционалист А. Дугин считает, что для более точного понимания термина «этнос» можно попытаться дать ему определение. Так, по его мнению, «Народ – это этнос, который привносит в структуру своего общества высшую цель, стремится выйти за привычные рамки этнического бытия, сознательно расширить горизонты культуры и масштаб социальных структур». Как он пишет: «Народ в отличие от этноса, который ориентирован на общность истоков, ориентируется на общность судьбы, то есть не только на прошлое и данное, но и на грядущее, на то, что только еще предстоит совершить. Народ связан с миссией, проектом, задачей»².

В отличие и от органичного и всегда фактически данного, изначального «этноса», и от «народа», созидающего религии, цивилизации или государства, нация – это понятие исключительно политическое и связанное с Новым временем.

В политическом и научном языках термин «нация» приобрел устойчивый смысл в связи с понятием государства. Существует важнейшее французское словосочетание – «Etat-Nation», дословно «государство-нация». Оно подчеркивает, что речь идет не об империи, где единая политическая

---

¹Широкогоров С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

²Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Триеста, 2010. С. 317.

система могла включать в себя различные этносы, но о таком образовании, где государствообразующий этнос полностью превращается в народ, а народ, в свою очередь, воплощает себя в государстве, превращается в него, становится им. Нация – это народ, который перестает быть этносом и становится государством.

Государство есть административный аппарат, машина (легального) насилия и подавления, формализованный корпус правовых норм и институтов, жестко выстроенная система власти и управления. Нация – это то, из чего состоит этот механизм, – совокупность деталей, атомов, элементов, позволяющих ему функционировать.

Нации появляются только в Новое время, в эпоху Модерна, вместе с современными государствами; более того, это не два отдельных явления: одно вызывает к жизни другое; так, современное государство влечет за собой появление современной нации. Одно немыслимо без другого.

В государстве-нации по определению может быть только одна нация. Эта нация определяется прежде всего по формальному признаку – гражданство. В основе нации лежит принцип гражданства: национальная принадлежность и гражданство тождественны.

В государстве-нации есть:

- один (реже несколько) государственный язык;
- обязательная историческая эпистема (повествование об этапах становления нации);
- правящая идеология или ее эквивалент;
- правовое законодательство, соблюдение которого есть непререкаемый долг;
- общий нормативный экономический уклад (экономическая идеология и единая унитарная хозяйственная система)¹.

---

¹ Там же. С. 319.

Следовательно, если перенести эти признаки на Россию, то в ней просто не может быть наряду с российской, татарской или, скажем, башкирской «нации», а значит и процесса нациестроительства применительно к ним.

Кроме того, нация основана на трансформации главного народа и подавлении (подчас уничтожении) малых этносов, попадающих в зону контроля государства. По сути, в нации исчезает все этническое, изначальное, базовое, традиционное (что сохранялось еще и в народе).

В советское время вопрос об определениях этноса, нации, народа и т. д. был осложнен необходимостью соизмерять эти понятия с марксистской теорией. Маркс считал, что социалистические революции произойдут в индустриальных странах, представляющих собой полноценные государства-нации с преобладанием капиталистических отношений, развитыми классами – промышленной буржуазией, городским пролетариатом и т. д. То есть социалистическое общество, по Марксу, приходит на смену нации и замещает ее собой, реорганизуя экономику и культуру на новой классовой (пролетарской) основе. Но в России практически не существовало предпосылок для этого: не было ни развитой буржуазии, ни достаточной индустриализации, ни преобладающего городского пролетариата, и кроме того, в России не было нации. Россия была империей, то есть внутри нее жили многочисленные этносы и один державообразующий русский народ. Государство-нация предполагало бы, что ни этносов, ни народа (в полном смысле слова) быть не должно.

Соответственно после революции, получив в руки контроль над империей, большевики были вынуждены срочно подстраивать концептуальный аппарат под сложившуюся ситуацию. Из этого возникла путаница понятий, и под «нацией» стали понимать частично «этнос», частично «народ» (под «народом» – подобие «гражданского общества»), и, кроме того, ввели дополнительные термины – «народность» и «национальность».

«Народность» означала маленький этнос, сохранивший пережитки традиционного (докапиталистического) общества, а «национальность» – принадлежность к этносу, у которого наличествуют признаки социальной самоорганизации по критериям Нового времени. Как справедливо замечает А. Дугин: «Эти совершенно условные категории, не имеющие никаких соответствий в европейских языках и научных концепциях, характеризовались с помощью многочисленных подразумеваний и неточных ссылок, что делает их совершенно неоперативными в наше время и лишает какой бы то ни было инструментальной ценности»¹.

Если этнос есть состояние полностью погруженное в царство мифа, в структуры бессознательного, то переход к народу связан с осознанием своей роли в истории, пробуждением самосознания. Как другими словами об этом пишет А. Дугин: «Переход от этноса к народу не является количественным, экономическим или политическим процессом. Это глубинное философское явление, когда в структуре мифа происходит сдвиг, и он превращается в нечто качественно иное – в логос»².

Таким образом, если использовать стадияльную схему, предложенную самим А. Дугиным, то получается, что в условиях Премодерна этносу соответствует «архаическое общество», народу – «общество религиозное», а Модерну – понятие «нация».

Важно отметить, что этнос по своей сущности примордиален, это обстоятельство специально выделяет и обосновывает примордиалистская теория (от латинского «primordial» – «изначальное» и «perrenis» – «вечное», «постоянное», «неизменное»), в то время как нация есть искусственный конструкт.

Таким образом, спор между примордиалистами и конструктивистами носит условный характер и особых противоречий между ними нет – в режиме «этноса» или «народа» структура примордиальна, при переходе же к строительству «нации» начинается процесс ее конструирования.

---

¹ Там же. С. 322.

² Там же. С. 338.

Явление нации, со своей стороны, имеет строго определенную временную локализацию и относится к Новому времени, а также напрямую связано с понятием государства. Более того, в политической практике становления современных государств-наций есть развертывание планомерного этноцида – уничтожения этносов и даже народов.

Так, при формировании французского государства-нации жертвой стали десятки этносов, населявших некогда территорию Французского королевства. Это окцы, аквитанцы, баски, гасконцы, норманны, бретонцы, провансальцы и др. Из нескольких этносов верстается единое однородное поле, и верстается оно сверху – со стороны государства, которое вводит общий социальный стандарт, куда включаются нормативный национальный язык, общее право (отменяющее этнические различия), принцип общего образования (вначале католического, потом секулярного, светского), фиксируются основы экономической системы (от феодальной к капиталистической), искусственно и однотипно формируются органы власти, другие институты.

Подобных практик никогда не знала Россия, которая как правопреемник Золотой Орды изначально строилась как полиэтничная империя. В связи с чем показательно, что нацию порождает только государство неимперского типа. Современное государство, чьими теоретиками были Макиавелли, Гоббс и Жан Боден, и было задумано фактически как антиимперия, как антитеза империи.

Как указывает Дугин: «Империя сочетает централистский логос с полифонией этносов, она же сохраняет имперообразующий народ в относительной неприкосновенности»¹.

С концептом нации связано и понятие «национализм». Национализм – на Западе есть явление сплоченности и мобилизации граждан для реализации какой-нибудь государственной цели — победы в войне, расширения своего политического влияния или зоны экономического

---

¹ Там же. С. 348.

контроля. Такой национализм ничуть не конфликтует концептуально с нормативами гражданского общества и является вполне приемлемым в большинстве обществ Модерна. Это означает, что понятия «этнонационализм» или «русский национализм» строго говоря, нелогичны и внутренне противоречивы, т.к. этнос и нация противоположны друг другу.

Наконец, с нацией связано понятие «гражданского общества» – как союза атомизированных индивидов или граждан формально свободных от государства и одновременно нормированных им через законодательство и институты права. На Западе оно хорошо развито, автономно и крепко цементировано горизонтальными сетями. Гражданского общества по определению не может быть там, где существуют этносы или народы, тем более наделенные правами и государственно-правовым статусом.

В своих работах А. Дугин указывает на следующий важный момент: «Народ, который строит государство и становится ядром нации, теряет свою собственную этничность, так как живые связи, процессы эволюции языка, обычаев, традиций приобретают в государстве раз и навсегда фиксированную форму»¹.

Следовательно, те русские националисты, которые выступают сегодня за ликвидацию национальных республик в составе РФ и в целом имперского устройства государства (а альтернативой ему тогда неизбежно станет либерально-демократический проект), видимо не до конца осознают, что в таком случае «русский народ» который выступает «ядром» империи, станет первой жертвой, принесенной во имя создания гражданской нации.

Парадоксальным образом сам А. Дугин нередко высказывается за отказ от «ассиметричной федерации», либо об этом открыто пишет его ближайший соратник директор Центра геополитических экспертиз В. Коровин. В частности в одном из своих интервью он заявил, что «устройство на основе национальных республик потенциально опасно для целостности России». В качестве компенсации за упразднение

---

¹ Там же. С. 319.

национальных административно-территориальных образований он предлагает повысить юридический статус народов и этносов, входящих в состав России. Мотивировку же таких реформ В. Коровин основывает на том, что национальные республики не соответствуют территории расселения титульных народов. При этом он приводит очевидный факт: «Зачастую титульный народ являет собой меньшинство в национальных республиках. Или же титульный этнос или народ занимает по территории проживания незначительную часть этой национальной республики, как например в Якутии».

Необходимо отметить, что такая позиция современных идеологов традиционализма в лице А. Дугина и В. Коровина, то есть людей, которые по определению должны стоять за сохранность исторически обусловленной для России имперской традиции, выглядит очень странно и нелогично.

Хотя для объективности нужно признать, что в последнее время В. Коровин все чаще заявляет, что «евразийство, в отличие от европейцев, не только допускает, но и поощряет традиционное этно-культурное многообразие». «При этом допускается широкая свобода регионов вплоть до правового плюрализма на уровне права малых народов, этносов, общин и племён определять свой собственный социальный и бытовой уклад. В этой связи возможные противоречия, которые поначалу могут возникать между унитарным характером Империи и плюральностью этнических анклавов, решаются через особую функцию имперской элиты, в которой допускаются межэтнические связи и культурная гибкость. Но вот что действительно не поощряется в формате евразийской империи народов, так это смешение этносов и культур на горизонтальном уровне, признанное нормативным в плавильных котлах национальных государств европейского типа»¹.

Тем не менее, мемы, связанные с идеей ликвидации республик, к сожалению, постепенно начинают проникать и в официальный дискурс высшего руководства страны. Речь в данном случае идет о резонансном

---

¹ См. подробнее: <http://evrazia.org/article/2404>.

высказывании В. Путина о том, что большевики «заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом». Хотя любой историк, изучавший процессы этого периода, хорошо знает, что большевики в условиях распада российской государственности были просто вынуждены пойти на определённые уступки мощным движениям нерусских народов переключив тем самым их этническую энергию на борьбу против своих политических оппонентов в условиях гражданской войны. По этой же причине СССР стал правопреемником Российского государства, то есть государства традиционного типа, а ассиметричная национально-территориальная «федерация» стала лишь новой формой прежней имперской системы. Не было в Советском Союзе и наций, несмотря на то, что на этом пункте особо настаивают конструктивисты.

В своей недавно вышедшей книге «Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России» идеолог евразийства Р. Вахитов на примере анализа теории Бенедикта Андерсона показывает, насколько ошибочно была интерпретирована данная концепция сторонниками конструктивизма в России. Как тонко он замечает: «Отечественные сторонники этноконструктивизма зачастую не очень внимательно читают труды основателей этой теории, если позволяют себе говорить о советских или российских нациях, нациестроительстве в СССР и в России и тому подобных вещах»¹.

К примеру, известно, что перевороты, произошедшие в Европе Нового времени – от научно-технического до политико-идеологического, – разрушившие их традиционное общество, вынудили европейцев искать новые типы идентичности, что в конце концов и привело к воображению наций. Решающую роль при этом согласно Андерсону сыграл печатный капитализм – все более расширяющийся рынок изданий на национальных языках, сформировавший многотысячные аудитории. Две новые разновидности изданий – роман и газета – создали новую форму восприятия

---

¹ Вахитов Р.Р. Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России. М.: Страна Оз, 2016. С. 20.

времени, позволяющую вообразить одновременное сосуществование людей в гомогенном времени, и новую форму сопричастности – горизонтальное товарищество. Это предопределило возникновение наций¹.

Как пишет Р. Вахитов российские сторонники теории Андерсона сделали из этого простой вывод: в СССР начала 1920-х гг. большевики стали создавать литературу, печать, книгоиздание на языках нерусских народов бывшей империи (причем если народы не имели литературного языка, то его создавали академические ученые по специальному заказу советского государства). Таким образом, якобы и возникли советские нации, которым были предоставлены свои республики и округа. Принципиально эти нации от наций Запада, по мнению наших конструктивистов, ничем не отличаются, разве только их государства были ущемлены и лишены подлинных прав субъектов федерации, декларированных в законах. Однако при этом они забывают, что Б. Андерсон говорит о трех условиях, которые препятствуют воображению наций².

Как справедливо отмечает Р. Вахитов: «Условия эти настолько фундаментальны, что без них даже наличие издаваемой литературы и газет на национальных языках (где воспроизводилась свойственная эпохе наций одновременность) не приводит к воображению наций, а если нечто и воображается, то это другие сообщества, а не нации»³.

Первое условие касается наличия или отсутствия сакрального языка, связывающего представителей интеллектуальной элиты, имеющих разное этническое происхождение. В СССР подобную функцию выполнял русский язык. Р. Вахитов отмечает, что «он воспринимался как язык коммунистической идеологии, которая в Советском Союзе и во всем мире реального социализма была не столько светской политической идеологией, сколько гражданской квазирелигией. Вся историю СССР русский язык оставался официальным языком партии». «Функционеры партии в союзных

---

¹ Там же. С. 22.

² Там же.

³ Там же. С. 23.

и национальных республиках обязаны были говорить по-русски, а незнание русского языка фактически закрывало карьерный рост. Наиболее это было заметно в азиатских республиках СССР, в частности в республиках Средней Азии. Так, Л. Бляхер в своем исследовании этнического аспекта жизни советского и постсоветского Душанбе отмечает, что таджики, жившие в этом городе, воспринимали русский как язык цивилизации и культуры, модернизации и современности и потому стремились приобщиться к нему. Эта ситуация сохраняется и сейчас, в постсоветские времена: русский остается языком науки и техники, ведущим языком СМИ, языком супермаркетов, кофеен и т. д.»¹.

Кроме того, советская власть заботилась о развитии и даже создании литератур нерусских народов СССР, но философии на национальных языках не было, а если у некоторых народов до революции уже имелись зародыши философских традиций, то они безжалостно выкорчевывались в ходе кампаний по борьбе с «буржуазным национализмом». Все философы Советского Союза, независимо от того, кем они были по этническому происхождению и где жили — в РСФСР или национальных республиках, — писали свои работы и общались на встречах, конференциях и круглых столах на русском языке. Русский язык для советских философов выполнял ту же роль, что и латынь для философов-схоластов средневековой Европы².

Другими словами развитие языков нерусских народа СССР происходило лишь до тех границ, за которыми начиналась сфера «сакрального» языка.

Второе условие, указанное Андерсоном, касается принципа государственного управления. Вкратце, как пишет Вахитов, его суть в том, что в национальном государстве власть опирается на поддержку населения, выраженную, например, в форме голосования на выборах или на референдуме. Причем связь между национальным государством и демократией фундаментальна: идеология национальных государств,

---

¹ Там же.

² Там же. С. 24.

национализм, видит одно из главных предназначений института государства в выражении воли нации.

Как пишет автор: «Ситуация в СССР и в этом плане напоминала средневековую донациональную Европу. Несмотря на то, что формально в СССР была демократия (власть по Конституции принадлежала Советам, и даже проводились выборы), фактически власть принадлежала вождю партии, который наделялся сверхчеловеческими способностями».

В итоге Р. Вахитов приходит к выводу, что два из трех условий, которые Андерсон считал препятствовавшими образованию наций, в СССР присутствовали. В то же время, как он пишет, в СССР выпускалась обширная литература на национальных языках (в том числе и газеты с журналами, и беллетристика, так что третье условие Андерсона, которое касалось формирования восприятия одновременности под воздействием литературы, тоже наличествовало). В каждой союзной, да и автономной республике было крупное государственное книжное издательство, выпускавшее литературу на языке титульного народа республики, а также на языках других народов республики, имевших значительную численность. Как замечает Р. Вахитов: «Казалось бы, перед нами полная аналогия с «печатным капитализмом» на Западе, а значит, и в СССР были созданы «читательские миры», ставшие основой для воображения наций. Но переносить ситуацию Западной Европы на СССР невозможно именно потому, что в СССР не было одной из составляющих этой формулы – капитализма»¹.

Сам же Р. Вахитов применительно к реалиям России разработал оригинальную концепцию этносословий – как исторически сложившегося механизма стабилизации полиэтнического российского общества, альтернативного идеологии наций-государств.

В рамках СССР, а сегодня и в РФ, были и существуют таким образом только этносы и народы, находящие на разном уровне политического и

---

¹ Там же. С. 27.

социокультурного развития. Они действительно имеют некоторые черты гражданских наций, но эти маркеры не обладают определяющим характером. Кроме того, не был в советский период политической нацией и собственно русский народ. Однако наделенная функциями имперообразующего, его этничность находилась на втором плане (но все-таки существовала), а общегосударственные институты стали новой формой, как ни парадоксально, именно этнического бытия.

В этом смысле можно согласиться с мнением идеолога «русского национализма» В. Соловья, что «русский характер запрограммирован на строительство Империи», а «разворот в сторону разрушения Империи губителен для русских, для их социально-культурного генотипа». Хотя при этом трудно принять его расистскую идеологию, что «главная доминанта русской цивилизации лежит в «голосе крове», в социально-биологических корнях русского этноса»¹.

Сам механизм империи устроен таким образом, что требует определенного отказа от своей этнической идентичности от системообразующего народа, она сохраняется, но отходит на второй план. Причем распространяется данный принцип в некоторых случаях и на представителей нерусских народов. Это хорошо видно на примере рекрутации в правящую имперскую элиту, когда, скажем, грузин И. Джугашвили став Сталиным, возглавил крупнейшую в мире сверхдержаву и проводил в целом руссоцентричную культурную политику. Элита империи, как открытая и достаточно гибкая система, легко включала в себя выходцев с национальных регионов, которые служили ее интересам, и это было и остается реально действующей социальной практикой. Показательно также, что целый ряд классиков отечественной литературы, имевшие еврейские корни или происхождение (Б. Пастернак, О. Мандельштам и др.) всегда подчеркивали, что они являются, прежде

---

¹ Соловей В. Новое прочтение русской истории. М., 2007.
352

всего, русскими писателями, поскольку понимали, что имперская национальная литература носит надэтнический характер.

Несмотря на это, авторитетный российский социолог Л. Бызов считает, что «сегодня распад советской империи просто не оставляет нам иных вариантов, кроме как постепенно становиться национальным государством»¹. Но при этом он признает, что «эта тенденция носит неоднозначный характер». Почему? Дело в том, что если в 90-е годы многим казалось что идея «империи», великой державы окончательно умерла не только политически, что проявилось в распаде СССР, но и идеологически, то в последнее десятилетие идея «державы» стала явно получать второе дыхание. Так, по данным ВЦИОМ для 60% тех, кто называет себя русскими патриотами, патриотизм – это, в первую очередь, «возрождение России как великой державы», и только для 35% – в первую очередь, защита прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами.

Как пишет Л. Бызов, ссылаясь на результаты социологических исследований, «в современной России происходит довольно-таки быстрый рост общегражданской идентичности. «Гражданами России» предпочитают себя называть 55,6% россиян, представителями своей национальности – 38,1%, в том числе «русскими» – 34,2%; представителями других национальностей – 3,9%. «Русская» идентичность не только не растет, а, напротив, в некоторой степени уступает свое место общегражданской российской идентичности, которая продолжает укрепляться по мере укрепления российской государственности и ее престижа при нынешних властях»².

Однако, на наш взгляд, это как раз можно трактовать в обратном ключе – когда в ответ на восстановление и укрепление позиций государства, начавшихся с приходом В. Путина, русский народ как имперообразующий,

---

¹Бызов Л. «Неоконсервативная волна» в современной России: фаза очередного цикла или стабильное состояние? // Мир России. 2010. №1. С. 27.

² Там же. С. 28.

закономерно отреагировал усилением «общегражданской», а не этнической идентичности.

Как бы то ни было, по мере реализации консервативных реформ В. Путина, заметного роста патриотических и даже фундаменталистских настроений в российском обществе, реализация проекта гражданской нации в современной России все более отодвигается на задний план. Это хорошо сегодня понимают и ученые либерального направления. К примеру, как пишет Э. Паин: «По факту мы наблюдаем все признаки деполитизации и дегражданзации россиян, которые окончательно теряют черты нации (в ее изначальном понимании общества, овладевшего государством) и возвращаются к состоянию населения, трудового и демографического ресурса». «Вместе с тем донациональное, имперское сознание формируется преимущественно под воздействием социально-политических обстоятельств и прямого конструирования»¹.

Но при этом и терминологическая путаница в данном вопросе, не позволяет четко выстроить адекватный и научно-обоснованный имперский дискурс, а значит, волей-неволей мы будем вынуждены и впредь оперировать такими категориями как «гражданское общество», или «межнациональные отношения», понимая под ними традиционные для России практики.

Еще раз повторим свою мысль, что в нынешней РФ по определению не может быть «русской нации», поскольку в ней до сих пор существуют этносы и народы, вдобавок институализированные в виде национально-территориальных образований. Другими словами, первым шагом на пути к созданию политической нации должно стать уничтожение «ассиметричной федерации». Готово ли пойти на это общество и сама власть? Да, формально нерусские народы составляют всего лишь 20% от общего населения страны, а 80% – имперообразующий народ – русские. Кроме того, в 90-е годы регионы и, что особенно показательно не только этнически окрашенные,

---

¹ Население вместо граждан // <http://www.kommersant.ru/doc/3134615>

создали определённую угрозу целостности страны, а в этнократических режимах ущемлялись права русских. Тем не менее, несмотря на периодически возникающие дискуссии о необходимости ликвидации «национальных республик» в составе РФ (главным образом со стороны прозападно настроенных либералов), подавляющее большинство российской элиты прекрасно осознает степень опасности попыток изменить исторически сложившуюся модель в сторону атомизированной нации-государства. И причина кроется не только в потенциальной конфликтности этой идеи или сложноустроенности, во многом еще традиционного российского общества, а в том, что при такой операции может окончательно погибнуть именно русский этнический «мир»¹.

Соответственно в рамках реализующегося сегодня на постсоветском пространстве проекта Евразийского Союза, внутри РФ – имперских принципов управления, необходимо работать над поиском оптимального баланса сил и интересов между центром и субъектами федерации. Укреплением «общероссийской идентичности», которая ошибочно трактуются как проекция «общегражданской нации»; нахождением институциональных механизмов способных направить всю силу и мощь народов страны на строительство новой Евразийской империи.

3.10. Республика Башкортостан в условиях политических реформ новой власти: противоречия и основные тренды модернизации

В данном параграфе рассматриваются социокультурные и институциональные предпосылки развития современного Башкортостана.

---

¹ Представим себе, что Россия вернулась к чисто территориальному делению и, как это уже было, вновь возникли Уфимская, Казанская и другие губернии. Во-первых, это резко повысит уровень межнационального напряжения в нацрегионах. Во-вторых, станет явным признаком архаизации, поскольку уже в рамках Российской империи нерусские народы почувствовали тесноту сложившихся институциональных форм и выступили за повышение своего статуса. В-третьих, несмотря на отсутствие ассиметричной федерации, центральная власть на практике будет вынуждена постоянно ездить и договариваться с представителями национальных элит, поскольку в регионах именно они являются доминирующими политическими акторами, в особенности на Кавказе, то есть без каких-либо позитивных изменений новый формат взаимоотношений просто перейдет в неформальную сферу.

Автор приходит к выводу, что одним из основных препятствий для него стал слишком большой «шаг новизны» (А.С. Ахиезер), то есть слишком высокий темп и неорганичный характер институциональных изменений. Он привел к тому, что социальные инновации не только не усваиваются обществом, но и порождают архаизацию социальных практик. В частности, рыночные реформы не способствуют становлению инновационной экономики, а сформировали рентоориентированное предпринимательство, особенно в башкирском Зауралье. В повседневной жизни населения региона также происходит архаизация социальных практик, рассматриваемая как форма адаптации к неорганичным трансформациям, от которых многие группы населения испытывают отчуждение вследствие недостаточности институциональных условий их освоения.

Анализ современного развития Республики Башкортостан интересен по целому ряду важных причин. Дело в том, что регион пережил почти двадцатилетний период авторитарного режима М. Рахимова, «эпоху суверенитета», который завершился с назначением Р. Хамитова главой Башкирии в 2010 г. С этого момента республика вступила в полосу масштабных политических и социально-экономических трансформаций, требующих, на наш взгляд, самого пристального анализа. Поскольку сегодня уже ясно, что республика начиная с 2010 г. движется совершенно в ином направлении, в отличие скажем, от Татарстана, который продолжает идти по вектору, каким шел Башкортостан в 1990-2010 годы.

Изменения, которые запустились в различных сферах региональной жизни настолько глубоки, радикальны и неоднозначны, что попытки осмыслить их в категориях модернизации, довольно часто вызывают недоумение, особенно у представителей местной элиты склонных трактовать их как «распад» или «деградацию» системы. Однако, на наш взгляд, речь идет именно о достаточно радикальной модернизации «сверху», проводимой администрацией Р. Хамитова, когда многие модернизационные процессы

самозапустились в рамках сложных структурных реформ (к примеру, урбанизационный переход в современном башкирском обществе), а само региональное сообщество оказалось не готовым к быстрому темпу перемен.

Важно также помнить, что в 1990-2010 гг. Башкирия двигалась в парадигме «консервативной модернизации», когда в регионе был полуавтономный политический режим, основанный на этноцентризме, то есть некий субцентр внутри Российской Федерации, который не только контролировал назначение глав федеральных ведомств (МВД, судебную систему, прокуратуру), но и пытался решить чисто этатистскими методами характерными для советского времени – культурные, демографические, экономические и иные проблемы возникающие в региональном сообществе. Однако под конец режима, точнее в ее рамках, данные методы привели к неразрешимым институциональным противоречиям, а сам демонтаж «рахимовской системы» был во многом закономерен и соответствовал динамике текущих социокультурных процессов.

В этой связи очень показательны, что первоначально приход Р. Хамитова во власть сопровождался активной модернизационной риторикой и поддержкой со стороны части реформистки настроенной местной элиты. Но по мере того, как процессы набирали обороты, этот пафос явно поубавился, а сами регионалы заняли выжидательную позицию, либо ушли в скрытую оппозицию к Белому дому.

Традиционалистскому сознанию в целом, конечно, ближе модель консервативной модернизации, особенно для национально окрашенных региональных элит, и слом патерналистской системы в Башкирии для многих в этом смысле стал культурным шоком. Однако модель 90-х годов «сильные регионы – слабый центр» явно противоречит исторической сущности Российской Федерации как большой, разнородной системы. Это означает, что региональным элитам необходимо смириться с доминированием интересов центра, поскольку исходя из сложившихся особенностей, модель российской государственности не может строиться от

частного к общему, от регионального к общефедеральному. Парадокс лишь в том, что сегодня путинский режим сам движется в консервативно-этикетском векторе, а политические реформы по укреплению вертикали власти сильно напоминают принципы, по которым в 90-х годах формировались этнократические режимы в республиках под руководством того же М. Шаймиева или М. Рахимова.

Вместе с тем, ситуация с Башкирией не проста и по той причине, что в 2010 г. многие представители местных элит считали, что демонтировался этнократический режим, хотя сегодня уже понятно, что в ходе произошедших трансформаций достаточно сильно были задеты интересы не только башкирской этнополитической элиты, а в целом регионалов. К примеру, в региональных структурах федеральных силовых ведомств, которые стали назначаться Москвой и были выведены из подчинения республиканской исполнительной власти.

Этот процесс заметно отодвинул местные кланы, что породило скрытое противостояние «варягов» с «местными». В настоящий момент наблюдается определенный дисбаланс, особенно на фоне нарастающего кризиса, и в сфере экономического федерализма, давлении крупных компаний и т.д. Причем данный процесс характерен в целом для Российской Федерации, а не является частным случаем.

Так, по мнению политолога Е. Забродина, сегодня «на конфронтацию региональных и федеральных властей, где это противостояние наблюдается, влияют два фактора – экономический и политический. До выборов был консенсус между ветвями власти: одним нужен был определенный результат, обеспечивающий устойчивые позиции, другим необходимо было красиво отчитаться». По его мнению «федеральная власть тогда четко не обозначала, чем она будет наполнять грядущий бюджет, какие статьи расходов будут секвестрироваться, как бюджет будет распределяться между регионами. Но ведь и тогда было ясно, что денег больше, чем в предыдущие годы, когда упали цены на нефть, не будет. И больше их не станет в

ближайшие год-два. Началось формирование государственного и региональных бюджетов, и стало ясно, что губерниям предстоит режим жесткой экономии, и сверху вряд ли что-то упадет»¹.

Тем не менее, ясно, что к формату 90-х годов Башкирия уже, скорее всего, никогда не вернется, что, впрочем, не снимает угрозы сепаратизма субъектов федерации, в особенности, если со стороны центра политика откровенно начнёт принимать характер «игры в одни ворота». В этом контексте необходимо понимание того, что вопреки расхожему стереотипу, «борьба за суверенитет в БАССР» началась с мощного движения регионалов за повышение экономического статуса и прав республики, которое поддержали русские (40% населения) и татары (28%) автономии, и лишь затем она приняла «национальные» формы организации².

Сами региональные элиты сегодня находятся в процессе сложной трансформации, постепенно становятся, как и в СССР, «средним» звеном в федеральной вертикали власти. Но даже несмотря на определенное понижение их статуса и влияния, они по факту своего положения по-прежнему остаются влиятельными общественно-политическими акторами в регионах. Другими словами, независимо от того, кто будет возглавлять тот или иной субъект федерации, и какова будет интенсивность кадровой ротации губернаторского корпуса, местные элиты никуда не исчезнут, а значит стратегия их выживания будет строиться исходя из долгосрочных перспектив.

Институциональные трансформации в региональной экономике в контексте инновационного развития

В течение всего срока своего существования авторитарный режим во главе с М. Рахимовым пытался типично этатистскими методами,

---

¹ «Конфликты регионов с федералами – признак разбалансировки системы» // <https://regnum.ru/news/polit/2203315.html>

² Буранчин А.М. Этнополитическое развитие Республики Башкортостан в 1990-2000 гг. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. С. 48.

характерными для советского государства, решить проблемы в экономической, политической, культурной и национальной сферах. К примеру, в сельском хозяйстве это проявилось в многолетней консервации колхозной системы, в создании МТС, в приписках, в жестких ценах на зерно и попытках восстановить систему госпоставок и т.д. На начальном этапе данная политика не только смягчила результаты федеральных реформ на селе, но и вызвала поддержку, прежде всего, мощной аграрной субрегиональной элиты (преимущественно башкирской). Фактически именно она в указанные годы была реальной опорой «рахимовского» режима. Однако все эти меры дали временный эффект. Не решились проблемы в сельском хозяйстве коренным образом. С годами система все больше архаизировалась, напоминая слабую версию советской автаркии.

Такие же процессы можно было наблюдать и в социально-экономической сфере. Если оставить в стороне предприятия входящие в башкирский ТЭК, ситуация также развивалась неоднозначно. Уже в ходе приватизации 90-х годов значительная доля республиканских предприятий народнохозяйственного комплекса оказалась в руках собственников, находящихся в основном за пределами региона.

Кроме того, очень слабо шло развитие малого и среднего бизнеса. На фоне Татарии, где местная власть сумела запустить крупные инвестиционные проекты с привлечением, главным образом, федеральных средств, Башкортостан, даже при поверхностном сравнении, выглядел отстающим. Постепенно падали и общие социально-экономические показатели региона. Башкирская элита, с завистью смотревшая на успехи соседей, при этом видимо не до конца понимала, что это результат, в том числе самовоспроизводящихся внутренних механизмов, свободной конкурентной игры акторов, сфера для которых была расширена в рамках региональной этатистской экономики.

Со сменой власти в 2010 г. регион стал активно двигаться в сторону инновационной экономики и в некоторых ее секторах, на наш взгляд,

действительно есть значительные успехи. Одновременно наблюдаются и определённые трудности, обусловленные давлением социокультурных факторов. Население региона, особенно в Башкирском Зауралье, в целом довольно слабо участвует в экономических процессах. Кризисные явления, вызванные падением цены на нефть, заметно сократили сектор малого и среднего бизнеса, а на смену патерналистской политики значительная часть населения ответила архаизацией социальных отношений.

Таким образом, мы имеем дело с очередным парадоксом региональной политики, состоящим в невозможности органично перейти на путь инновационного развития экономики в условиях постоянных социальных и политических преобразований.

Известно, что бурное генерирование и заимствование новшеств не всегда сопровождается их продуктивным усвоением. А.С. Ахиезер ввел понятие «шага новизны», которое, к сожалению, не получило разработки в современных научных исследованиях. Оно означает величину допустимых новшеств, значимо не нарушающую комфортное состояние субъектов развития¹.

По мнению социолога Н.Н. Зарубиной, нарушение «шага новизны» приводит к тому, что преобразования не усваиваются и вызывают противоречия и конфликты, необходимость разрешения которых обуславливает не только отказ от прогресса, но и откат к более простым и архаичным институтам и формам культуры. «Можно предположить, что нарушение «шага новизны» приводит к торможению развития, т.е. обновлениям в сфере региональной экономики препятствует не отсутствие инноваций, а слишком быстрые и неорганичные обновления ценностей и норм, институтов и социальных структур. Точно также как в период реформ 1990-х гг. от россиян потребовалась способность в очень сжатые сроки сменить стереотипы действий, сложившиеся во времена плановой экономики и государственного патернализма, на хозяйственную

---

¹Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М., 1991. С. 443.

самоорганизацию в условиях фактически «дикого» рынка, не имеющего четких институциональных оснований. Внедряемые сверху социальные преобразования превосходили допустимый «шаг новизны», поэтому и вызывали распад институтов, деградацию социокультурной системы и активизацию упрощенных, архаичных социальных практик как способов адаптации к неприемлемо быстрым и неорганичным изменениям»¹.

Главная проблема инновационного развития Башкирии состоит в том, что ни рынок, ни бизнес, ни какие-либо другие институциональные структуры пока не соответствуют высокому темпу динамики современного сложного общества. Адаптация к быстро и зачастую непредсказуемо меняющемуся социуму требует институционализации условий для деятельности социальных акторов, способных не только использовать принципиально новые решения, но и самостоятельно инициировать изменения. При этом на массовом уровне приспособление к усложнению социума и ускорению его динамики происходит не через развитие инновативности, а посредством архаизации социальных практик, т.е. стихийного обращения к решениям, почерпнутым из прошлого, как к возможности адаптироваться к трудностям через поиск простых ответов. Архаизация представляет собой более или менее осознанный отказ от нововведений в различных областях жизнедеятельности как реакцию на недоступность последних, невозможность приобщения к ним в силу недостаточности институциональных условий их освоения. Она не связана непосредственно с ростом преступности и отклоняющегося поведения, с дегуманизацией общественных отношений и представляет собой не асоциальное, а упрощенное поведение как сознательный отказ от освоения более сложных социальных практик. Можно согласиться с социологом Ч.К. Ламажаа, увидевшей в этом явлении адаптивный механизм, позволяющий определенным социальным группам сохранять

---

¹ Зарубина Н.Н. Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте // Мир России, 2015. № 2. С. 40.

жизнеспособность в условиях быстрых и неорганичных для них социальных трансформаций через возврат к ценностям и практикам прошлого.

Как считает Н.Н. Зарубина «упрощенные практики становятся доступным ответом на вызов сложности современного общества, который предоставляет возможность осуществлять организацию социальной жизни на массовом уровне, удовлетворяя потребность людей в предсказуемости и повторяемости, в однозначных рациональных интерпретациях происходящего. Они позволяют формировать и воспроизводить относительно устойчивые параметры порядка, создают ощущение стабильности и безопасности в условиях растущих рисков. Однако социокультурная амбивалентность архаичных социальных практик состоит в том, что они сводят к простейшим шаблонным действиям необходимое многообразие форм социальной адаптации, не разрешают социальным акторам развивать инновативность и самоорганизацию»¹.

Хозяйственные нововведения тесно связаны с обыденной жизнью людей, и любое из них, будь то социальное или чисто техническое, в конечном счете, должно войти в будничные практики, адаптироваться ими и стать их неотъемлемой частью².

Таким образом, развитие современной башкирской экономики, в том числе и рынка труда, в условиях наметившегося в 2013-2015 гг. замедления экономического роста и проявления кризисных тенденций, а также возникший вследствие изменения международных отношений императив скорейшего перехода к импортозамещению предъявляет участникам хозяйственной жизни множество вызовов, которые требуют поиска ответов. Однако такой поиск блокируется, на наш взгляд, не отсутствием желания новизны или неспособностью ее производить, а состоянием институтов, которые в настоящее время во многом способствуют упрощению и архаизации хозяйственной деятельности. Тем не менее, общий вектор новой

---

¹ Зарубина Н.Н. Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте // Мир России, 2015. № 2. С. 40.

² Там же. С. 41.

экономической политики РБ в целом верен и не имеет реальной альтернативы.

Одним из примеров архаизации является заметный рост трудовой миграции, который фактически стал системным элементом в субрегиональной экономике, особенно в Башкирском Зауралье.

Восстановление отходничества как феномен архаики

Отход, отхожие промыслы, отходник – понятия, устаревшие еще к первой трети XX века, вновь стали актуальными в наши дни. По завершении советского периода российской истории, где такое явление не могло существовать в принципе, в стране снова появилось отходничество как особая форма трудовой миграции. Новая форма, имея некоторые отличия, обладает важными признаками сходства с существовавшей столетие назад, что заставило исследователей вернуться к прежнему, уже забытому названию «отходничество».

Отходничество это особый феномен социальной и экономической жизни современной России. По самым приблизительным расчетам из примерно 50 миллионов российских семей не менее 10-15 миллионов семей живут за счет отходничества одного или обоих взрослых членов. Иными словами, немалая доля ВВП страны обеспечивается отходниками, но не учитывается статистикой и не может быть учтена, потому что отходники как субъект рынка для экономической науки не существуют¹.

В России как новый массовый феномен социально-экономической жизни, отходничество возникло в середине 90-х годов XX века. В начале 1990-х годов в качестве ответа на экономический беспорядок в стране начали быстро «становиться уклады» – новые модели жизнеобеспечения населения, принужденного к самостоятельному поиску средств выживания. Помимо создания новых моделей (таких как «челноки», впрочем, вполне родственных «мешочникам» 20-х годов), «вспоминались» и

---

¹ Плюснин Ю. Отходничество в современной России // Отечественные записки. № 5 (50), 2012.

реанимировались давно забытые, первыми из которых стали возврат к натуральному хозяйству и возрождение отхожих промыслов.

Феномен отходничества возник и в Республике Башкортостан, однако по причине того, что еще с советского времени определенная часть населения «нефтяной республики» выезжала на заработки главным образом на Север, где возникли диаспоры и даже поколения вахтовиков из Башкирии, данная проблема не была осознана нужным образом, то есть как возникший архаический элемент региональной экономики.

Как отмечают социологи, сегодня Республика Башкортостан находится на 16-м месте (5,7%) по доле занятого населения, работающего за пределами региона проживания среди всех других субъектов РФ. Первые места занимают Республика Адыгея (15,7%), Ленинградская область (14,9%), Чувашская Республика (13,9%), Республика Калмыкия (11,4%), Московская область (10,9%).

Всего 136171 житель Республики Башкортостан работает в других регионах, включая ежедневных маятниковых трудовых мигрантов РФ по данным 2012 г. В 2011 году их было 113,1 тыс. чел., в 2013 г. – 125,9 тыс. чел., в 2014 – 131,4 тыс. чел. В 2012 г. наибольшая доля мобильных работников среди жителей Республики Башкортостан ездила на работу в Тюменскую область (с автономными округами) – 63,7%. В самой Тюменской области (с автономными округами) приезжие работники из Башкортостана составляют примерно 1/3 часть из всех мобильных работников как в 2012 г., так и в 2014 году.

Республика Башкортостан не является популярным регионом межрегиональной трудовой миграции, так как из 2318,5 тыс. мобильных работников всего 5,8 тыс. чел. ездят из других субъектов РФ на работу в Башкортостан¹.

Вахтовая трудовая занятость – это вид мобильной трудовой занятости на постоянной основе, который предполагает физическую удаленность места труда от места проживания, официальное и незаконное неофициальное трудоустройство с регулярным фиксированным графиком труда и отдыха,

---

¹ Туракаев М.С. Мобильный вахтовый труд как фактор снижения социального неравенства (на примере муниципальных районов Республики Башкортостан) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. (DVD ROM). С.7669.

маятниковые перемещения от места жительства дома до места вахты, продолжительностью вахты легально от нескольких дней до 3-х месяцев и предполагающий законные ограничения при приеме на работу (лица старше 18 лет и не имеющие медицинские противопоказания).

Вахтовые работники проживают в основном в малых городах и сельских поселениях и не хотят уезжать в другое постоянное место проживания, их мотивация связана в первую очередь не с повышением своего благосостояния, а с недостатком экономического капитала и трудностями поиска работы по месту жительства (мотивация может варьироваться от одного мобильного работника к другому, от одной семьи к другой), они нанимаются на работу самостоятельно или через знакомых (хотя некоторых из них могут и вербовать). Однако периодичность возвращения вахтовых работников домой и обратно на работу (вахту) не связана с сезонностью домашних работ, она обусловлена маятниковой формой перемещений работников между домом и работой¹.

По мнению социолога М. Туракаева, исследовавшего эту проблему на материалах Башкирии, «мобильная трудовая занятость не способствует существенному развитию глубинки, но в то же время не дает разрушиться и деградировать всей социально-экономической и социокультурной системе сельских районов»².

Однако последнее как раз является типичным признаком архаики, которая неспособна к саморазвитию, инновационным изменениям, но может на определенном этапе выступить как некий защитный механизм.

---

¹ Туракаев М.С. Мобильный вахтовый труд как фактор снижения социального неравенства (на примере муниципальных районов Республики Башкортостан) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. (DVD ROM). С. 7670.

² Там же. С. 7675.

Архаика в пространстве города (на примере Уфы)

Одной из актуальных и малоисследованных проблем в современной российской социологии является изучение феномена архаики в социокультурном пространстве города. Вопреки сложившемуся стереотипу города как безусловного центра современности, во многом противостоящего аграрному традиционализму, в структуре социального «тела» мегаполиса можно обнаружить достаточно много примеров архаического. Связано это со сложной трансформацией, которая начинает происходить с городом в условиях нарастающей глобализации.

Исторические социальные мутации прямым образом сказывались на социальном пейзаже, вызывая к жизни современный город, город Модерна. Пространство этого города превращалось в пространство промышленное. Центрами становились фабрики и заводы, часто играющие градообразующую роль; финансовые институты – банки и биржи – превращались в дворцы; росли повсюду политехнические институты, обучающие представителей новой технической элиты и ее услуги; процветали театры и музеи, призванные возводить социальные перемены и новшества в ранг искусства. Развивались механические способы передвижения, город и его службы рационализировались и автоматизировались.

Как отмечают исследователи: «В новых индустриальных городах пространственная иерархия (центр и периферия) отражала временные закономерности – время текло быстрее в центрах управлениях, на заводах, в учебных и культурных заведениях, где концентрировались инновации. По мере удаления к периферии города, на окраины и в пригороды, время на глазах замедлялось, а при перемещении в провинции (остающиеся руральными и аграрными) застывало и ползло в более привычном и

традиционном ритме. Город и особенно городской центр – Сити – становился концентрацией времени»¹.

Сегодня же, по мнению М. Кастельса, привычный нам город как социальная матрица, расположенная в физическом пространстве и структурированная в соответствии с социальной морфологией, постепенно превращается в «глобальный город»: «Глобальный город не место, а процесс. Процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные общества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра»².

Однако пространство потоков отрывает от привычного пространства (географического и социального) тех, кто интегрируется в сеть. Сеть уничтожает пространство, снимает его, переводит фиксированную позицию в эфемерный, быстро меняющийся пучок энергии. Фактически это создает благоприятные условия для развития таких деструктивных явлений как атомизация и аномия (по Э. Дюркгейму – состояние общества, при котором наступает разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок).

Другими словами в условиях неорганичного развития, в городском пространстве может резко расширяться зона архаики, учитывая, что российские города, возникшие в ходе ускоренной советской модернизации, практически не имеют исторически сложившейся и развитой городской культуры. В то же время они, при всех имевшихся противоречиях, обладали своей формой Модерна, а анализ произошедших изменений, которые запустились с момента начала постсоветской эпохи, указывают на то, что данная проблема не так однозначна, как может показаться на первый взгляд.

---

¹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 193.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 187.

Это хорошо видно на примере столицы Башкирии Уфы, которая также не осталась в стороне от общероссийских тенденций.

Уфа сегодня входит в число мощных экономических, культурных и научных центров России. Она является четвёртым по протяжённости городом России после Сочи, Волгограда и Перми, входит в пятёрку крупнейших по площади городов РФ. Это самый просторный город-миллионер в стране, на одного жителя приходится 698 м² городской территории. На 1 января 2016 года по численности населения город находился на 11 месте из 1112 городов РФ. Численность населения Уфимской агломерации (городской округ город Уфа, муниципальные районы Уфимский, Благовещенский, Чишминский, Иглинский, Кармаскалинский и Кушнаренковский районы) составляет 1 444 549 чел. (2016).

С 2008 года сложился естественный прирост населения. По данным на 1 января 2009 года на долю города приходилось 25,4% всех жителей республики или 42,2% городского населения. Численность женщин преобладает над численностью мужчин (54,5 и 45,5% соответственно), на 1000 женщин приходится 835 мужчин. Доля лиц моложе трудоспособного возраста 15,4%, трудоспособного возраста – 65,2%, старше трудоспособного возраста – 19,4%. В начале 2015 года население Уфы достигло 1 106 000 человек.

Национальный состав Уфы согласно Всероссийской переписи населения 2010 года: русские – 48,9%, татары – 28,3%, башкиры – 17,1%, украинцы – 1,2%, лица других национальностей – 4,5%¹.

Таким образом, Уфа сегодня – это многонациональный, промышленно развитый город, где русские составляют почти половину населения.

В советское время столица Башкирии была типичным советским мегаполисом, которая по внешнему виду мало чем отличалась от других городов СССР. В ее архитектуре и пространстве было очень мало

---

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан.

этнического и культурного своеобразия, хотя и сохранялись небольшие лакуны дореволюционного уездного города. Кроме того, при всех противоречиях, ее общий облик был создан по лекалам советского модерна, что делало Уфу к концу 80-х годов цельным и по-своему современным городом, к тому же наделенным статусом столицы автономии

Соответственно, если рассмотреть проблему в рамках схемы «архаика-модерн-постмодерн», то придется признать, что с началом 90-х годов зона архаики заметно расширилась в ее пространстве по сравнению с советским периодом. Так, активное строительство, носившее во многих случаях бесконтрольный характер, наряду с позитивными изменениями, сломало в 1990-2010 гг. цельность советского стиля. Социальное развитие также выявило такие формы архаики как бедность и маргинальность некоторых городских слоев населения (к примеру, бомжи на улицах Уфы), проституцию, неравномерность в уровне жизни отдельных территорий (ультрасовременного центра и таких районов как Архирейка, Нижегородка и др.). То есть того, что было практически ликвидировано как системный элемент в условиях советской действительности.

В большинстве случаев архаика существует в «тексте» любого современного города (главным образом в виде дореволюционного культурного наследия). Однако если модернизация городского пространства носит органичный характер, то она не подавляется варварским способом, а плавно трансформируется модерном, через включение ее в свою структуру. В условиях же нарушения баланса между архаикой и традицией, создается прецедент для формирования постмодернистской матрицы, то есть эклектичного, слабоструктурированного пространства, в котором различные элементы хаотически нагромождены и практически ничем не связаны между собой.

В 1990-2010 годы Уфа в плане строительства новых знаний и других параметров поначалу двигалась вперед. Однако к концу указанного периода наметились определенные противоречия, в том числе и социокультурного

характера, которые стали блокировать ее развитие. По разным причинам в столице Башкирии были одни из самых высоких цен на жилье по стране, строительство новых домов имело низкие темпы, появилось много точечных застроек и других урбанистических проблем. Особенно это было заметно на фоне развития Казани, которая фактически заново отстроилась в рамках проведения Универсиады и других главным образом федеральных программ.

Со сменой власти в Башкирии в 2010 г. меняется и градостроительная политика Уфы, она получает новое дыхание. К примеру, принцип точечной застройки постепенно сменяется масштабным квартальным строительством. В рамках проведения международных саммитов стран ШОС и БРИКС появляется много новых городских объектов. Однако у догоняющей модернизации неожиданно возникает и другая сторона – уничтожение культурной архаики взамен плавной трансформации, а также уродливая интродукция глобалистской стилистики в «текст» города.

Как справедливо отмечает в своей монографии посвященной проблемам урбанизации¹ Р. Кучуков: «В Германии вы никогда не увидите такой картины, какую можно наблюдать сегодня в Уфе, например в некоторых деревянных домах по улицам М. Гафури и Запотоцкого вставлены пластиковые стеклопакеты»².

Авторитетный голландский эксперт в области архитектуры, городского и ландшафтного дизайна Йос Куйперс, побывавший недавно в Уфе на форуме туриндустрии, посоветовал городским властям не разрушать исторический облик столицы Башкирии. По его мнению, «Уфа сейчас находится в непростом положении». «Когда мы говорим об историческом городе, существует такая ситуация – вы убираете один, второй исторический объект. В итоге вы приходите к тому, что ваш город превращается в

---

¹ К сожалению, сегодня в РБ очень слабо развивается направление, связанное с вопросами урбанизации, а ведь еще в 70-х годах уфимский ученый Н.А. Аитов одним из первых в СССР стал изучать «социологию города». Затем дело продолжили Ф. Файзуллин, Р. Галлямов, М. Киекбаев, Т. Мухтаров, Р. Кучуков и др. Однако на данный момент новых исследований по данной проблематике практически нет.

² Кучуков Р.Р. Урбанизация и культурное пространство: проблемы взаимодействия (на примере г. Уфы). Уфа: Мир печати, 2011. С. 97.

среднестатистический, а не исторический. А когда город становится обычным, это плохо не только для горожан, но и для туристов, потому что они перестанут к вам приезжать. Никто не поедет из Москвы, Санкт-Петербурга или Владивостока в Уфу, чтобы увидеть то, что они могут увидеть и в своих городах»¹.

В современных европейских городах данным процессам активно противостоит «гражданское общество», но так как в Башкирии, как и в целом по стране, оно развито слабо, – давление модернистских изменений зачастую приобретает радикальный характер. Несмотря на то, что такие некоммерческие гражданские организации как «Архзащита Уфы» и др. пытаются противостоять негативным тенденциям в этой сфере, на деле культурная общественность города узнает о случившемся лишь после того, когда тот или иной проект, без предварительного обсуждения, уже запущен, а ситуацию невозможно повернуть вспять.

Вопрос о развитии городов Республики Башкортостан также связан с пропорциональным развитием субтерриторий региона в целом. Сегодня архаизация на социальной базе «исключающего развития» становится обратной стороной усложнения и интенсификации хозяйственных, информационных, ресурсных, человеческих потоков в современных анклавах.

Представляются весьма интересными наблюдения В.И. Ильина, который рассматривает присущий современной России антагонизм столицы как центра притяжения глобальных финансовых, информационных, миграционных и других потоков и дезориентирования социальной жизни и глубинки как «части социокультурного пространства, относительно изолированной от основных его потоков, характеризующейся их относительно низкой интенсивностью и плотностью»².

---

¹ «Разрушая исторические здания в Уфе, можно пройти точку невозврата» // <http://sobkor02.ru/news/sharp-corner/2857/>

² Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4, 2010. С. 27.

По его мнению, у нас в стране не только не происходит гармонизация отношений столицы и глубинки, не только не используется для современного развития ее ценнейший стабилизационный потенциал, но и развитие столицы во многом осуществляется за счет архаизации глубинки.

К сожалению, такая тенденция сегодня наметилась и в республике, когда ускоренное развитие таких городов как Уфа или Стерлитамак фактически происходит за счет деградации других территорий, из которых крупные мегаполисы «выкачивают» трудовые и интеллектуальные ресурсы. Данная ситуация безусловно требует к себе более пристального внимания поскольку в перспективе это может привести к опасному структурному дисбалансу и увеличить наметившийся культурный и социально-экономический разрыв между территориями республики.

***

Таким образом, главным итогом модернизационных перемен, которые запустились с 2010 г. в экономической, общественно-политической и социокультурной сферах Республики Башкортостан, можно считать переход от достаточно гомогенного, патерналистски ориентированного общества к более сложному, динамичному, во многом посттрадиционному социуму. Однако, как отмечают социологи, именно в сложном обществе происходит разделение на анклавные, включенные в процессы инновационного развития и ставшие частью современного мирового сообщества и культуры, и на маргинальные «некоммуникабельные пространства нефункционального и дисфункционального толка»¹. Другими словами то, что можно сегодня наблюдать на примере депрессивных экономических зон (северо-восток, башкирское Зауралье), моногородов – Кумертау, Ишимбай, Агидель и др.; архаики в социальном пространстве крупных городов республики.

---

¹ Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 9. М.: Новый хронограф, 2010. С. 31.

Неспособность этих социальных анклавов адаптироваться к усложняющемуся социуму порождает непрерывное воспроизводство «глубокой периферии» с ее бедностью и отсталостью в качестве системного элемента мироустройства. Соответственно именно на базе этих групп происходит архаизация как адаптация через отказ от сложных современных форм хозяйственной и профессиональной деятельности, социального, культурного, политического участия. Когда наряду с инновационным развитием определенных территорий Башкирии («очагов» модернизации), а также некоторых секторов экономики происходит архаизация других сторон хозяйственной системы региона.

Это означает, что определенный рост элементов архаики в региональной жизни в какой-то степени имеет закономерный характер, является специфическим ответом общества на неорганичную, догоняющую модернизацию.

В контексте модернизации политической системы республики можно сделать вывод о том, что система управления сравнительно с авторитарным периодом М. Рахимова стала более адаптивной к внешним и внутренним вызовам, учитывая, что сама социальная и общественно-политическая среда заметно дифференцировалась. Одновременно с этим наблюдается определенная консервация властной элиты, а где-то даже резкий поворот от либерального курса, который наблюдался в начале правления Р. Хамитова, к умеренно-консервативным позициям.

Если же оценивать модернизационный потенциал региона в целом, то налицо неравномерность частей региона. Очевидно, что успешность общей модернизации зависит от политического процесса, от согласованности и консолидации местных элит. Недостатки модернизационного процесса для Республики Башкортостан во многом типичны для России – это бюрократизм, коррупция, скрытая клановость, а также отсутствие постоянных «правил игры» для политических и бизнес-структур, отсутствие цивилизованной конкуренции. Отдельно можно выделить высокий уровень

традиционализма у населения региона, сложную этническую и конфессиональную структуру, которая заметно влияет на внутривнутриполитические процессы, усложняет запуск модернизационных механизмов на уровне обыденных практик.

Однако в целом наша оценка модернизационного тренда регионального социума, несмотря на его внутренне амбивалентную природу, позитивна. Республика Башкортостан в качестве базовой основы модернизации имеет развитую экономику, обладает большим культурным и человеческим потенциалом, включая хоть и локализованную, но достаточно активную сферу «гражданского общества».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная Россия переживает острый цивилизационный кризис, блокирующий выход государства и общества на уровень стабильного развития, одним из аспектов которого выступает столкновение модернизационных и контр-модернизационных сил, в том числе и на региональном уровне, потенциально способных привести к разрушению всей системы жизнеобеспечения, распаду и откату общества в архаику. В этом контексте особое значение приобретает проблема архаизации российских регионов, полноценное развитие которых имеет решающее значение для всей страны.

Специфика российского современного общества заключается в том, что институционально оно сложилось в рамках «советского модерна», распад которого и запустил негативные контрмодернизационные процессы в виде сворачивания «структур современности» в различных сферах экономики и государства. Огромное значение в этом процессе имеют и изменения ценностных ориентаций в общественном сознании, сопровождающиеся определенным расколом в обществе. В настоящее время механизмы воспроизводства института модерна начали давать сбой в силу того, что изменилась социальная система, появились факторы, способствующие этому разрушению, одним из которых является феномен архаики.

Важно отметить и существенное внешнее влияние на модернизационные изменения российского социума, которое часто носит отрицательный характер, проявляющийся в стремлении некоторых реформаторов к насаждению в России чужеродных институтов и ценностей.

Проблемы неустойчивого состояния современного российского общества не ограничиваются эмпирически фиксируемыми проявлениями, они затрагивают основополагающие, фундаментальные пласты социальной жизни, а именно: субстанциональные проблемы взаимоотношений

меняющегося социума и личности, самоидентификационные процессы адаптирующегося индивидуального сознания, проблемы социализации личности в условиях разрушающегося этоса, формы и методы преодоления индивидом аномического отчуждения. Эти проблемы общества носят комплексный, макросоциальный характер, обусловлены особым, специфическим типом взаимоотношений личности и общества в этих условиях.

Российское общество, находящееся в условиях глубинных социальных и политических трансформаций, сталкивается с множеством деструктивных факторов, противодействие которым становится важной задачей и условием выживания всей социальной системы. В ряду негативных явлений, захлестнувших Россию, можно выделить возрастание активности экстремистских социальных и религиозных течений, снижение уровня этнической толерантности, рост употребления психоактивных веществ, суицидов, сложнопрогнозируемое влияние внешней миграции, аномию, архаизацию социальных структур и пр. Что делает крайне актуальным проблему разработки механизмов противодействия негативным формам, возникающим в ходе модернизационного развития, поскольку рост социальной энтропии нуждается в определении масштабов и разработке действенных технологий упорядочения нелинейных, порой хаотических процессов.

Исходя из этого, совершенно недостаточной выступает простая констатация, что архаизация и архаика как таковая есть просто следование установкам некоторого «начального» состояния общества и его культурным кодам. Важно определить условия и факторы, которые приводят к возникновению и развитию архаических тенденций. Проблематика архаизации, которая выступает, своего рода, антиподом модернизации, задает направленность социальных и культурных изменений. Если модернизационные изменения направлены на усложнение социальных отношений, увеличение масштаба общностей, повышение уровня

циркулирующих в социальной системе благ, то архаизация, таким образом, представляет собой обратный процесс: упрощение социальных структур, сокращение масштабов общностей и уровня благ. Стоит подчеркнуть, что термины «модернизация» и «архаизация» должны рассматриваться вне непосредственных оценочных коннотатов, поскольку и то, и другое, как и всякие трансформации, выступают адаптацией людей и общностей к изменениям окружающей их среды.

Как и всякие социокультурные трансформации, архаизация протекает неодновременно в разных элементах социальной системы и культурного поля, имеет различный и противоречивый характер. Поэтому вполне возможны парадоксальные сочетания модернизированных социальных институтов и архаических культурных представлений, и даже сочетание модернизированных и архаизированных отношений социального и культурного плана. Это придает дополнительную сложность изучения предмета и позволяет говорить, что возможна архаизация в культуре, социальных отношениях, техносфере и технологиях общества и т.п., выявлять разные степени и формы архаизации, а также проводить сопоставление по уровням архаизации различных элементов общества.

Становление и развитие индустриального общества сформировало системы высокоцентрализованных иерархичных отношений, «аппарат», осуществляющий техническое и административное управление на основании следования строго установленным регламентам и стандартам. Это сделало возможной координацию массовых масштабных процессов, характеризующих индустриальное общество, что проявляется во всем, от массового производства и потребления до массовых коммуникаций и массовой культуры. Хотя основной целью «аппарата» выступает обеспечение рутинных функций, повседневных или длительных, нельзя сказать, что он не способен на быстрые реакции на внезапные и быстрые изменения – если последние, конечно, вписываются в регламент его деятельности. В противном случае реакции «аппарата» запаздывают или

протекают не адекватно, однако это, как правило, нивелируется тем, что «аппарат» имеет обширный перечень регламентов, предусматривающий значительное число типовых внезапных ситуаций. Кроме того, он обладает высокой степенью рефлексивности, позволяющей относительно быстро вырабатывать новые регламенты и стандарты в ответ на достаточно сильные внезапные явления и изменения, которые требуют подобной адаптации. Флуктуативные же изменения гасятся на более низких уровнях «аппарата» или игнорируются, поскольку не оказывают – или кажется, что не оказывают – влияния на регулируемые социальные процессы.

Особое место в этом процессе сегодня занимает и проблема архаизации регионов Российской Федерации.

Изучение данного вопроса на материалах Республики Башкортостан показывает, что процессы архаизации затронули, прежде всего, современное башкирское общество. Назначение Р.З. Хамитова главой республики в 2010 г. ознаменовалось не только очередной сменой властной элиты в Республике Башкортостан, но и завершением процесса глубинной трансформации башкирского социума. Речь идет об окончании длительного исторического цикла, который заметно обозначился еще в 20-30-х годах XX века. Основная черта этой трансформации – переход от аграрного общества к обществу городской культуры.

Одновременно с этим в современном башкирском обществе, наблюдается не только кризис, связанный с отсутствием устойчивой национальной идентичности, но и разворачиваются противоречивые процессы активной архаизации. Рост носителей религиозного и других форм фундаментализма, устойчивый ценностный и элитный раскол, давление мифологических стереотипов на массовое сознание, а также размывание пласта «высокой культуры» – вот лишь небольшой перечень негативных социокультурных феноменов вызванных влиянием регрессивных форм на общественные процессы.

В этих условиях важной проблемой становится вопрос о формировании новой башкирской (постаграрной) идентичности. Тенденции этнического «полураспада», несформированность устойчивых горизонтальных связей – все это толкает современных представителей башкирского общества, в особенности наиболее активные слои, на формирование идентичностей более локального уровня – религиозного, узкоэтнического, городского, профессионального и др. Соответственно архаизация общественных отношений оборачивается повышенной конфликтностью, агрессией; формирует благодатную почву для распространения религиозного фундаментализма, а также радикального национализма и сепаратизма.

Также важной становится проблема расширения архаики в Республике Башкортостан в условиях политических реформ новой власти. В ходе изучения основных тенденций развития республики, сделан вывод, что главным итогом модернизационных перемен, которые запустились с 2010 года в экономической, общественно-политической и социокультурной сферах региона можно считать переход от достаточно гомогенного, патерналистски ориентированного общества к более сложному, динамичному, во многом посттрадиционному социуму. Однако именно в сложном обществе происходит разделение на анклавов, включенные в процессы инновационного развития и ставшие частью современного мирового сообщества и культуры, и на маргинальные «некоммуникабельные пространства нефункционального и дисфункционального толка». Другими словами то, что можно сегодня наблюдать на примере депрессивных экономических зон (северо-восток, башкирское Зауралье), моногородов – Кумертау, Ишимбай, Агидель и др.; архаики в социальном пространстве крупных городов республики.

Неспособность этих социальных анклавов адаптироваться к усложняющемуся социуму порождает непрерывное воспроизводство «глубокой периферии» с ее бедностью и отсталостью в качестве системного

элемента мироустройства. Соответственно именно на базе этих групп происходит архаизация как адаптация через отказ от сложных современных форм хозяйственной и профессиональной деятельности, социального, культурного, политического участия. Когда наряду с инновационным развитием определенных территорий Башкирии («очагов» модернизации), а также некоторых секторов экономики происходит архаизация других сторон хозяйственной системы региона.

Это означает, что определенный рост элементов архаики в региональной жизни в какой-то степени имеет закономерный характер, является специфическим ответом общества на неорганичную, догоняющую модернизацию. Если же оценивать модернизационный потенциал региона в целом, то налицо неравномерность частей региона. Очевидно, что успешность общей модернизации зависит от политического процесса, от согласованности и консолидации местных элит. Недостатки модернизационного процесса для Республики Башкортостан во многом типичны для России – это бюрократизм, коррупция, скрытая клановость, а также отсутствие постоянных «правил игры» для политических и бизнес-структур, отсутствие цивилизованной конкуренции. Отдельно можно выделить высокий уровень традиционализма у населения региона, сложную этническую и конфессиональную структуру, которая заметно влияет на внутривнутриполитические процессы, усложняет запуск модернизационных механизмов на уровне обыденных практик.

Таким образом, постепенная архаизация российских регионов становится сегодня достаточно значимой социальной проблемой, которой необходимо уделить самое пристальное внимание со стороны государства и общества. Ключевая проблема данной ситуации, помимо научного описания, заключается в сложности выработки и реализации комплекса эффективных мер способных блокировать и преодолеть ее растущее давление на современные социально-экономические и политические процессы. На

первом этапе такими мерами, на наш взгляд, могут стать следующие направления:

- целенаправленное укрепление социальных институтов и практик относящихся к структурам Модерна, а также связанных с матрицей «индустриального общества»;

- поиск национальной версии органичной модернизации, адекватной социокультурным и историческим особенностям современного российского общества;

- разработка федеральных научных и научно-просветительских программ, с целью повышения образовательного и культурного уровня населения страны;

- создание комплекса мер, нацеленных на повышение в обществе роли и статуса «высокой культуры» (литературы, театра, живописи, то есть относящихся к формам «классических искусств», а также академическую науку);

- диагностика состояния регионов как социокультурных сообществ, основанная на комплексном их исследовании;

- наконец, выявление потребностей, коридоров возможностей, а также новых угроз в ходе социокультурного развития регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Абдрахманов Д.М. Процессы архаизации в России и ее регионах // Россия как традиционное общество: история, реалии, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / ГБНУ ИГИ РБ. – Уфа: Мир печати, 2015. С. 18-30.
2. Абдрахманов Д.М. Свобода личности в условиях глобализации. Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006. 168 с.
3. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск 3 (19). 2014. С. 94-101.
4. Абдрахманов Д.М., Демичев И.В., Нугуманов М.М., Кагарманов Р.Ф., Дусмухаметов Ф.А. Интеграция инокультурных мигрантов в России. Уфа: ДизайнПресс, 2014. 248 с.
5. Абдуллин А.Р. Традиционный ответ на вызов истории. Вызов (Часть I) // Аналитика культурологии. 2015. № 31. С. 157-171.
6. Абдуллин А.Р. Традиционный ответ на вызов истории. Ответ (Часть II) // Аналитика культурологии. 2015. № 31. С. 172-184.
7. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы. [Электронный ресурс]. URL: http://aipe.roerich.com/russian/mas_kult.htm.
8. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016.
9. Айдарбаков Ф., Барлыбаев А. Социально-экономические и организационно-управленческие аспекты модернизации АПК Башкирского Зауралья // Ватандаш, 2011. №3.
10. Алексеев А.П. Культура аргументации в поскультурном контексте // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2.

11. Алексеева И.Ю. Гуманитарные технологии в контексте информационной войны // Информационное общество. 2015. № 6.
12. Алешковский И.А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации № 1, 2011.
13. Антипов М.А., Дорошин Б.А. Деинституализация как проявление архаизации постсовременного общества // Научный вестник Омской академии МВД России № 3 (50), 2013. С. 29-33.
14. Антипова А.В. Вмещающий ландшафт (географический смысл и эколого-ресурсное содержание) // История и современность. № 2, 2006. С. 3-23.
15. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59).
16. Асанбеков М.К. Архаизация жизни населения Кыргызстана / Проект «Время Востока» Института стратегического анализа и прогноза (ИСАП) / <http://www.easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/arkhaizatsiya-zhizni-naseleniya-kyrgyzstana>.
17. Астапов С.Н. Религиозные традиции в условиях глобализации: модернизация, консервация, архаизация // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием. Отв. ред. Т.В. Коваленко. Краснодар, 2015. С. 67-76.
18. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. №2, 2001.
19. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, №1.
20. Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность, 2000, № 1.

21. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
22. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. III. М.: Изд-во ФО СССР, 1991.
23. Ахиезер А.С. Социокультурная динамика России. К методологии исследования. [Электронный ресурс] // Гражданское общество в России: электронная научная библиотека. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/1991-5-5-Achiezer.pdf>.
24. Ахиезер А.С. Труды / А.С. Ахиезер. М., 2006.
25. Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма. Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. статей. Вып. 1 / под ред. Ю.Н. Солонина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173-191; Ачкасов В.А. «Взрывающаяся архаичность»: традиционализм в политической жизни России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 160 с.
26. Бакланов И.С., Зырянов И.Е. Социально-философский аспект проблем модернизации российского социума // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2012. № 1 (30). С. 94-98.
27. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелник и Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
28. Беляева М.А. Конкурсы «беременной красоты»: инновация или архаизация культуры // Человек в мире культуры. № 1. 2013. С. 24-30.
29. Берг М.Ю. «Литературократия». Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: Новое литературное обозрение. 2000.
30. Бердяев Н. Новое средневековье [Электронный ресурс]. URL:<http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn010.htm>.

31. Бермус А.Г. Что есть Просвещение для XXI века? // Политическая концептология № 2, 2014. С. 40-61.
32. Бияков О.А. Экономическое пространство: сущность, функции, свойства. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. № 2, 2004. С. 101-108.
33. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. Л. Любарской, Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000.
34. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
35. Буранчин А.М. Архаизация регионов как новый тип угроз общественной безопасности // Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени. Материалы межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма. Уфа: Изд-во «Мир печати», 2016. С. 65-72;
36. Буранчин А.М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // Традиция. Материалы Международной конференции по традиционализму «Against Post-ModernWorld» (вып. 3). М.: Евразийское движение, 2012.
37. Буранчин А.М., Вахитов Р.Р., Демичев И.В. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан. Уфа: Дизайн-Пресс, 2014.
38. Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002, № 1.
39. Бызов Л.Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. № 4.
40. Валиахметов Р.М. Динамика и особенности изменений структуры сельского и городского башкирского населения // Традиция и толерантность: проблема понимания. Мат. Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Гилем, 2012.

41. Вахитов Р.Р. Национальный вопрос в сословном обществе: этносословия современной России. М.: Страна Оз, 2016.
42. Вахитов Р.Р. Судьбы университета в России: имперский, советский и постсоветский раздаточный мультиинститут. М: Страна Оз, 2014. 276 с.
43. Винокурова У.А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? // Знание. Понимание. Умение 2015. №2. С. 106-117.
44. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
45. Вишневский А.Г. Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет // Общественные науки и современность. 2004. № 1. С. 17-25.
46. Вольский А.Н., Нечипоренко О.В., Энтрена Ф. Ренатурализация хозяйства как эффект рыночных реформ // Социологические исследования. № 10, 2000. С. 22–26.
47. Галлямов Р.Р. Элита Башкортостана. Казань, 2006.
48. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
49. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008.
50. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.
51. Гладков О.Б. Традиционализм как проявление архаизации общественного сознания современного российского социума // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 80-84.
52. Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков // Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.
53. Грузков В.Н., Грузков И.В. Региональное образование и формирование человеческого потенциала // KANT. № 1 (10), 2014. С. 112-115.

54. Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН; Институт философии РАН, 2002.
55. Гурин С. Субкультура между архаикой и постмодерном // Труды Саратовской православной духовной семинарии: Сборник. Вып. VII. Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2013. С. 279-285.
56. Гусарова Е.Ю. Роль технико-экономических укладов в развитии институциональных структур // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Выпуск №2, 2010. С. 13-15.
57. Даутова А.Р. Политическая культура башкир: анализ групп традиционалистов Башкортостана // Городские башкиры: урбанизация и этничность: Мат. IX Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. С. 92-95.
58. Демичев И.В. Кризис индустриального образования: институциональные ловушки и архаизация // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Российское образование в контексте взаимодействия со странами ШОС и БРИКС» / ГБНУ ИГИ РБ. – Уфа: Мир печати, 2014. С. 91-103.
59. Дибиров А.-Н.З. Дагестан сегодня: архаизация, или затянувшийся кризис традиционного общества // Исламоведение. 2014. № 1. С. 91-98.
60. Динелло Н. От плана к клану: социальные сети и гражданское общество // Профессионалы за сотрудничество. Ч. 1. (Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы. Материалы конференции 1998 г.). М., 1999.
61. Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011. 142 с.
62. Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Трикта, 2010.
63. Дугин А.Г. Философия традиции. М.: Арктогея-Центр, 2002.

64. Ерасов Б.С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002.
65. Забелина Е.Н. Высокая культура Нового времени: между массовым и элитарным // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы мировой художественной культуры». В 2 ч. Ч. 1. Гродно: ГрГУ, 2012.
66. Зарубина Н.Н. Социокультурные и институциональные противоречия: вызовы для инновационного развития России // Социологическая наука и социальная практика. № 2(6), 2014. С. 5-22.
67. Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории № 2. 2013. С. 29-45.
68. Зильберман Д. Традиция как коммуникация: трансляция ценностей, письменность // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 71-104.
69. Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита // Мир России. 2002. № 3.
70. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2.
71. Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4, 2010.
72. Исаев К. Народные революции и время смятения: историко-социологическое прочтение кыргызской реальности // Социологические исследования. № 8. 2014.
73. Исаков А.Л. Незападный тип политических процессов в контексте проявления моделей архаизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3. С. 145-151.
74. Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. М.: РОССПЭН, 1997. 478 с.;
75. Каримов А. Г. Современные социально-экономические аспекты уровня жизни народов Башкортостана // Ватандаш, 2011. №1.

76. Карнаушенко Л.В. Правовая культура в контексте процессов архаизации современного российского общества // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 29.
77. Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1994.
78. Киекбаев М.Д., Абдрахманов Д.М., Султанмуратов И.З. Этническая толерантность как феномен современного общества. Уфа: «Хан», 2007. 86 с.
79. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭИ ОПП СО РАН, 2001.
80. Киршин И.А., Титов А.В. Моделирование динамики инновационного цикла // Экономические науки. № 6 (79), 2011. С. 31-35.
81. Киселев Г.С. Статья человечеством (сознание Постмодерна). М., 2004.
82. Клейн Л.С. Культура, первобытный примитивизм и концлагерь // Россия: Культурные традиции и процессы модернизации: «круглый стол». СПб., 2005.
83. Клименко Л.В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. № 1.
84. Клюкина Л.А. К вопросу об онтологических основаниях культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 1 (25). 2009.
85. Ковалевский М.М. Клан у аборигенных племен России // Социологические исследования. 2002. № 5.
86. Кожурин Ю.Ф. Цивилизация: идентификация социокультурной системы региона. Саранск, 2003.
87. Комсомольская правда. 2010. 11 января.
88. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

89. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Либроком, 2013. 352 с.
90. Костина А.В. Культура как фактор модернизации России: некоторые итоги исследования // Научные труды Московского гуманитарного университета №10. 2014. С. 72-81.
91. Костюк К. Архаика и модерн в российской культуре // Социологический журнал, 1999, № 3-4. // <http://www.spasi.ru>
92. Кравченко С.А. Социальные реалии и социология: подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 9. М.: Новый хронограф, 2010.
93. Кравченко С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.
94. Красин Ю.А. Альтернативы развития. Россия между модернизацией и деградацией. Политологические очерки. М.: Ин-т социологии РАН. 2013.
95. Крупкин П.Л. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России // Научный эксперт. 2009. №7-8.
96. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
97. Кузьменков В.А. Архаизация мировоззрения и системы ценностей в современной России // Система ценностей современного общества. 2014. № 33.
98. Кургинян С. К событиям на севере Африки и Ближнем Востоке. М., 2011.
99. Куценко О.Д., Горбачек А.П. Постимперские регионы: ассоциированная зависимость в развитии Восточной Европы // Мир России. 2014. № 1.
100. Кучуков Р.Р. Урбанизация и культурное пространство: проблемы взаимовлияния (на примере г. Уфы). Уфа: Мир печати, 2011.
101. Лаврова А.Г. Субкультуры современного общества. Причины выбора // Вестник Южно-Уральского государственного университета. № 32, 2012. С. 169-171.

102. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен / Предисл. В.Г. Федотовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 272 с.
103. Ламажаа Ч.К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 88-93.
104. Ламажаа Ч.К.О., Хайруллина Н.Г. Архаизация и неотрадиционализм в регионах Уральского Федерального Округа // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 29-38.
105. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1.
106. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. №7. С. 8-19.
107. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. № 8, 2006.
108. Ласточкина М. А. Социокультурные факторы модернизации региона // Фундаментальные исследования. № 3-2, 2012. С. 346-352.
109. Лосев А.Ф. Миф – развернутое магическое имя. М., 1999.
110. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры искусства. СПб., 2002.
111. Мадюкова С.А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских этносов Южной Сибири): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2008.
112. Малинецкий Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 224 с.
113. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М., 1999.
114. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Консервативная мысль, 1994.
115. Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2011. 356 с.

116. Матлина С.Г. Публичная библиотека как феномен культуры // Информационный бюллетень РБА, 2008. № 47. С. 20-23.
117. Морозов Н.М. Эпистемологические возможности понятия «варварство» в изучении российской цивилизации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 3, 2013.
118. Московичи С. Век толп. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1996.
119. Мотрошилова Н.В. Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 4. С. 49-55.
120. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., ИФ РАН, 2007.
121. Недугова И.А. Тенденции культурного развития на основе герменевтического круга // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (90). С. 69-74.
122. Нечипоренко О.В. Адаптационные стратегии сельских локальных сообществ: новые аспекты типологии // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Том 6, выпуск 2. С. 108-114.
123. Нечипоренко О.В. Интеграция малого этноса в индустриальное общество: стратегии адаптации // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2009. Том 7. Выпуск 1. С. 107-112.
124. Николаева Н.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
125. Николаева У.Г. Vita nuova архаических экономических отношений: загадки современной российской неформальной экономики. М.: Дашков и Кш, 2005. 175 с.
126. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.
127. Паин Э.А. Волновая природа традиционализма на рубеже XX–XXI веков // Общественные науки и современность. 2011. № 2.

128. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России / 2-е изд., доп. М.: Новое издательство, 2004.
129. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
130. Пелипенко А.А. Культура как система / А.А.Пелипенко, И.Г.Яковенко. М., 1998.
131. Першин Ю.Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы / Автореф. дис... д-ра филос. наук. Омск, 2014. 40 с.
132. Пика А.И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. №11. С. 47-53.
133. Плюснин Ю. Отходничество в современной России // Отечественные записки. № 5 (50), 2012.
134. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетр. / В.И. Мукомель; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.
135. Поморцева А.М. Цивилизационный разлом (вызов) и архаизация сознания человека (ответ) // Вестник Ставропольского государственного университета № 61, 2009. С. 44-50.
136. Постникова Е.Г. Феномен самомифологизации и архаизации массового сознания в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Филология. Спб., 2012. №3. Том 1. С. 24-31.
137. Пребишь Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992.
138. Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). Уфа, 2000. 304 с.
139. Ревуцкая Е.А. Архаизация в российском социокультурном процессе // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II.

140. Рогозян О.В. Политический кризис: анализ и технологии урегулирования (на примере Краснодарского края) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Краснодар, 2006.

141. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа // Социологические исследования. № 1. 2015. С. 19-26.

142. Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования, 2014. № 9.

143. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966.

144. Семенова И.Н., Рафикова Ю.С., Суюндуков Я.Т., Биктимерова Г.Я. Социально-гигиенические проблемы Башкирского Зауралья (по результатам социологического опроса) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. М.: Российское общество социологов, 2016. (DVD ROM).

145. Сергеев Д.В. Соотношение смысла и ценности в контексте исследований «Возрожденческих» процессов в истории культуры // Вестник Бурятского государственного университета. № 14. 2010. С. 261-265.

146. Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. № 3.

147. Сергодеева Е.А., Маслаков С.В. Контрмодерн как проектное воплощение архаизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV.

148. Силантьева М.В. Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 2.
149. Сокольская Л.В., Руссак З.В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов? // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Выпуск № 1 (41) / 2015. С. 21-29.
150. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
151. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика М.: Астрель, 2006.
152. Сошников А.А. Феномен контрмодернизма: архаизация культуры в постмодерном обществе (украинская версия) // Теория и практика общественного развития, № 8, 2013.
153. Строгонова Е.А. Бурятское национально-культурное возрождение (конец 80-х – середина 90-х гг. XX в. Республика Бурятия). М.; Иркутск: Наталис, 2001.
154. Тажитдинов И.А. Проблемы ресурсных взаимоотношений в системе «Регион субрегион муниципальное образование» // Вестник Томского государственного университета. № 368, 2013. С. 115-118.
155. Тарасов В.Т. Модернизация регионов Приволжского федерального округа: пространственный анализ эволюции и фазовых состояний в 2000 – 2010 годы // Вестник Чувашского университета, № 4, 2013. С. 403-411.
156. Тарасов В.Т., Бойко И.И., Харитонов В.Г. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа // Социологические исследования. 2015. № 1.
157. Терин Д.Ф. «Цивилизация» против «Варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 27-34.
158. Ткачук М. Грядущее прошлое или настоящее будущее? Левая реформация против либеральной архаики // Statusrerum. 2015. № 2 (1650).

159. Товбин К.М. Традиционалистская философия: версия Дугина // Аналитика культурологии. 2014. № 3(30). <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/>
160. Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999, № 11. С. 123–133.
161. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
162. Тощенко Ж.Т. Этнократия // Татарский мир. 2004. № 17.
163. Тужба Э.Н., Пчегатлук С.К. Адыгский этнос в условиях глобальных вызовов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1 (57). С. 177-180.
164. Тузбеков А.И., Бахшиев И.О. Археологические памятники как объекты сакрализации (на примере могильника ильчигулово IV) // Известия Уфимского научного центра РАН. 2015. Т. 4. С. 103-107.
165. Тюрина М.Н. Архаизация языковых дискурсов в эпоху социокультурного кризиса // Гуманитарные и социальные науки 2014. № 4. С. 275-284.
166. Файзуллин Ф.С. Социальная справедливость и пути ее реализации в национальной политике. Уфа, АН РБ, Гилем, 2011. 252 с.
167. Файзуллин Ф.С. Методологические основы управления народной культурой // Актуальные проблемы развития национальных культур: история и современность: Сборник научных статей Всероссийской научно конференции молодых ученых, 19-20 апреля 2012 г. Т.2. Уфа: Уфимская академия экономики и сервиса, 2012. С. 221-223.
168. Федотова В.Г. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. № 3, 2005. С. 3-19.
169. Федотова В.Г. Архаизация в современном мире // Философские науки. №5, 2012. С. 26–36.

170. Федотова В.Г. Кризис модернизации и архаизация общества // Знание. Понимание. Умение. 2013, № 1.
171. Финогентов В.Н. О свободе совести и о мировоззренческом детерминизме // Трагический гуманизм: очерки онтологические, антропологические и аксиологические. – Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2012.
172. Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
173. Флиер А.Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства культуры // Костина А.В., Флиер А.Я. Культура между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса. М.: Согласие, 2011. С. 565–630.
174. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекция 22. СПб.: Азбука-Классика. 2003.
175. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи; пер. с нем. М.Б. Скуратова. М.: Издательство «Весь Мир», 2011.
176. Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX-XXI веков. Уфа: Мир печати, 2015.
177. Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы четвертой ежегодной всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. Т.1.
178. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
179. Хачатурян В.М. Диалог с архаикой // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. М., 1992.
180. Хачатурян В.М. Феномен архаизации в культурной динамике: Автореф. ... дис. д-ра культурологии / ФГБОУ ВПО «Государственной академии славянской культуры». М., 2011. 50 с.

181. Хачатурян, В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009.
182. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988.
183. Хэ Чуаньци. Соотношение между человеческой цивилизацией и модернизацией // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Пер. с англ. под ред. Н.А. Лапина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011.
184. Чирина А.А. Архаизация массового сознания в условиях трансформирующегося социума // Вестник Мордовского университета, 2007. № 2.
185. Шамов В.А. Проблема теории традиции в современной европейской и американской философии культуры: В. Хёсле, Д. Зильберман, С. Лэш / Автореф. дис. канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2006.
186. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.
187. Шевченко О.М. Ксенофобия: сущность и виды в эпохи домодерна, модерна, позднего модерна / Автореф. дис. докт. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2014.
188. Шибанов В.Л. Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // Вестник Удмуртского университета. № 5-1, 2007. С. 163-168.
189. Шкаратан О.И., Лексин В.Н., Ястребов Г.А. Россия как цивилизация: Материалы к размышлению. М.: Редакция журнала «Мир России», 2015.
190. Шлыкова Е.В. «Риск» как фактор интолерантного отношения к мигрантам // Социология: 4М. 2010. № 30.
191. Шляпентох В.Э. Современная Россия как феодальное общество. М.: Столица-Принт, 2008. 367 с.
192. Штомпель О.М., Штомпель Л.А. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. № 4. 2010.
193. Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.

194. Шупер В.А. Рационалистическое мировоззрение в условиях кризиса рационализма: взгляд географа // Вестник АРГО, 2014 (3). С. 12-29.
195. Юнусова А.Б. Мобилизованный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН, 2015. №3.
196. Ядов В.А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7.
197. Яковенко И.Г. Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: Новые знания (при поддержке фонда Б. Ельцина), 2014. 320 с.
198. Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 68-78.
199. Яницкий О.Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социологические исследования, № 3, 2013.
200. Ясперс К. Истоки истории и её цель. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1991.
201. Guénon R. La crise du monde moderne. Paris: Gallimard, 1964.
202. Lash S. Another Modernity: A Different Rationality, Oxford, Maiden (Ma.): Black well Publishers, 1999. XV, 201 p.
203. Lash S. Sociology of Post-Modernism/ S. Lash. London: Routledge, 1995.
204. Mahnkopf C.-S. AdornosmusikalischeModerne [Электронныйресурс]. URL: http://wn.com/adornos_musikalische_moderne.
205. Shefrin, Elana. ‘Lord of the Rings, Star Wars, and Participatory Fandom: Mapping New Congruencies between the Internet and Media Entertainment Culture’. Critical Studies in Media Communication, 21(3): 261-281.
206. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХАИЗАЦИИ.....	12
1.1. Постановка проблемы архаизации в современном обществе.....	12
1.2. Историография изучения проблем архаизации.....	16
1.3. Положительные и отрицательные аспекты архаизации.....	54
1.4. Процессы архаизации в России и ее регионах.....	77
1.5. Архаизация в постсоветских республиках и риски инокультурной миграции.....	92
РАЗДЕЛ II. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА АРХАИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	104
2.1. Анализ проблематики и концепция архаизации.....	104
2.2. Архаизация как кризис модернизационного перехода: социокультурная динамика.....	114
2.3. Институциональные ловушки и кризис архаизации (на примере института образования).....	125
2.4. Типология архаических идентичностей и проблема оперирования ими.....	136
2.5. Смена установок Модерна в современной культуре (на примере фан-сообществ).....	145
2.6. Критерии оценки уровня архаизации социокультурной общности.....	149
2.7. Специфика процессов архаизации региональной социокультурной общности.....	167
РАЗДЕЛ III. ПРОБЛЕМА АРХАИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН).....	186
3.1. Российское общество: архаика, модерн, постмодерн.....	186
3.2. Высокая культура в российском обществе: между массовым и элитарным.....	206
3.3. Влияние архаики на политические процессы в регионах (на примере авторитаризма М. Рахимова).....	223
3.4. Архаизация сельских субрегионов (на примере Башкирского Зауралья).....	247
3.5. Политические и социальные формы архаизации: клановость.....	267
3.6. Архаизация регионов в контексте угроз общественной безопасности.....	277

3.7. Архаизация башкирского общества в условиях кризиса идентичности.....	287
3.8. От советского Модерна к Постмодерну: архаика в мозаике идентичностей и структуре башкирской культуры.....	302
3.9. Современная Россия между евразийской империей и гражданской нацией.....	340
3.10. Республика Башкортостан в условиях политических реформ новой власти: противоречия и основные тренды модернизации.....	355
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	376
Список литературы.....	383

Абдрахманов Данияр Мавляирович

Буранчин Азамат Мажитович

Демичев Илья Валерьевич

**АРХАИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА**

Монография

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 23,48. Тираж 100 экз. Заказ № 161707.

Отпечатано в КП РБ Издательство «Мир печати».
450076, г. Уфа, ул. Аксакова, 45. Тел. 251-72-95.

